

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. И. МЕЧНИКОВ

№ 987

СОРОК ЛЕТ ИСКАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

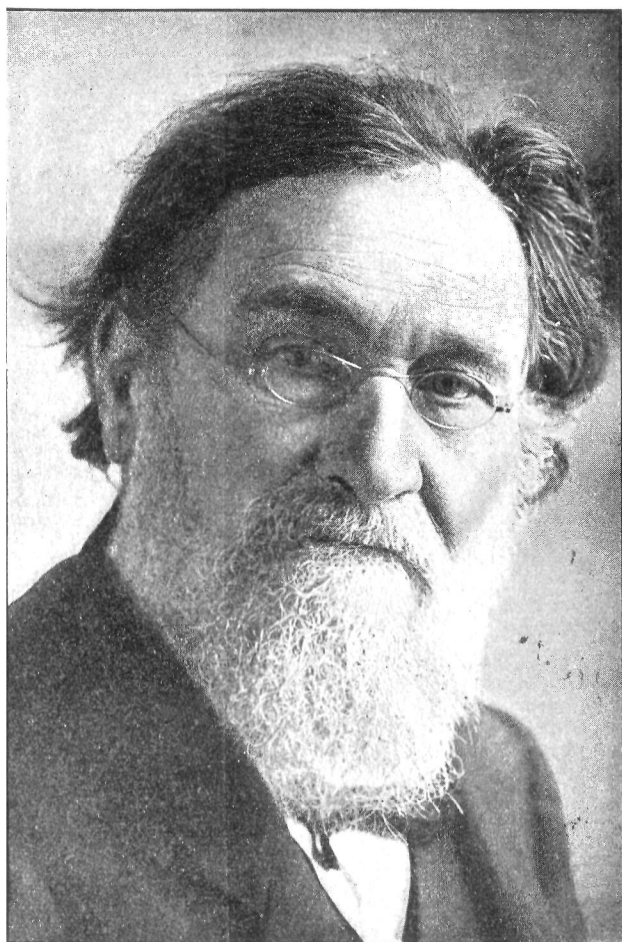
1928
21595

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУЧНО-УЧЕБНА
БИБЛИОТЕКА

ПРОВЕРЕНО
1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. И. МЕЧНИКОВ

СОРОК ЛЕТ ИСКАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Главлит № 26493.

Гиз. 8121.

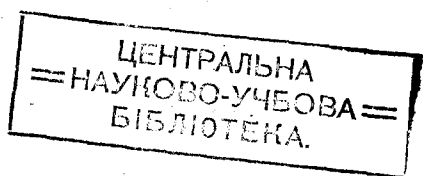
1925.

Тираж 5000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“, Пименовская ул. дом 1/16.

ОТ РЕДАКЦИИ.

И. И. Мечников принадлежит к той плеяде русских ученых-натуралистов 60-х г.г., которые до конца дней своих остались верны научному методу и укрепившемуся под влиянием точного исследования материализму и атеизму. Вот почему наравне с Тимирязевым и Павловым мы считаем его нашим учителем в области естественных наук. Здесь Мечников не останавливается перед резкими выводами, здесь он является смелым новатором, взгляды которого часто идут совершенно вразрез с общепринятыми. Достаточно напомнить, как неблагоприятно была первоначально принята его теория фагоцитоза, позже доставившая ему нобелевскую премию, а первоначально вызвавшая форменное гонение со стороны одесских врачей, воспользовавшихся при этом даже помощью градоначальника.

Здесь Мечников мастер своего дела, и мы учимся многому у него. Как дарвинист, он не мог не прийти к взгляду, что и организм человека не есть нечто раз навсегда данное, что его можно изменить, но изменчивость и ее причины он видит только в явлениях физиологии, а не социальной жизни людей. И здесь начинается наше расхождение с Мечниковым.

Мы знаем, что природа человека изменяется через посредство искусственной или социальной среды, и вот в этой области должна сосредоточиться работа по выправлению человеческого организма. Есть на это намек и у Мечникова, когда он говорит, что человек по генезису, по происхождению своему, идет от одиночных животных, а вынужден жить в обществе. Вот, очевидно, здесь и нужно обратить взоры на эту среду, а не в микроскоп, где ее не увидишь. Здесь во многих неправильных рассуждениях Мечников делает ту же ошибку, что и в наши дни академик И. П. Павлов, в своих лекциях повествовавший, что проехал он и Европу и Америку и нигде революции не заметил, на что получил отповедь от Троцкого. Но эти ошибки не мешают считать И. П. Павлова нашим учителем в области истинной психологии, где он изгоняет душу и богов из последних их убежищ, также несмотря на многие неправильные рассуждения Мечникова в об-

ласти общественных явлений, которые к тому же последующая жизнь опровергла, не мешают считать его одним из наших учителей в области естествознания, при чем его критика Бергсона и современной метафизики может пригодиться и в наши дни. Систематическую проработку взглядов Мечникова мы считаем крайне полезным делом для той молодежи, которая теперь так жадно усваивает доставшееся нам научное наследство.

Ст. Кривцов.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ¹⁾.

Потребность в новом издании предлагаемой читателю книги не находится ли в противоречии со все сильнее дающим себя чувствовать повсеместно противодействием научному мировоззрению? В России это противодействие выражается стремлением к мистицизму. Многие русские обижаются, когда им говорят о „богоискательстве“, уверяя, что такого искательства больше нет, что оно уже привело к желанной находке. Даже в гораздо более положительной Франции за последнее время все громче раздаются голоса противников положительной философии, возникшей и развившейся главным образом на французской почве. В этом движении нельзя не видеть признака какого-то тревожного состояния, способного привлечь к себе особенное внимание.

Есть ли возможность ближе определить это настроение и проверить его справедливость и уместность? Не подлежит сомнению, что недовольство судьбой и всякого рода страдания заставляют людей искать утешения в вере. Наивные люди ищут в монастырях убежища от всякого рода горестей в жизни. Всем памятна история Лизы Тургенева (в „Дворянском гнезде“), ушедшей в обитель от неудовлетворенной любви. Таких примеров немало и теперь. Но тут дело касается признанных или непризнанных религий. Очень многие, не удовлетворяясь ими, все же ищут утешения в вере. Те, которые надеялись на перестройку общественной жизни на принципах социализма, видели в последнем своего рода символ веры, в истинности которого не должно было быть ни малейшего сомнения. События, совершившиеся в новейшее время в Европе и в России, не могли, однакоже, не поколебать даже самых отчаянных фанатиков. Стоит приверженцам самого решительного социализма подойти к практическому осуществлению его, чтобы приблизиться к господствующему „капиталистическому, буржуазному“ строю. Я живо помню ужас, испытанный мирными трудолюбивыми гражданами в ожидании социального переворота.

---

¹⁾ Из этого предисловия, написанного Мечниковым в 1914 году, прекрасно видно, насколько опасно подходить к оценке явлений общественного порядка исключительно с биологической меркой. Рассуждения Мечникова о русской революции, социализме и т. п. ничем не отличаются от подобных же рассуждений любого тогдашнего обывателя, совершенно не разбиравшегося в вопросах социологии.

Полвека назад, когда Бакунин разносил современное ему общественное устройство, грозя разрушить его, чтобы очистить поле для новой жизни, мне приходилось часто вращаться в кружке, где он был постоянным членом. Среди нас был очень известный женевский ученый, не скрывавший своего беспокойства ввиду, как ему казалось, приближавшейся катастрофы. Он сильно горевал, думая о своих малютках и о положении, которое их ожидает в будущем. Я утешал его как мог, уверяя, что социалистическая катастрофа не так страшна, как ему кажется, и что громы Бакунина мне кажутся скорее бутафорскими. Более сорока лет прошло со смерти моего друга, и дети его, уже пожилые люди, спокойно доживают свой век в Швейцарии, пользуясь унаследованным добром. Самое название „социализм“ с тех пор очень распространилось, но под ним укрывают самое разнообразное содержание. Кто теперь не социалист? Во французском парламенте, например, есть социалисты, объединенные (*socialistes unités*), социалисты независимые и радикал-социалисты. Между их образом мыслей разница очень существенная. Попытки социалистического переворота во Франции в 1848 и 1871 годах повели в обоих случаях к усиленной реакции. Легко было предвидеть, что и некоторое поползновение к такому перевороту в революционные дни в России, вместо того, чтобы водворить рай на земле, не замедлит вызвать жестокую, через меру сильную реакцию. Так оно, разумеется, и вышло ¹⁾.

В знаменитом „С того берега“ Герцена живо передано отчаяние, последовавшее после неудачи июньских дней в Париже. Подобное же, если не большее отчаяние овладело многими современными русскими деятелями ввиду того зла, к которому привела их благожелательная, вполне самоотверженная деятельность.

Социализм нередко сравнивают с христианством. Подобно тому, как последнее после долгой борьбы одержало верх, так и социализму пророчили и продолжают пророчить окончательную победу. Не следует забывать, однакоже, что между христианством его основателей и тем, которое установилось на практике, разница столь же велика, как и между разными социализмами. Если какой-нибудь из последних и восторгается когда-нибудь, то легко предвидеть, что кроме названия он будет мало чем похож на свой первообраз.

Разочарование в религии социализма, несомненно, явилось одним из факторов искания какой-нибудь другой религии, способной заменить первую. Некоторые юноши из числа тех, которые так легко расставались с жизнью, признавались, что причиной их отчаяния было именно разочарование в социализме. Другие же, не доходя до такого крайнего решения, бросались в „богоискательство“ в надежде найти спасение в метафизике.

1) В этих рассуждениях Мечников - ученый уступает место Мечникову - либералу, постепеновцу, который потому и видит причину усиленной реакции во Франции 1848 и 1871 г.г. (коммуна) и у нас в России после 1905—1906 г.г. не в столкновении, борьбе разных классов и в стремлении буржуазии уничтожить „призрак коммунизма“, а в том, что „всякая попытка установить рай на земле вызовет реакцию“. *Ст. Кр.*

Я не думаю, чтобы в современном душевном развитии во Франции указанный мотив играл такую роль, как в России. Разочарование в первоначальном социализме в мыслящих кругах здесь совершилось давно, после двух неудачных попыток социалистического переворота¹⁾. Идеализм сороковых годов во Франции вскоре заменился усиленным скептицизмом, поведшим к столь сильно развившемуся карьеризму. Мне кажется, что замечаемый поворот среди французской молодежи объясняется другими побуждениями. В основе французского характера очень большую роль играет замеченная еще Тацитом любовь к активной борьбе или попросту — воинственность. Несмотря на свое умственное превосходство и необыкновенную талантливость, французы, несомненно, самый воинственный из европейских народов. Они упиваются воспоминаниями об одержанных некогда победах и до сих пор больше всего преклоняются перед Наполеоном Первым. Их чувство чести национальной, семейной и личной развито в чрезвычайной степени. Нигде не бывает столько дуэлей из-за ничтожных предлогов, как во Франции. Потребность воевать и побеждать у них ненасытна; из-за нее они постоянно расширяют свои колониальные владения и наслаждаются победой даже какого-нибудь дагомейского царька вроде Беганзина. В самых распространенных календарях почти каждый день отмечается какой-нибудь французской победой, между тем как об их поражениях большею частью умалчивается.

При таком настроении разгром 1870 года был для французов ударом, более чувствительным, чем бы он мог быть при равных условиях для какого бы то ни было другого народа. Полученная рана вскрывается и по сию пору, лишь поверхностно заживая по временам. Вскоре после заключения франкфуртского мира, ввиду полной невозможности отместки, „реванша“, многие передовые французы направили свои стремления в сторону миролюбивой деятельности. Полагая, что поражение было обусловлено недостаточным распространением образования в народе, они с жаром принялись за устройство народных школ и стали по возможности содействовать просвещению. Отсюда преклонение перед умственным прогрессом, культ науки и искусства, заслонивший на время воинственный пыл. В заброшенных раньше высших учебных заведениях стали устраивать новые образцовые лаборатории. Живым свидетельством этого направления могут служить монументальные здания новой Сорбонны и медицинского факультета в Париже. Подъем стремления к высшим сферам умственной деятельности выразился в неслыханном до того развитии идеи общечеловечности и чувства международной солидарности. Четверть века на-

¹⁾ Очень любопытно, что эти строки писались Мечниковым в начале 1914 г., когда серьезно говорить о разочаровании в социализме после революции 1905—1906 г.г. уже не приходилось. Вспомним эпоху „Звезды“ и „Правды“ и то оживление революционного движения, которое так ярко вылилось, начиная с пролетарского протеста против Ленского расстрела (1912 г.) в массовом стачечном движении, приведшем в 1914 г. к баррикадным боям в Питере и Баку. Тут опять Мечников-ученый не умеет, как ученый-экспериментатор, подойти к общественной жизни. *Ст. Кр.*

зад „напоминание о прошедшей военной славе считалось преступлением против Франции“. Известный профессор философии Жаккоб, преподававший этику в женской нормальной школе в Севре, высказался в то время следующим образом: „Если нашей родине суждено сыграть блестящую роль в мире, то это может совершиться посредством науки, искусства, изящных промыслов, избранного вкуса, великодушия в обращении,—словом, в силу нашего гостеприимного характера, но я не вижу ничего в будущем помимо средств миролюбивых“ ¹⁾. Высшими выразителями интеллектуального направления во Франции второй половины прошлого столетия, проповедывавшими настоящий культ разума и науки, явились Ренан и Тэн.

Реакция против этого направления развивалась исподволь и постепенно. Возможность опоры на союзников приободрила многих. Успехи техники автомобилизма и, особенно, воздухоплавания дали новый толчок для пробуждения французского воинственного темперамента. Почва была подготовлена, когда грубые выходки восточных соседей вызвали громкий протест. Экспедиция военного судна в Агадир переполнила чашу, и вся Франция заговорила о войне.

В сфере мысли это возрождение национализма нашло себе очень резкое выражение. По свидетельству известного литературного критика Эмиля Фагэ, „реакция против Огюста Конта, Тэна и Ренана проявилась с гораздо большей силой, чем можно было думать. Когда о них упоминают, то делают это не иначе, как с величайшим презрением... Общее направление есть вполне выраженный анти-интеллектуализм“. При таких условиях неудивительно, что все, что содействует расширению кругозора, что побуждает к миролюбивому соглашению, считается теперь многими французами унизительным и неприемлемым. Между прочим, досталось и Толстому за его проповедь непротivления злу и миролюбия, которая еще недавно подымалась на облака. Наоборот, все, что клонит к усилению энергичной деятельности, прославляется как новое слово. Отсюда культ спорта, который развился во Франции в небывалой прежде степени. Президент всеобщего союза парижских студентов (*Association générale des étudiants*) заявил недавно, что французская молодежь полна желания проявить свой героизм, и что война должна служить эстетическим идеалом энергии и силы. Французский писатель Агатон, написавший наделавшую большого шума книгу о французском юношестве,—книгу, награжденную монтнионовской премией французской академии, дополняет собранные им сведения следующими комментариями. „Война, по мнению современной молодежи, побуждает к проявлению самых благородных человеческих добродетелей, которые она ставит всего выше: к энергии, самообладанию, к самопожертвованию ради высшей цели“. Одна английская писательница, смущенная воинственным настроением французского юношества, выразилась следующим образом: „Те самые мои

¹⁾ Цитировано у *Agathon*: „Les jeunes gens d'aujourd'hui“, Paris 1913. p. 23.

друзья, которых я прежде знала как поклонников мира, как врагов милитаризма и узкого национализма, как приверженцев Гете, Мицке и Вагнера, теперь поразительно изменились. Они лишь пошопотом произносят прежние слова мира и прогресса, но каждым словом, каждым ударением голоса, каждым взглядом дают почувствовать их желание войны¹. Один профессор парижского лицея характеризовал очень метко эту перемену настроения нового поколения. „В то время, как недавняя молодежь была мозговой, теперешняя сделалась явно мускульной“ (Agathon, стр. 280)¹).

Подобное настроение должно было найти себе выражение в религии и философии. Отшатнувшись от истинного знания, которое проповедует миролюбивое решение международных осложнений и порицает узкий национализм, часть французской молодежи кинулась в объятия католицизма. По свидетельству нескольких профессоров лучших парижских лицеев (соответствующих нашим гимназиям), большинство их учеников усердно ходят к обедне, а меньшинство относится к этому скорее симпатично. Большое количество французских юношей стало искать в новейшей философии поддержки их настроению. Пренебрегая профессорами позитивистами, оно стало ломиться в аудиторию Бергсона, находя у него подтверждение своих стремлений. Проповедник ограниченности знания, Бергсон выдвигает на первый план наитие (интуицию), которое должно убедить в независимости души от мозговой деятельности, и доказывает наличие свободной воли. Последняя должна следовать внутреннему инстинктивному побуждению, не стесняясь голосом рассудка. Бергсонизм выражает „религию действия, энергии, человеческой воли“²), которая так соответствует стремлениям современной французской молодежи. Спрошенный сотрудником монархической газеты „Gaulois“, Бергсон высказал следующие мысли. Прежде всего он отнесся одобрительно к развитию любви к спорту, видя в этом доказательство большей самоуверенности молодого поколения, по его мнению, очень желательной. Бергсон указал на необходимость опровергнуть прежнее направление, длившееся почти сорок лет, которое учило, что человек есть пассивное существо, зависящее от среды и повинующееся подчиняться ей. „Я убедился в том, — сказал Бергсон, — что необходимо как можно скорее реагировать против этих ложных теорий, превращающих человека в существо пассивное, бесформенное, без почина, без воли... словом, в какую-то вещь. Мы осуществили эту реакцию, и, как видите, она начи-

¹) Мы считаем, что этот национализм, этот империализм и являются основной и глубинной причиной идеологического перелома французской интеллигенции. Опыт войны показал, что не страх смерти или болезни вызвал это возрождение мистики у французских мыслящих кругов, а совершенно естественное желание французской буржуазии этим поддержать будто бы присущее искони всем французам без исключения воинственное чувство, что, дескать, еще во времена Тацита галлы славились своего воинственностью. Тысячи и десятки тысяч французских рабочих, борющихся против войны, — лучшее опровержение этому. См. Кр.

²) I. Benda. Une philosophie pathétique. Paris, 1913, стр. 83.

нает приносить плоды". „Нельзя не радоваться,—так кончает Бергсон свой разговор с журналистом,—при виде молодежи более смелой, более предприимчивой, более сознающей свою ответственность,—одним словом, более французской, чем предыдущие поколения" (Agathon, стр. 285, 286).

Прослеженное нами развитие идей освещает только одну часть замечаемого ныне отступления от знания в сторону метафизики. Не подлежит сомнению, что это явление имеет под собой и другую, притом более глубокую почву. Не думаю, чтобы столь обширное распространение бергсонизма, как мы его теперь видим, зависело от убеждений людей в неспособности положительной науки дать абсолютное решение всех основных задач, интересующих человечество. В этом отношении мы не разделяем взгляда Бэнды. Не думаю также, чтобы многие мыслящие люди отшатнулись от науки, потому что она не может решить окончательно спора о том, объясняются ли мировые явления существованием атомов, соединяющихся между собою в очень большом, хотя и не в бесконечном количестве комбинаций, или же они (явления) объясняются допущением непрерывной и бесконечной энергии. Наверно значительное большинство слушателей, томящихся в аудитории Бергсона, не страдает от неуверенности в существовании или несуществовании эфира. Их неудовлетворенность наукой должна объясняться иначе. Наука, обещавшая укротить человеческие страдания, на каждом шагу обнаруживает свою немощь. На первом плане между этими страданиями находятся страдания в самом тесном смысле слова, т. е. болезни. Хотя медицинская наука за последнее столетие совершила очень большие успехи, но все же она еще беспомощна в чересчур большом числе случаев. На каждом шагу приходится сознаваться в ее бессилии против столь распространенных детских болезней, против чуть не всех болезней дыхательных органов, сосудов и сердца, против большинства злокачественных опухолей и пр. Когда более трети столетия назад Пастер открыл способ предохранения от некоторых инфекционных болезней, то он и вместе с ним очень многие другие уверовали, что новая открывшаяся эра не замедлит привести к окончательной победе над всеми инфекциями. Когда слишком тридцать лет назад Кох показал воочию главного врага человечества—чахоточную палочку, то всем показалось, что средство против него не замедлит быть открыто. Между тем, несмотря на неисчислимое множество работ в этом направлении, и теперь чахотка является ужасом, против которого наука почти всегда беспомощна. Открытие противоядия против дифтерита и столбняка, сделанное почти четверть века назад, вслило надежду на распространение того же принципа и на другие болезни. Но мечты эти и до сих пор оправдались лишь отчасти. В будничной жизни эти отрицательные результаты привели многих к разочарованию в медицине и в науке вообще. Ежедневные факты потери близких лиц, детей и взрослых, несмотря на все усилия врачевания, не могли не повлиять на настроения оставшихся страдальцев. Потеряв веру в знание, неудивительно, что многие из последних обратились к метафизике с ее

чаянием бессмертия души и счастья в будущей жизни. Повидимому на самое возникновение бергсонизма повлияла беспомощность науки против прирожденного недуга его единственного ребенка.

При несомненно еще очень несовершенном состоянии медицины что же дает новая метафизика в ее наиболее современной форме? Действительно ли она доказывает независимость и бессмертие души, и что можно извлечь из ее учения ради уменьшения человеческих страданий?

Из всех предложенных метафизических систем все большее и большее распространение теперь получает бергсонизм, о котором мы говорили в предисловии к первому изданию этой книги. С тех пор парижское общество „Вера и жизнь“ выпустило том организованных им публичных лекций „О современном материализме“¹⁾. В нем собрано все, что можно было добыть лучшего в борьбе за спиритуализм. В нем напечатана лекция Анри Пуанкаре о современном представлении о том, что такое материя, и говорится о материализме в биологии, в политической экономии, в литературе, в театре и в нравах. Но особенное внимание обращает на себя лекция Бергсона „Душа и жизнь“, в которой он дает сжатый очерк всей своей метафизики. Для лиц, которым чтение трех томов философии Бергсона почему-нибудь не по силам, эта лекция является особенно желанной. Благодаря ей мы можем высказаться о бергсонизме более определенно, чем это было сделано нами в предисловии к первому изданию.

Бергсон, разумеется, не сомневается в том, что наше сознание находится в каком-то соотношении с мозгом. „Сознание,—говорит он,—несомненно, подвешено к мозгу (подобно тому, как платье может быть подвешено к крючку), но отсюда еще ничуть не следует, чтобы мозг мог воспроизвести все подробности сознания, и чтобы сознание было отправлением мозга“ (стр. 17). Чтобы составить себе определенное представление о характере соотношения между душой и телом, Бергсон углубляется в самонаблюдение, которое приводит его к следующему заключению. „Я вам скажу, — говорит он (стр. 24), — что внимательное изучение жизни духа и соответствующих ей физиологических процессов приводит меня к мысли, что здравый смысл прав и что в человеческом сознании должно быть бесконечно больше содержания, чем в соответствующем мозговом аппарате“. Основываясь на этом, Бергсон думает, „что мысль, по крайней мере в большей своей части, независима от мозга“ (стр. 26). „Мозг есть лишь орган жестов, пантомимы и только ее“, тогда как жизнь духа заходит далеко за пределы жизни мозга. „Мозг, собственно говоря, не есть орган ни мысли, ни чувства, ни сознания; но он обуславливает то, что сознание, чувство и мысль распространяются на реальную жизнь и становятся способными к целесообразному действию“ (стр. 31). „Поэтому-то незначительное изменение мозгового вещества может быть достаточно для того, чтобы дух

¹⁾ La materialisme actuel. Bibliothèque de philosophie scientifique. Paris 1913.

в его целом мог показаться нарушенным" (стр. 32). В случаях, когда болезненное состояние отражается на духовной жизни, можно спросить: „самый ли дух страдает при этом или же скорей дело идет о нарушении механизма, который приковывает дух к предметам?“ Анализ памяти убеждает Бергсона в справедливости его мнения о существовании независимой души. Представление психологов-позитивистов о том, что впечатления органов чувств запечатлеваются в мозгу подобно тому, как звуки отпечатываются на кружках фонографа, Бергсон считает несовместимым с тем, что воспоминание представляет образ цельным, тогда как восприятия органов чувства множественны. В этом Бергсон видит „очевидное доказательство того, что в воспоминании участвует нечто совершенно отличное от простого механического отпечатка“. В деле памяти „мозг служит скорей для напоминания, чем для сохранения впечатления" (стр. 38). Тот факт, что при потере памяти забывают прежде всего имена собственные, потом нарицательные, прилагательные и позже всего глаголы Бергсон считает необъяснимым с точки зрения материалистической и видит в нем доказательство, „что дух со всех сторон заходит за пределы мозга, и что отправления последнего соответствуют лишь ничтожной частице умственной деятельности" (стр. 45).

Все эти выводы служат Бергсону для того, чтобы выяснить его отношение „к самому главному вопросу, интересующему человечество“. „Откуда мы вышли? Что мы делаем в этом мире? Куда мы направляемся?“ Вот как он отвечает на эти вопросы. „Если, как я старался показать,—говорит Бергсон на стр. 47,—мысль заходит за пределы жизни мозга, если последний ограничивается приведением в действие незначительной части того, что происходит в сознании, в таком случае бессмертие души является столь вероятным, что доказательство должно быть дано не тем, кто это утверждает, а, напротив, должны доказать свое мнение те, что отрицают бессмертие“. Следуя этому методу, Бергсон „приходит постепенно к положению, которое на практике равняется достоверности“.

Все эти рассуждения, несмотря на свою кажущуюся глубину и тонкость, не могут ни малейшим образом поколебать того основного и с давних пор хорошо известного факта, что сознание нарушается вместе с нарушением мозговой деятельности и прекращается с прекращением ее. Не только грубые нарушения мозга, как те, которые следуют за кровоизлиянием или механическим повреждением, но и те незначительные изменения мозговой деятельности, которые наблюдаются во сне или в сильном лихорадочном состоянии, вполне достаточны для того, чтобы извратить сознание. Когда люди мечтают о бессмертии души и убаюкивают себя надеждой встретить на том свете близких сердцу, то им не приходит в голову перспективы очутиться там с той степенью сознания, которая свойственна грудному ребенку или одряхлевшему старику. Достаточно, следовательно, недоразвития детского мозга или обветшания старческого мозга, чтобы низвести

нашу сознательную жизнь на никем не желательную ступень. Как же при этом еще помышлять о сознании после превращения мозга в мертвую бесформенную массу. Когда приверженцы бессмертия души стали вызывать духов с того света, то оказалось, что эти духи снизошли с очень печальной сознательностью. Так, дух знаменитого спирита Майерса явился очумелым, способным лишь говорить неинтересные сплетни о председателе спиритического общества и т. п. Дух другого предводителя спиритов Годжсона, вызванный знаменитым Джемсом, наговорив всяких нелепостей, очень скоро скрылся. Не думаю, чтобы верующим в будущую жизнь улыбалась перспектива обратиться в подобного рода духов, которые притом же были, очевидно, не что иное, как род галлюцинации их приемников — медиумов. Основываясь на приведенных примерах сошедших на землю душ умерших, можно подумать, что „тот свет“ представляет собой какой-то бестелесный дом сумасшедших.

Против неразрывности связи душевной деятельности с мозгом можно ли считать возражением расследования Бергсона о потере памяти слова, основанные на врачебных наблюдениях, „недостаточных самих по себе и не подлежащих точному толкованию“, как это свидетельствует один из лучших знатоков физиологии мозга Герман Мунк!

Показав, что наука не разрешила вопроса о том, как в мозгу отдельные впечатления могут обобщаться в цельное представление, сохраняемое в памяти, Бергсон заключает из этого, что дух независим от мозга. Но из его критики может быть только логически выведено, что представление об отпечатывании образов в мозговых клетках недостаточно выяснено, а никак не то, что память есть отправление души, независимое от тела.

Подбодренный успехом, Бергсон, перешедший от предположения возможности и даже вероятности бессмертия души к приятию достоверности этой гипотезы, не удовлетворит тех своих последователей, которые слушают его в надежде утешиться чаянием загробной встречи с потерянными близкими. Еще менее может он удовлетворить людей, стоящих на прочной почве позитивизма и ищущих научного решения задачи жизни и смерти.

Сойдя с метафизической выси, на вопрос о том: „откуда мы вышли“, может быть дан тот самый ответ, который был высказан уже раньше. Человек произошел от обезьяны, более всего приближающейся к сохранившимся данным видам человекообразных обезьян, хотя и невероятно, чтобы последние были прямыми человеческими предками. После того, как этот вывод был почти единогласно признан в науке, за последнее время стали раздаваться отдельные голоса в противоположном направлении. В этом отношении выделяется мнение недавно скончавшегося талантливого физиолога Циона, который сделал все возможное, чтобы отстоять независимое от обезьян происхождение человека. В своем сочинении „Бог и наука“¹⁾ он уделил особую главу этому вопросу.

¹⁾ Dieu et Science, Paris 1910.

При появлении этой книги газетные рекламы возвестили, что Цион окончательно опроверг теорию о родстве человека с обезьянами. Вся его аргументация сводится, однакоже, только к тому, что все известные самые древние остатки человека четвертичной формации относятся к вполне определенному человеческому виду, не обнаруживая сколько-нибудь заметного перехода к организму обезьяны. Подобно тому, как Бергсон из неполноты данных о физиологии мозга заключает о существовании независимой от тела бессмертной души, так и Цион из недостаточности сведений об ископаемых остатках человека, заключает о независимости последнего от организма обезьян. Кто не знает, что даже в самых цивилизованных странах Европы и Америки раскопки далеко не дошли до желанной степени совершенства? В Азии и Африке они только что начаты. К тому же не подлежит сомнению, что скелет очень часто в почве подвергается разрушению и выветривается. Ведь не заключать же из того, что в Неандертале была найдена только черепная крышка, что остального скелета никогда не существовало или, что у человека, жившего в окрестностях Гейдельберга в начале четвертичной эпохи, от которого сохранилась нижняя челюсть, существовала только она одна. При таких условиях недостаточность палеонтологических данных не может умалять достоинства других доказательств, каковы: поразительное сходство организации человека и человекообразных обезьян, подобие их зародышей и одинаковые свойства тончайших реакций их кровяных сывороток. Между тем Цион обходит все эти стороны вопроса молчанием и останавливается исключительно на палеонтологических остатках, придавая им неподобающее, чересчур важное значение. Даже такой философ-метафизик, как Эдуард фон-Гартман ¹⁾, признающий „цель природы“ и проповедующий, что каждый человек „должен принести себя в жертву на алтарь природы, смысл которой состоит в духовной жизни целого“,—и тот не останавливается перед неполнотой палеонтологических данных о человеке. „Что человек был создан,—говорит он,—не чудом, а развился медленно и постепенно из ряда животных предков, это установлено так прочно, что более нет надобности в доказательствах посредством геологических переходных форм“ (стр. 372).

Все научные приобретения последних лет вполне подтверждают положение о происхождении человека от обезьян предков. Второй вопрос Бергсона: „что мы делаем в этом мире“, лучше бы формулировать так: „что должны мы делать в этом мире?“. Наш ответ на него, развитый как в предлагаемой читателю книге, так и в моих других сочинениях, может быть высказан следующим образом: мы должны всеми силами содействовать тому, чтобы люди, и мы в том числе, провели весь круговорот жизни в гармоническом сочетании чувства и разума, вплоть до наступления в глубокой старости чувства пресыщения жизнью. Самое большое несчастье на земле зависит от того, что люди не достигают этого предела и умирают преждевременно. В этом положе-

¹⁾ Das Problem des Lebens. 1906.

нии заключается основа всех нравственных поступков. На третий вопрос Бергсона: „куда мы направляемся“, разумный ответ может быть только следующий: мы направляемся к полному уничтожению тела и зависящего от него духа. Мысль о таком конце тяжела лишь при том условии, когда конец наступает не своевременно. Умываясь же после правильно проведенного цикла жизни, он не представляет ничего страшного.

Тот факт, что люди в настоящее время лишь в исключительных случаях живут соответственно изложенной программе, зависит от дисгармонии человеческой природы, связанной с ее животным происхождением. Несмотря на то, что это положение доказано научным образом, против него еще иногда слышатся возражения. Так, напр., известный американский биолог Чарльз Седжвик Майнот¹⁾ не соглашается с теорией дисгармонии человеческого организма. Эти дисгармонии кажутся ему не очень важными, „так как дело идет большей частью о таких структурах, физиологического значения которых мы не знаем“ (стр. 77). Тут Майнот имеет в виду отмеченные мною дисгармонии в устройстве кишечного канала. Если и можно согласиться с тем, что отправления толстой кишки у человека еще недостаточно изучены, то нельзя отрицать того, что мнимая польза от нее далеко перевешивается недостатками. Отсутствие настоящей толстой кишки у многих позвоночных и возможность прожить без нее в течение десятков лет у людей, у которых она удалена или атрофирована, доказывает справедливость моего мнения. С другой стороны, отрицавший еще недавно и отрицаемый иногда и теперь факт, что бактерии толстых кишок выделяют яды, отравляющие хронически или быстро, больше не должен подвергаться сомнению. Исследования, произведенные в моей лаборатории, доказали, что образуемые кишечными бактериями фенолы и индол—яды, способные сократить человеческую жизнь. Один из моих учеников установил недавно, что выделения масляно-кислых бактерий кишечной флоры тоже ядовиты. За последнее время стали раздаваться голоса о пользе червеобразного отростка слепой кишки для человека. Но эта польза ничем не может быть доказана, между тем как вред от него, выражающийся в частом воспалении, наблюдается на каждом шагу. Факт, что очень многочисленные лица, у которых червеобразный отросток был удален, не испытывают от этого ни малейшего вреда, подтверждает его ненужность. Я знаю молодого человека, которому 17 лет назад была сделана эта операция и который отлично перенес невзгоды военной службы и во всех отношениях пользуется отличным здоровьем.

В основе возражений Майнота заключено его неверное представление о моей теории старости. „В высшей степени неверно,—говорит он,—чтобы процессы брожения в толстой кишке имели то значение, которое им приписывает Мечников. Но если бы он и был прав, то его открытие не объясняло бы все-таки явления старости по той простой причине, что старость—явление,

¹⁾ Современные проблемы биологии. Русский перевод. Москва 1913

весьма широко распространенное; оно бывает также у животных и растений, совсем не имеющих толстой кишки". Но ведь, говоря о кишечных ядах, я имел в виду причиняемую ими преждевременную старость, которая прерывает жизнь до наступления своевременной старости, ведущей к естественной смерти, и которая только и может быть сравниваема со старостью организмов, не имеющих толстой кишки. Черепахи, крокодилы и птицы, имея очень слабо развитые толстые кишки, живут дольше млекопитающих с большой толстой кишкой, но, тем не менее, и они подвергаются старческому перерождению, но в более нормальное позднее время. Этот пример непонимания со стороны опытного биолога показывает, как нужно усвоить себе новые понятия, не входящие в кругозор обиходных представлений. Я рад этому недоразумению, чтобы отметить необходимость продумать теорию, прежде чем возражать против нее. Майнот думает, что моя теория старости опровергается доказанным будто бы фактом, что кислое молоко не влияет на изменение кишечной флоры и ссылагается при этом на Гертера. Но полезное влияние молочнокислых бактерий подтверждено таким количеством наблюдений и опытов, из которых многие добыты уже после смерти Гертера, что об этом здесь можно и не распространяться. К тому же, если бы даже и было доказано, что кислое молоко не противодействует кишечному гниению, то это ничуть бы не опровергло теорию об участии кишечных ядов в одряхлении организма.

Возражение против теории дисгармонии человеческого организма я встретил еще с другой стороны. Редакция международного журнала „Документы прогресса“ собрала мнения некоторых писателей и ученых о том, нужно ли сообщать отрокам сведения о половой жизни. По этому поводу Мазад ¹⁾ говорит следующее: „Я не могу допустить дисгармонию человеческой природы. Немыслимо, чтобы человек от рождения получал склонность к половым отклонениям“. „Некоторые дети являются жертвами наследственности и уже рождаются извращенными, но другие дети рождаются нормальными“. „Я не сомневаюсь в том, что очень многие дети извращены в половом отношении; но я уверен, что из десяти случаев девять объясняются не наследственностью инстинкта, а являются результатом подражания“ (стр. 274). Против этого можно привести много возражений. Уже в моей книге о человеческой природе ²⁾ я сослался на врачей Фюрбрингера и Христиана, которые ввиду чрезвычайно распространенного среди детей онанизма считают его явлением почти нормальным, глубоко заложенным в человеческой природе. Я знаю много примеров, подтверждающих это мнение. Могу сослаться еще на доктора Фере ³⁾, книга которого у меня под рукою. „...ненормально раннее проявление полового инстинкта пробуждается довольно часто раньше полного созревания половых элементов; такие случаи на-

1) Les documents du progrès. Décembre 1913.

2) Этюды о природе человека. 6-е изд. М. 1923. Госиздат, стр. 73.

3) L'instinct sexuel. Paris 1902.

блюдались у пяти-шестилетних детей и даже еще раньше, помимо всяких наружных признаков половой зрелости“. „В таких случаях имеет место недостаток соответствия между развитием полового инстинкта и половых органов“ (стр. 8). „Проявление полового инстинкта у значительного количества женщин наблюдается и после прекращения месячных очищений“ (стр. 10). А половая страстность стариков, не остывающая несмотря на дряхлость организма и являющаяся поводом злых насмешек, подобно тому как прежде (да отчасти и теперь) подымали на-смех горбунов, одержимых бугорчаткой позвоночника, не служит ли новым доказательством основной дисгармонии в развитии органов размножения? В то время, когда покрытое морщинами лицо, убеленное сединой, уже не может привлекать женщин, половые органы бывают переполнены зрелыми семенными телами! Подобные примеры дисгармонии так часты, что их нельзя отбросить, как ненормальные исключения.

Наличность половых извращений у млекопитающих (собак, обезьян), с свей стороны, свидетельствует об их глубоком укоренении в организме.

Из всех дисгармоний человеческой природы самая главная есть несоответствие краткости жизни с потребностью жить гораздо дольше. Как было сказано выше, наука еще далеко не сказала последнего слова в нашей борьбе за продление жизни; хотя медленнее, чем мы бы желали, но все же она подвигается к этой цели. С каждым годом она выясняет причины, сокращающие наши дни, и указывает средства против хронического отравления кишечными ядами. Главное при этом заключается не в абсолютной долговечности, а в продлении жизни до момента наступления чувства пресыщения ею и ощущения потребности небытия. Предел этот, по всей вероятности, наступает в различных возрастах в течение старости, подобно тому как есть женщины, у которых уже в тридцать лет прекращаются месячные, в то время как у других они удерживаются до семидесяти лет. Я недавно беседовал со стариком 76 лет, который никак не может понять, чтобы когда-нибудь у него появилось чувство пресыщения жизнью, тогда как я знаю другого старика, которому еще не исполнилось 69 лет, и к которому по временам уже начинает подкрадываться это чувство.

При таких условиях становится очень трудным определить предел „нормальной“ жизни человека, преодолевшего хроническое отравление, обуславливающее преждевременную смерть. Только гадательно можно определить средний предел такой жизни в 100—120—145 лет, с тем, что правило это должно претерпевать немало исключений. По этому поводу не могу умолчать о злоупотреблениях некоторых авторов, рассуждающих о предельном возрасте человека. Проходя мимо книжного магазина, издающего религиозные сочинения, я увидел в витрине „Трактат о старости“ (Бонапаре ¹⁾), почетного ректора католического университета в Лиле. Интересовавшись отношением к старости и смерти более чем

¹⁾ Bounard. Le vieillard. 7-е издание. Париж 1913. ЦЕНТРАЛЬНА

семидесятилетнего старика, я удивился полемическим приемам автора, с пеной у рта отделивающего людей, не разделяющих его точки зрения. Досталось, между прочим, и мне за то, что я будто бы обещаю людям жизнь в течение восьми и девяти сот лет! Мое мнение даже приведено у него в виде цитаты из моей книги (без указания названия и страницы), ни в одной из которых, разумеется, никогда не было ничего подобного. Согласно со всеми остальными писателями, я отнес легенду о Мафусаиле к числу невероятных басен. Злобное отношение католического ректора к противникам указывает лишь на то, что он не настолько уверен в справедливости своего взгляда на смерть, чтобы спокойно говорить о ней, как это подобало бы его сану и возрасту.

Трудно допустить, чтобы в более или менее отдаленном будущем наука не справилась с задачей и не разрешила бы вопроса о продлении человеческой жизни до желанного предела и об устранении других дисгармоний человеческой природы. Столь же трудно допустить, чтобы замечаемое ныне противоителлектуальное направление продержалось долго даже во Франции. Нужно думать, что подобно тому, как человеческие жертвоприношения сделались исключением, как даже принесение в жертву собственной жизни становится более редким, как кровная месть сохранилась лишь среди диких или полудиких людей, так равно разрешение личной и семейной обид дуэлью, а народной обиды — войной, отойдут раньше или позже в область истории. Вместе с тем переведутся и характеры, которые проповедают поэтичность всякого рода драк, и настанет время, когда „мускульная“ молодежь снова станет „мозговой“.

Подобно тому, как не удержались правила нравственности, по которым нужно подставить левую щеку тому, кто ударил тебя по правой, или по которым нельзя жениться на разведенной жене и т. п., так же точно не должны удержаться и проповедуемые теперь правила, по которым за малейшее нарушение того, что называется „честью“, нужно идти на дуэль и воевать.

После периода преувеличенного увлечения спортами и другими проявлениями физической силы, а также метафизическими и подобными им теориями, должен наступить новый период умственного расцвета. Утешением в теперешних горестях должно служить то, что современная наука утешит людей в борьбе с неразрешенными пока бедствиями.

В самый текст этой книги внесено лишь одно существенное изменение: в него включена первая статья о старости, содержащая план исследований об этом явлении.

Ил. Мечников.

Париж, 19 февраля 1914 г.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Не без колебаний я исполняю желание моего многоуважаемого издателя и друга, Г. К. Рахманова, предложившего мне собрать мои популярные статьи, рассеянные за сорок слишком лет в различных журналах, и издать их в виде отдельного тома. Такое предприятие, выполняемое теперь, может явиться или слишком поздно, или же чересчур рано. Поздно потому, что многие из статей несомненно устарели; рано потому, что еще не пришло время оглянуться назад с чисто исторической точки зрения, как это было бы уместнее сделать после окончательного прекращения моей деятельности.

Колебания мои привели к тому, что я решил сделать выборку из моих прежних писаний и остановиться лишь на тех, которые соединены одной общей мыслью и направлены к установлению рационального миропонимания. Быть может и теперь найдутся читатели, которым покажется интересным ознакомиться с историей развития долголетней попытки, отвлекаясь от частных, найти основы общего воззрения на человеческую жизнь. В предлагаемом сборнике можно легко отметить различные фазы этого развития и найти средство согласить кажущиеся противоречия между ними.

Но издание этого сборника может быть оправдано лишь под условием, чтобы цель, к которой привело искание истины, действительно соответствовала последней. Но так ли это в самом деле? Не должно ли уступить мировоззрение, основанное на началах строгого позитивизма и откровенного „агностицизма“, одному из новых течений человеческой мысли, стремящихся проникнуть за пределы опытного познания?

Не подлежит сомнению, что за последнее время все более и более сказывается потребность в разрешении вопросов, перед которыми в недоумении останавливается положительное знание. Долгое время многие надеялись, что явления спиритизма откроют новую область ведения, которая с успехом пополнит пробелы, остающиеся точной наукой, и докажет существование нематериального духовного мира. Но за последние годы акции спиритов сильно пошатнулись. Недавно Парижское психологическое общество, очень озабоченное выяснением явлений, считающихся спиритическими, пригласило для ряда сеансов известную неаполи-

танку, Эузаннию Паладино, считающуюся чуть не самым чувствительным медиумом. Когда она была уличена в мошенничестве, то один из ее ревностнейших поклонников, всегда усердно защищавший ее, должен был признать обман, но оправдывал его утомлением уже престарелой спиритки. По его мнению, в прежние годы, Эузанния действительно проявляла удивительную способность к медиумическим явлениям, но в старости она ослабела и, для поддержания своей репутации, должна была прибегать к уловкам и плутовству. Разумеется, подобная аргументация никого не могла убедить.

Известный мыслитель, Гюстав ле-Бон, принял к сердцу стремление спиритов доказать справедливость их утверждений. Он предложил премию тому, кто при наличии надлежащего контроля покажет существование медиумических явлений. Вызов, однакоже, остался без ответа. Продолжая интересоваться этим вопросом, ле-Бон собрал несколько лиц, в числе которых находился один из главных французских спиритов. Несмотря на все усердие последнего, никто из присутствующих не мог убедиться его доводами, между тем как речь хозяина вызвала всеобщее одобрение. Из расспросов, обращенных к гостям, оказалось, что никто из них (кроме вышеупомянутого спирита) никогда не был свидетелем явлений, подтверждающих существование медиумизма. Когда очередь дошла до меня, то и я присоединился к общему мнению. Мне не раз приходилось присутствовать на спиритических сеансах, но они всегда оканчивались неудачей. В моей личной жизни тоже никогда не приходилось встречаться с явлениями, сколько-нибудь похожими на спиритические. Из числа последних еще наименее невероятными представляются „телепатические“ явления, указывающие на общение лиц на расстоянии. Есть немало людей, признающих существование „телепатии“, хотя и отвергающих спиритизм в собственном смысле слова. В течение моей уже долгой жизни я обращал особенное внимание на эти явления, но только один раз я почувствовал особенное ощущение, которое заставило меня одну минуту подумать о телепатическом общении. Проснувшись ночью в каком-то необычном волнении, я в то же время сказал себе: мне представилось, что умер Вирхов. Этот знаменитый ученый, с которым я был хорошо знаком, был в то время сильно болен после перелома головки бедра. Ввиду его очень престарелого возраста все ожидали его смерти, можно сказать, с часу на час. Условия для телепатии были в этом случае вполне подходящи; однакоже мое особенное ощущение оказалось ложным: Вирхов умер лишь спустя несколько месяцев после рассказанного происшествия.

Среди лиц, особенно мне близких, были две сестры-близнецы, до того похожие между собою, что даже родители их часто смешивали. В детстве, во избежание этого, их отмечали особенной ленточкой. Нужно думать, что обе сестры произошли чрез разделение одного зародыша. Казалось бы, что между столь сходными, чуть не одинаковыми субъектами, к тому же с чрезвычайно нервным темпераментом, телепатия могла проявляться с особенной

легкостью. Нужно заметить, что в семье этих близнецов существует традиция, по которой дед их представился воочию своей сестре в минуту смерти, происшедшей на очень далеком расстоянии.

С течением времени обе сестры, долгое время жившие вместе, повыходили замуж и разъехались в разные стороны. Одна из них поселилась в Петербурге, а другая—в Париже. Перед тем как петербургская сестра скоропостижно умерла от родов, парижская готовилась к хирургической операции и все время беспокоилась и волновалась за судьбу первой. Несмотря на такое исключительное родство между этими близнецами, оставшаяся в живых нисколько не почувствовала телепатически смерти сестры и в течение нескольких дней верила выдуманным депешам, в которых ей сообщались ложные сведения о ходе ее болезни.

Неудивительно, что при такой наличности фактов позволено отнестись с большим скептицизмом к рассказам о телепатическом сношении людей между собою и, более того, с духами умерших. В недавно вышедшем сочинении известного английского физика, сэра Оливера Лоджа¹⁾, собрано все, что только может утвердить веру в существование бестелесных духов, вступающих в общение с людьми чрез посредство медиумов, и, следовательно, веру в бессмертие души. Автор не скрывает того, что он „инстинктивно“ разделяет эту веру и высказывает предвзятое мнение в этом смысле. Но ему хотелось бы найти научное доказательство существования души без телесной оболочки, и он выбивается из сил, чтобы убедиться в этом. Он приводит подробные протоколы спиритических сеансов, на которых медиумы (всегда женского пола) передают со слов духов их сообщения о самых разнообразных вещах, почти всегда об очень незначительных и неинтересных мелочах, часто оказывающихся несоответствующими действительности. Оливер Лодж особенно настаивает на убедительности так называемых „перекрестных сообщений“, то-есть таких, где несколько медиумов в бессознательном состоянии спиритического „транса“ передают фразы, которые получают смысл лишь тогда, когда их соединяют воедино. Но Лодж находит это дело до того сложным, что не решается излагать его с подробностями, которые бы могли или убедить читателя, или же вызвать соответствующую критику.

Вот вывод, к которому, в конце концов, приходит наш автор. „Я принадлежу,—говорит он,—к числу тех, которые думают,—требуя, однакоже, новых доказательств, еще более сильных и более последовательных,—что в настоящее время наилучшая, хотя бы и провизорная, гипотеза состоит в допущении (*возможности*), в случаях наиболее ясных, существования ясновидящего сношения с умершими. Эти явления наблюдаются среди целой суммы побочных данных... большая часть которых обнаруживает бессознательное происхождение и не имеет доказательной силы“ (стр. 265).

¹⁾ La survivance humaine. Французский перевод с предисловием Макссуэля. Париж 1912.

Лодж надеется даже, что когда-нибудь люди окажутся в состоянии сообщаться с существами, „находящимися в отдаленном пространстве и, быть может, даже вне его“, в небесном эфире (266). Он не признает доказательными фотографии привидений (стр. 78) и вообще высказывается с большими колебаниями относительно существования духов, требуя более убедительных доводов. Но все его симпатии на стороне спиритизма.

Автор предисловия к книге Лоджа, французский спирит или спиритолог Максуэль, настаивает на том, что рекомендуемый им автор признает лишь „возможным“ общение медиумов с духами. „Он допускает, что собранные наблюдения оправдывают принятие, в виде временной гипотезы, сношения живых с мертвыми“ (стр. IV). Но,—прибавляет Максуэль от себя:—„не подлежит сомнению, что мнение Лоджа само по себе неубедительно; опыты, на которых он основывает свое суждение, могут быть объяснены иначе, чем он это делает“.

Итак, даже при наличности самого благоприятного отношения к спиритизму двух приведенных авторов, все же остается еще много места для сомнения в явлениях, которые они считают возможными, хотя и недостаточно доказанными. При таких условиях понятно, что спиритизм не насчитывает много последователей.

А между тем, в современном обществе ¹⁾ существует несомненная потребность к решению вопросов, относительно которых наука бессильна. В только что вышедшей книжке французский философ Ле-Роа (Le Roy) ²⁾ довольно обстоятельно касается этого настроения. По его мнению, новое поколение считает, что если настоящий разум и „способен понимать очень различные вещи, каждую по мере ее особенности, то неразумно воображать, будто действительность может быть сведена исключительно к одному ее проявлению, а знание—к одной его форме“. Это поколение думает, „что наука, даже расширенная и более приспособленная, чем теперь, ведающая только то, что существует в наличности, то-есть одни факты, совершенно неспособна разрешить загадку человеческой жизни. Наука нигде не проникает в самую глубину вещей, да и на свете существуют не только одни вещи“ (стр. 119). Этим объясняется „тоска по вере“, и „воскресение метафизики, то возрождение идеализма, которое составляет одну из наиболее выдающихся черт нашей эпохи“ (стр. 123). Эта потребность нашла себе выражение в многочисленных попытках создать идеалистическое мировоззрение, способное повести к возникновению новой религии.

Недавно скончавшийся американский философ Джэмс был столь убежден в существовании загробного мира, что обещал

¹⁾ Надо помнить, что речь идет о том французском буржуазном обществе, представителями которого являются французские империалисты во главе с Пуанкаре. В религии, в будто бы новой науке, „в тоске по вере“ лучше всего скрывается тоска собственника по сильной власти, которая смогла бы задавить призраки социализма. *См. Кр.*

²⁾ Une philosophie nouvelle. Paris 1912.

после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями. Он, однакоже, до сих пор не выполнил этого обещания. Но после него осталась попытка создать философию, входящую в рамки „прагматизма“. Это — чисто практическое построение, очень напоминающее те религии, которые проповедывались не ради их соответствия с истиной, а ввиду приносимой ими пользы людям. Внушалась, например, „геенна огненная“ не потому, что она существует, а только как мера для предупреждения дурных поступков. „Прагматизм допускает все. Он допускает логику, он допускает чувства и готов считаться с самыми ничтожными и частичными опытами. Если мистические опыты могут повести к практическим последствиям, то он согласится и с ними. И если бы оказалось, что при этом мог встретиться бог, то прагматизм признал бы и бога, живущего среди мелких обыденных событий“. „За признак истинности прагматизм выбирает то, что всего более может послужить для руководства в жизни...“¹⁾. Так как „потребность нравственного распорядка, который бы не ограничивался временем, составляет одно из глубочайших вожделений нашего сердца“, то прагматизм допускает „идею бога, несмотря на то, что она уступает в ясности математическим данным..., но потому что она представляет практическое преимущество, обеспечивая нам идеальный строй, господство которого не может быть ничем нарушено“ (стр. 107). И вообще „принципы прагматизма не позволяют нам отбросить гипотезу, если она ведет к следствиям, полезным в жизни“ (стр. 246).

Нося чисто практический характер, прагматизм не задается решением общих вопросов бытия. Джэмс не считает, „чтобы человеческий опыт представлял высшую форму опыта, существующего на свете“. Он думает, напротив, „что по отношению к миру в его целом мы похожи на наших любимцев собак и кошек в их отношении к совокупности человеческой жизни. Они живут в наших гостиных и библиотеках и участвуют в событиях нашей жизни, значения которых они и не подозревают. Они являются, таким образом, простыми касательными кривых линий истории, концы которых, равно как и их формы, совершенно недоступны их пониманию. Так и человек есть только касательная по отношению к широкой жизни мира. Но если немало идеалов собаки и кошки совпадают с нашими, то и нам позволительно думать, ввиду результатов, достигнутых религиозным опытом, что существуют высшие силы, стремящиеся к спасению мира и имеющие идеалы, подобные нашим. Прагматизм является, таким образом, религиозным учением“. „Пусть каждый решит, насколько он сможет приспособиться к такой религии. Прагматизму приходится отложить всякое догматическое решение этого вопроса, так как мы еще не уверены в том, какой сорт религии может, в конце концов, дать наилучший результат“ (269, 270).

Несмотря на все остроумие построений Джэмса и его сподвижников по части прагматизма, это учение неспособно утолить

¹⁾ James. Le pragmatisme. Французское издание, 1911, стр. 86.

тоски по вере и неотступного желания проникнуть в высшие сферы, недоступные положительному знанию. Чисто-практический характер его еще не дает всего, к чему стремится человеческая душа. Понятно поэтому, что современные философы напрягли все усилия, чтобы удовлетворить этой потребности. В этом отношении за последнее время особенно выдался иенский профессор философии Эйкен (Eucken), который, в числе своих многочисленных произведений, напечатал книгу об основах нового воззрения на жизнь, другую—о смысле и ценности жизни. Признанный успешным проповедником нового миропонимания, он был за это награжден премией Нобеля. По этому поводу он произнес публичную речь на торжественном собрании в Стокгольме, в которой, под заглавием: „Натурализм или идеализм?“ ¹⁾, он представил в сжатой форме свою теорию. Признавая прикладное значение натурализма в деле усовершенствования материальной стороны жизни неподлежащим сомнению, Эйкен восстал против проникновения его в более внутреннюю область нашего существования, так как „подчинение всех человеческих стремлений целям пользы представляется невыносимым унижением и полным отказом от всего, что составляет величие и достоинство человека“ (стр. 3). „Если бы человек был не больше, как частицей природы, каковой она представляется точной науке, то его бытие являлось бы простым рядом отдельных явлений..., при чем не оказывалось бы ни малейшего места для высшего единства, для внутренней связи жизни“ (стр. 6). Такое единство, однакоже, должно быть признано, для чего мысль должна оторваться от чувственных впечатлений и подняться на высшую ступень. „Тот, кто представляет себе природу, как целое..., тот сам помещается не внутри природы, а выше ее и своей собственной деятельностью показывает, что внешний мир еще не исчерпывает всей действительности“. „И современная техника не менее свидетельствует, что человек выше всякой простой природы, так как она требует и доказывает предварительное участие воображения, придумывание новых сочетаний, предчувствие новых возможностей, точный расчет и смелую предприимчивость. Как допустить, чтобы простое естественное существо, частица данного явления природы могла быть способной к подобным деяниям?“ (стр. 7). „Господство простой природы не дает тоже ни малейшего места для нравственных проявлений“ (8), и творчество в искусстве доказывает существование души. Таким образом „жизнь оказывается не простой копией или усвоением наличной действительности, но является возвышением над ней и созиданием нового. Она не находит мир готовым, а должна его сама себе приготовить“ (10). Для достижения этого „нас должен обнять и понести живой поток, исходящий из целого. Он должен дать нам силу, чтобы вести борьбу за новую ступень действительности... и чтобы принять участие в движении мироздания. Без корней в такой наличности всецелого наши духовные стремления никогда не получили бы ни твердой опоры, ни

1) Naturalismus oder Idealismus. Nobelrede.—Les prix Nobel en 1908.

перного направления. У нас невозможна самостоятельная и само-
 попиная жизнь, если в действительности не существует
 самостоятельного и внутренне самодвижущегося всецелого“ (11).
 Таким образом человек соединится интимно с жизнью всего ми-
 роздания. Раз дойдя до этой ступени, человек уже не сможет
 более снизойти до обыкновенного существования. „Поднявшись
 до жизни с всецелым в его бесконечности, человеку не будет
 возможно вернуться к ограниченному состоянию простого есте-
 ственного существа“ (17). Таким образом открывается, по мнению
 Эйкена, новый путь в духовной жизни людей, который дает
 смысл и ценность жизни.

В других, известных мне сочинениях иенского философа по-
 детроно развивается та же мысль о неспособности натурализма
 дать пищу высшим потребностям человечества и о том, что
 только слияние человека с всецелым может удовлетворить его.
 И, однакоже, не думаю, чтобы люди, привыкшие к точному
 мышлению и неохотно запутывающиеся в очень туманных общих
 построениях, согласились следовать Эйкену. Слияние с всеце-
 лым, то-есть то проявление „космического чувства“, о котором
 так много говорят в последнее время, слишком несвойственно
 человеку и чересчур оторвано от действительности, чтобы сде-
 латься руководящим в жизненном пути. Ведь никто не имеет ни-
 какого понятия о том, что такое это всецелое, и что означает
 слияние с ним, что нужно делать, чтобы вступить на его дорогу.
 Уже понятие о человечестве слишком обще и неопределенно,
 чтобы основывать на нем поступки, раз под человечеством разу-
 меется весь человеческий род с его дикими и цивилизованными
 народами, с хорошими и дурными людьми. Во сколько же раз
 туманнее то всецелое, к которому нас призывают.

Если прагматизм страдает от чересчур грубой практичности,
 то философия космического чувства грешит отсутствием связи
 с практической действительностью. Но в настоящее время ни
 одно из этих двух направлений не насчитывает столько привер-
 женцев, сколько „новая философия“ Бергсона, которая заняла
 первенствующее место в современной мысли. По мнению после-
 дователей французского философа, он должен быть поставлен
 в ряд „с самыми великими философами всех стран и всех времен
 и признан единственным первостепенным философом Франции со
 времен Декарта и первым в Европе после Канта“ ¹⁾. Подобное
 мнение разделяется не только многочисленными учениками Бергсо-
 на, но и его товарищами по философии. Публика видит в его
 учении начало нового откровения и ломится в двери аудитории,
 в которой он читает лекции в Collège de France. Нужно прихо-
 дить на них, по крайней мере, за час, чтобы достать хоть какое-
 нибудь местечко. На одной из лекций, на которых я присутство-
 вал, слушатели до того теснились, что выломали стекло во вход-
 ной двери. В числе их были люди всех возрастов, начиная от
 юношей обоего пола до седовласых стариков и старух. Костюмы

¹⁾ R. Gillouin, Henri Bergson. Paris 1912.

были самые разнообразные, до грибовидных шляп огромных размеров включительно. Перед лекцией в публике слышались разговоры на разных языках, но с приходом профессора они умолкали, и все слушатели усиленно напрягали внимание.

В чем же заключается „новая философия“ знаменитого учителя? Он заявил себя ярким метафизиком. Он не разделяет мнения, по которому ум человеческий неспособен проникнуть в истинную сущность мира и должен удовлетворяться лишь познаванием явлений, воспринимаемых нашими чувствами. Мир, по Бергсону, доступен нашему знанию при посредстве „интуиции“, то-есть некоторого вдохновения, наития, чутья. Когда хотят в самой краткой форме охарактеризовать новую философию, ее определяют как „философию интуиции и течения, или длительности“ (*durée*). Интуиция составляет методу Бергсона, а „длительность“—главное содержание его учения. „Существует, — говорит ученик и большой приверженец Бергсона, Жиллуэн, — другой род познания, чем знание научное: это—знание философское; существует другой способ познания кроме разума: это—интуиция“ (стр. 9). Последняя отличается способностью проникать в самую глубь вещей. „Вокруг нашего познавательного и логического мышления остается неопределенная туманность, состоящая из той же основы, насчет которой образовался тот яркий центр, который мы называем разумом. В этой туманности и заключаются те дополнительные силы познания, о которых мы имеем лишь неясное ощущение, когда мы замыкаем в себе, но которые получают освещение и определенность в то время, когда о них можно судить по последствиям, так сказать, в эволюции природы“¹⁾. Интуиция имеет общее с слепым инстинктом, но выше его. Она служит для обогащения разума и для поднятия последнего до степени наивысшего сознания (*surconscience*). „Результаты интуиции, вначале неясные и только предчувствуемые, представляющиеся еще неуловимыми умом и как бы нерациональными, становятся ясными и понятными по мере их применения, когда они делаются плодотворными. Для того, чтобы понять богатство действительного мира, нужно, чтобы ум сделал над собою насилие и разбудил скрытые силы интуиции“ (Le Roy, стр. 196).

Отдавая себя во власть инстинктивной интуиции, Бергсон при помощи ее приходит к представлению о вечном течении, постоянном и непрерывном изменении, не поддающемся измерению подобно времени, но ощущаемом подобно музыкальному сочетанию звуков, симфонически. Это течение (*la durée*) состоит в „последовательности качественных изменений, которые сливаются и проникают друг друга, не давая ясных очертаний и без всякого стремления к внешнему проявлению одних по отношению к другим, а также без всякого родства с числами (Бергсон).—Вечное течение, войдя в человеческое существо, выражается в нем в виде жизни, души, свободы, которые сами являются источниками творчества. Бергсон убежден в существовании души, независимой

¹⁾ Bergson. *Evolution créatrice*. — Предисловие.

от мозга, хотя и находящейся с ним в известном соотношении. Он пришел к этому выводу после очень подробного исследования памяти. Случаи частичной потери последней, разработанные в медицине, убедили его в том, что они не находятся в определенной зависимости от данных повреждений мозга. Потеря памяти собственных имен, например, наблюдалась врачами при болезнях самых различных отделов мозговой коры. К тому же воспоминание далеко не есть ослабленное восприятие. Если бы это было так, то восприятие тихого звука могло бы легко быть принято за воспоминание громкого звука, чего однакоже не бывает в действительности. На основании всех этих соображений Бергсон приходит к выводу, что „память есть нечто иное, чем простое отправление мозга; между восприятием и воспоминанием разница не в степени, а в самой природе. Память переносит нас в настоящую область духа“ (Жиллуэн, стр. 21).

Душа, познаваемая посредством интуиции, составляет часть мирового течения. Она постоянно творит и стремится к творчеству, подобно тому как „созидательный дух“ никогда не останавливается, а вечно меняет и переливает одни состояния в другие. Я присутствовал на заключительной лекции Бергсона в Collège de France в этом году, в которой он дал общий очерк своего учения „о созидательной эволюции“ (Evolution créatrice). По его „интуиции“ мировой гений (он его не назвал богом) представляется ему в виде ненасытного художника, который творит исключительно ради удовлетворения своей потребности к творчеству и к вечной перемене. Он нисколько не заботится о людях, об их счастье и бедствиях. Он скорее подобен композитору, который сочиняет музыку, следуя своему созидательному инстинкту, помимо всякого интереса и независимо от житейских дел. Бергсон сослался на пасторальную симфонию Бетховена, как на высшее выражение течения души в человеческом творчестве. Так как „созидательная эволюция“ никогда не прекращается, то ясно, что она далеко еще не сказала своего последнего слова.

Я вкратце изложил главное содержание „новой философии“, поскольку я ее смог понять и усвоить. Я не имею ни малейшей претензии на полноту, тем более, что я даже не прочитал всех сочинений Бергсона, язык которых мне просто не по силам. Если же я все-таки решаюсь говорить о ней, то это единственно ввиду ее отношения к вопросам, которые представляют для меня особый интерес и относительно которых я имел случай переговорить лично с Бергсоном.

Интуиция, составляющая исходную точку опоры новой философии, есть тот самый процесс, который иногда испытывают ученые во время их творческой деятельности. В этом меня удостоверял Бергсон после того, как я ему привел некоторые хорошо мне известные примеры. Большею частью открытия делаются вследствие логического обдумывания интересующего вопроса, идя шаг за шагом за ходом мысли. Приходится перепробовать разные пути, прежде чем удастся вступить на надлежащий. Но гораздо реже случается, что ум внезапно осеняется новой мыслью, лишь

отдаленно связанной с предыдущими рассуждениями. Это является признаком гениальности и наблюдается в виде исключения. Возьмем для примера рассказ только что скончавшегося знаменитого Пуанкаре о том, как, будучи еще очень молодым, он делал свои главные открытия. „В течение двух недель,—говорит он,—я сидел доказывать, что невозможна никакая функция, подобная тем, которые я впоследствии назвал фуксовскими. В то время я еще был очень несведущ. Каждый день я садился за работу, проводил за ней час или два, но, несмотря на то, что я перепробовал множество комбинаций, все усилия оказывались тщетны. Однажды вечером, против моего обыкновения, я напился черного кофе, что мне помешало заснуть: мысли стали рождаться во множестве; я чувствовал, как они сталкивались между собою до тех пор, пока две из них как бы сцепились и образовали стойкое соединение. На следующее утро я открыл существование ряда фуксовских функций..., после чего мне осталось только отредактировать выводы, что отняло всего несколько часов“. Другой раз, отправляясь на геологическую экскурсию и вовсе не думая о математике, он собирался сесть в омнибус. „В ту минуту, когда я поднимался на ступеньку, мне пришло в голову,—говорит он,—несмотря на то, что я к тому совершенно не был подготовлен предыдущими размышлениями, что приемы, которые я употреблял для определения фуксовских функций, были тождественны с приемами не-Эвклидовой геометрии“. В этих примерах созидательная работа мысли совершалась бессознательно, чтобы потом вдруг, под влиянием какого-нибудь возбуждения, всплыть наружу и сделаться сознанной. И во сне приходят новые мысли, оказывающиеся иногда верными, хотя большею частью они бывают нелепы. И интуиция наяву, несмотря на гениальность ее возникновения, не непременно отгадывает истину. Пуанкаре должен был проверить его вдохновенные мысли математической логикой, прежде чем признать их правильность. Я не могу судить об его математических работах, но вне их, несмотря на свою несомненную гениальность, он не был непогрешим. Защищая превосходство классической системы образования, он утверждает, что „большинство ученых, не следовавших ей, сожалеют об этом“. В этом примере его интуиция обманула. Еще недавно известный физико-химик Оствальд¹⁾ в своей книге о великих людях настаивал на том, что многие из числа первоклассных ученых радовались, что им не пришлось мучиться над изучением древних языков. Сам Оствальд—решительный противник классической системы. Общеизвестно, что Дарвин (мысли которого о происхождении видов, сказать мимоходом, бесконечно гениальнее „созидательной эволюции“ Бергсона) был очень доволен тем, что не знал классических языков. Я мог бы привести немало примеров в том же роде. Но можно возразить, что интуиция дает верные результаты лишь в области, к которой данное лицо имеет специальное призвание, и что Пуанкаре, гениальный математик,

¹⁾ Les grands hommes. Французское издание, 1912 г,

был более чужд вопросам педагогики. Но другой французский гений, Пастер, интуиция которого повела к величайшим открытиям, ошибался иногда и в своей специальной области (наприм., теория приобретенной невосприимчивости). Нередки теории, гениальные по своему построению и, однакоже, не соответствующие действительности. Бергсон указывает на родство интуиции с инстинктом. Но ведь и инстинкты бывают иногда вредными и нецелесообразными.

Зависимость интуиции от материи не подлежит сомнению. В примере Пуанкаре мы видели влияние возбуждающего напитка (черного кофе) на пробуждение творчества. Бергсон ссылается на музыкальную композицию, как на высшее свободное проявление творческого взмаха (*élan créateur*). Но и в музыке нельзя не видеть влияния материальных факторов. У птиц, как это всем известно, пение есть прямое проявление полового чувства. Поют самцы, притом в период половой деятельности. И у людей нельзя не видеть роли того же фактора. Прежде всего заметим, что музыкальный гений (как и гениальность вообще) составляет вторичный половой признак, подобно физической силе, усам и бороде. Несмотря на то, что женщин, умеющих играть, значительно больше, чем мужчин, тем не менее музыкальное творчество их ограничивается вообще небольшими пьесами, вроде романсов. Чрезвычайно редки более крупные музыкальные произведения, вышедшие из-под пера женщин, да и среди них нет выдающихся. Во всяком случае, исключения в виде женщин с усами и бородой несравненно многочисленнее, чем женщины-композиторши. Все гениальные музыкальные творения вышли из головы мужчин, подобно тому, как песни птиц суть произведения самцов. Влияние полового чувства на музыкальную деятельность мужчин легко усмотреть из истории творчества великих произведений музыки. Возьмем для примера „Тристана и Изольду“ Вагнера, которая многими ценителями считается лучшей его оперой. Вагнер писал значительную часть ее в то время, когда он был пламенно влюблен в молодую замужнюю женщину, госпожу Везендонк. Любость их, сдерживаемая долгом жены по отношению к мужу, возросла до высшего предела. По словам биографа ¹⁾, Вагнер не мог „обойтись без госпожи Везендонк во время своей работы. Она должна была приходить к нему, чтобы высиживать (*souffrir*) его мелодии, что поглощало ее почти всецело. С тех пор невысказанная любовь парит между ними, подобно тончайшему эфиру, составляя их атмосферу и превращаясь в их взглядах, когда они встречались, в магнитный ток“. Вот как сам Вагнер в своих записках вспоминает об этом времени. „Ровно год назад я кончил поэму Тристана и принес тебе его последнее действие. Ты проводила меня до стула возле дивана, ты поцеловала меня и сказала: теперь я больше ничего не желаю. В этот день, в этот час я родился вновь. Все, что было раньше, может быть названо *до жизни*, а то, что было после,—*после жизни*. Я никогда не жил, кроме как в этот чуд-

1) E. Schuré. Femmes inspiratrices, Paris 1909, стр. 18 и след.

ный миг". История этой любви находит свой отголосок в страсти Тристана и Изольды. Роман Вагнера с Везендонк „произвел двух бессмертных детей: Тристана и Изольду“ (Шюрё, стр. 23). Когда любовь первых была раскрыта и им пришлось расстаться, свиданья были затруднены, и работа Вагнера оттого пострадала. Если бы сохранились подобные данные относительно других великих музыкальных произведений, то я думаю, что и в их зарождении нашлась бы такая же романическая подкладка. Связь музыкального гения с половым чувством не подлежит сомнению. Труднее определить внутренний механизм этой связи, что неудивительно ввиду несовершенства наших знаний. На основании некоторых фактов и соображений я думаю, что тут играет роль сок предстательной железы (простаты). Будучи возбудителем семенных телец, он, по всей вероятности, способен возбуждать и мозговые клетки. То, что в гениальном открытии Пуанкаре сделала чашка кофе, во вдохновении Тристана должно было быть сделано простатической жидкостью, усиленно выделенной под влиянием близости молодой и красивой женщины (какова была госпожа Везендонк). Быть может увеличенное развитие предстательной железы в старости (так наз. простатическая аденома), подобно старческому увеличению размеров сердца, есть благотворная реакция организма для противодействия одряхлению. В настоящем состоянии науки вряд ли возможно в точности проверить эту гипотезу (о роли простаты в развитии гениальности), интуитивный характер которой нисколько не гарантирует ее достоверности. Также невозможно и установить надлежащим образом характер связи между нервными клетками и памятью, что препятствует принятию мнения Бергсона о независимости памяти от материи и о существовании самостоятельной души.

Но допустим, что все сделанные возражения несостоятельны и что новая философия верна. Допустим, что истина может быть познаваема посредством одной интуиции, что в силу этого действительно существует вечное симфоническое течение, творящее жизнь; что душа независима от тела и что творческий гений удовлетворяет себя постоянной сменой своих проявлений, не заботясь о радостях и горестях человечества, как этому учит Бергсон. Объясняет ли подобная гипотеза то необыкновенное увлечение, которое она вызывает в публике? Видя, с какой жадностью ловит последняя всякое слово учителя, можно удивляться тому интересу, который она стала проявлять к метафизике. Многие думают, что это объясняется просто модой и некоторым снобизмом, влекущим публику в душную аудиторию Collège de France в силу безотчетного стадного чувства. Я не разделяю этого мнения и уверен, что причина увлечения кроется гораздо глубже. Потребность в утешении против горестей человеческой жизни несомненно очень велика. Между тем профессиональные религии уже многих не удовлетворяют; наука же *еще* не дошла до этого удовлетворения. При таких условиях в высшей степени желательно найти какой-нибудь исход из этого положения. Если бы было доказано, что существует душа, независимая от тела, то оказалось бы возмож-

ным поверить в ее бессмертие, что было бы уже великим шагом к утешению в горе. Когда сделалось общепринятым, что Бергсон — гениальнейший философ нашего времени, что он восстановил метафизику и доказал существование независимой от тела души и наличность творческого духа, то все пошли слушать его, тем более, что он считается превосходным оратором. Многие не утомляясь следят за его лекциями, большею частью не понимая сказанного, но в ожидании, что Бергсон, наконец, сообщит радостную весть. Я спрашивал нескольких лиц из числа посетителей этого курса метафизики, достаточно ли они понимают содержание лекции. Все без исключения признались, что нет. Среди них оказалась интеллигентная женщина, в короткое время потерявшая единственную дочь и мужа. Первое время после этого несчастья она не знала, как она сможет жить. Сначала она кинулась в объятия спиритизма, но вскоре отшатнулась от него и сделалась ревностной посетительницей Collège de France в надежде найти утешение. На одном многолюдном собрании, на котором я имел удовольствие встретиться с Бергсоном, многие из присутствовавших заинтересовались нашей беседой. Одна из них, известная французская поэтесса, спросила его в упор, признает ли он бессмертие души, так как и она, и многие другие слушательницы посещают его лекции в надежде найти доказательство этого. Со свойственной ему серьезностью, простотой и откровенностью Бергсон ответил буквально следующее: „я уверен в существовании души и думаю, что бессмертие ее возможно и даже вероятно (*possible et même probable*), но дальше этого я не иду. Быть может современем, когда я глубже проникну в сущность вопроса, я буду в состоянии дать более определенный ответ“. Сколько я знаю, Бергсон трудится теперь над вопросами об эстетическом и моральном проявлении души.

Видя, что и посетители нашего собрания, и я в том числе особенно заинтересованы мнением Бергсона по вопросу о жизни и смерти, я заговорил с ним об этом, сославшись на следующую фразу из его последней книги: „животное берет свою точку опоры в растении, человек опирается на животном мире и все человечество, в пространстве и времени, составляет огромное войско, скачущее рядом с каждым из нас, впереди и позади нас, увлекаясь в нападения, способном опрокинуть всякую защиту и преодолеть много препятствий, даже, быть может, смерть“¹⁾. Несмотря на туманное изложение, в ней можно было усмотреть намек на какое-то решение вопроса о смерти, этой главнейшей задачи человеческого ума. Так, очевидно, поняли и почитатели Бергсона, так как эта фраза приводится во всех книгах и статьях об его учении. В ответ на мой вопрос Бергсон сказал, что до сих пор он очень мало думал о смерти и что в приведенной фразе не заключается ничего определенного, что современем он займется этим вопросом и что считает смерть „очень интересным экспериментом“.

¹⁾ L'évolution créatrice, стр. 293, 294.

Не успокоившись на этом, видя, что ни прагматизм Джэмса, ни космизм Эйкена, ни метафизика Бергсона не высказываются определенно о смерти, я стал искать дальше выражения современных взглядов на нее, чтобы составить себе понятие о новейшем течении для разрешения одного из главнейших вопросов человеческой мысли. Больше литератор, чем философ, признанный одним из наиболее выдающихся современных писателей, Метерлинк подробно высказал свой взгляд на смерть в ряде статей ¹⁾, которые вскоре должны быть собраны в книгу. Писатель этот пользуется такой популярностью, что на него можно смотреть как на выразителя мнения, с которым наверно многие будут согласны. Подобно Эйкену, Метерлинк был недавно награжден Нобелевской премией ²⁾. К тому же он интересуется точным знанием, как это видно из его сочинений о пчелах и о цветах.

Боязнь смерти Метерлинк приписывает главным образом сознанию неизвестности о том, что ожидает нас за гробом. „Остается лишь одна причина страха смерти, — говорит он, — боязнь неизвестности, в которую она нас повергает“. Найдя неудовлетворительными все попытки разрешить этот вопрос, он сам старается разгадать его и найти успокоительный ответ. Он считает невозможным, чтобы после смерти сохранилось сознание нашей личности, хотя он и признает, что это составляет наше главное желание. „Мне совершенно безразлично, говорит себе наше я, ограниченное и упорное в своем непонимании, чтобы самые возвышенные, самые свободные и самые прекрасные черты моего духа жили вечной жизнью и светились в высшем блаженстве; они уже не мои, и я их поэтому не признаю. Смерть перерезала сплетение нервов или воспоминаний, связанных с каким-то центром, в котором находится точка, дающая ощущение моего цельного Я. Будучи оторванными от меня и блуждающими в пространстве и времени, судьба этих лучших черт мне так же чужда, как и судьба самых отдаленных звезд“ (Метерлинк, третий фельетон).

Но если, с одной стороны, невозможно допустить переживание за гробом сознания нашей личности, то, с другой стороны, немислимо и полное уничтожение. „Мы — узники бесконечности без выхода, где ничто не пропадает, но где все рассеивается не уничтожаясь. Ни тело, ни мысль не могут затеряться вне мира, вне времени и пространства. Ни один атом нашей плоти, ни одна вибрация наших нервов не уйдут туда, где их не будет, так как нет места, где не было бы ничего“. „Для того, чтобы истребить что-либо, т.е. чтобы отбросить его в ничто, нужно, чтобы это

¹⁾ Le Figaro, 1—6 августа, 1911.

²⁾ Если я дважды ссылаюсь на эту премию, то делаю это вовсе не потому, чтобы считал присуждение ее доказательством выдающегося достоинства награждаемых произведений. Как все человеческое, и Нобелевские комитеты не непогрешимы. Достаточно указать, что ни Толстой, ни Бергто, ни Пуанкаре, ни д-р Ру не были удостоены ее, несмотря на многократные предложения в этом смысле. Присуждение этих премий указывает, однакоже, на большое распространение награждаемых произведений.

Ничто могло существовать; но если оно существует в какой бы то ни было форме, то значит, что оно уже не есть ничто" (2-й фельетон).

Итак, с одной стороны, после смерти сознание моего я не удерживается, но и не испытывает уничтожения. Что же с ним происходит тогда по мнению Метерлинка? „Смерть, — говорит он, — есть форма жизни, которую мы еще не можем понять. Будем же смотреть на нее как на рождение и стараться, чтобы радостное ожидание, которым приветствуют последнее, сопровождало и нашу мысль на ступенях гроба“. Приготовление к этому должно быть лучшим содержанием нашей жизни. „Худшее из того, что нас может встретить за гробом, это сон без сновидений, т.е. то, что на земле относится к числу величайших благ; но вероятнее, что мысль переживет, с тем, чтобы слиться с мировой сущностью, т.е. с бесконечностью. Если это последнее не есть море безразличия, то оно не может быть не чем иным, как океаном радости“. Если кажется невероятным, чтобы движение, вибрация, лучеиспускание остановились или исчезли, то почему бы исчезла мысль? „И если мы приобрели наше теперешнее сознание, то почему невозможно приобрести новое?“. Если наше сознание зародилось и пышно развилось после нашего рождения, „то почему не допустить, что гораздо более новая, более неведомая, более обширная и более плодотворная среда, в которую мы перейдем после этой жизни, еще более не видоизменит нас?“. „Мы можем легко допустить, что наш дух, освобожденный от тела, или сразу сольется с бесконечностью, или же постепенно разовьется, чтобы избрать себе новую субстанцию, и, не ограниченный пространством и временем, будет постоянно возрастать. Очень возможно, что наши высшие теперешние пожелания станут законом нашего будущего развития" (4-й фельетон). Во всяком случае наше будущее существование может быть только лучше настоящего, так как оно совершится в бесконечности; оно „не может быть не чем иным, кроме блаженства“. Хотя многие из числа вопросов о будущей жизни не могут быть разрешены, но нет никакого основания думать, чтобы существование за гробом, в виде ли полного слияния с бесконечностью, или в каком-либо ином, не было новой формой бесконечного счастья.

Та часть соображений Метерлинка, в которой он признает невозможность бессмертия сознания нашей личности, не допускает никаких возражений. Это сознание, столь тесно связанное с нашей нервной системой, не может существовать не только, когда ее более нет, когда она превращена в какую-то кашу, но даже когда в ней нарушено нормальное кровообращение, как это бывает в глубоком сне, в обмороке или под влиянием хлороформа и других наркотических средств. Так же справедливо утверждение Метерлинка, что ничто не может исчезнуть. Но совершенно недопустимо его мнение, что после смерти наше теперешнее сознание может обратиться в другую сознательную форму. До нашего рождения и столь часто на пути нашей жизни сознание отсутствует, не превращаясь ни во что другое, нами каким

бы то ни было образом ведомое. Даже то видоизменение нашего сознания, которое мы воспринимаем в сновидениях, нам большею частью неприятно, так как оно обуславливается нарушением правильной деятельности мозга. Без последнего же для нас наступает именно ничто, которое хотя и превращается в природе в нечто, но в столь же отличное от сознания, как наш мозг, нормально функционирующий, отличается от мозга, превращенного в культуру гнилостных бактерий или в содержимое кишечного канала трупных насекомых.

Люди, привыкшие к научному мышлению, не удовлетворятся вышеприведенными попытками решения основного вопроса жизни, т.-е. вопроса о смерти. Несмотря на то, что наука не берет на себя смелости теперь же окончательно разрешить эту задачу, она, тем не менее, позволяет себе строить гипотезы, способные руководить ею в преследовании ее цели. К тому же она собирает материалы, необходимые для этого. В этом отношении особенно важно подробное знакомство с чувствами и ощущениями, которые испытывают люди в продолжение своей жизни и которые касаются жизни и смерти. С этой точки зрения может быть интересной история развития мировоззрения человека, задавшегося целью найти ключ к рациональному пониманию жизни и к решению столь полного противоречиями вопроса о смерти. Ввиду этого я и решаюсь предложить читателю ряд статей, написанных за долгий период от 1870 по 1908 год.

В первом очерке, озаглавленном: „Воспитание с антропологической точки зрения“ („Вестник Европы“, 1871), пессимистически настроенный, еще очень молодой автор развивает ту основную мысль, что человеческий организм устроен настолько дурно, что приспособление его к окружающим условиям является чрезвычайно трудным или даже вовсе невозможным. Это несоответствие особенно резко проявляется в детском организме.

Та же мысль проповедуется и в статье: „Возраст вступления в брак“ („Вестник Европы“, 1872). В ней отмечается дисгармония в развитии функций, связанных с половой зрелостью и с брачной жизнью. Первая развивается значительно раньше, чем способность к последней, откуда целый ряд тяжелых последствий и противоречий.

Выводы первых двух очерков, на частных примерах показывающих несообразность человеческой организации, обобщаются в статье: „Очерк воззрения на человеческую природу“ („Вестник Европы“, 1877), в которой дается почувствовать, что последняя устроена настолько скверно, что, в сущности, жить не стоит.

С другой стороны, к тому же выводу приводит и очерк: „Борьба за существование в обширном смысле“ („Вестник Европы“, 1878). В нем развивается мысль, что победа в этой борьбе достается вовсе не высшим представителям человечества, а наиболее практическим, не стесняющимся в средствах.

Таким образом в первых четырех очерках молодым автором проводится, под прикрытием научных приемов и подчас в отдающей профессорским педантизмом форме, пессимистическая точка

зрения на жизнь, основанная на дисгармоничности самой природы человека. Еще в древности пытались основать принцип нравственности на жизни, сообразной с природой. Но так как последняя включает изъясн в самом корне, то неудивительно, что на ней невозможно воздвигнуть какую бы то ни было рациональную этику.

Между „Борьбой за существование“ и вступительной речью председателя Одесского съезда врачей и естествоиспытателей проходит пять лет. Автор вступил уже на высоту зрелого возраста (ему пошел тридцать девятый год). Он не дошел еще до нового миропонимания, но пессимизм его уже значительно побледнел. Он предчувствует возможность рациональной этики, несмотря на недостатки человеческой природы. Всю надежду он возлагает на развитие теоретической науки, которая одна способна вывести человечество на истинную дорогу.

На том же съезде представляется впервые, в форме еще почти совсем гипотетической, попытка разрешить вопрос о противодействии организма болезнетворным влияниям, исходящим из внешнего мира. Это первый зачаток „теории фагоцитов“. Хотя он и не связан прямо с вопросом о жизни и смерти, но он, тем не менее, находится в логическом отношении к нему. Для решения его очень важно уяснить сущность старости; последняя же может быть понята при помощи теории фагоцитов, пожирающих клеток, защищающих нас от заразных начал и набрасывающихся на ослабленные элементы организма.

Разработка теории фагоцитов потребовала целого периода жизни автора. Семь лет усиленной работы было употреблено на утверждение устоев нового учения и на опровержение многочисленных возражений, сделанных против него. Тем временем шло дальнейшее развитие и организма и мысли. Юношеский пессимизм—настоящая болезнь молодости—сгладился, и на его место вступил более спокойный и радостный взгляд на жизнь. „Инстинкт жизни“ проявился с значительной силой. Несмотря на нецелесообразное устройство человеческого организма, возможно счастливое существование и рациональная этика. Последняя должна заключаться не в правилах жизни, сообразной с наличной несовершенной природой человека, а в нравственных поступках, основанных на природе, измененной сообразно идеалу человеческого счастья. Эта проповедь активной деятельности вылилась в форме критики учения Льва Толстого, которое в то время оказывало влияние на молодое поколение. Статья „Закон жизни“ („Вестник Европы“, 1891) была посвящена этой критике.

Еще понадобилось несколько лет, прежде чем новое воззрение на жизнь приняло более определенную и, нужно думать, окончательную форму. В первоначальном виде оно было изложено в очерке: „Флора нашего тела“ (1901). Затем ему было посвящено два сочинения: „Этюды о человеческой природе“ (Москва, 1903) и „Этюды оптимизма“ (Москва, 1907). В настоящий том вошел краткий очерк, достаточно резюмирующий оптимистическое понимание жизни и смерти, под названием: „Мирозерцание и медицина“ („Вестник Европы“, 1909). Человек, явившийся

в результате длинного цикла развития, носит на себе явные следы животного происхождения. Приобретив неведомую в животном мире степень умственного развития, он сохранил многие признаки, оказавшиеся ему не только ненужными, но прямо вредными. Высокое умственное развитие обусловило сознание неизбежности смерти, а животная природа сократила жизнь вследствие хронического отравления ядами, вырабатываемыми бактериями кишечной флоры. Эта основная дисгармония человеческой природы может быть устранена правилами рациональной гигиены, чем дается возможность человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающейся спокойной естественной смертью. Это и есть так называемый *ортобиоз*, на который можно смотреть как на цель рационального человеческого существования.

Задача этики сводится к тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цели их жизни, т.е. провести весь цикл их рационального существования вплоть до естественного конца. Пока, однакоже, до этого еще далеко. Теперь только намечаются правила, которым должно следовать для достижения этого идеала. Для полной разработки их необходима дальнейшая научная деятельность, которой нужно дать самый широкий простор. Можно заранее предсказать, что со временем жизнь должна будет во многих случаях сложиться иначе, чем теперь. Ортобиоз требует трудолюбивой, здоровой, умеренной жизни, чуждой всякой роскоши и излишеств. Нужно поэтому изменить существующие нравы и устранить крайности богатства и бедности, от которых теперь проистекает так много страданий.

Со временем, когда наука устраним современные бедствия, когда можно будет не трепетать за здоровье и благополучие близких, когда собственная жизнь станет протекать нормально, человек подымется на более высокую ступень и легче, чем теперь, отдастся служению самым возвышенным целям. Тогда искусство и теоретическая наука займут то подобающее им место, которого они лишены теперь благодаря множеству забот.

Нужно надеяться, что люди поймут свою настоящую пользу и станут содействовать успехам ортобиоза. Для этого потребуются много труда и немало самопожертвования, которые будут облегчаться сознанием деятельности к достижению истинной цели человеческого существования.

Ил. Мечников.

Париж, $\frac{3 \text{ сентября}}{21 \text{ августа}}$ 1912.

ВОСПИТАНИЕ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

В деле воспитания детей разлад между теорией и практикой проявляется очень резко. В то время как теоретики проповедают свою теорию „естественного воспитания“ и порицают практиков за употребление слишком искусственных рутинных способов, практики относятся с презрением ко всяким широким обобщениям и никак не хотят променять на них добытые опытом педагогические результаты. Теория естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо нашла горячих последователей и между современными теоретиками-философами. Так, Герберт Спенсер, исходя, очевидно, из того же принципа „que les premiers mouvements de la nature sont toujours droits“, советует родителям и воспитателям превратиться в род посредника между природой и ребенком и, никогда не придумывая „искусственных“ способов исправления, всегда обращаться к „естественному методу“. Сущность этого метода заключается в том, чтобы ребенок видел в наказании необходимое последствие его проступка, чтобы он собственным опытом дошел до сознания, что наказание и проступок относятся как следствие к причине во всех естественных явлениях. Герберт Спенсер посвящает целую главу „о нравственном воспитании“ разъяснению этого метода, который был выражен уже Руссо в следующем правиле: *il ne faut jamais infliger aux enfants les châtiments comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver comme une suite naturelle de leur mauvaise action*“. Руссо полагает, впрочем, что и в таком наказании должна редко встречаться надобность при правильном „естественном“ воспитании. Он убежден, что наклонности и желания детей являются единственно ради их собственной пользы, и что все попользование детей к вредным действиям составляют результат дурного воспитания. Поэтому нужно давать возможно больший простор детской воле. Будучи в значительной степени предоставлен своим собственным средствам, ребенок научится опытом отличать вредное от полезного и сумеет избегать первого. Герберт Спенсер комментирует это положение различными примерами. „Если ребенок упадет или ударится головою об стол, то уже одно воспоминание о боли заставит его быть более осторожным. Если он дотронется до решетки камина, сунет руку в пламя свечи,

обварится кипятком, — ожог будет для него уроком, который он не скоро забудет. Впечатление, произведенное *одним или двумя происшествиями такого рода*, так глубоко, что никто не уговорит потом ребенка пренебрегать законами своего организма“. Так как приведенный и другие подобные ему примеры самым наглядным образом уясняют принцип „естественного наказания“, то и разбор таких примеров может до некоторой степени служить критикой самой теории. Спенсер не указывает нам о ребенке какого возраста он говорит; но, по самой сущности дела, нужно думать, что он имеет в виду очень маленького, приблизительно пятилетнего, ребенка, — более взрослый не станет уже делать опытов со всовыванием пальца в пламя свечи. Если мы, основываясь на наблюдениях из обычной жизни, станем разбирать вопрос о том, какие последствия будут иметь удар и ожоги на маленького ребенка, то найдем, как непосредственное последствие, испуг и чувство боли. Так как последняя (например, боль от горячей воды и раскаленного железа) может продолжаться довольно долго, то ребенок будет находиться, сверх того, долгое время в возбужденном, нервном состоянии. Возможно, что он действительно с первого же или со второго раза найдет причинную связь между камином, водою, столом и болью, но в таком случае он не будет в состоянии узнать настоящей причины, вызвавшей в нем болезненное ощущение, так как он непременно соединит воспоминание о боли с воспоминанием о столе, камине и воде. Все эти предметы действуют, главным образом, на зрение, и у ребенка навсегда останется воспоминание о форме и цвете камина, соединенное с воспоминанием о боли; поэтому он будет всегда бояться подойти к камину и дотронуться до него. Умение соединить причинную связь болезненное ощущение с невидимым свойством (раскаленностью) камина никак не может быть приписано маленькому ребенку, сделавшему один или два опыта. То же самое должно быть сказано и относительно других случаев, когда ребенок поспешно заключает о причинной связи различных явлений. Известная пословица: „У страха глаза велики“, показывает очень ясно, что ум склонен слишком широко обобщать связь болезненных ощущений с вызвавшими их предметами. Вследствие такого чересчур широкого обобщения, собака, битая несколько раз палкой, начинает бояться всякой палки и всякого другого предмета, похожего на палку. То же самое мы видим и на детях. Имея, таким образом, в виду, что слишком скоро сделанное заключение ведет к чересчур широкому обобщению, мы должны прийти к выводу, что поступающий на основании такого „опыта“ ребенок станет в неверное, неестественное отношение к предметам. Ударившись об стол, обварившись водой, обжегшись о камин, он будет бояться стола, воды и камина и не решится иметь дело с этими предметами даже в том случае, когда они будут ему положительно полезны. Без посторонней помощи он не скоро научится правильно связывать причины со следствиями. Но нужно заметить, что в жизни маленького ребенка встречается огромное множество таких случаев, когда отношения его к окружающей

природе гораздо более сложны и потому еще гораздо менее понятны ему, чем разобранный пример с кипятком, раскаленным железом и пр. Например, ребенок нездоров и ему нужно принять невкусное лекарство. (Я надеюсь, что и самые отчаянные философы-теоретики не откажутся признать факта, что не все детские болезни происходят от дурного воспитания: наилучше воспитанные, по мнению этих философов, дети диких народов также не освобождены от болезней.) Ребенок, попробовав горькую микстуру, отказывается пить ее: он не в состоянии понять, что от невкусного лекарства может последовать выздоровление. Положим даже, что он уже не в первый раз болен и не в первый раз принимает лекарство, но так как между приемом микстуры и выздоровлением проходит всегда более или менее длинный промежуток времени, в который совершается много разных событий, то не только ребенок, но даже часто и взрослый человек не может уловить здесь естественной связи явлений и открыть действительную причину выздоровления. Если ребенок (что и бывает в большинстве случаев) отказывается от добровольного принятия микстуры и если за этим следует ухудшение болезни, то и здесь, и опять по той же причине, т. е. вследствие более или менее значительной разрывности причинной связи явлений, он не в состоянии уловить причинной связи явлений. Совершенно сходные столкновения ребенка с природою являются постоянно в деле выбора пищи. Ребенок ест все, что ему ни попадается на глаза, и в таком количестве, какое только может в него войти. Каким образом может он понять, что в том куске, который он ест, поднявши его прямо с пола, находятся яйца паразитов, могущие произвести очень серьезную болезнь; или что те плоды, которые он где-нибудь сорвал, могут быть ему вредны или даже опасны. Сколько событий произойдет в тот промежуток времени, который необходим, чтобы какое-нибудь вредное вещество произвело свое необходимое последствие, или „естественное наказание“ Спенсера. Если философы-теоретики станут возражать, что нормальный, неиспорченный воспитанием ребенок руководится при выборе пищи особым пищеизбирательным инстинктом, который отталкивает от него все вредные яства, то как же после этого объяснить, что животные, как домашние (т. е. „испорченные“ человеком, по мнению философов-теоретиков), так и дикие, наедаются паразитов, которые производят нередко смертельные болезни. Или как объяснить, что обезьяны в Индии до того опиваются наркотическими напитками, что человек с помощью этого ловит их и работает. Я привел такого рода примеры из обыденной жизни ребенка, когда он бывает не в состоянии найти связь между двумя отдаленными друг от друга по времени явлениями. Но какое множество подобных фактов встречается на каждом шагу в детской жизни. Польза чистоты, одного из главнейших гигиенических условий, принадлежит к числу таких фактов, которые не могут быть поняты детским умом. Дети, начиная с очень раннего возраста, „капризничают“ при одевании и умывании и, напротив, с большим удовольствием пачкаются. Какое же тут может быть

„естественное“ наказание вслед за проступком, вредность которого никак не может быть познана ребенком. Совершенно неестественно будет и наказание, которое предлагает Спенсер для маленькой Констанции, всегда опаздывающей с приготовлениями к прогулке. „Живого нрава и способная углубиться в занятия минуты, Констанция никогда не думала одеваться, пока остальные дети не были уже готовы. Губернантке и сестрам почти постоянно приходилось ждать ее; а мать почти неизменно награждала ветреницу одним и тем же выговором. Как неудачна ни оказывалась эта система, матери никогда не приходило на мысль попробовать на Констанции „естественное наказание“. „Если Констанция не готова во-время, *естественный результат* тот, чтобы ее оставили дома и лишили прогулки“. Я не знаю, скоро ли подобное наказание сделало бы Констанцию, девочку „живого нрава“ и очевидно увлекающуюся, аккуратной и внимательной по отношению к приготовлениям к прогулке; я полагаю, что, оставшись дома, она осталась бы недовольна обращением с ней и не приняла бы на себя никакой вины (и в этом я с ней совершенно согласен). Она рассуждала бы, по всей вероятности, следующим образом: „я не приготовилась к прогулке единственно потому, что была уверена, что назначенный час еще не пришел; занявшись делом, я не заметила, как прошло время; это—ошибка, но совершенно невольная: у меня не было ни малейшего желания задержать сестер и тем делать им неприятность, а между тем я теперь страдаю. Если у меня живой и увлекающийся характер, то в этом всего менее виновата я; если характер зависит от воспитания, то виноваты те, кто меня воспитывает; если же характер есть приращенное свойство, то и тут я ни в чем не причастна“. Одним словом, Констанция, не имея даже надобности в последовательном рассуждении, ясно чувствовала бы, что она сделала ошибку не по своей вине, а вследствие совершенно независимого от ее воли обстоятельства (т.-е. от живого характера); и в то же время она чувствовала бы, что терпит наказание. Подобная исправительная система может только запугивать детей, что, как известно, очень дурно влияет на развитие характера. Спенсер находит, что проповедуемый им способ наказания есть самый справедливый, и видит большое преимущество его в том, „что каждый ребенок признает справедливость естественного наказания“. Он думает, что „когда ребенок ощущает точную меру неприятных последствий своих дурных действий, он должен более или менее ясно сознать *справедливость наказания*“. С этим невозможно согласиться ни под каким видом. Чтобы признать справедливость наказания, для этого нужно или сознавать в себе волю, или же, не рассуждая ни о чем, принимать на веру все, сообщаемое „старшими“. Поэтому сознавать справедливость наказания может только развитый человек, который вообще считает себя существом, долженствующим не подчиняться постороннему влиянию, а бороться с ним и действовать по собственной (по крайней мере, как таковая сознаваемой) воле, или же забитый ребенок, который никакой воли не имеет и не сознает, а думает,

что он „виноват“, если ему это прикажут думать. За исключением этих крайних случаев, наказуемый чувствует или сознает, что он совершил проступок под влиянием какой-нибудь посторонней силы и что, следовательно, он выносит наказание, несправедливо ему вмененное. Относительно ребенка нужно еще иметь в виду то обстоятельство (о чем будет подробно сказано ниже), что при слабой воле чувствительность у него вообще очень сильно развита. Побуждение к совершению проступка, или так называемый соблазн, будет на него действовать всегда сильно, подавляя неразвитую волю, и сильно же будет действовать на него наказание. Последнее должно, следовательно, еще усилить чувствительную сторону ребенка. Терпя наказание и не признавая за собой вины, ребенок должен сильно чувствовать или горе, или злобу, или то и другое вместе. Спенсер, очевидно, не различает чувства справедливости от чувства естественной законности. Лиссабонское землетрясение было явлением совершенно законным с точки зрения естественной связи событий, но кто же в душе не возмущался несправедливостью подобной катастрофы, поглотившей столько невинных людей. Собственно эпитеты справедливости или несправедливости даже не могут быть и прилагаемы к естественным природным явлениям. А ребенок, сознающий или чувствующий, что проступок его был простым результатом посторонних его воле влияний, должен так же смотреть на наказывающего его воспитателя, как мы смотрим на наказывающую природу, т.е. как на нечто такое, что действует, не обращая внимания на справедливость или несправедливость. Из разобранных примеров можно уже видеть, что ребенок не в состоянии вступить в правильные отношения к природе, основываясь только на действии своего ума, т.е. на том опыте, который ему доступен. Следовательно, роль воспитателя уже поэтому не может ограничиться только одним посредничеством между ребенком и внешней природой. Ребенок на каждом шагу встречает в жизни такие положения, которые могут быть правильно поняты только с помощью долгой опытности и большого знания. Он не может ни понять, ни почувствовать связи между явлениями, отделенными друг от друга продолжительным промежутком времени; поэтому ему вообще недоступна идея полезности, тогда как сфера чувственного удовольствия или неудовольствия для него открыта. Теория „естественного воспитания“ открыто или тайно, но должна признать, как принцип, что естественные склонности ребенка если не сознательно, то инстинктивно ведут к пользе. Но это справедливо только в самых общих чертах. Действительно, голод, жажда и другие естественные побуждения имеют целью пользу организма, т.е. сохранение его жизни. Но, говоря о воспитании человека, мало того, чтобы он мог жить в чисто физиологическом смысле слова; нужно, чтобы ребенок воспитывался и развивался во всех отношениях, а тут-то и оказывается, что не все склонности ребенка настолько полезны, как голод и жажда, для сохранения даже материальной жизни. Ж.-Ж. Руссо и другие защитники „естественного воспитания“ стояли на том, что природа

создала человека „совершенным“, т.-е. приноровленным к наилучшей жизни, но что человек сумел испортить всю природу до того, что хорошее, „естественное“ воспитание теперь уже является нам делом почти-что невозможным. „O, hommes! est-ce ma faute si vous avez rendu difficile tout ce qui est bien“ (о, люди! моя ли вина, что вы сделали трудным все, что хорошо), говорит Руссо (Emile, I, 128). Откуда же, спрашивается, человек получил возможность так легко испортить свое существование, если он родился вполне способным к наилучшей жизни? Защитники „естественного воспитания“ не отвечают на этот вопрос, но, раз предположивши, что человек первоначально испортился, они указывают на употребительное воспитание, как на источник распространения зла. С целью искоренить последнее они и предлагают родителям быть „толкователями и служителями природы“. А между тем, именно Руссо мог лучше, чем кто-либо другой, найти действительный источник зла и усмотреть, что воспитание, несмотря на все его большое значение, не есть, по крайней мере, единственная причина „порчи“ человека. Не он ли говорит про самого себя: „Il faut, que malgré l'éducation la plus honnête, j'eusse un grand penchant à dégénérer: car cela se fit très rapidement, sans la moindre peine; et jamais César si précoce ne devint si promptement Laridon“¹⁾; и далее: „si jamais enfant reçut une éducation raisonnable et saine, c'a été moi“²⁾ (повидимому, несмотря на самое добропорядочное воспитание, я имел наклонность к испорченности: ибо это произошло очень быстро, без всякого труда, и никогда столь рано развившийся Цезарь не превращался столь быстро в Ларидона; ...если когда-либо какой-либо ребенок получал разумное и здоровое воспитание, так это был я).

И несмотря на такое, по мнению самого Руссо, хорошее воспитание, он сам описывает себя не особенно доблестным человеком. Значит, существует нечто такое, что независимо от воспитания и гораздо глубже его действует на человека. Я предлагаю обратить внимание именно на эту непоследовательность Руссо. Рассуждая о „естественном воспитании“, он уверяет, что дурное воспитание испортило людей и что одно хорошее воспитание непременно сделает человека хорошим. Оставивши же в стороне всякие теоретические вопросы и планы, превратившись в человека, анализирующего фактически прожитое прошедшее, Руссо уже сознает, что одним воспитанием ничего не сделаешь, что, несмотря на все добродетели, которыми он был окружен, в нем развились сквернейшие недостатки.

До сих пор мы говорили о теории так называемого естественного воспитания с целью показать, что она не решает главного вопроса, и затем указали на признание Ж.-Ж. Руссо, что, независимо от воспитания (каково бы оно ни было), существует еще нечто другое („grand penchant à dégénérer“—большая наклонность к испорченности), влияющее громадным образом на всю судьбу

¹⁾ *Rousseau*. Confession. Oeuvres complètes, т. VIII, 1865, стр. 20,

²⁾ *Ibid.*, стр. 42.

человека. Решение этого вопроса, очевидно, необходимо для того, чтобы определить границы и действительное значение воспитания. Для решения подобного вопроса недостаточно одного размышления, основанного на обыденных, кое-как собранных данных. Это лучше всего видно именно потому, что такие умные и глубокие мыслители, как Ж.-Ж. Руссо и Герберт Спенсер, с помощью одних априористических выводов, пришли к такой теории, которая положительно не выдерживает критики. Для возможно удовлетворительного решения вопроса мы необходимо должны прибегнуть к помощи положительной науки, которая уже и теперь дает нам много важных фактов. Цель нашей статьи и заключается именно в том, чтобы показать, что основной вопрос воспитания настолько же подчиняется точной научной разработке, как и многие другие вопросы из человеческой жизни. Правда, в настоящее время мы еще не можем представить достаточно полного и всестороннего ответа на наш вопрос, но можем, по крайней мере, указать на пути, по которым нужно следовать. При рассмотрении теории „естественного воспитания“ было сказано, что защитники ее обвиняют человека в том, что он слишком отделился от природы. Они находят, что природа сделала свое дело, и что человеку нужно только не отступать от указываемого ею пути. Известно, как подобное воззрение выдвинуло в прошлом столетии изучение „естественных“ первобытных народов, в которых цивилизованные люди искали для себя примеров. Простота этой жизни так называемых „диких“ действительно должна была поражать резким контрастом при сравнении ее с чересчур усложненной и, в самом деле, дикой жизненной обстановкой наиболее цивилизованных людей. В то время указывали и на животных, как на существа, живущие „естественной“ жизнью природы и тем представляющие для цивилизованного (или, что то же, „испорченного“) человека много поучительного. Если мы сравним воспитание современного цивилизованного человека с простым воспитанием „дикаря“ или с еще более простым воспитанием высших животных, то нам представится громадное различие. Уже а priori можно заключить, что наиболее сложное и продолжительное воспитание мы встретим у наиболее цивилизованных народов. Очевидно, что для того, чтобы изучить какое-нибудь ремесло или науку, и вообще для того, чтобы сделаться членом современного общества, нужно пройти длинную школу как умственного, так и нравственного обучения. Для цивилизованных обществ все более и более оправдывается пословица: „век живи, век учись“. Совершенно иное мы видим относительно народов нецивилизованных, или так называемых „дикарей“. Тут воспитательный период жизни продолжается несравненно короче. Ребенок может скоро изучить все незатейливые ремесла родителей и с раннего возраста начать вести более или менее самостоятельную жизнь. „Дети американских индейцев подражают своим родителям и, играя, изучают ремесла, нужные для их дальнейшей жизни. М. Кенне рассказывает, что уже маленькие дети хиказавов употребляют ружья для стрельбы птиц, белок, кроликов и пр. на расстоянии

от 20 до 30 футов" ¹⁾. „Уверяют, что дети некоторых индейцев уже на третьем году начинают ездить верхом" ²⁾. „На западном берегу Африки дети очень рано выучивают язык, все приемы и действия взрослых" ³⁾. Совершенно согласные с этим показания мы находим и относительно несколько более цивилизованных народов Средней Азии. Вот что говорит, например, Вамбери: „Время ребячьих игр в Средней Азии тянется недолго. Девочку рано начинают учить прясть, ткать, шить, делать сыр и т. п., а мальчика уже на пятом году сажают на лошадь; на десятом же, а иногда и раньше, он участвует уже в маневрах—примерных сражениях—и жокеем на скачках" ⁴⁾. В показаниях путешественников, к сожалению, довольно редко попадаются факты о воспитании детей у первобытных народов, но все, что мы знаем об этом предмете, согласно показывает, что воспитательный период у них, сравнительно с цивилизованными народами, очень короток. Это подтверждается и тем, всем известным, фактом, что у нас крестьянское юношество, при нахождении его в обычных условиях, скорее становится взрослым, чем юношество более развитых классов. У крестьян браки совершаются вообще значительно раньше, чем в образованном обществе, что совершенно ясно а priori.

Но как ни значительна разница в воспитательном периоде у нецивилизованных и цивилизованных людей, все же она далеко не в такой степени поразительна, как различие в продолжительности того же периода у людей и других млекопитающих. Возьмем несколько примеров. Собака, несмотря на то, что она рождается слепой, уже на третьем или четвертом месяце меняет зубы, а через девять или десять месяцев становится вполне способною к размножению. Медведь развивается несколько дольше: он растет до шести лет, но половой зрелости достигает раньше этого срока. Волк становится способным к размножению на третий год своей жизни; в то же время созревают органы размножения у оленя и лося. Приблизительно в этом же возрасте созревает и осел. Мелкие животные развиваются вообще гораздо скорее. Крыса оканчивает свое развитие через два-три месяца; хомяк приблизительно в такой же срок становится способным к размножению; окончательно же вырастает он через год. Сказанное здесь относительно кратковременности физического развития различных животных в не меньшей мере справедливо и относительно психического их развития. Чуди, описывая жизнь молодых лисиц, поражается сходством их маневров с приемами взрослых. То же самое рассказывают многие наблюдатели и относительно других животных. Брэм говорит следующее о развитии исследованного им тюленя: „новорожденный рос с замечательной быстротой; он, видимо, увеличивался в величине и во всем объеме; движения его с каждым днем становились свободнее и умнее, понимание окру-

¹⁾ Waitz. Die Indianer Nordamerikas. Leipzig, 1865, стр. 101.

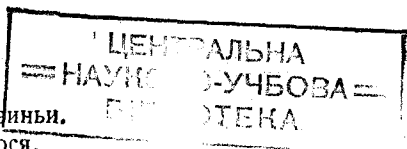
²⁾ Waitz. Anthropologie der Naturvölker. Leipzig. 1862, т. III, стр. 117,

³⁾ Ibid. Т. II, стр. 123.

⁴⁾ Очерки средней Азии. 1868, стр. 91,

жающего вообще увеличивалось. Около восьми дней по рождении он уже на суше принимал все туленьи положения: лениво ложился на бок и на спину, выгибался, приподымая задние лапы вверх и играя ими, и пр. На третьей неделе своей жизни он уже превратился в настоящего тюленя¹⁾. Так как сравнительная продолжительность воспитательного периода для нас имеет величайшую важность, то мы, прежде всего, намерены рассмотреть отношения ее к продолжительности периода развития в матке и к продолжительности жизни вообще. Сравнивая продолжительность эмбрионального развития (т.-е. развития внутри тела матери) с продолжительностью воспитательного развития до достижения половой зрелости, мы получаем следующие цифры (выводя это отношение для человека, мы брали 15 лет за срок наступления половой зрелости и имели в виду населяющие Европу цивилизованные народы). Продолжительность внутриматочного развития относится к продолжительности внематочного развития до достижения половой зрелости²⁾, как:

1 : 20	у человека.
1 : 16	„ медведя.
1 : 11,6	„ выдры.
1 : 9,3	„ слона.
1 : 8,6	„ ежа.
1 : 4,7	„ собаки.
1 : 4,2	„ дикой синицы.
1 : 2,7	„ „ лося.
1 : 2,5	„ „ козла.
1 : 2	„ „ крысы.
1 : 1,2	„ „ козы.

Из приведенных фактов следует, прежде всего, что внутриматочное развитие сравнительно всего короче у человека, а всего продолжительнее у травоядных и у крысы. Это обстоятельство прямо указывает на то, что ребенок, появляясь на свет, представляется мало развитым сравнительно с новорожденными и молодыми животными, и что поэтому-то для его доразвития и полагается столь длинный срок внематочного, или воспитательного развития. Этот вывод вполне подтверждается непосредственными исследованиями о развитии частей тела у человека и других млекопитающих, как это будет показано ниже. Теперь же мы посмотрим, в каком отношении находится продолжительность воспитательного периода к наибольшей продолжительности жизни вообще. Говоря о человеке, мы возьмем за срок воспитательного периода 20 лет (хотя мы имели бы полное право взять несколькими годами больше); максимум же жизни человеческой мы полагаем приблизительно в 130 лет. При этом отношение воспитательного периода к продолжительности жизни будет равняться отношению:

¹⁾ Брэм. *Illustrirtes Thierleben*, т. II, стр. 796.

²⁾ Данные для прилагаемых цифр заимствованы мною главным образом из только что цитированного сочинения Брэма.

1 :	5,4	для человека.
1 :	6,2	„ слона.
1 :	8	„ медведя.
1 :	8,7	„ льва.
1 :	9	„ ежа.
1 :	15	„ собаки.
1 :	19	„ дикой свиньи.

Мы видим отсюда, что даже на телесное развитие (не говоря уже о психическом) у человека употребляется гораздо больше времени (в постэмбриональном периоде развития), чем у других млекопитающих. Сравнительная медленность человеческого развития в постэмбриональном (внематочном) периоде зависит не только от более медленных процессов роста, но также от того, что, рождаясь на свет, человек представляется сравнительно менее развитым, чем другие новорожденные млекопитающие. Это составляет, очевидно, результат сравнительно более кратковременного развития человека в течение внутриматочного периода. Резче всего отличие между взрослым и новорожденным млекопитающим обнаруживается в деле устройства головы. Кости черепа в это время бывают соединены не постоянными швами, а временными связками, дающими костям большую возможность раздвигаться; это обстоятельство составляет существенное условие при развитии мозга. Временные связки (так называемые роднички) бывают более всего развиты у человека и у ближайших к нему обезьян. Особенно сильно развиты у зрелого человеческого зародыша два родничка, из которых один (большой) помещается между лобными и теменными костями и другой (меньший) между теменными и чешуей затылочной кости. Эти оба родничка являются у хищных млекопитающих и у грызунов только в рудиментарном виде, вследствие чего общая форма черепа у новорожденных этих животных ближе подходит к форме взрослого черепа, нежели у обезьян, а в особенности у человека ¹⁾. У новорожденных жвачных животных кости черепа ограничиваются уже зубцами, образующими швы. Хотя и существует несколько фактов, свидетельствующих о меньшем развитии некоторых новорожденных млекопитающих сравнительно с новорожденным ребенком, но эти факты, по своей одиночности и скоропреходимости, не могут изменять главного результата. Известно, что некоторые хищные, наприм., собака, кошка, рождаются слепыми, но, во-первых, у них веки скоро прорезываются, и глаза начинают раньше функционировать, нежели у человека, рождающегося уже с прорезанными веками. Кроме того, эта первоначальная слепота не соединяется с недоразвитием какого-нибудь из важнейших органов, и потому у многих хищных (например, у льва) веки прорезываются еще до рождения. Нетрудно убедиться в том, что указанные факты относительно сравнительной истории развития человека и других

¹⁾ См. *Rehrer*. Beiträge zur vergleichenden und experimentellen Geburtshilfe. Zweites Heft. 1868, стр. 92.

ныших животных должны играть очень важную роль в жизни и течение воспитательного периода. Из этих фактов следует прежде всего, что ребенок разнится от взрослого человека гораздо больше, чем всякое другое молодое животное от взрослого. Между ребенком и взрослым человеком лежит длинный воспитательный период с целым миром особенных условий. У других же животных, воспитательное развитие которых нам более или менее известно, разница между молодым и взрослым животным невелика и кратковременна, вследствие чего первое очень скоро догоняет второе. Этот вывод нам необходим для того, чтобы взвесить роль подражания при воспитании. Всем известно, что все молодые животные имеют величайшую наклонность к подражанию действиям взрослых. Детей на этом основании часто называют „обезьянами“. Очевидно, что чем меньше различие между молодым и взрослым животным какого-нибудь вида, тем полезнее будет роль подражания при воспитании молодого животного. Молодое травоядное животное, которое рождается наиболее развитым и которое по появлении на свет оказывается уже способным следовать за матерью, может во всех отношениях подражать ей. В подобном случае подражание является главнейшим и почти единственным орудием воспитания. В несколько меньшей мере то же приложимо и ко многим другим животным. Хищные хотя и не так рано, как жвачные, но все же очень скоро начинают свое воспитание, т. е. следуют за матерью, подражают ей в деле добывания пищи, устраивают себе такие же жилища, какие делает их мать, — словом, употребляют все свои подражательные наклонности с воспитательной целью и таким образом, без помощи всякой педагогической системы, блистательно оканчивают свое образование. Мы уже выше видели примеры такого успешного действия подражания в деле воспитания лисицы и тюленя, и всякому известны подобные же примеры относительно молодых собак и кошек. Щенок, видя, что большие собаки побегали в какую-нибудь сторону и залаяли, сам бежит туда же и лает, совершенно не понимая, зачем все это делается. Мы видели также, что подражание играет очень важную и полезную роль в деле воспитания нецивилизованных или получивилизованных народов, где дети, играя, научаются всем действиям родителей. Понятно, что здесь подражание уже иногда может вести и не к добру, так как и в обстановке „диких“ людей встречается много условий, вредных для ребенка. Но, взявши общий итог, мы можем все-таки принять, что подражание у таких народов составляет благоприятное условие для воспитания. Поэтому-то, по всей вероятности, в семействах „диких“ народов наказания детей употребляются далеко не так часто, как в „цивилизованном“ обществе. Многие путешественники утверждают, что американские индейцы считают телесное наказание за преступление и что вообще они только в крайних случаях прибегают к строгости. То же рассказывают и об африканских дикарях. Не подлежит никакому сомнению, что подражание молодых индивидуумов своим родителям всего менее может быть полезно в тех случаях,

когда между молодыми и взрослыми индивидуумами существует наибольшее физическое и психическое различие. Подобным условиям всего более соответствуют именно дети цивилизованных людей. Само собою разумеется, что между маленьким мальчиком и его отцом, членом современного общества, будет гораздо большее отличие, чем между мальчиком-дикарем и его неразвитым, заботящимся только о добывании пищи и прочих жизненных средств отцом. В последнем случае мальчик рано может начать приучаться к взрослому образу жизни и следовать за своим отцом, во всем подражая ему. Он легко выучится тем приемам, которые необходимы при добывании диких животных и растений; он может смело подражать отцу во многих привычках обыденной жизни: он, конечно, скорее научится есть руками, чем ребенок цивилизованного общества научиться употреблять ножик, вилку и ложку, не делая себе этими предметами никакого вреда. „Дикого“ ребенка не нужно учить сидеть на стуле и за столом, бегать по гладкому полу и пр. Простая обстановка „дикого“ человека, разумеется, более подходит к особенностям ребенка, чем гораздо более сложная обстановка цивилизованных людей. В этом деле существует такое же отношение, как и в деле относительного различия между ребенком и взрослым у цивилизованных и нецивилизованных людей. И независимо от предыдущих соображений легко убедиться в том, что если данная обстановка соответствует условиям жизни взрослого человека, то она необходимо должна быть слишком сложна для ребенка. Поэтому-то и оказывается то сознание многими обстоятельство, что детей лучше воспитывать (по крайней мере, до известного возраста) в деревне, чем в городе. Вся деревенская обстановка с садами, полями и пр. гораздо более может соответствовать условиям, необходимым для развития ребенка, чем город с его театрами, дворцами, лавками, рысками и пр. В этом отношении мы совершенно сходимся с Ж.-Ж. Руссо, который начинает воспитание своего Эмиля в деревне и только со временем (впрочем, все-таки слишком рано) перевозит его в город. Только мы, считая обыкновенную деревенскую обстановку более подходящею для ребенка, чем городскую, далеки от мысли считать ее вполне соответствующею всем условиям развития детского организма. К сожалению, последний представляет много таких сторон, которые делают и любую деревенскую обстановку слишком сложной для него. Нам необходимо иметь в виду (что именно всегда упускается из вида защитниками теории „естественного“ воспитания), что ребенок не есть человек в миниатюре, род временного карлика, который обладает всеми теми же свойствами, которые характеризуют взрослого человека. Уже простое эмбриолого-анатомическое исследование показывает нам, что организм ребенка качественно отличается от организма взрослого человека. Мы выше говорили о соединяющих черепные кости ребенка временных связках, которые играют очень важную роль в деле развития мозга, а следовательно, и целого организма. У ребенка существуют и особенные органы (thymus) и анатомические особен-

ности кровеносной системы. Почки его представляются лопастиными и пр. И в интеллектуальном отношении ребенок не есть человек в миниатюре. Хотя он очень рано начинает связывать отдельные представления и делать из них выводы, но он делает это иначе, чем взрослый цивилизованный человек, и оттого-то ребенок воображает все живым и вообще антропоморфирует внешние предметы. Являясь во многих важных отношениях отличным от взрослого человека, ребенок, очевидно, не может ужиться в той обстановке, которая пригодна (да и то в известной только мере) для взрослых людей. И для того-то, чтобы согласить ребенка с окружающей обстановкой, обыкновенно и употребляются разного рода насильственные меры. Поясним это примером. Ребенок, находясь в саду, замечает красивые, но вредные ягоды. Вид этих привлекательных плодов возбуждает в ребенке желание непременно съесть их. Он поступает совершенно естественно, намереваясь сорвать ягоду и положить ее в рот: во всем его организме не существует никакого регулятора, который бы отвратил намерение ребенка; вид ягод ему не противен, а привлекателен, и вкус—также. Очевидно, что тут мы видим пример несоответствия ребенка (руководствующегося своими чувствами) с окружающей обстановкой; для того, чтобы согласить их, нужно вмешательство посредствующего взрослого человека. Воспитатель старается внушить ребенку, что эти ягоды вредны и что их поэтому есть не следует. Ребенок, в огромном большинстве случаев, не соглашается с этими доводами, так как, по его мнению, все, что вкусно и красиво, в то же время и съедобно. Воспитатель должен прибегнуть к насилию, т.-е. отнять ягоды или отвести ребенка. Ребенок, рассуждающий на основании собственных соображений, т.-е. судя о достоинстве предметов по вкусу, считает воспитателя кругом виноватым и, подчиняясь силе, огорчается и озлобляется. Таков обыкновенный ход дела. Несоответствие желаний ребенка с окружающей обстановкой ведет к порче характера, т.-е. в большей части случаев оно производит или сильнейшую раздражительность, или же подчиняемость, т.-е. апатию. Стоит умножить в уме случаи несоответствия внешней обстановки с естественными наклонностями ребенка, и тогда будет понятно, что они должны производить дурное влияние на развитие характера. От этого вывода легко перейти к следующему правилу: для возможно лучшего воспитания нужно стараться ставить ребенка под влияние обстановки, наиболее для него соответствующей. Мы указали на одну, и притом очень важную, причину неуспеха воспитания, т.-е. на один из источников так называемой „порчи“ характера. Ребенок цивилизованных народов слишком резко разнится от взрослого индивидуума и потому не может стать в соответствие с обстановкой, пригодной для последнего. Вследствие этого подражание, играющее столь важную и благоприятную роль в деле воспитания животных, менее разнящихся по возрастам, оказывается часто очень вредным при воспитании ребенка цивилизованных людей. Сравнительно очень значительная продолжительность нематочного, или воспитательного, раз-

вития детей является дальнейшим очень неблагоприятным условием для воспитания. Но, кроме указанной, есть еще и другие причины, мешающие правильному воспитанию детей. Они лежат столь же глубоко, как и та, о которой мы до сих пор говорили. Они лежат именно в самых условиях физического развития детского организма. Научно доказанные факты свидетельствуют, что та гармония, которая (и то в известной только степени) устанавливается во взрослом организме между различными частями тела, составляет одно из позднейших явлений развития, и что в ребенке существуют такие органы, которые окончательно развиваются ранее, нежели они должны функционировать. В развитии человеческого организма мы встречаем вообще несоразмерность в относительном развитии органов, которая и служит источником многих вредных организму действий и составляет существенное препятствие правильному воспитанию. Это положение уяснится следующим рядом фактов.

1) Исследования Гартинга ¹⁾ показали, что новорожденный ребенок имеет уже полное число нервных волокон, и что утолщение нервов, обнаруживающееся во время дальнейшего развития, совершается на счет утолщения одной оболочки (неврилеммы) уже готовых нервных волокон.

Вот цифры:

	Срединный нерв руки.	Бедренный нерв.
У новорожденного ребенка . .	20,906	37,297
У взрослого человека	22,560	35,416

Те небольшие различия, которые замечаются в этих цифрах, очевидно указывают на существование индивидуальных (хотя и очень небольших) особенностей в числе нервных волокон. Приписывать же эти отличия росту мы не можем, так как один нерв у новорожденного оказался содержащим меньше, а другой, наоборот, больше волокон, чем у взрослого. В деле развития нервов мы, следовательно, видим совершенно обратное тому, что было вообще сказано о развитии человека. В то время как нервы, по числу составляющих их волокон, представляются почти совершенно одинаковыми у новорожденного и у взрослого,—другие анатомические признаки, например устройство черепа, представляют нам сравнительно огромные отличия у новорожденного и у взрослого человека. Имея, с одной стороны, в виду указанный факт относительно развития нервов, с другой же стороны, принимая в расчет, что у ребенка эти нервы распространены на меньшей (абсолютно, а не относительно) поверхности, чем у взрослого, мы можем уже видеть, что у ребенка чувствительность должна быть более значительна, чем у взрослого, если только в детском организме не существует каких-либо причин, препятствующих развитию чувствительности. Экспериментальным

¹⁾ Recherches micrométriques. Utrecht 1854.

решением этого вопроса занялся известный физиолог Чермак ¹⁾. Он делает с помощью Веберовского метода измерения осязательной способности детей, а потом сравнивает полученные цифры с теми, которые добыл Вебер при измерении осязания у взрослых. Самый метод подобного исследования состоит в том, что наблюдатель дотрагивается, слегка надавливая, до кожи наблюдаемого человека обеими ножками циркуля, более или менее раздвинутыми, разом. Наблюдаемый субъект, не видя, разумеется, циркуля, должен определить: ощущает ли он укол в одном только месте или же ясно различает два укола от обеих ножек. Роль наблюдателя заключается в том, чтобы заметить и вымерить расстояние между ножками циркуля, необходимое для того, чтобы вызвать начало ощущения двойного укола. Это расстояние бывает различно, смотря по тому, к какой части тела прикладывается циркуль. Так, например, чтобы получить явное двойное ощущение от ножек циркуля на кончике языка, нужно раздвинуть их на $\frac{1}{2}$ парижской линии; для того же, чтобы получить подобное же двойное ощущение на спине, нужно раздвинуть ножки циркуля на 30 парижских линий. Это расстояние дает непосредственно меру тонкости того чувства, которое у физиологов называется *пространственным чувством кожи* (Raumsinn der Haut). Вот именно это-то чувство и определил Чермак для детей. Он делал опыты над четырьмя мальчиками от одиннадцати до двенадцатилетнего возраста, которым измерял тонкость пространственного чувства на 37 различных местах кожи. *Все полученные им цифры (за исключением двух) меньше, чем соответствующие цифры у взрослых, что прямо указывает на большую тонкость пространственного чувства у мальчиков.* Возьмем для примера несколько подобных цифр:

Часть кожи.	Расстояние концов циркуля в линиях.				
	Взросл.	Мальчик 11 л. 9 м.	Мальчик 12 лет.	Мальчик 11 лет.	Мальчик. 12 лет.
Красная поверхность губы	2	1	$\frac{3}{4}$	1	1
Некрасная часть губы	4	3	3	2	3
Тыльная поверхн. перв. сустава пальцев	7	5	4	5	5
Внутренняя поверхн. губ близ десен	9	5	6	6	6
Покрытая волосами нижн. часть затылка	12	8	10	8	9
Верхняя поверхность руки	14	9	10	9	12
Шея под нижней челюстью	15	9	10	8	10
Кожа над грудной костью	20	16	15	15	14

Исследования Чермака показывают, что с увеличением роста чувствительность постепенно притупляется, что, очевидно, в значительной мере зависит от увеличения (абсолютного) наружной

¹⁾ Physiologische Studien. III. Beiträge zur Physiologie des Tastsinnes, в Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien, 1835, т. XV, стр. 466.

поверхности тела. Это положение Чермак доказывает и другим рядом опытов, именно исследованием тонкости пространственного чувства в растянутой и нормальной коже, при чем первая оказывается менее чувствительною, чем последняя. Сравнивая результаты всех опытов, Чермак пришел также к выводу¹⁾, что притупление кожной чувствительности при возрастании человека совершается не только вследствие различных, хотя и неизвестных, изменений в органах центральной нервной системы (т. е. в мозгу). К сожалению, этот вывод не так научно доказан, как вывод о большей чувствительности кожи у детей, а поэтому мы не можем брать его за основание для дальнейших соображений²⁾. Во всяком случае, однако, мы должны здесь обратить внимание на то, что центральные нервные органы должны иметь очень большое влияние на развитие чувствительности. Новорожденный ребенок (как мы выше видели) имеет приблизительно такое же число нервных волокон, как и взрослый, а между тем мы не имеем никакой возможности утверждать, чтобы он чувствовал интенсивнее взрослого человека, а тем более интенсивнее более развитого ребенка. Чувствительность не есть простое отправление нервных волокон; она зависит от центральной нервной системы: привычка чувствовать и внимание необходимы для тонкости ощущения, а их недостает новорожденному или вообще очень маленькому ребенку. Из сказанного следует, что, за исключением раннего детского возраста, чувствительность кожи у детей вообще сильнее, чем у взрослых. Этот факт считается общепринятым в науке. К сожалению, мы не имеем столь же положительных данных относительно сравнительной тонкости других чувств у ребенка и у взрослого человека. Но многие факты допускают предположение, что и они чрезвычайно развиты у ребенка. Так, например, так называемое мускульное чувство должно быть в высшей степени развито даже у таких маленьких детей, у которых пространственное чувство кожи, по всей вероятности, стоит на далеко меньшей степени развития. Всякий, наблюдавший очень маленьких детей, вероятно заметил, что они во время бодрствования постоянно двигают то одним, то другим из своих членов: они, как говорят, „ужасно кривляются“. Они до чрезвычайности любят, чтобы их качали, носили, подымали и пр.; плачут когда их кладут на место, и успокаиваются, когда их опять берут на руки. Это прямо указывает именно на так называемую мускульную чувствительность. Если мы примем в соображение указанную Гартингом особенность числового развития нервных волокон, то и тут увидим подтверждение предположения об усиленной мускульной чувствительности детей. Если число нервных волокон, идущих от мускулов к нервным центрам, приблизительно одинаково у ребенка и у взрослого, то очевидно, что при абсолютно меньшей величине детских мускулов, нервы их будут расположены гуще, а следо-

¹⁾ I. с., стр. 499.

²⁾ См. *Wundt*, Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung, в Zeitschrift für rationelle Medicin, 1858, стр. 248.

нательно и мускульная чувствительность (притом нервные центры будут способствовать этому) должна быть сильнее. То обстоятельство, что нервные центры ребенка действительно способны к сильным мускульным ощущениям, показывается уже вышеприведенными примерами. Относительно развития четырех более концентрированных чувств (зрения, слуха, обоняния и вкуса) мы знаем очень немногое. Существует, однако, факт, доказанный Кусмаулем ¹⁾, что очень скоро после появления на свет дети уже способны различать вкус различных предметов и получать явно выраженное неудовольствие и удовольствие от вкусовых ощущений. Значительная степень развития чувствительности, соединенная с сравнительно очень быстрым течением всех жизненных процессов в организме составляет очень важную причину страстности, характеризующей вообще детский нрав. Подобный характер получает полную возможность развиваться вследствие того, что удерживающие страстность моменты, т.-е. ум и воля, у ребенка представляются сначала вовсе неразвитыми, а потом развитыми, но сравнительно очень слабо. Хотя наука не может непосредственно показать степень развития волевого аппарата, но, тем не менее, существуют данные для того, чтобы составить себе понятие о сравнительно позднем развитии этого регулятора человеческой жизни. Ребенок очень долго не проявляет воли при выведении экскрементов, в то время как непроизвольное выведение их наружу обыкновенно служит для него одним из поводов, возбуждающих страстность. Ребенок обыкновенно кричит, когда он чувствует себя мокрым, но тем не менее он не в состоянии подчинить своей воле мочеиспускательных движений. Неравномерное развитие чувствительных и волевых аппаратов в организме ребенка оказывает, очевидно, очень большое влияние на дальнейшее развитие характера и на всю моральную жизнь человека. Руссо уже знал, что причина слабости человеческого характера кроется в неравном отношении между желаниями человека и его силами, но он думал, что подобное неравенство составляет один из продуктов дурного воспитания. „D'où vient la faiblesse de l'homme?“ спрашивает Руссо ²⁾, „De l'inégalité qui se trouve entre sa force et ses désirs. Ce sont nos passions qui nous rendent faibles, parce qu'il faudrait pour les contenter plus de forces que nous en donna la nature“. („Откуда происходит слабость человеческого характера? От несоответствия между его силами и его желаниями. Это наши страсти делают нас слабыми, так как для удовлетворения их потребовалось бы больше сил, чем нам дала природа.“)

Нужно прибавить, что природа дала нам не только менее сил, чем сколько необходимо для удовлетворения наших желаний, но что она же и дала нам эти чрезмерные желания, так как она снабдила человеческий организм усиленной чувствительностью, что, как мы видели, непосредственно доказывается научным опытом. Сопоставляя только что выведенный результат с тем, что

1) Ueber das Seelenleben der Neugeborenen. Leipzig 1859.

2) Emile. Paris 1836. Т. II стр. 5.

было сказано выше о существенном отличии в развитии человека и других млекопитающих, легко убедиться в том, что чем дальше продолжается воспитательное (внематочное) развитие и чем медленнее устанавливается равновесие (в той мере, в какой оно только может установиться) между страстностью и волею, тем крупнее должны быть последствия неравновесия между этими двумя двигателями жизни. Последствия эти должны особенно усиливаться там, где существует наибольшее различие между взрослым и молодым организмом. Имея в виду эти выводы и принимая в соображение вышепоказанные факты, что воспитательное развитие человека продолжается дольше соответствующего периода у других животных, и что новорожденный ребенок сравнительно больше разнится от взрослого человека, чем крайние возрасты у других высших животных, мы, очевидно, должны прийти к заключению, что неравномерность в развитии чувствительности и воли всего значительнее и всего влиятельнее будет у человека. Этот вывод вполне подтверждается непосредственным наблюдением. „Ни одно животное,—говорит Бурдах ¹⁾),—после своего рождения не представляется столь нетерпеливым и столь страстно желающим, как человек: он один только считает пределы своей жизни нестерпимыми“. Нет никакого сомнения, что по мере развития несоразмерность между двумя основными качествами человеческого характера, т. е. чувствительностью и страстностью, с одной стороны, и умом и волею, с другой, приходит в большее или меньшее равновесие, но несомненно также и то, что первоначальная несоразмерность оставляет глубокие дальнейшие следы, которые во множестве случаев выражаются и у взрослых людей в преобладании страстности над волею. Это важное обстоятельство должно обращать на себя все внимание воспитателей при выработке характера силою воспитания. Так как для научного решения вопроса о воспитании установление по возможности полного понятия о природной, естественной несоразмерности в развитии отдельных частей организма играет весьма важную роль, то мы обратимся теперь к рассмотрению наиболее осязательных примеров подобной несоразмерности. Очень убедительные факты в этом отношении представляют нам некоторые моменты из истории развития половых органов. По всей вероятности, в тесной связи с описанным выше значительным развитием кожной чувствительности у детей находится и очень раннее развитие той особенной формы осязания, которая составляет половое ощущение. Всем известно из обыденной жизни, в особенности же хорошо известно это кормилицам и нянюшкам, что еще грудные дети получают очевидное удовольствие от более или менее продолжительного прикосновения к их наружным половым органам. В раннем возрасте дети получают такое удовольствие обыкновенно от случайного трения, потом уже сами начинают доставлять себе наслаждение, и в огромном большинстве случаев развивают

¹⁾ Traité de Physiologie, trad. par Jurdan. Paris 1839, т. IV, стр. 420.

в себе всем известный и до чрезвычайности распространенный порок—онанизм. Я не имею ни возможности, ни надобности подробно распространяться здесь об этом пороке, так как теперь он важен для нас единственно как пример несооразмерности в развитии различных аппаратов половой системы. Существенно то, что чувствительный половой аппарат начинает действовать гораздо раньше, чем все остальные аппараты половой системы—факт, представляющий нам новый пример преждевременного развития страстных элементов. Это обстоятельство совершенно уясняется основным фактом развития нервов, указанным впервые Гартингом. В самом деле, если число волоконцев чувствительного нерва половых органов не увеличивается по мере вырастания организма и если (в чем не может быть сомнения) нервные центры способны у детей к половому ощущению, то ясно, что и в наружных гениталиях ребенка нервные волокна будут размещены гуще, чем у взрослого человека. Несоответствие подобного эмбриологического явления очевидно каждому: в то время, как половые органы, т.-е. их внутренние главнейшие части, находятся еще в таком состоянии, когда они решительно не могут совершать своего отправления, в то самое время половое чувство уже настолько выражено, что ребенок получает возможность злоупотреблять им и доставлять себе тем большой вред. В доказательство того, что это чувство очень сильно требует удовлетворения (разумеется, не „нормального“), мы можем привести повсеместное распространение онанизма. Барт говорит ¹⁾, что, несмотря на отсутствие всяких неестественных пороков между обитателями Золотого берега Африки, онанизм у них сильно распространен. О вредном влиянии на весь организм этого порока, происходящего, именно, вследствие преждевременного развития половой чувствительности, всякий имеет большее или меньшее понятие, и хотя он, положим, только в редких случаях бывает прямо спасен, но зато всегда производит сильное влияние на развитие столь распространенной „нервности“ организма. Много нервных болезней обязаны своим происхождением онанизму. И весьма вероятно, что этот же порок составил сильную долю той „*penchant à dégénérer*“ (наклонности к испорченности), существование которой предположил в себе Ж. Ж. Руссо, т.-е. что он в значительной мере повлиял на развитие безгранично страстного характера великого мыслителя. Чем дольше продолжается период от проявления половой чувствительности до начала „нормальной“ деятельности половых органов, тем дольше будет организм подвержен пороку, который будет производить тем худшее влияние на всю дальнейшую жизнь животного. Так как именно этот период всего дольше продолжается у человека, то понятно, что на него всего сильнее и должна повлиять природная несооразмерность в развитии половых органов, т.-е. слишком, преждевременное появление полового чувства. Как ни длинен, сравнительно, период развития человека от начала по-

¹⁾ Цитировано у Вайца, в *Antropologie der Naturvölker*, II, стр. 203.

явления полового чувства до общего созревания половых органов, но все же последний момент оказывается, в свою очередь, также слишком преждевременным. Время появления половой зрелости различно у различных полов и у различных народов. „Мы должны признать, — говорит Бурдах ¹⁾, — что существует общее правило, по которому чем совершеннее развивается общечеловеческий характер, тем позже появляется половая зрелость“. Это положение действительно подтверждается многими фактами. У народов, населяющих берега Амазонской реки, половая зрелость девочки появляется приблизительно в 12 лет; в тот же срок появляется она и у нецивилизованных северных народов Сибири. Очень рано появляется она также у жителей мароккской пустыни и у обитателей Индии. У негритянских и монгольских народов половая зрелость появляется вообще раньше, чем у европейцев, каковое отношение не изменяется и при переселении этих народов в другие климаты. Для европейских девочек нужно принять пятнадцатилетний возраст за средний срок появления половой зрелости. У европейских мальчиков этот период наступает обыкновенно от 15-ти до 18-тилетнего возраста.

Каким бы колебаниям ни подвергались средние цифры наступления периода половой зрелости, во всяком случае, в общем результате выходит, что этот период появляется слишком преждевременно по отношению к общему, целостному развитию организма и, напротив, чересчур поздно сравнительно с появлением полового чувства. Несоразмерность в появлении полового чувства и половой зрелости служит причиной продления того „ненормального“ периода, когда ребенок должен прибегать к „неестественным“ средствам самоудовлетворения. Несоразмерность же в относительном наступлении периода половой и общей зрелости организма производит очень много разнообразных дурных последствий в другой форме. Всякому более или менее известно, какое влияние производит половое воздержание на весь организм, и в какой мере оно обуславливает нервные болезни (особенно у девушек). С другой стороны, известно также, что вступление в брак девиц в молодом возрасте служит очень важной причиной болезненности и даже смертности молодых женщин. Если мы примем (согласуясь, разумеется, с научными данными), что период общей зрелости организма определяется в Европе приблизительно в 20 лет для девочек и в 24 года для мальчиков, то у нас получится продолжительность несоразмерности в половой и общей зрелости, равная пяти годам для девочек и от восьми до шести лет для мальчиков. До какой степени вредно, даже просто в физическом отношении, вступление молодых девушек и юношей в брак, можно уже видеть из прилагаемых статистических данных ²⁾. В период от 1855 до 1857 года во Франции умерло особ женского пола в возрасте:

¹⁾ *Traité de Physiologie*, т. V, стр. 40.

²⁾ См. *Oesterlen. Handbuch der medicinischen Statistik*. Tübingen 1865, стр. 193.

	Из 1000 замужних женщин.	Из 1000 незамужних девушек.
15—20 лет	14,0	8,0
20—25 „	9,8	8,5
30—40 „	9,1	10,3
40—50 „	10,0	13,8

Относительно сравнительной смертности женатых и неженатых юношей в периоде от 15 до 20-тилетнего возраста мы имеем следующие цифры: из 1000 женатых — 29,3 ежегодно, из 1000 неженатых только 6,7. Очевидно, что приведенный пример несо-размерного развития половой зрелости с общей зрелостью орга-низма всего более оказывает влияния на народы, стоящие во главе цивилизации. Там, где вступление в брак составляет нечто большее, чем простое сожительство, где при выборе супругов в значительной мере участвуют многие нравственные моменты, са-мое время заключения брака должно более или менее отодви-гаться, удлиняя тем и без того продолжительный период, начи-нающийся с половой зрелости. Поэтому-то мы и видим, что обык-новенно в низших слоях браки заключаются вообще раньше, чем в развитых сословиях, и у нецивилизованных народов рань-ше, чем у более цивилизованных¹⁾. Приведенные примеры ясно показывают, что в развитии организма действительно существуют несоразмерности в развитии отдельных аппаратов, — несоразмерно-сти, которые вообще тем значительнее, чем продолжительнее тя-нется весь период воспитательного развития. Но, кроме указан-ных, существует еще много других подобных же примеров, кото-рые в настоящую минуту менее осязательны и потому менее убе-дительны. Вообще только дальнейшая научная разработка исто-рии воспитательного развития человека и других животных даст нам полный ответ на главнейшие вопросы науки о воспитании. В настоящее время главная цель наша состояла в указании путей, по которым должно идти исследование, и в раскрытии главней-ших факторов, действующих при развитии человека. Мы и теперь могли бы указать на некоторые жизненные вопросы, которые до сих пор не перестают быть спорными и нерешенность которых зависит именно от несоответствия в относительном развитии различных человеческих способностей, — несоответствия, в основа-нии которого лежит, по всей вероятности, простое органическое несоответствие во времени развития некоторых частей нашего тела. Всем известен главный философский вопрос, который с са-мых первых времен умственной жизни человечества разделил его на две большие партии. Вопрос этот заключается в том, откуда человек получает источники своего познания. Получаются ли все наши знания из материала, добытого нашими чувствами (*nihil est*

1) В „развитых сословиях“, т. е. в буржуазных классах современного капита-листического общества, брак служит экономическим интересам — потребностям капи-тала в концентрации, интересам семейной собственности. Эти отодвигающие за-ключение брака на более поздний возраст моменты отсутствуют у „низших слоев“ т. е. среди пролетариата. Эти-то чисто экономические причины и объясняют ука-зываемые автором различия брачных возрастов в разных классах капиталистиче-ского общества,

in intellectu quod non fuerit in sensu), или же существуют еще какие-нибудь основные прирожденные понятия, независимые от ощущений (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse—в нашем разуме имеется только то, что дали ему ощущения, кроме самого разума)? Если этот вопрос может кем-нибудь считаться порешенным, то уже, во всяком случае, никак не научно решенным, а практически. Зная, что положения, основанные на данных, добытых посредством чувств, дают возможность с положительной точностью предсказывать события (как это делает, например, астрономия), мы, конечно, должны относиться с доверием к показанию чувств, взаимно контролируемых. Но все же этим не может окончательно разрешиться вопрос: откуда и каким образом происходят и развиваются наши познания? Если бы человек мог запомнить первые свои ощущения и вообще если бы элементы, из которых составляется человеческое знание, не только входили в различные комбинации, но и оставляли бы по себе след в памяти, то, конечно, человек не отступал бы так часто от прямого пути логического мышления, и спорный до сих пор вопрос, очевидно, вовсе не был бы вопросом. В том-то и дело, что первые наши ощущения, играя громадную роль в истории развития познания, совершенно недоступны памяти, которая, очевидно, развивается позже, чем следовало бы... Из всего сказанного нами выше следует, что в развитии самого организма находятся условия, имеющие дурное влияние на все дальнейшее развитие. Эти условия заключаются, главным образом, в неравномерном развитии таких частей, „нормальное“ отправление которых должно составлять нечто гармонически целое. Из сказанного легко видеть также, что чем дольше продолжается воспитательное развитие, тем сильнее выражается и действие неравномерного развития органов. Этот вывод дает нам, между прочим, возможность объяснить себе причину разлада между педагогами-теоретиками и педагогами-практиками, о котором мы сказали в начале нашей статьи. Теоретики, как Руссо, обращая внимание только на одну сторону дела, именно на чересчур значительное усложнение условий воспитания у цивилизованных народов, сравнительно с более простыми условиями воспитания так наз. дикарей, и на происходящие от этого невыгоды, восстают против отдаления человека от природы и ищут спасения в беспрекословном следовании „указаниям природы“. Они при этом упускают из виду, что именно уклонение человека от „указаний природы“ и та быстрая порча, на которую сетует Руссо, составляют прямой и необходимый результат особенностей самого организма. Понятно, почему практики не могли и не должны были останавливаться на теории „естественного воспитания“. Они должны были хорошо видеть, что эта теория хороша только на бумаге, а что в действительности она неприменима, так как самое строгое следование ее правилам не могло устранить препятствий, составляющих результат естественной неравномерности в развитии организма. Поставивши, таким образом, вопрос о воспитании на почву индуктивной науки, можно указать приблизительно и на задачи педагогики.

ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК.

Антропологический очерк.

1.

Возрасты и отношение их к развитию.—Высшие и низшие человеческие расы.
—Общий вывод о возрастах человека.

Основной темой для соображений, которые я намерен развить в этом очерке, я выбрал положение, являющееся простым выводом из суммы фактов и гласящее, что если какой-нибудь вид или индивидуум животного делает шаг вперед против своих собратьев, то отношения возрастов у него меняются и тем самым являются причиной различных, иногда довольно сложных, изменений. Положение это всего лучше поясняется примерами. Возьмем двух обыкновеннейших в наших водах амфибий, тритона и лягушку, животных, стоящих близко друг к другу в зоологической системе. Из этих двух видов лягушка занимает высшее место в системе, следовательно делает некоторым образом шаг вперед против своего собрата—тритона. В то время как последний всю свою жизнь сохраняет форму удлинённого, похожего на ящерицу животного с короткими ногами и длинным хвостом, лягушка только в течение некоторого времени является в виде тритонообразного хвостатого существа; при дальнейшем развитии она теряет признаки, делающие ее столь похожей на тритона, и приобретает свойства, характеризующие ее как настоящую лягушку. Другими словами, взрослая лягушка несравненно менее похожа на себя в личиночном состоянии, нежели тритон, который как бы соответствует лягушке в ее хвостатом, личиночном возрасте. Отсюда явно следует, что у лягушки развитие будет более сложное и более длинное, чем у тритона; у нее совершается так называемое полное превращение, тогда как развитие тритона подойдет под категорию простой метаморфозы. Другой пример мы возьмем из области так называемых ракообразных животных. Личинки, выходящие из яиц омара, хотя и похожи общим видом на взрослую форму, но отличаются от нее главным образом раздвоенными ногами, приближаясь в этом отношении к некоторым мелким морским ракам, сходным с креветками и известным под названием раздвоенноногих. У последних та особенность, которая характеризует молодой возраст омара, остается на всю жизнь,

подобно тому как и у тритона хвост является органом постоянным, а не кратковременным, как у лягушки; можно было бы привести еще целый ряд аналогичных примеров, но в них, собственно говоря, нет никакой надобности, так как вывод во всех случаях будет один и тот же, т.е. что, прогрессируя в развитии, животное претерпевает изменение в распределении и отношении возрастов.

Теперь посмотрим, можно ли в среде рода человеческого отыскать явления, подходящие под выведенное только что правило, следовательно явления, которые напоминали бы нам развитие амфибий и раков. Не выходя даже за пределы чистой зоологии, мы можем отвечать на этот вопрос утвердительно. Не все виды человеческого рода представляют нам одинаковую степень физического развития: есть расы высшие и низшие; из них последние отличаются именно такими особенностями, которые у первых являются в виде переходных кратковременных признаков. Я не стану разбирать здесь этого предмета во всей подробности, так как в этом для нашей цели нет никакой надобности, тем более, что я намерен посвятить вопросу о группировке человеческих рас особую статью. Для нашей цели достаточно указать в общих чертах, без числовых данных, на те признаки, которые известны, конечно, всякому из моих читателей. Из представителей низших рас в Европе всего более распространены негры. Кто не знает их характерного лица с совершенно плоским переносьем, широким, как бы придавленным носом, еще более широкими и выдающимися губами и пр.? Все эти особенности представляют прямую противоположность красивого кавказского лица, отличающегося возвышенным переносьем, длинным, тонким носом, тонким „пропорциональным“ ртом и пр. Но сравните две только что описанные физиономии с лицом очень маленького дитяти любого европейского народа. Всем известно, что лицо новорожденных детей сравнительно с взрослыми крайне безобразно, и что безобразие это главным образом обуславливается необычайно широким лицом, отсутствием переносья, вздернутым широким носом и большими губами, т.е. именно теми признаками, которые отличают лицо негра от взрослого европейца. Отсюда явно следует, что представители высшей человеческой расы рождаются с лицом, характеризующим низшие расы, подобно тому как омар рождается с раздвоенными ногами (*Schizopoda*), а лягушка — с хвостом, составляющим одну из главнейших особенностей тритона. В то время как головастики при дальнейшем своем развитии теряет жабры и хвост, новорожденный европеец претерпевает ряд изменений, переводящих его безобразное негрообразное лицо в красивое европейское. Все лицо значительно удлинняется, что главным образом совершается на счет удлинения носа, который из широкого и раздавленного переходит в прямой или загнутый и притом более выдающийся; рот и губы принимают нормальные размеры и пр.

Низшие в физическом отношении человеческие расы и в умственном отношении значительно отстают от высших, главным

представителем которых для нас будут всегда служить европейские народы. Что бы ни говорили об умственных способностях негров и других низших рас, высказанное только что положение все-таки останется непреложным фактом. Не подлежит никакому сомнению, что между неграми выдаются отдельные личности, но это столь же мало изменяет общий вывод, как и то обстоятельство, что у негров иногда попадаются совершенно европейские физиономии. Этим также отнюдь не отвергается возможность совершенствования негров, потому что при данных условиях всякое низшее существо может быть переведено на более высокую степень развития, хотя само собою понятно, что это совершенствование при обыкновенных условиях есть дело величайшей трудности, часто же и вовсе невозможное. Поэтому, например, меня нисколько не удивляет накапливающиеся с каждым годом факты об одичании негров в Либерии, на Гаити и в Америке, где они постепенно переходят к язычеству и подчас даже вводят у себя людоедские обычаи.

Подобно тому, как дети наши в ранней молодости напоминают своими физиономиями лица низших рас, и в умственном отношении они являются чрезвычайно похожими на дикарей. Это обстоятельство до такой степени резко бросается в глаза, что на него не раз указывали как путешественники, так и кабинетные ученые. Имея в виду большое значение этого факта для наших дальнейших соображений, я считаю нужным сказать о нем несколько слов. Кто не знает „диких“ выходок наших мальчиков, главные развлечения которых заключаются в борьбе, возне, шуме и гвалте; кого не поражает их неровный, пылкий характер, на который так сильно и так кратковременно действуют внешние впечатления? Безграничная удаль, шеголянье выносливостью боли и других неприятных ощущений одинаково характеризуют как нашего юношу в гимназическом возрасте, так и индейца, считающего крайне постыдным выказать страдание, до каких бы пределов оно ни дошло. У Леббока¹⁾ собрано довольно много фактов из отчетов различных путешественников, фактов, указывающих на поразительное сходство между поступками детей и дикарей; особенный же интерес представляют данные, приведенные Тэйлором²⁾ в пользу того мнения, что детские игры составляют остаток обычаев, бывших в употреблении у взрослых в давнопрошедшие времена и сохранившихся доньше у различных диких народов. Первый из названных авторов сообщает также весьма важные факты, доказывающие основное сходство многих языков первобытных народов с языком наших детей, заключающееся в стремлении к повторению слогов. В то время как в европейских языках подобные слова являются как редкие исключения (например, в английском: *adscititions*, *adventitions*), у детей они составляют главнейшую часть лексикона (папа, мама, дядя, няня, ляля, вава и проч.), а также весьма распространены в языках

¹⁾ Origin of civilisation. 1870, стр. 402—409.

²⁾ Первобытная культура. Том I, глава третья.

негритянских народов, полинезийцев и других „дикарей“ (например, Kamehameha, Rivi-Rivi, susu, parah и пр.).

Мысль о сходстве детей с первобытными дикарями далеко еще не разработана в той мере, как она того заслуживает, хотя на нее уже с давних пор было обращено внимание ученых. В сущности, то же самое выражает мнение Огюста Конта ¹⁾ и многих других писателей, что в развитии отдельного индивидуума как бы вкратце повторяется история всего человечества. Раннее детство Конт сравнивает с периодом фетишизма в развитии человечества; следующий затем возраст он как для отдельного индивидуума, так и для целого общества называет политеистическим периодом. Юность отдельного человека с ее мечтами и идеалами он приравнивает метафизической стадии развития и т. п.

Итак, в человеческом роде, так же как и вообще в органическом мире, развитие, начинаясь от одной исходной точки, идет вперед, но останавливается в одном месте на таком пункте, который в другом случае составляет только кратковременную переходную ступень. С этой точки зрения низшие расы как бы задерживаются на определенной стадии развития, подобно тому как у тритона задерживается его длинный хвост, а у Schizopoda — их раздвоенные ноги.

Из всего сказанного неизбежно вытекает тот простой вывод, что между отдельными возрастами дикаря существует несравненно большее сходство, чем между возрастами цивилизованного человека, подобно тому, как хвостатая личинка тритона гораздо более похожа на взрослую форму, чем головастик — на лягушку. Личинка тритона с того момента, когда она потеряла жабры и приобрела четыре ноги, есть уже по всем признакам настоящий молодой тритон; соответствующая же стадия развития лягушки будет еще головастиком-личинкой. То же самое и у человека. На низших ступенях юноша становится взрослым, начиная с того момента, когда у него появились физические признаки взрослого человека, когда он достаточно силен для того, чтобы собственными руками обеспечить жизнь свою и своего семейства. На высших же ступенях развитие продолжается несравненно дольше, так как цель, которую оно должно достигнуть, шире и глубже.

II.

Возраст вступления в брак у различных народов. — Существование дисгармонии в развитии человека.

В первой главе выставлен принцип, на котором будут основаны последующие соображения; цель же этих соображений заключается в том, чтобы уяснить отношение возрастов у народов „остановившихся“ на различных ступенях развития. Для того,

¹⁾ Philosophie positive. Томы IV—VI в различных местах; напр.: „Le développement individuel reproduit sous nos yeux, dans une succession plus rapide et plus familière, dont l'ensemble est alors mieux appréciable, quoique moins prononcé, les principales phases du développement social“. (Развитие индивида воспроизводит перед нашими глазами, — в последовательности более быстрой и более нам знако-

чтобы по возможности точно и подробно разработать этот вопрос, имеющий важное значение для общей антропологии, я избрал возраст вступления в брак, как наиболее подходящий к нашей цели. Вступление в брачную жизнь составляет довольно естественную переходную ступень от юношеского к зрелому возрасту и образует резкую черту, влияющую на всю жизнь человека. Именно по этой причине об этом возрасте имеется всего более фактических данных, значительный запас которых необходим для основательного изучения занимающего нас вопроса. Собственно статистические сведения имеются только для вполне цивилизованных народов, для первобытных же приходится ограничиться фактами, собранными путешественниками в различные времена. Мы начнем наш обзор с первобытных народов Африки, как с племен, занимающих одну из низших ступеней на лестнице человеческого рода. У готтентотов браки совершаются обыкновенно через посредство родителей, при чем случается, что невесту сговаривают в то время, когда она еще не вышла из детского возраста¹⁾. Нередко бывает, что девушек отдают замуж, когда им только что минуло восемь или девять лет²⁾. Сходные обычаи встречаем мы и у кафров. У них выдавание замуж есть род коммерческого предприятия. Появление половой зрелости у девочек сопровождается обыкновенно празднествами, при чем пирующие предаются всевозможного рода эксцессам. На следующее утро девушка публично принимается в число зрелых женщин и с того момента уже считается годной к вступлению в брак³⁾. У негров мы видим то же самое, только в еще более резких размерах. Они гордятся полигамией и стремятся получить, елико возможно, более жен. Король Ашанти может иметь 3333 жены, для чего ему нередко приходится жениться на маленьких, даже еще не отнятых от груди девочках. Вообще у негров в большем употреблении ранние сговоры, так что нередко родители условливаются уже относительно браков еще неродившихся детей⁴⁾. Для нас все эти факты имеют потому особенное значение, что они показывают, во-первых, простоту взгляда на брачные отношения, во-вторых, свидетельствует о том, что и фактический брак, т. е. половое сожитие, должно начинаться у негров сравнительно очень рано. Относительно последнего пункта мы имеем и более прямые указания. По свидетельству многих путешественников, наступление половой зрелости у мальчиков, так же как и у девочек, ознаменовывается профессиональным шествием, при чем разряженная девочка объявляется зрелой и готовой к выходу замуж⁵⁾. Усло-

мой, общие черты которой и становятся для нас тогда более доступными — главные фазы социального развития.) IV, стр. 447. Для животных та же мысль была всех лучше формулирована Ф. Мюллером в сочинении: „Für Darwin“. 1864.

¹⁾ *Fritsch*. Die Eingeborenen Süd-Africas. 1872, стр. 331.

²⁾ *Reich*. Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens, 1864, стр. 324. Единственное достоинство этого сочинения заключается в том, что в нем приведено очень много интересных выписок из различных авторов.

³⁾ *Fritsch*, I. c., стр. 112.

⁴⁾ *Reich*, стр. 301—302.

⁵⁾ *Vaitz*. Anthropologie der Naturvölker, II, стр. 110.

вия для вступления в брак негров-юношей также чрезвычайно легки и просты. Для этого стоит только быть собственником нескольких трубок, стула, сундука, выстроить избу и поймать пленного. Девочки же выходят замуж между десяти и двенадцатилетним возрастом¹⁾ (на северо-гвинейском берегу), или же, как, например, у негров племени Кич (по Белому Нилу)—в четырнадцать лет²⁾. Ранние браки свойственны и другим народам Африки, принадлежащим к кавказскому племени. Так, в Абиссинии девочки отдаются замуж необыкновенно молодыми³⁾, в Массаяу юноши начинают вступать в брак с семнадцати, а девушки с двенадцати лет (по показанию Мунцингера)⁴⁾. То же сообщает Рольфс⁵⁾ и относительно марокканских марабутов; он видел восьмилетнюю жену и тринадцатилетнего мужа.

Так как читателю легко может показаться с первого взгляда, что на брачную жизнь только что перечисленных народов имеет преобладающее влияние жаркий климат центральной Африки, то я считаю необходимым тотчас же перейти к обзору возраста вступления в брак у первобытных народов, живущих в холодном поясе земного шара. Относительно атхинцев (т.-е. обитателей Алеутских островов, ближайших к Камчатке), отец Вениамин⁶⁾ сообщает следующее: „Вступать в брак позволялось с 10-тилетнего возраста, как время, в которое мальчик мог и должен был уметь владеть байдаркою и стрелами и, следовательно, числиться в числе промышленников, а девица—шить. Родители еще в детстве делали сватовство друг с другом и назначали детей своих супругами“. В Аляске (бывшей русской Америке) браки заключаются также довольно рано; по словам американского путешественника Уимпера, у туземцев Аляски (Ко-Юконс) „пятнадцатилетняя девушка или уже имеет мужа, или же расставляет сети для подыскания такового⁷⁾“. О ранних браках туземцев Камчатки упоминает Эрман⁸⁾. Гумбольдт говорит в своем путешествии по Южной Америке⁹⁾, что между эскимосками, камчадалками и корячками нередко матери десятилетнего возраста. У Клемма¹⁰⁾ мы также находим, что эскимоски, остячки и самоедки часто рожают, когда им только что исполнится пятнадцать лет. К сожалению, ни Гумбольдт, ни Клемм не ссылаются на источники, вследствие чего сообщаемые ими сведения не могут быть подвергнуты критике.

О тунгузах, принадлежащих также к числу первобытных народов холодного климата, мы имеем сведения, сообщенные Георги. В его путешествии по России мы находим следующее¹¹⁾: „Для

1) *Reich*, 306.

2) *Globus*, 1871, т. XIX, стр. 181.

3) *Globus*, 1871, т. XIX, стр. 181.

4) *Zeitschrift für allgemeine Erdkunde*, 1859, стр. 99.

5) *Reise durch Marokko etc.* Bremen, 1863, стр. 88.

6) Записки об островах Уналашкинского отдела, 1840, т. III, стр. 9.

7) *Globus*, 1869, т. XVI, стр. 58.

8) *Zeitschrift für Ethnologie*, т. III, 1871, стр. 162.

9) *Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent*, т. III, 1817, стр. 293.

10) *Allgemeine Kulturgeschichte*, т. II, 1843, стр. 207.

11) *Bemerkungen einer Reise im russischen Reich*, 1775, т. I, стр. 265

того, чтобы сберечь плату за невесту, родители охотно меняют своих детей таким образом, что сын одних берет дочь других, и наоборот". Между ними встречаются пятнадцатилетние мужья и двенадцатилетние жены. Богатые торгуют часто восьмилетних детей, которые остаются у родителей невесты и спят вместе. После рождения первого ребенка молодые отделяются.

Наиболее подробные сведения о возрасте вступления в брак первобытного народа мне удалось добыть относительно волжских калмыков. Благодаря любезности г. главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенькова, я получил для изучения составленные ламаитским духовенством списки движения народонаселения калмыцкой степи; из всех данных я, однакоже, мог воспользоваться только возрастом вступления в брак, так как у калмыков вообще (как еще было замечено Палласом) обращается большое внимание не только на год рождения, но даже на месяц, день и пр. Абсолютные же цифры числа бракосочетаний, рождений и пр. вследствие неточности куда негодны. Тот факт, что калмыки вступают в брак довольно рано, был уже замечен сарептским миссионером Венямином Бергманном ¹⁾, написавшим известное сочинение о калмыцкой степи. Более же убедительны в этом отношении следующие числовые данные; из 279 девушек, вышедших замуж (в 1870 и 1871 годах):

8 находилось в возрасте 14 лет.				18—в возрасте 21 года.			
5	"	"	15	6	"	"	22
30	"	"	16	6	"	"	23
65	"	"	17	4	"	"	24
53	"	"	18	1	"	"	26
54	"	"	19	1	"	"	27
28	"	"	20				

Maximum падает, следовательно, на семнадцатилетний возраст. Двухлетних невест еще меньше, чем шестнадцатилетних, после же двадцати лет числа быстро спускаются до minimum'a; в двадцать пять лет не было ни одной невесты; после этого возраста было только два случая, да и те, может быть, означают вступление во второй брак. Сведения, которые мы имеем относительно женившихся мужчин, менее точны, на том основании, что в списках для них не обозначено, вступают ли они в первый или во второй брак. Вследствие этого общий показанный возраст будет несколько больше истинного. Вот полученные мною числа. Из 301 мужчины, вступивших в брак, было:

2 в возрасте 16 лет.				15 в возрасте 26 лет.			
14	"	"	17	14	"	"	27
20	"	"	18	20	"	"	28
28	"	"	19	7	"	"	29
32	"	"	20	1	"	"	30
37	"	"	21	3	"	"	31

¹⁾ Nomadische Streifereien unter den Kalmücken.

19 в возрасте	22	"	3 в возрасте	32	"
35 "	"	23 "	2 "	"	33 "
23 "	"	24 "	2 "	"	38 "
23 "	"	25 "	1 "	"	51 "

На тахитим (37) здесь приходится возраст 21 года; приблизительно столько же женившихся было, однакоже, и в возрасте 20 (32) и 23 лет (35). Вообще у мужчин мы замечаем гораздо более постепенный ход чисел, чем у невест, что отчасти обуславливается именно примешиванием браков вдовцов. С семнадцати лет цифры начинают сразу увеличиваться и точно так же быстро падают после 28 лет, так что брачными возрастами главным образом следует считать двенадцатилетний период между двумя указанными пределами. Обсуждая приведенные числа, необходимо иметь в виду общие условия населения калмыцкой степи и главным образом то обстоятельство, что в нем общая сумма мужского населения значительно превышает женское,—обстоятельство, замедляющее совершение браков.

На основании приведенных чисел, средний возраст вступления в брак выходит для женихов 22,8 лет, а для невест 18,3. О том, насколько эти возрасты ниже соответствующих цифр для собственно европейских народов, будет речь впереди. Покамест же мы снова возвращаемся к указанию возрастов для различных первобытных или полудивилизованных народов, основываясь на отчетах путешественников.

От монгольского племени мы переходим к малайским и полинезийским народам, при чем нам придется ограничиться лишь очень немногими фактами, так как о возрасте вступления в брак у этих народов, столь интересных с точки зрения семейной жизни, к сожалению, имеется очень мало сведений. О малайском народе острова Борнео, даяках, знаменитый натуралист Уоллес ¹⁾ сообщает следующее: „браки совершаются рано (но не слишком рано), и старые холостяки и девушки здесь тоже неизвестны“. Замечательно рано вступают в брак жители Мадагаскара (принадлежащие также к малайскому племени). По свидетельству путешественника семнадцатого столетия Мегизеруса ²⁾, мальчики женятся в возрасте от 10 до 12, девочки в возрасте 10 лет. О ранних браках маорисов (туземцев Новой Зеландии), жителей маленького острова Пуйнипет (принадлежащего к Каролинскому архипелагу) и Никобарских островов, упоминается в путешествии фрегата „Novara“ ³⁾. У меланезийцев, нравы которых вообще гораздо строже, чем в Полинезии, в большом употреблении обручение маленьких новорожденных или даже еще неродившихся детей. Нередко выдают молодых, еще еле достигших половой зрелости девушек за шестидесятилетних стариков,—обычай, часто встречающийся у

¹⁾ Малайский архипелаг. Русск. пер., стр. 99.

²⁾ *Рейх*, стр. 328.

³⁾ *Reise der österreichischen Fregatte „Novara“*. Beschreibende Theil, т. III, стр. 111, т. II, стр. 418, 86.

полигамических народов ¹⁾. У меланезийских туземцев Новой Каледонии мужчины женятся между 17 и 18, а девушки вступают в брак между 13 и 14 годами ²⁾. Туземцы островов Фиджи, отличающиеся поздно наступающей половой зрелостью, вступают в брак позже прочих меланезийцев; у них прямо запрещается сожительство ранее 18 или 20 лет, т.е. возраста, когда у мужчин отрастает густая борода ³⁾. Совершенно тоже встречаем мы и у некоторых племен юго-западной Австралии ⁴⁾, так что нередко мужчины не женятся до тридцатилетнего возраста. Этот обычай отчасти объясняется недостатком женщин, отчасти же он обусловлен и религиозными мотивами.

Америка представляет нам целый ряд интересных фактов. У большей части индейских народностей мы встречаем ранние браки; у южно-американских индейцев они заключаются несколько ранее, чем у северо и средне-американских народов. Наступление половой зрелости считается моментом, с которого может быть начинаема брачная жизнь. Таким образом, лаплатским индейцам разрешается вступление в брак с 12 лет для девушек и с 14 лет для мальчиков, т.е. именно в то время, около которого у них наступает половая зрелость ⁵⁾. Некоторые индейские девушки (народа Варрау, некоторых бразильских народов и пр.) выходят замуж уже в 10 лет. Бурмейстер, описывая бразильский народ Коррадосов, упоминает об обрядах, совершаемых при наступлении первой менструации у девушек, и прибавляет, что к этому времени они считаются способными к вступлению в брак, что они и выполняют обыкновенно примерно в четырнадцатилетнем возрасте. То же самое сообщают и относительно перуанских дикарей. Девушки гуаранов (парагвайских индейцев) вступают в брак между 10 и 12 годами, а юноши несколько позже, и пр., и пр. Исключение из общего правила ранних браков составляют между нынешними индейцами только парагвайские абипоны, — народ, подробным описанием которого наука обязана аббату Добрицгоферу. У них девушки в редких случаях выходят замуж ранее 19 или 20 лет, юноши же почти никогда не женятся ранее достижения двадцатипятилетнего возраста.

В противоположность нынешним „диким“ индейцам, цивилизованные обитатели древней Мехики и Перу вступали в брак значительно позже. Судя по словам историка Клавигера, юношам в Мехике разрешалось вступать в брак от 20 до 22-летнего возраста, подходящий же возраст для девушки полагался между 16 и 18 годами. Еще более поздний возраст назначался в царстве Инков, где брачный возраст начинался с 24 лет для мужчин и от 18 до 20-ти лет для девушек. И у нынешних индейцев, живущих к

1) См. Герлянд продолжение соч. *Вайца*. *Antropologie der Naturvölker*, т. IV, стр. 631, 632.

2) *Ausland*. 1866, стр. 450.

3) *Герлянд у Вайца*, *Антропология*, т. VI, стр. 630.

4) *Герлянд*, I. с., стр. 715, 778.

5) *Рейх*, I. с. О вступлении в брак индейцев, стр. 365, 371, 374, 380, 404, 410, 420, 430, 432, 433, 435, 436, 445, 447, 455, 450.

западу от Миссисипи, сохранилось воспоминание о том, что в прежнее время браки совершались позже, чем теперь.

Тот вывод, который неизбежно вытекает из только что указанных фактов относительно Америки, еще с большею резкостью обнаруживается при обзоре народов индокавказского племени. И здесь низшим степеням культурного развития соответствует более ранний возраст вступления в брак. Индусы и родственные им цыгане занимают в этом отношении одно из первых мест. У индусов также существует обычай обручения в раннем детском возрасте, но и самый брак у них совершается, когда обрученные только что вступают в юношество. Девушки выходят замуж по достижении двенадцати или тринадцатилетнего возраста. То же встречаем мы у цыган, рассеянных по странам, климат которых не имеет ничего общего с тропическим климатом их первоначальной родины. О ранних браках этого народа мы имеем несколько указаний. Вот, например, одно из них, заимствованное мною из сочинения Греллманна: „По достижении 13 или 14 лет цыганский юноша замечает уже, что ему недостает еще чего-то, кроме пищи и питья; а так как он так же мало озабочен дальнейшей судьбой, как и птицы небесные, да и притом еще пользуется неограниченной свободой действий, то он тотчас же приступает к делу и женится на первой понравившейся ему девушке двенадцати, а в крайнем случае тринадцатилетнего возраста“. Сингалезцы (обитатели острова Цейлона, столь известные своей полиандрией) вступают в брак столь же рано и при тех же условиях (обручение в детстве), как и индусы. Интересные сведения сообщает французский путешественник дю-Перрон о браках парсов Гусураты, небольшого иранского народа Ост-Индии. Родители сговаривают детей, когда последним исполнилось три года; по достижении шестилетнего возраста их уже поселяют вместе, хотя бракосочетание совершается не ранее наступления половой зрелости у невесты. В Кирмане парсы сговаривают девятилетних детей, в брак же позволяют вступать не ранее двенадцати лет, а истинный брак, т.-е. сожитие, совершается тотчас после наступления менструации. Сходные обычаи по отношению к возрасту вступления в брак встречаем мы у некоторых других народов иранского семейства, как-то у персиан, курдов и армян. Позже других совершаются браки у афганцев, у которых обыкновенно юноши женятся на двадцатом, девушки же выходят замуж на пятнадцатом или шестнадцатом году. Так как, однакоже, приобретение жены стоит довольно больших денег, то нередко случается, что мужчины до 40 лет остаются холостыми; двадцатилетние девы в Афганистане также не составляют редкости.

Между народами Кавказа некоторые, как, например, грузины, вступают в брак чрезвычайно рано. Обручение у них совершается часто еще в то время, когда дети не вышли из колыбели, самый же брак нередко совершается в 15 лет для мальчика и в 12 лет для девочки. У других же кавказских народов, как, например, у хевзуров, девушек выдают замуж на двадцатом году, хотя их и обручают еще в детстве. Мы уже видели выше, что

некоторые из принадлежащих к кавказскому племени народов Африки вступают в брак в весьма раннем возрасте. То же мы должны теперь сказать и о нынешних египтянках, и об африканских арабских девушках, которые выходят замуж иногда в 10, большую же частью в 12 или 13 лет. Девушки алжирских евреев также довольно рано вступают в брак (между 13 и 16 годами). Мужчинам же иногда приходится ждать до тридцатилетнего возраста. Алжирские мавры вступают в брак раньше (богатые юноши в 13 лет, бедные позже). Тунисские мавры женятся в 16 или 18, иногда даже в 14 лет. Девочки же выходят замуж иногда ранее полного десятилетнего возраста. Тунисские евреи женятся между 16 и 20-ю годами, еврейки выходят замуж между 12 и 15-ю годами.

Обратимся теперь к более подробным сведениям, которые представляет нам статистика относительно европейских народов. Из всех известных в этом отношении стран первое место по раннему вступлению в брак занимает Россия, как это недавно было показано профессором Янсоном, интересный этюд которого послужит нам источником для следующих данных. „В России браки заключаются ранее, чем где-либо,—говорит названный ученый, сравнивая возраст вступления в брак в России и в одиннадцати европейских государствах.—На возраст до 20 лет в России приходится около 47% всех браков, в то время как в Западной Европе процент таких браков колеблется между 10 и 2%. Наоборот, несвоевременных и поздних браков у нас гораздо менее, особенно поздних; у нас они дают около 1% всех браков, на западе Европы от 3 до 2%“.

Рассматривая возраст вступления в брак по полам, г. Янсон приходит к следующему выводу: „в возрасте до 20 лет в Западной Европе женится 1,5% мужчин, в России—36,9, т.-е. в 24 раза больше; на 11,6% женщин, выходящих замуж до 20 лет, в России приходится 56,6%, т.-е. почти в пять раз больше; следовательно, для женщин ранние браки у нас не представляют такого характерного явления, как ранние браки для мужчин. На одного мужчину, вступающего в брак до 20 лет, приходится на западе Европы 8, у нас 1,5 женщин той же возрастной группы“.

Губернии, в которых мужчины женятся всего позже (абсолютный брачный возраст в 25—35 лет), суть: Петербургская ¹⁾ Ревельская ²⁾, Рижская ³⁾, Митавская ³⁾ и Ковенская ⁴⁾, т.-е. пять губерний, принадлежащих к числу наиболее цивилизованных в России. Губернии же, в которых браки мужчин совершаются всего ранее, составляют центр России, по преимуществу губернии Рязанская (63% браков от 20 до 25 лет), Тамбовская, Тульская, Донская область, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Пензенская, Орловская и Владимирская (51%). Абсолютный брачный возраст женщины представляет в общем те же данные, как возраст мужчины.

- 1) Ленинградская.
- 2) Теперь Эстония.
- 3) Латвия.
- 4) Литва.

Весьма интересны следующие цифры относительно распределения брачного возраста мужчины и женщины по вероисповеданиям:

Возраст вступления в брак.							
	Православные.	Старообрядцы.	Католики.	Протестанты.	Евреи.	Магометане.	Средн. вывод.
<i>Для мужчины:</i>							
От — до 20 л.	3974	4208	824	667	4342	1618	3689
„ 20 „ 25 „	3170	3062	3161	3180	2637	3837	3183
„ 25 „ 35 „	1613	2153	4197	4061	1779	1708	1806
„ 35 „ 50 „	1087	733	1910	1578	908	1429	1140
После 50 л.	166	42	307	434	234	408	257
<i>Для женщины:</i>							
От — до 20 л.	5868	5453	3864	2664	6089	4529	5665
„ 20 „ 25 „	2571	2579	3262	3724	2121	3108	2636
„ 25 „ 35 „	1035	1399	2017	2656	1218	1651	1142
„ 35 „ 50 „	500	376	811	881	526	617	524
После 50 л.	26	5	45	76	45	95	31

Заметим еще последний вывод г. Янсона: „в городском населении России возраст брачующихся заметно отличается от возраста в остальном населении. В городах браки заключаются вообще позже как у мужчин, так и у женщин. Для мужчин абсолютный возраст приходится на период 25—35 лет; женщин относительно менее выходит замуж до 20 лет и значительно более от 25 до 35 лет, чем в остальном населении“. Эти данные имеют самое непосредственное значение для нашего общего вывода. Городское население вообще стоит на более высокой степени развития, чем сельское, и вступает в брак позже, нежели последнее. То же замечаем мы и при рассмотрении распределения браков по вероисповеданиям. Из заимствованной у г. Янсона таблички мы видим, что из всего населения России всего позже вступают в брак протестанты, затем католики, т.-е. именно лица, принадлежащие к народам западно-европейской культуры. Всех раньше, напротив, вступают в брак евреи, семейные обычаи которых, как известно, стоят еще на очень примитивной ступени. Почти столь же рано совершаются браки у православных и старообрядцев. Лица, принадлежащие к этим двум исповеданиям, принадлежат в то же время и одному общему культурному слою, вследствие чего совершенно понятно, что по отношению возраста вступления в брак они представляют между собою самое большое сходство (см. табличку). Аномальнее всех других оказываются числа по отношению магометан (очевидно большею частью татар, так как сравнительно с степенью культуры браки их совершаются недостаточно рано). Но зато это единственный парадоксальный факт во всей табличке.

Обратимся теперь к Западной Европе. Браки до двадцатилетнего возраста, которые у нас составляют почти половину всех браков (47%), а у калмыков больше половины (53,63%), в Европе называются „преждевременными“ и составляют самую ничтожную долю всех браков. Таких браков приходится всего больше (15,74%) в Сардинии, всего же меньше (1,91%) в Баварии; между этими крайностями находится Франция (10,71%), Англия (7,30%), Бельгия (5,60%), Нидерланды (4,44%) и Норвегия (2,69%). Эти колебания, сравнительно говоря, не настолько значительны, чтобы их можно было солидным образом поставить в зависимость от культуры, да и вообще их покамест невозможно объяснить научным образом. Для нашей цели в этом, впрочем, нет и надобности, так как мы можем вращаться только в сфере крупных явлений, и потому-то нам важнее всего знать общие данные для Западной Европы, как большого центра высшей культуры. Ничтожное число „преждевременных“ браков есть первый факт, имеющий для нас тем большее значение, что смысл его до крайности ясен. „Браки ранее 20 лет,—говорит Ваппеус (II, 270),—в цивилизованных государствах следует считать вообще преждевременными или чересчур ранними, так как в наших государствах ни муж, ни жена, или во всяком случае первый из них не достигают в то время той физической и нравственной зрелости, которая потребна для выполнения различных обязанностей, налагаемых браком“. Браки, заключенные между 20 и 25 годами, в Европе еще считаются ранними, своевременными же называют браки, заключенные между 25 и 35-ю годами. Таких браков в десяти государствах Западной Европы (Англия, Сардиния, Франция, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Голштиния, Шлезвиг и Дания) заключается 47,91%, в России же только 14,78%.

Особенный интерес представляют для нас данные относительно среднего возраста, и притом первых браков, данные, которые мы заимствуем у Ваппеуса (том II, стр. 285). Таким образом средний возраст будет:

	Для женихов.	Для невест.
В Англии	25,94 года.	24,69 года.
„ Франции	28,41 „	25,32 „
„ Норвегии	28,51 „	26,98 „
„ Нидерландах	29,15 „	27,78 „
„ Бельгии	29,94 „	28,19 „

Я не хочу утомлять читателя дальнейшим перечислением фактов, сходных с теми, которые я уже сообщил. Если ему, однакоже, захочется иметь их большее количество пусть он сам обратится к цитированным мною источникам, попреимуществу же к сочинениям Вайца, Рейха и Ваппеуса. Я же попробую обобщить полученные результаты и затем указать на их разнообразное значение.

Из всего вышесказанного прежде всего вытекает, что браки заключаются тем позже, чем выше стоит культурное развитие народа, или, другими словами, что развитие, цивилизация влечет

за собою большее или меньшее запаздывание возраста вступления в брак. Этот вывод настолько резок, что нам не придется защищать его против каких-либо возможных возражений. Я этим ничуть не хочу сказать, чтобы у всех перечисленных народов приведенная цифра возраста была во всех случаях одинаково соизмеримой, то-есть, чтобы пятнадцатилетний возраст где-нибудь в Индостане соответствовал пятнадцатилетнему возрасту в Европе и т. п.,—я утверждаю только, что, отвлекаясь даже от всех отличий в большей или меньшей быстроте физического созревания, все-таки возраст вступления в брак у первобытных народов несравненно более ранний, чем у цивилизованных. Многие дикie народы сговаривают своих детей, когда те еще не успели выйти из детского возраста, и ждут появления половой зрелости, как момента, определяющего начало истинной брачной жизни. Поэтому-то у таких народов первое появление менструации считается делом особенной важности и сопровождается торжественными процессиями и пиршеством. У цивилизованных народов мы видим совершенно иное; у них появление половой зрелости и возраст вступления в брак не только не являются синхронически совпадающими моментами, но разделяются всегда значительным промежутком времени. Так, напр., у англичанок, у которых средний возраст вступления в брак равняется приблизительно 24 годам и восьми с половиною месяцам, половая зрелость наступает средним числом в 15 с половиною лет, по свидетельству Гогга ¹⁾, у них, следовательно, промежуток между обоими моментами, которого у диких народов не существует вовсе, равняется девяти годам и двум с половиною месяцам. У француженок этот промежуток еще больше. Средний возраст вступления в (первый) брак у них составляет 25 лет и 4 месяца, момент же появления первой менструации у них падает примерно на возраст 14 лет и 4 месяца, следовательно разница равняется одиннадцати годам.

Важное значение указанных фактов не может не броситься в глаза, и потому мы должны остановиться на них несколько долее. Всем известно, что наступление половой зрелости ни у одного европейского цивилизованного народа не считается признаком годности для вступления в брак и, следовательно, признаком полной зрелости. „Совершеннолетие“ по нашим законам начинается с 21 года, т.-е. по крайней мере, лет на пять позже наступления зрелости у мальчиков. Тот же возраст определяется и французскими законами; в Пруссии и Австрии совершеннолетний возраст начинается с 24 лет. Хотя по законам и можно вступать в брак до наступления совершеннолетия, тем не менее понятно, что браки, совершенные в этом периоде, будут больше или меньше браками преждевременными. Но, что гораздо важнее и с точки зрения физиологических законов, момент появления половой зрелости (у европейцев, по крайней мере) наступает ранее общей зрелости организма, того, что называется *púbilitas*. В каждом учебнике физиологии можно найти указание на то, что истинная способ-

¹⁾ Medical Times Gazette. November, 4, 1871.

ность к размножению наступает позже половой зрелости, хотя нигде не определяется в точности момент наступления этой способности. Всего больше занимались этим предметом медики, причем на общую зрелость они смотрели как на момент, с которого начинаются наиболее правильные роды, т.-е. роды, сопряженные с наименьшими шансами смертности и бесплодия. Денкан ¹⁾, более других занимавшийся этим вопросом, определяет наступление общей зрелости для девушек в 20 лет. В доказательство своего мнения он приводит то, что возраст от 20—24 лет подвержен наименьшей послеродовой смертности и представляется наиболее плодородным, а также и то, что рост тазовых костей завершается только около двадцатилетнего возраста. Если мы, следуя этому мнению, скажем, что возраст вступления в брак, положенный физической природою, будет для европейских девушек равняться 20 годам, то все же должны будем признать, что цивилизация отодвигает и его на несколько лет. Для англичанок этот промежуток, между наступлением общей зрелости и средним возрастом вступления в брак, составит 4,69 года, для француженок—5,32, для норвежек—6,98, для голландок—7,78, для бельгийских невест—8,19 года.

Причины подобного запаздывания против всех норм, указанных природою, могут быть отчасти указаны теперь же, хотя более подробно они будут рассмотрены ниже. На первом плане должно быть поставлено умственное развитие, неизбежно вносимое цивилизацией. Тазовые кости могут кончить свой рост в 20 лет и наилучшим образом приспособиться к рождению детей, тем не менее это обстоятельство ни мало не будет определяющим моментом при вступлении в брак большинства цивилизованных девушек, которые руководствуются при этом иными мотивами, как, напр., общественным положением, репутацией и пр.

Определение общей зрелости для мужского пола подвержено еще несравненно большим затруднениям, чем для девушек; во всяком случае не подлежит, однакоже, сомнению, что физическая бракоспособность юноши не может подчиняться тем сложным требованиям, какие налагают на женский пол условия деторождения. Если мы, для того чтобы определить наступление общей зрелости, обратимся к распределению смертности по возрастам и по семейному состоянию, то опять получим в результате двадцатилетний возраст как первый предел, положенный природою для вступления юношей в брак. Из исследования д-ра Фарра ²⁾ оказывается, что смертность женатых мужчин (во Франции) очень велика до двадцатилетнего возраста; начиная же от этого предела и вплоть до 80 лет холостые подвержены гораздо большей смертности, чем женатые. Между тем в Европе браки от 20—25 лет еще считаются ранними и составляют менее

¹⁾ Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesamten Medicin für 1866. T. II, 1867, стр. 516.

²⁾ Статья этого ученого известна мне из книги Дарвина „О происхождении человека“, т. I, глава 5.

трети (30,25%, средним числом для Англии, Франции, Норвегии, Нидерландов и Бельгии, взятых вместе) ¹⁾, всего числа женившихся. Если мы, подобно тому как это сделали для девушек, вычтем момент наступления общей зрелости (полагая его также в 20 лет) из среднего возраста вступления в брак, то получим следующие числа: для англичан—5,94 года, для французов—8,41, для норвежцев—8,51, для голландцев—9,15, для бельгийцев—9,94 года.

Общий наш вывод может быть формулирован следующим образом. Половая зрелость (*pubertas*), общая физическая зрелость (*pubilitas*) и брачная зрелость (возраст вступления в брак) составляют три важных момента в жизни человека, имеющих одну и ту же цель: удовлетворение стремлений к поддержанию вида (размножение). В одних случаях (большинство первобытных народов) эти три момента совпадают или почти совпадают друг с другом; в других же случаях они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тем более длинные, чем дольше совершается развитие, и потому наиболее ощутительные у наиболее цивилизованных народов. Эти промежутки, означающие неравномерное и, следовательно, неодновременное развитие аппаратов, служащих для одной и той же цели, составляют доказательство существования дисгармоний в развитии человека. На это обстоятельство мною уже было указано в статье: „Воспитание с антропологической точки зрения“ ²⁾, в которой я именно пытался доказать, что в течение всего внематочного периода „существуют несоразмерности в развитии отдельных аппаратов“, несоразмерности, имеющие большое значение в деле воспитания, в смысле препятствий последнему. Настоящий очерк может быть рассматриваем, как продолжение той же статьи, так как основа в нем та же самая; различие же заключается, во-первых, в том, что мною теперь взят не детский возраст, а юношеский, во-вторых же, и это гораздо важнее, в том, что для изучения дисгармонических моментов брачной жизни мы имеем гораздо более данных, чем для воспитательных дисгармоний. В моей прежней статье мне, поэтому, приходилось ограничиваться общими замечаниями, здесь же весь вопрос может быть рассмотрен с помощью обстоятельных, чисто числовых статистических данных. В настоящей главе брачный возраст был рассмотрен исключительно, так сказать, с географико-этнологической точки зрения. Но так как для нас весьма важно исключить участие чисто этнических моментов, выдвигая на перед влияние развития цивилизации, то нам неизбежно придется приступить к обзору фактов относительно возраста вступления в брак в сфере одного народа, или, по крайней мере, нескольких, близких друг к другу этнологических групп.

¹⁾ Вывод сделан по числам *Banneysa* „Bevölkerungsstatistik“, II, стр. 283.

²⁾ „Вестник Европы“, 1871, январь, стр. 105.

III.

Возраст вступления в брак в различных культурных слоях.—Дисгармонические периоды.—Отношение их у мужчин и женщин.

В сфере каждого народа существует несколько общественных слоев, более или менее резко отличающихся друг от друга в культурном отношении. Этим отличиям соответствуют и возрасты вступления в брак, представляющие среди одного и того же народа иногда довольно значительные изменения. Вот почему нам невозможно удовлетвориться теми суммарными данными о возрастах, которые приводятся в статистических сочинениях и которые являются, поэтому, весьма сложными величинами. В статистиках говорится о Франции, Англии и т. п., как о чем-то целом и едином, между тем население этих стран состоит из многих групп, стоящих на совершенно различной степени развития. В самом деле, что может быть поразительнее отличия между французом-позитивистом, отыскивающим научные законы психических явлений, и нормандским рыбаком, приносящим жертвы и советующимся с знахарями о болезнях и пр.? Изучая влияние культуры на семейную и общественную жизнь, невозможно игнорировать подобные отличия.

На изменение возраста вступления в брак в сфере одного и того же народа влияют, во-первых, колебания материального благосостояния, а во-вторых, изменения в степени общего культурного развития. Еще со времен Мальтуса стало известным, что в неурожайные годы заключается меньше браков, чем в урожайные, из чего следует, что первые, задерживая на некоторое время вступление в брак, делают брачный возраст несколько более поздним. У первобытных народов подобного рода факты составляют почти исключительную причину изменения этого возраста, что особенно заметно в тех случаях, когда жена приобретает за деньги и притом стоит довольно дорого. Так, напр., в Кохинхине, „мужчины низших классов редко женятся ранее двадцати, многие же принуждены ждать и до 30 лет; богатые же вступают в брак уже в пятнадцатилетнем возрасте“¹⁾. То же самое относится к афганцам и маврам, как это уже было сказано в предыдущей главе. Всем известно также, что и в цивилизованных европейских государствах степень материального благосостояния играет немаловажную роль в деле возраста вступления в брак. Для того чтобы жениться, юноша должен обзавестись известным добром, приобретение которого требует времени; в некоторых государствах даже существует закон, требующий от вступающего в брак доказательств обладания определенным имуществом. В Швеции существует поговорка: „нет сельдей, нет и браков“, происшедшая вследствие того, что количество браков у береговых жителей этой страны определяется большим или меньшим уловом сельдей. В 1871 г. улов был неслыханный, и число браков возросло до небывалой в прежние времена степени.

1) Рейх, стр. 233. Составлено по Крауфорду.

У первобытных или в низших слоях цивилизованных народов такого рода материальные мотивы составляют главнейшую и, как я сказал уже, почти единственную причину, обуславливающую запаздывание браков. На более же высоких степенях культурного развития в том же направлении действуют другие причины и действуют притом с несравненно большою силою. Для того, чтобы убедиться в этом, нам необходимо несколько обстоятельнее ознакомиться с изменениями брачного возраста в различных культурных слоях одного и того же народа. Возьмем, например, англичан, у которых средний возраст вступления в брак есть самый ранний из пяти известных в этом отношении европейских государств. Для мужчин он равняется, как было сказано выше, 25,94, а для женщин—24,69 года. Статистического материала для определения брачного возраста по культурному состоянию не имеется; поэтому я прибегнул к следующему способу. Я выбрал сословие пэров, епископов, баронов и пр. как представителей одного из высших культурных слоев, стоящего на высокой ступени материального благосостояния, и в то же время такого слоя, о котором можно получить наибольшее число фактических данных. По моей просьбе один из моих друзей выписал¹⁾ для меня возраст вступления в первый брак 690 мужчин и 112 женщин из названного сословия, при чем получились следующие числа:

Для мужчин.

В возрасте: 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 лет.
Число браков: 1, 2, 7, 34, 29, 44, 54, 51, 49, 39, 52, 33, 32.

В возрасте: 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 лет.
Число браков: 44, 25, 38, 24, 20, 21, 12, 10, 9, 9, 7, 3, 4.

В возрасте: 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 68, 70 лет.
Число браков: 7, 4, 3, 4, 3, 5, 2, 2, 1, 3, 1, 1, 1.

Для женщин.

В возрасте: 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 лет.
Число браков: 2, 9, 6, 11, 18, 9, 14, 13, 2, 10, 4, 3, 2.

В возрасте: 30, 31, 33, 37 лет.
Число браков: 3, 4, 1, 1.

Судя по этим данным, средний возраст вступления в брак будет для мужчин равняться 29,63 года, т.-е. на 3,69 года позже, чем для англичан вообще; для женщин же он составит только 23,07 года, т.-е. на 1,62 года раньше, чем для англичан вообще. Для того, чтобы лучше сравнивать приведенные мною данные, я сопоставляю здесь процентные отношения для пэров, епископов и пр. с числами, заимствованными мною у Эттингена²⁾, при

1) По сочинению Dod. Peerage, Baronetage and Knightage of Gr. Britain and Ireland for 1872. London. I. Peers, Peeresses, Bishops, Lords of session Privy-Councillers, Baronets and Knights of the British Empire. A. E.

2) Moralstatistik. 1868, стр. 411.

чем считаю нужным заметить, что я беру только мужчин (так как число фактов для женщин чересчур незначительно) и вместо пермильных расчетов дерптского профессора ограничиваюсь процентами:

Возрасты.	Для англи- чан вообще.	Для пэров, епископов и пр.	Возрасты.	Для англи- чан вообще.	Для пэров, епископов и пр.
15—16	0,0007	0	40—45	3,45	4,34
16—17	0,0023	0	45—50	2,12	2,75
17—18	0,044	0,14	50—55	1,53	1,0
18—19	0,42	0	55—60	0,93	} 0,43
19—20	1,96	0,28	60—65	0,62	
20—25	46,18	24,49	65—70	0,26	
25—30	26,36	32,46	70—75	0,11	
30—35	10,55	23,62	75—80	0,026	0
35—40	5,45	10,43	80 и т. д.	0,007	0

В первом столбце тахитим приходится на возраст от 20—25 лет, во втором же он спускается на возраст 25—30 лет. В первом до 25 лет заключается вообще 48,63%, т.-е. почти половина всех браков, во втором же столбце до 25 лет женятся только 24,91%, т.-е. почти четверть общего числа браков. Результаты получились бы, однакоже, еще несравненно более резкие, если бы в таблице Эттингена были приведены только числа для первых браков и если бы из них были исключены те самые пэры, лорды и пр., которые столь явно замедляют возраст вступления в брак.

Для низших слоев английского населения у меня нет подробных данных, поэтому я ограничиваюсь только цитатой из статьи проф. Пешеля, человека вообще весьма добросовестного и компетентного. „В фабричных областях Англии,—говорит этот ученый в своей статье „*Sorgen des modernen Gesellschaft*“¹⁾,—юноши женятся уже в возрасте от 17 до 19 лет, девушки же выходят замуж от 16 до 18 лет“. Хотя эти числа очевидно преувеличены, так как всех мужских браков от 17 до 19 лет приходится для всей Англии не более 0,46%, тем не менее справедливо то, что фабричные рабочие вступают в брак довольно рано сравнительно с остальными англичанами.

Обратимся теперь к немецким странам. Распределение браков по возрастам и полам мне известно для общего населения Баварии, Пруссии и Австрии, для которых получены следующие цифры:

Для мужчин в ‰.

В возрасте:	Бавария.	Пруссия.	Австрия.
до 20 лет	0,29	1,27	—
от 20—30 лет	44,21	62,38	58,32
„ 30—40 „	38,36	25,65	27,23
„ 40—50 „	} 17,14	7,70	8,85
выше 50 лет		3,09	5,60.

1) Ausland, 1866, стр. 330.

Для женщин.

В возрасте:	Бавария.	Пруссия.	Австрия.
до 20 лет	3,53	8,42	15,70
от 20—30 лет	57,82	7,90	57,10
„ 30—40 „	29,27	17,17	19,37
„ 40—50 „	} 9,38	4,61	6,39
выше 50 лет		0,90	1,05.

Из общей массы населения я мог выделить только немецких принцев и принцесс, браки которых записаны в готском календаре; я поступал при этом точно так же, как и относительно английских пэров, т.е. брал только вступление в первый брак, как единственное верное выражение действительного брачного возраста. Мною было выписано 270 принцев (сиятельных и светлейших) и 272 принцессы, при чем получились следующие числа:

Для мужчин.

В возрасте:	19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 года.
Число браков:	1, 1, 5, 7, 8, 15, 15, 15, 27, 23, 16, 19, 14.
В возрасте:	32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 48 лет.
Число браков:	12, 13, 14, 17, 10, 6, 5, 6, 5, 5, 11.

Для женщин.

В возрасте:	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 лет.
Число браков:	1, 10, 24, 23, 28, 38, 21, 21, 20, 20, 17, 17, 7.
В возрасте:	29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42 лет.
Число браков:	4, 5, 3, 5, 1, 0, 2, 2, 1, 0, 0, 1, 1.

Средний возраст, высчитанный на основании этих чисел, равняется для принцев 30,5 года, а для принцесс 22,6 года. Для первых, следовательно, он выше, чем где-либо в Европе, для последних же он, напротив, отодвигается назад. Самое большое число браков падает для мужчин на двадцатисемилетний возраст, для принцесс же оно соответствует возрасту 21 года. Если мы высчитаем процентное отношение возрастов, соединяя последние в такие же группы, какие были приняты вообще для трех немецких государств, то получим:

	<i>Для мужчин.</i>	<i>Для женщин.</i>
В возрасте до 20 лет	0,37%	21,32%
от 20 до 30 лет	48,98 „	70,96 „
„ 30 „ 40 „	42,96 „	6,99 „
„ 40 „ 50 „	7,77 „	0,73 „

Сравнивая полученные результаты, мы никоим образом не должны упускать из виду, что числа для Баварии, Пруссии и Австрии относятся к возрасту всех браков, тогда как наши данные для принцев составлены только для первого брака, отсюда ясно, что в первых процентные отношения должны выходить большими, чем для первых браков, так как позднее всего заклю-

чаются вторые и третьи браки. Несмотря, однакоже, на это, полученные числа для принцев указывают на более поздний брачный возраст их сравнительно с общим населением Австрии и Пруссии. До тридцатилетнего возраста в Пруссии женится 63,65%, в Австрии—58,32%, мужчин принцев того же возраста в этот период женится 49,25%. Только Бавария представляет исключение, так как в ней сумма браков до 30 лет составляет 44,5%, что, впрочем, в значительной мере может зависеть именно от присоединения вторых и третьих браков. Для женщин у нас, подобно тому, что мы видели для англичанок, получается обратное правило. Принцессы выходят замуж вообще раньше, чем в трех немецких государствах, но мы именно вследствие только что указанной причины не можем определить разницы.

Для того чтобы получить некоторое представление о возрасте вступления в брак низших слоев населения Европы, я собрал некоторые сведения относительно русских и малорусских крестьян, венчавшихся в Верхнедуванской церкви, Купянского уезда (Харьковской губ.). В моем распоряжении находились церковные книги за 1805—1814 и за 1861—1870 годы. Я, как и в других случаях, брал только вступление в первый брак и получил следующие абсолютные числа:

Для крестьян мужского пола.

Возраст	
в периоде:	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 39.
1805—1814 г.	16, 39, 47, 20, 43, 4, 9, 1, 2, 2, 0, 0, 0, 0, 1, 0.
1861—1870 „	0, 0, 17, 58, 36, 36, 22, 12, 2, 11, 5, 1, 0, 2, 0, 1.
	1805—1814 г. сумма 184.
	1861—1870 „ „ 203.

Для крестьянок.

Возраст	
в периоде:	15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33.
1805—1814 г.	18, 48, 36, 48, 16, 19, 1, 2, 1, 0, 3, 0, 0, 0, 0, 0, 0.
1861—1870 „	0, 18, 55, 58, 50, 33, 6, 5, 2, 1, 4, 1, 1, 1, 1, 1, 1.
	1805—1814 г. сумма 192.
	1861—1870 „ „ 238.

Средний возраст вступления в брак выходит для мужчин равным 19,7 года (в периоде 1805—1814 г.г. он составляет 18,71 года; в периоде 1861—1870 г.г.—20,79 года), для женщин же он составляет 18,11 года (1805—1814 г.г.—17,5, в 1861—1870 г.г.—18,72). Если мы возьмем процентное отношение возрастных групп, то получим:

	<i>Для мужчин.</i>	<i>Для женщин</i>
В возрасте до 20 л.	51,29	80,7
от 20 „ 25 „	43,15	16,28
„ 25 „ 40 „	5,56	3,03.

Как ни рано, следовательно, заключаются браки в России вообще, тем не менее низшие сословия и здесь значительно раньше вступают в брачную жизнь, чем остальные. Хотя сравнение затрудняется тем, что у меня взяты только первые браки, цифры же г. Янсона соответствуют всем трем бракам, однако, не подлежит сомнению, что различие в процентном отношении так называемых „преждевременных браков“, равняющееся 14,40% для мужчин и 24,05% для женщин, прямо указывает на более ранний брачный возраст означенных крестьян. Если мы станем брать отдельный период 1805—1814 и 1861—1870 годов, то увидим, что брачный возраст во втором периоде несколько позже, чем в первом. Мы уже видели, что средний возраст вступления в брак от 1805—1814 г.г. равен для мужчин 18,71 г., в периоде же 1861—1870 г.г. он уже составляет 20,79 г., т.е. на 2,08 года позже; для женщин он в первом периоде равен 17,5 г., во втором—18,72, т.е. на 1,67 года позже. Если возьмем процентное отношение возрастных групп в оба периода, то получим:

Для мужчин.

	1805—1814 г.г.	1861—1870 г.г.
до 20 лет	66,3	36,89
от 20 до 25 лет	32 06	53,21
„ 25 „ 39 „	1,64	9,85

Для женщин.

	1805—1814 г.г.	1861—1870 г.г.
до 20 лет	86,46	76,05
от 20 до 25 лет	11,98	19,75
„ 25 „ 33 „	1,61	4,20

Таким образом во втором периоде мы замечаем правильное опаздывание брачного возраста для мужчин значительно более резкое, чем для женщин. С первого взгляда может показаться, что оно обусловлено чисто внешней причиной, именно тем, что законодательство наше изменило законный возраст вступления в брак. В первом периоде юноши имели право жениться с 16 лет, а девушка выходить замуж, начиная с 15 лет, во втором же периоде законный возраст повысился до 18 и 16 лет. Между тем факты, собранные в приведенных мною табличках, говорят противное. В первом периоде, в возрасте 18 лет, всех браков было 25,5%, во втором же периоде, в котором не было ни одного брака в 16 и 17 лет, женились в 18 лет всего 17 юношей, т.е. 8,6% всех браков за соответствующее время. Примерно то же самое замечается и для девушек. Делая эти сравнения необходимо припомнить, что в течение первого периода крестьяне находились в крепостной зависимости, и что на этот период выпадают одни из самых тяжелых годов русской жизни, тогда как во втором периоде, после освобождения, они (по крайней мере в той местности, о которой идет речь) достигли довольно значи-

тельной степени благосостояния. Запаздывание брачного возраста в этом случае, следовательно, произошло совершенно помимо элементарных экономических причин.

Есть примеры, прямо показывающие процесс изменения брачного возраста. Во время моего пребывания в калмыцкой степи, Астраханской губернии, я имел случай беседовать долго с одним из самых замечательных калмыков, человеком простого звания, употребившим свое состояние на введение земледелия в своем околке, что ему стоило немало труда при неблагоприятных внешних условиях того края (засуха, недостаток рабочих сил и пр.). Калмык этот, живя в 12 верстах от Сарепты, имел случай не раз сталкиваться с цивилизованными немцами и перенял от них любовь к труду и улучшению быта. Познакомив меня со своим семейством, он сообщил мне, что хотя ему не стоило бы ни малейшего труда выдать тотчас же взрослую дочь и сына (он человек, по калмыцким понятиям, богатый), но что он считает нелепым калмыцкий обычай ранних браков: сыновей женить следует не ранее 25 лет (средний возраст вступления в брак калмыков равняется, как мы уже видели, 22,8 года, а самый ранний возраст—16 годам), иначе они не успевают выучиться чему бы то ни было, и пр. Возьмем другой пример из современной истории Индии. Что бы ни говорили о действиях англичан в Индостане, не подлежит, однакоже, сомнению, что они заботятся о просвещении своих азиатских подданных¹⁾. Индусы много пишут, читают и, между прочим, посещают учебные заведения. Все это значительно влияет на изменение прежних нравов. Недавно вышло на бенгальском языке сочинение одного индусского ученого по имени Сом-Нат-Макардшия, профессора санскрита, в котором он ратует против вступления в брак в раннем возрасте. „Две трети юношей, вступающих в университет, в шестнадцать лет уже женаты,—говорит он.—Есть мальчики семи или восьми лет, уже имеющие жену. Может ли юноша заниматься должным образом науками, когда ему приходится заботиться о содержании семьи? Крайне необходима поэтому реформа, которая изменила бы подобное положение дела“. Было бы в высшей степени интересно, в связи с тем, что было сказано относительно этнологического и, так сказать, социологического распределений брачного возраста, познакомиться с изменениями того же возраста в историческом отношении. Мы только что видели образчик подобных изменений у русских крестьян, в первой же главе было сказано несколько слов об изменении брачного возраста во времени у американцев. Последние вместе с потерей цивилизации стали раньше вступать в брак, у первых же мы видим обратное явление. Вообще, после всего сказанного, весьма вероятно, что историческое изменение брачного возраста шло в том же направлении, как и географическое, но у меня, к сожалению, недостает сведений, чтобы пред-

¹⁾ Заботы англичан о „просвещении“ своих азиатских подданных настолько известны, что вряд ли нужно отмечать здесь неосновательный оптимизм автора.

ставить читателю отчет об этом предмете. Что народы в первобытном состоянии ранее вступают в брак, чем в цивилизованном, это факт, мало подлежащий сомнению; важнее, однакоже, знать, в каком именно возрасте совершалось наибольшее количество браков в различные исторические периоды.

Огностительно древних первобытных германцев существует замечание Тацита, который хвалит их за то, что они не рано вступают в брак, не торопятся выдавать девушек замуж, ожидая их равномерного и полного возраста ¹⁾.

Цезарь определяет последний в 20 лет и позже ²⁾. Я, к сожалению, не имею сведений о ходе брачного возраста в дальнейшие времена, но знаю, что нынче браки немцев заключаются позже, чем в прежнее, недавно прошедшее время. Известный немецкий писатель Риль ³⁾, оплакивая упадок патриархальных семейных нравов и отношений в современной Германии, говорит между прочим: „Berechtigtes frühes Heirathen wird bei unseren Erwerbsverhältnissen immer seltener. Wie soll aber der Vater die Sitte des Hauses fest in die Kinder pflanzen, wenn ihn diese erst als einen Mann mit greisen Haaren kennen lernen, wenn er stirbt bevor sie zur Vernunft und Einsicht gekommen sind? Dass der Grossvater oder gar der Urgrossvater den Enkeln und Urenkeln die Ueberlieferungen des Hauses erzählt, das wird bei dem späten Heirathen bald nur noch in Gütlichen vorkommen. Es ist eine Calamität geworden, wenn die Leute früh heirathen, eine Calamität, wenn si spät heirathen, und wenn sie ehelos bleiben, so ist dies auch ein Calamität. (Раннее вступление в законный брак при наших экономических отношениях становится все более редким. Но как может отец прочно внедрить в сознание детей правила семейной нравственности, если последние узнают его уже старым человеком с седыми волосами, и если он умирает раньше, чем они наберутся уму-разуму? Что дед или прадед передает внукам или правнукам семейные предания, это при позднем вступлении в брак будет встречаться лишь в самых исключительных случаях. Раннее вступление в брак стало бедствием, бедствие—и позднее вступление в брак, и такое же бедствие—безбрачие).

Факты, сообщенные в этой главе, указывают не менее тех, которые были перечислены в предыдущей, на цивилизацию как на главный момент, замедляющий возраст вступления в брак. Если из этого правила и были замечены некоторые исключения, то они касались исключительно женского пола (ранние браки пэрсс, принцесс и пр.). Это обстоятельство заставляет нас обозреть полученные данные для обоих полов в отдельности. Общий результат получается тот, что в ходе брачного возраста невест мы замечаем менее резкие изменения, чем в соответствующем возрасте мужчин, на вступление в брак которых культурное развитие

¹⁾ Tacitus, Germania C. XX.

²⁾ Unger. Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung. Wien. 1850, стр. 110.

³⁾ Die Familie. Шестое издание, 1862, стр. 234.

оказывает более сильное и более правильное влияние.

Подкладка, лежащая в основании этого правила, совершенно понятна и заключается в том, что женщина во всех случаях, которые у нас имелись в виду, способна вообще менее отдаляться от первобытного состояния, чем мужчина. Для того чтобы удобнее было обозреть распределение брачного возраста по полам в связи с культурным развитием, я собрал рассеянные в этой главе данные на прилагаемой табличке (см. ниже), к которой приложил также предполагаемый средний возраст появления половой зрелости. Так как для нас, однакоже, в настоящую минуту представляет существенное значение хотя бы приблизительное определение момента появления половой зрелости, то (по неимению прямых указаний) для Норвегии я взял цифру, известную для Швеции, а для Голландии и Бельгии я воспользовался цифрой, показанной для Дании известным медиком и натуралистом Ганновером. Для половой зрелости мальчиков я увеличил соответственную цифру девочек на два. Для большего удобства я отметил также и возраст наступления общей физической зрелости, но по неимению данных для различных народов я для всех вообще определил этот момент в 20 лет для женского пола и в 23 для мужского. Для английских пэров и пэресс я взял среднее число из цифр, известных для Лондона и Манчестера.

Первая цифра для каждой группы означает возраст появления половой зрелости, вторая же соответствует возрасту вступления в брак. Места, заполненные черточками, означают время продолжительности дисгармонических периодов, при чем двойные черты соответствуют первому дисгармоническому периоду человеческого развития, который продолжается от наступления половой до наступления общей физической зрелости; второй же период, означенный одиночными черточками, соответствует времени от наступления общей физической зрелости до возраста вступления в брак.

Таблички эти понадобятся нам для нескольких целей. Во-первых, они показывают нам, что ход брачного возраста идет неравномерно для обоих полов,—обстоятельство, на которое я уже мельком указал выше. Так как оно имеет большое значение в разбираемом нами вопросе, то я считаю нужным указать здесь на закон, которому оно подчинено. Закон этот, поскольку он касается статистически исследованных европейских народов, формулирован Ваппеусом следующим образом¹⁾: „Мужчины самой ранней возрастной группы всюду женятся вообще на более взрослых женщинах; в возрастной группе от 20 до 25 л. (в Нидерландах и Бельгии от 21 до 25 лет) замечается наименьшая разница в возрасте между мужем и женою; начиная же от этого времени она быстро растет вместе с возрастом мужчины, что продолжается до самого старого возраста мужчины“. „В результате получается, что вообще чем позже заключаются браки, тем возраст мужа более

1) Allgemeine Bevölkerungsstatistik, т. II, стр. 305 и 306.

НАЦИОНАЛЬН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:

В О З Р А С Т Ы:

		14—15,	15—16,	16—17,	17—18,	18—19,	19—20,	20—21,	21—22,	22—23,	23—24,	24—25,	25—26,	26—27,	27—28,	28—29.
Русские крестьянки																
1805—1814 г.г.	15	=	=		17,5											
Они же:																
1861—1870 г.г.	15	=	=			18,72										
Англичанки....		15,5	=	=	=	=						24,69				
Француженки..	14,33	=	=	=	=	=							25,35			
Норвежки.....		15,58	=	=	=	=										
Голландки.....		15,7	=	=	=	=								26,98		
Бельгийки.....		15,7	=	=	=	=									27,78	
																28,19

Момент наст. общ.
физич. зрелости.НАЦИОНАЛЬН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:

В О З Р А С Т Ы:

		14—15,	15—16,	16—17,	17—18,	18—19,	19—20,	20—21,	21—22,	22—23,	23—24,	24—25,	25—26,	26—27,	27—28,	28—29
Английск. прессы и пр...																
14,41	=	=	=	=												
Немецкие принцессы.....																
15	=	=	=	=												

Момент наст. общ.
физ. зрел.НАЦИОНАЛЬН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:

В О З Р А С Т Ы:

		16—18,	18—19,	19—20,	20—21,	21—22,	22—23,	23—24,	24—25,	25—26,	26—27,	27—28,	28—29,	29—30,	30—31.
Русск. крестьяне:															
1805—1814 г.г.	17	18,71													
Они же:															
1861—1870 г.г.	17	=	=		20,79										
Англичане.....	17,5	=	=	=	=										
Французы.....	16,33	=	=	=	=					25,94					
Норвежцы.....	17,58	=	=	=	=										
Голландцы.....	17,7	=	=	=	=								28,41		
Бельгийцы.....	17,7	=	=	=	=								28,51		
Англ. пары, бароны и пр...	16,41	=	=	=	=									29,15	
Немецкие принцессы.....														29,94	
17	=	=	=	=	=									29,63	
															30,5

Момент наступл. общ.
физич. зрелости.

превышает возраст жены". Переводя это правило на общий антропологический язык и подставляя полученный из вышеуказанных фактов общий вывод, оказывается, что с усилением культурного развития, замедляющим брачный возраст, разница между мужской и женской по отношению к этому возрасту становится все более резкой. Этот вывод составляет, собственно говоря, только частный случай более общего антропологического закона, по которому развитие усиливает контраст между обоими полами. Этот закон проявляется от крупных фактов до мелочей. Известный анатом Гушке пришел к заключению ¹⁾, которое потом было подтверждено Велкером ²⁾, что „по мере увеличения совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношению к вместимости черепной полости; особенно же сильно превосходит в этом отношении европеец европейку, сравнительно с негром и негритянкой". Внешние признаки, наиболее резко отличающие мужчину от женщины, как-то усы, борода и пр., сильнее всего развиты у самой совершенной кавказской расы. Негритянские, монгольские, американские и малайские народы в этом отношении представляются несравненно более женоподобными. К числу более мелких признаков мы можем отнести, напр., одежду. Обилие украшений, серьги, ожерелья и т. п., перья, яркие цвета одежды суть вещи, немыслимые для цивилизованного европейского мужчины в здравом уме. Для мужчин же первобытных или получивилизованных народов все эти принадлежности столь же неизбежны, как и для наших женщин. Консерватизм, патриархальные и семейные наклонности, вообще говоря, у женщин гораздо более развиты, чем у мужчин, и у первобытных народов более, чем у цивилизованных. Всем известно, какую роль играют в настоящую минуту эти наклонности у клерикально настроенных французских женщин, и Герберт Спенсер справедливо заметил, что предоставление женщинам права избирательного голоса значительно усилило бы консервативную партию парламента. Причина всех этих явлений кроется в значении женщины по отношению к поддержанию вида, т. е. размножению. Это последнее отправление, требуя затраты большого количества материи и деятельности, неизбежно задерживает личное индивидуальное развитие женщины. Многими натуралистами вполне сознан тот факт, что женщина представляется как бы соответствующей мужчине в юношеском возрасте, следовательно, задерживается на известной ступени развития, подобно тому как задерживается развитие личинкоподобной самки многих насекомых (*Strepsiptera*, *Psyche*, *Lampyris*), самцы которых являются в виде гораздо более развитых крылатых существ. Никто, конечно, не заключит из моих слов, чтобы я утверждал, будто женщина неспособна к развитию и должна во всех случаях и вечно оставаться на личинкоподобной стадии развития. Я утверждаю только, что прогрессивное развитие женщины должно совершаться в ущерб

¹⁾ *Schädel*, Hirn und Seele. Jena. 1854 стр. 48.

²⁾ *Untersuchungen über Wachstum und Bau des menschlichen Schädels*. 1862, стр. 69.

ее способности к размножению, выкармливанию и воспитанию детей, совершенно подобно тому, как усиленная деятельность рабочих пчел, муравьев и термитов могла явиться не иначе, как вместе с появлением бесплодия или же плодовитости в экстренных, исключительных случаях, — фактическое доказательство этого мнения представляют нам Соединенные Штаты. Женщины-янки с давних пор заботятся о собственном развитии и сделали в этом отношении огромные успехи, но они достигнуты, видимо, за счет способности размножения и семейной жизни. Всем известно, до чего между американскими женщинами распространено вытравливание плода и употребление других средств к уменьшению плодовитости. Результаты всего этого до того резки, что общее „размножение живущих в Америке немцев совершается средним числом от четырех до пяти раз скорее, чем настоящих американцев“. Последний перепись (1870 года) показал, что из всего населения Соединенных Штатов (38.555.983) почти половина (16.458.561) или произошла от родителей, родившихся вне Америки (10.892.015), или же состоит из настоящих иностранцев (5.556.546), т.е. родившихся вне Америки. Развитие, с помощью искусственных мер уменьшающее плодовитость, неизбежно ведет к большему приравниванию женщины к мужчине. Поэтому совершенно понятно отвращение, питаемое развитыми женщинами к тем особенностям женского костюма, которые приближают его к одеянию дикарей, а также и к первобытной патриархальности и консерватизму. На приложенных табличках изображено самым наглядным образом увеличение дисгармонических периодов, результаты которого будут рассмотрены нами по возможности обстоятельно. Здесь же я должен указать на то, что удлинение этих периодов имеет, вообще говоря, влияние на уменьшение общей продолжительности брачных союзов. Что во всем этом лежит завязка „ненормальная“, это, я думаю, каждому бросается в глаза. Иначе как же объяснить тот факт, что физическое развитие организма не идет в ряд с развитием культурным, производя между обоими все увеличивающуюся пропасть, грозящую всему существованию человека?..¹⁾.

Я считаю необходимым предупредить читателя, что все мои соображения и сопоставления направлены для разрешения теоретических вопросов общей антропологии. У меня нигде, ни прямым, ни косвенным путем, не высказываются и не затрагиваются практические вопросы, как бы тесно они ни находились в связи с тем предметом, о котором идет речь в настоящей статье. Я не даю советов относительно возраста вступления в брак, не порицаю поздних браков и пр. Все дело ограничивается у меня желанием указать на связь культурного развития с изменениями семейной

1) Рассуждения автора о женщине опровергаются хотя бы существованием на известной ступени развития человеческого общества „матриархата“, т.е. господства в семье женщины. Это господство было обусловлено более важной экономической ролью женщины на данной ступени развития. Таким образом и здесь правильное решение вопроса может дать социология, а не биология. *Ст. Кр.*

жизни и на результаты этих отношений. При этом следует иметь также в виду, что я говорю только о данных формах развития, не позволяя себе делать более обширных обобщений. Из того, что европейские цивилизации сопровождаются определенными видоизменениями семейной жизни, еще не следует, чтобы всякое вообще развитие представляло тот же характер. Примером народа, ставшего сравнительно на довольно высокую ступень культурного развития и в то же время сохранившего патриархальный семейный быт, могут нам служить доблестные сыны Небесной Империи ¹⁾. Читая описание их брачных обычаев и отношений, вы легко подумаете, что имеете дело с первобытнейшим народом, не только никогда не думавшим об изобретении книгопечатания, но считающим подобную вещь дьявольщиной, придуманной для гибели человеческого рода. Таким образом у них встречается обручение малолетних детей, и вообще китайские юноши и девушки не вступают в брак, а выдаются родителями, при чем на собственный выбор первых не обращается ни малейшего внимания. У китайцев дети вообще строжайшим образом подчинены родителям и во всем должны безусловно повиноваться последним...

IV.

Количество браков и связь его с возрастом вступления в брак.

Рассмотрение явлений, находящихся в теснейшей связи или же в прямой зависимости от возраста вступления в брак, мы начнем с числа или „частости“ браков. Естественно, что там, где брачный союз составляет простое сожительство, начинающееся с того времени, когда супруги только что приобрели физическую способность к брачной жизни, где выбор жениха или невесты не составляет ни малейшего затруднения, браки должны составлять явление, несравненно более общее, чем в том случае, когда выбор представляется делом весьма сложным, как, напр., в цивилизованном обществе. Этим достаточно обозначается связь брачного возраста с частостью браков, на которой мы намерены теперь остановиться.

Первобытные народы, вообще столь рано вступающие в брак, представляют нам и наибольшую частость браков. Дарвин ²⁾ ссылается на Берчеля, который говорит, что между дикарями южной Африки никогда не встречается холостых, и на Асару, утверждающего то же самое об индейцах Южной Америки. Подобного рода замечания мы встречаем у очень многих путешественников. Относительно даяков мы уже привели выше цитату из Уоллеса, говорящую об отсутствии холостяков. Пеппин и Бурмейстер говорят то же относительно американских дикарей ³⁾. Многие первобытные народы считают за великое бесчестие, если кому-нибудь между ними не удастся во время вступить в брак,

¹⁾ Так раньше называли Китайскую республику.

²⁾ Происхождение человека и половой подбор, т. II, стр. 403.

³⁾ Рейх, стр. 336, 447.

другие же вовсе не могут себе представить, чтобы человек мог всю жизнь вести холостой образ жизни. Один бедуинский начальник говорил путешественнику Зеетцену, что „ему совершенно непонятно, как тот может проводить всю свою жизнь холостым“. „У нас,—прибавил он,—каждый должен иметь жену, и если бы кому-нибудь вздумалось не последовать этому правилу, того бы наверно сочли негодяем“. Барт советует путешественникам по внутренней Африке брать с собою жену, так как туземцы относятся к холостым с величайшим презрением. Капитан Джон Росс говорит об эскимосах следующее: „Безбрачное состояние им вовсе неизвестно. Одна мысль о нем им кажется бессмыслицей, и они совершенно не в состоянии понять, каким образом у нас могут обходиться без жены“¹⁾.

У сингалезов и у китайцев безбрачие светских составляет нечто исключительное. У волжских калмыков частота браков, несмотря на значительную неравномерность в численном отношении обоих полов, весьма велика, как я показал в другом месте. В древние времена в Спарте и на Крите холостяки подвергались общему презрению и наказывались законом, при чем подобное наказание считалось особенно позорным.

Переходя теперь к европейским народам, относительно которых имеются статистические данные, мы прежде всего заметим, что по частоте браков между ними первое место занимают русские, которые, как мы видели выше, отличаются и особенно ранним брачным возрастом. В цитированной выше статье г. Янсона мы находим следующие важные выводы. В 1867 г. в Европейской России (за исключением Финляндии, Привислянского края и Саратовской губ.) приходился один брак на 99,4 человека. „Ни одно европейское государство не дает такой большой частоты браков. Maximum браков по отношению к населению в Западной Европе имеет Цислейтанская Австрия, но и там он равняется 1 на 104; в других государствах относительная цифра браков гораздо менее“. Г. Янсон прибавляет далее, что 1867 год был неблагоприятен для заключения браков, и что поэтому правильнее принять один брак на 96 человек. „Если принять среднюю для западно-европейских государств, равную 1 браку на 140, то у нас частота браков будет на 45% выше“. При распределении частоты браков по губерниям мы видим, что те же пять губерний, принадлежащих к наиболее цивилизованному в России, которые представляли сравнительно самый поздний брачный возраст, отличаются и наименьшею частотой браков. Таким образом, в Ревельской 1 брак приходится на 150 человек, в Рижской и Митавской—1 на 146, в Ковенской—1 на 142. Из 10-ти же губерний, в которых мужчины всего ранее вступают в брак, семь принадлежат к категории, где один брак приходится на 100—110 жителей²⁾. Если мы обратимся к распределению частоты браков по вероисповеданию и возьмем только те цифры, которые г. Янсон считает

¹⁾ Все три цитаты у Рейха, стр. 289, 313, 360.

²⁾ Сравнительно-статистические этюды, III, стр. 224, 225.

„внушающими к себе достаточное доверие“, то получим для православных 1 брак на 96 человек, для католиков — 1 на 122, для протестантов — 1 на 144¹⁾. То-есть увидим тот же самый порядок, который замечается и при распределении браков по возрастам и вероисповеданиям, что весьма сильно доказывает связь между частотью браков и брачным возрастом. То же подтверждается и распределением браков в городах и селах. В последних, как мы видели, браки заключаются вообще раньше, чем в городах, и число браков в них значительно превышает частоту городских браков. Г. Янсон констатирует общий факт, „что в городах у нас меньше браков, чем в остальном населении, почти на 30%, — факт диаметрально противоположный тому, что дает статистика западно-европейских государств“, где число браков в городском населении почти на 10% превышает число браков в деревнях²⁾.

В Западной Европе, где частота браков значительно меньше, чем в России, приходится³⁾:

в Англии и Уэльсе	1 брак на 115 жителей	(1863 — 1866)
„ Шотландии	135	„ (1863 — 1866)
„ Ирландии	191	„ (1864 — 1866)
„ Франции	126	„ (1863 — 1866)
„ Бельгии	134	„ (1863 — 1866)
„ Пруссии	115	„ (1865 — 1867)
„ Баварии	116	„ (1863 — 1866)
„ Италии	142	„ (1865 — 1869)
„ Швеции	168	„ (1866 — 1870)
„ Австрии Цисл.	104	„ (1867 — 1869)
„ Австр. Трансл.	110	„ (1867 — 1869)

Частные отличия между частотой браков в этих государствах нами не могут и не должны быть подробно рассматриваемы, так как они, очевидно, зависят от различных причин, обуславливающих и изменения того же отношения в одной и той же стране, смотря по времени. Для нас, однакоже, весьма важно обратить внимание на связь между частотой и возрастом вступления в брак, поскольку она выражается приведенными числами. Таким образом Англия, имеющая самый ранний брачный возраст (из пяти государств, для которых выше был приведен средний возраст вступления в брак), имеет и отношение, равное 1:115. Франция, стоящая на втором месте по брачному возрасту, отличается и меньшей против Англии частотой браков (1:126); еще резче отличается Бельгия, имеющая более поздний брачный возраст и отношение частоты, равное 1:134. Для Норвегии и Нидерландов в приведенной табличке, взятой мною у г. Янсона, не существует данных; поэтому я считаю нужным воспользоваться менее новыми данными Ваппеуса, в которых приведены цифры и для обоих названных государств, тем более, что числа для среднего брачного

1) То же.

2) То же.

3) То же.

возраста были также заимствованы у этого автора и относятся к одновременным данным. Мы возьмем средний брачный возраст для обоих полов вместе и сопоставим полученные числа с отношением частоты браков по Ваппеусу (т. II, стр. 246).

	Средн. возр. вступления в брак	На 1 венчание приходится жителей
в Англии	25,31 года	128,13 (1845 — 1854)
„ Франции	26,86 „	126,92 (1844 — 1853)
„ Норвегии	27,75 „	149,29 (1846 — 1855)
„ Нидерландах	28,47 „	130,27 (1845 — 1854)
„ Бельгии	29,06 „	115,11 (1847 — 1856)

В результате между обоими моментами получается полнейшее соответствие.

Для того чтобы еще лучше оценить влияние культуры на брачную жизнь, можно привести то обстоятельство, что в населении Европы, способном к бракосочетанию (начиная с 18 лет), около двух третей находится или находилось в браке (именно 65,98%), целая же треть (34,01%) находится в безбрачном состоянии (Ваппеус, II, стр. 223). Я не привожу здесь данных для распределения населения в отдельных государствах, так как для нас важны общие цифры для всей Западной Европы.

Обратимся теперь к распределению частоты браков в городах и деревнях, на аномальное отношение которого было уже указано выше. В то время как в русских деревнях браков заключается на 30% больше, чем в городах, в Западной Европе мы встречаем обратное явление: там перевес числа городских браков составляет приблизительно 10%. Такой факт легко может быть приведен как доказательство того, что частота браков не находится в зависимости от культурного развития, предполагая, конечно, что последнее стоит в городах на более высокой степени, чем в деревнях. Присмотримся несколько ближе к этому вопросу. Из 10-ти государств, приведенных Ваппеусом, только в трех (Шлезвиге, Саксонии и Пруссии) частота браков в деревнях несколько превышает городскую; остальные же семь (Франция, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Дания, Голштиния и Ганновер) представляют обратный пример. Всех резко оказываются в этом отношении Бельгия, Франция и Нидерланды. Так, напр., в Париже одно бракосочетание приходится на 99,8 жителей, во Франции же вообще на 129,29 жителей. С нашей точки зрения подобные факты, с первого взгляда парадоксальные, объясняются весьма просто, если мы примем в соображение, что брак может получать различное содержание, смотря по условиям. В первоначальной и наиболее распространенной форме брак есть не только сожитительство супругов, но и главное условие произведения потомства; отнимите от него этот последний момент, и у вас получаются совершенно иные результаты. Как ни затруднено, вообще говоря, вступление в брак цивилизованных народов сравнительно с первобытными, не подлежит, однакоже, сомнению, что часть этих затруднений заключается в произведении

детей, их воспитании, содержании и пр. Искусственное устранение этого затруднения, более доступное для городского населения, чем для сельского, неизбежно должно увеличить число браков. Доказательством этого служит именно то, что в городах, несмотря на большую частоту законных браков, плодовитость последних значительно меньше сравнительно с деревнями. Так, напр., во Франции на 1 брак приходится 3,16 детей в городах и 3,28 в деревнях; в Нидерландах — 3,91 в городах, 4,32 в деревнях; в Бельгии — 3,80 и 4,17; в Швеции — 2,99 и 4,19, и пр.

Те же соображения могут быть приложены и для целых западно-европейских государств; так что, если бы мы могли статистически отличать обе формы браков, то цифра 126 для Франции наверно бы значительно увеличилась.

Статистика дает некоторые материалы и для распределения частоты браков по времени, — обстоятельство тем более важное, что оно хотя отчасти делает возможным пополнение соответствующего пробела для брачного возраста. У Ваппеуса приведены в этом отношении числа для пяти государств: Франции, Швеции, Норвегии, Саксонии и Пруссии. В четырех последних замечается вообще довольно правильное и постоянное уменьшение частоты браков. Так, на 10.000 жителей в Швеции приходилось в 1751 г. — 3641 в брачном состоянии, а в 1855 г. только 3259; в Норвегии с 1769 по 1855 г. соответствующая цифра с 3760 упала до 3221; в Саксонии с 1834 по 1849 г. она упала с 3552 на 3498. То же самое замечено и относительно Пруссии, где в периоде от 1817 до 1843 г. на 1 бракосочетание приходилось 109 жителей, в периоде 1844—1853 г. уже 115, а в периоде 1854—1860 г. — 118 жителей. Франция представляет исключение, так как в ней в 1806 г. на 10.000 приходилось 3584, находящихся в брачном состоянии, в 1841 г. соответствующая цифра возвысилась до 3781, а в 1851 г. она сделалась равной 3894. Ваппеус видит в этом доказательство „значительного прогресса этой страны“, который в сущности сводится на усиленное участие искусственных мер к уменьшению плодовитости, что доказывается следующими данными. В периоде 1811 — 1815 г.г. на 1 брак приходилось 3,49 детей, в периоде 1841 — 1845 г.г. соответствующая величина спустилась до 3,21, а в периоде 1851 — 1855 г.г. до 3,07. Этот важный момент, действительный вообще в Европе, преимущественно же во Франции, объясняет таким образом много с виду исключительных явлений и может быть также приведен, как один из факторов, обуславливающих сравнительно столь ранний брачный возраст французов.

Итак, мы видим, что частота браков идет вообще параллельно и в связи с ходом возраста вступления в брак и, следовательно, усиливает эффекты последнего. Для пополнения нашего очерка мы неизбежно должны остановиться на последствиях этих двух моментов, связь которых с цивилизацией не может быть подвергнута сомнению. Эти последствия будут интересовать нас главным образом не по отношению к благосостоянию и судьбе целых народов, но поскольку они (эти отношения) влияют на счастье и участь отдельных индивидуумов.

V.

Отношение брачного возраста и частоты браков к смертности, самоубийству, преступлениям и душевным болезням. — Общие выводы и заключения.

В науке накопился уже порядочный материал относительно влияния брачного состояния и безбрачия на смертность, наклонность к преступлениям, самоубийствам, помешательству и пр. Никто не станет сомневаться в том, что все эти моменты составляют главнейшие факторы, слагающие сумму несчастий человеческих и тем самым подлежащие нашему рассмотрению. Если известные периоды индивидуального развития можно считать „дисгармоническими“, то подобное мнение может быть оправдано только фактическим доказательством, основанным именно на изучении результатов, обусловленных большею или меньшею продолжительностью подобных периодов.

Выше уже было упомянуто об исследованиях Фарра относительно влияния брачного состояния на смертность в различных возрастах. Теперь мы должны остановиться несколько долее на этом предмете. Говоря вообще „смертность холостых гораздо значительнее, чем женатых; так что брачная жизнь не только не укорачивает жизни, несмотря на заботы и лишения для содержания семьи, но несомненно оказывает благоприятное влияние на общую продолжительность существования“ (Ваппеус, II, 217). Это правило проверено и для некоторых частных случаев; так, известно, что оно приложимо к медикам, между которыми холостые подвержены большей смертности, чем женатые (Ваппеус, стр. 333).

Все ученые согласны с тем, что, начиная от двадцатилетнего возраста, вообще умирает более холостых, нежели женатых (то же относится и к женскому полу). Вопрос заключается только в том, какой из двух моментов является в данном случае причинным. Большинство ученых полагает, что безбрачное состояние само по себе уже служит обстоятельством, значительно увеличивающим шансы смертности. Лица, не связанные семейной жизнью, более склонны к эксцессам, следовательно, более подвержены болезненности, уход же за ними вообще дурной и т. п. По мнению же других, как, напр., Фарра и Дарвина, усиленная смертность безбрачных доказывает только, что в брак вступают наиболее здоровые и вообще лучшие люди, которые поэтому и переживают холостых, как наименее одаренных. Брак, по их мнению, есть, таким образом, орудие естественного подбора, всегда дающего перевес хорошим и устраняющего дурных.

Положительное решение вопроса, чье из двух мнений наиболее приближается к истине, не может быть дано за неимением достаточного количества точных статистических сведений, поэтому-то нам придется прибегнуть к различным побочным средствам, для того чтобы по крайней мере приблизительно ответить на вопрос. Рассмотрим прежде всего аргументы обеих сторон. Д-р Старк, отстаивающий мнение большинства, ссылается главным

образом на то, что выгодное отношение лиц, находящихся в брачном состоянии, продолжается до глубокой старости, следовательно, действительно в такое время, когда о „брачном подборе“ уже не может быть речи. Дарвин отвечает на это, что усиленный контингент умирающих старцев может быть дан такими холостяками, которые еще в юности были слабы и потому забракованы, но тем не менее дожили до более или менее позднего возраста. Дарвин высказывает, впрочем, это мнение априористически, не давая ему должного фактического подкрепления. Сходным образом относится он и к другому аргументу Старка, именно, что смертность вдов и вдовцов во Франции очень велика сравнительно с женами и мужьями; он ссылается прямо на Фарра, который объясняет эту усиленную смертность „бедностью и дурными привычками, следующими за разложением семьи, а также и печалью“. Этот ответ опять является чисто априористическим. Для разъяснения недоразумений следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Если бы усиленная смертность безбрачных зависела исключительно от „брачного подбора“, то как могло бы объясниться уменьшение смертности тех же безбрачных в молодые годы, т.е. до 20 лет. Ведь в это время подбор также должен существовать, и хотя юноши иногда и вступают в брак необдуманно, следовательно, наперекор истинному подбору, но зато именно в силу своей юности имеют много времени впереди и этим самым увеличивают шансы подбора. Таким образом 18—20-летняя девушка имеет несравненно более возможность выбирать подходящего жениха, нежели 25-летняя. Факты показывают, однакоже, что замужние женщины до 20 лет подвержены значительно большей смертности, нежели девушки, на что, как мы видели выше, опирается Денкан, стараясь определить возраст наступления общей зрелости. Этот же ученый показал, что в периоде от 20 до 24 лет женщины подвержены наименьшей смертности от родов,—обстоятельство, играющее, очевидно, важную роль в деле вопроса о смертности в различных возрастах женщины.

Для решения нашего вопроса крайне важно было бы знать, какие именно болезни обуславливают большую смертность холостых. По мнению Эстерлена, этот излишек смертей производится прежде всего острыми болезнями, как, напр., тифом, воспалением легких и пр., а также бугорчаткой, душевными болезнями и пьянством, сифилисом, несчастными случаями, самоубийством. Правда, что это мнение имеет вид априористического вывода, но если оно тем не менее справедливо, то понятно, что брачный выбор может устранять только лиц, страдающих или подверженных хроническим болезням.

Если мы для решения вопроса прибегнем к тому же способу, который употребил в дело Дарвин, т.е. станем перебирать в памяти знакомые примеры, то должны будем притти к заключению, что смертность безбрачных имеет двойкий характер. С одной стороны, несомненно, что выбор исключает очень слабых и хронически больных индивидуумов, но, с другой стороны, не менее верно и то, что холостая жизнь является моментом, крайне па-

губно влияющим на всю судьбу человека и потому обуславливающим много смертных случаев. Существующие статистические сведения не дают возможности указать на количественную сторону каждого из этих факторов и потому приходится поневоле удовлетвориться самыми общими результатами. Как бы то ни было, достаточно допустить хотя бы слабое влияние безбрачия на усиление смертности, для того чтобы видеть, что уменьшение числа браков в новейшее время должно отражаться все с большею и большею силою в общем итоге культурной жизни. Отсюда не следует выводить прямо, чтобы общая смертность увеличивалась с каждым годом по мере уменьшения частоты браков. Смертность есть результат суммы, сложных условий, и безбрачие составляет одно из них.

Ежегодное увеличение числа самоубийств в цивилизованных государствах Европы уже обратило на себя внимание статистиков и моралистов, благодаря стараниям которых собрано и приведено в порядок много отдельных фактов. Все попытки умалить значение последних оказались тщетны, и теперь уже никто из людей науки не старается доказать, что все самоубийства совершаются в состоянии безумия и помешательства.

Тесная связь между частотой самоубийств и редкостью браков, а также и с возрастом вступления в последний, вытекает из общей суммы данных о самоубийстве. Известно, напр., что дикие народы, вообще столь рано вступающие в брак, представляют чрезвычайно мало примеров самоубийства. Между евреями и православными, ранее и чаще других вступающих в брак, заметно вообще менее самоубийств, чем между католиками, и еще менее, чем между протестантами ¹⁾.

Прямые показания о сравнительной частоте самоубийств между брачным и безбрачным населением свидетельствуют вообще о большей склонности к самоубийству последнего. Несмотря на то, что эта склонность увеличивается вместе с возрастом, между молодыми безбрачными частота самоубийств значительно больше, чем между лицами, находящимися в брачном состоянии (Эттинген, стр. 936). По исследованиям Адольфа Вагнера, оказывается, что в Саксонии, Вюртемберге и Бадене большая часть самоубийств приходится на долю безбрачных, особенно же вдовых и находящихся в разводе.

Еще раньше Леви нашел, что из трех самоубийц—двое холостых и один женатый. По статистическим сведениям 1865 г. относительно самоубийств во Франции, оказывается, что на долю женатых приходится 19,9%, холостых—28,1%, вдовцов—52,5%. Для женщин было выведено иное процентное отношение. Между самоубийцами было несколько более замужних (24,9%), чем незамужних (21,6%), но зато особенно много вдов (53,5%) ²⁾. И здесь, подобно тому, что мы видели относительно браков, числа

¹⁾ Здесь имеются в виду конечно национальные, а не вероисповедные признаки.

Прим. ред.

²⁾ По Леруа у Эттингена, *Moralstatistik*, стр. 338.

для женщин более варьируют в разные стороны, чем для мужчин. Общий же результат относительно участия обоих полов в самоубийствах, а именно, что мужчин приходится значительно (в 3--4½ раза) более, чем женщин, сходится с тем, что последние вообще раньше и чаще вступают в брак, представляя новое доказательство высказанного выше положения.

Статистически доказано, что самоубийства совершаются вообще чаще в городах, чем в деревнях (Ад. Вагнер, стр. 200 и след.),— обстоятельство, очевидно, стоящее в связи с более высоким уровнем культуры и большою сложностью городской жизни. Оно нисколько не является противоречием общему правилу о связи самоубийств с брачной жизнью, так как мы видели, что усиленная частота браков в европейских городах есть явление, так сказать, вторичного культурного происхождения, и что эти городские браки имеют свой особенный характер. В России же частота самоубийств в городах находится в самом незатемненном и простом отношении к большему числу безбрачных и к более позднему возрасту вступления в брак городского населения ¹⁾.

Немецкая поговорка: „Je länger Junggesell, je tiefer in der Hölle“ (чем дольше был холостяком, тем глубже быть в аду), характеризующая народный взгляд на безбрачие, оправдывается и статистическими цифрами. В уголовной статистике принято за правило, что холостые дают гораздо больший контингент преступников, чем женатые. Таким образом во Франции, где безбрачные и вообще бессемейные люди составляют менее половины общего населения страны, безбрачных подсулимых была большая половина, а в 1865 г. из 4154 их было 2272. В Бельгии (1856—1860) из 1384 тяжких преступников на долю бессемейных пришлось 811, т.-е. 58,6%.

В Италии (1863) из общей суммы 47.943 наказанных за проступки было 29.129, т.-е. 60,7%, безбрачных. С другой стороны, замечательно, что во Франции мелкие земледельцы-собственники, составляющие почти половину всего населения, дали не более 31% причастных к преступлениям (Эттинген, стр. 647). По данным баварской уголовной статистики 1862—1866 годов оказывается, что преступность женатых и замужних составляет только 37% преступности безбрачных. По общему расчету, на 10.000 брачных ежегодно обвиняется 17 человек, из такого же количества безбрачных—48. Процентное отношение обвиненных в Баварии (за исключением зарейнской части) было следующее ²⁾:

¹⁾ Я убежден, что статистика самоубийств представила бы еще более резкие доказательства в пользу нашей общей мысли, если бы она строго разделяла настоящие, намеренные самоубийства от случайных самоубийств, как, напр., утопление лиц, одержимых белой горячкой, и пр., и если бы она имела более комбинированных данных об участии сословий и других культурных групп в данных формах самоубийства.

²⁾ Данные о баварской уголовной статистике взяты мною из статьи доктора Майра: *Criminalistische Studien* в Прибавлениях к № 19-му и 20-му „Allgemeine Zeitung“ за 1872 год.

В году:	Безбрачных.	Брачных.
1862—1863	78	22
1863—1864	79	21
1864—1865	80	20
1865—1866	78	22

Женщины, дающие меньшее число самоубийц, оказываются и значительно менее наклонными к совершению преступлений. Та-ким образом во Франции на 100 обвиненных мужчин приходится только 23 женщины (Кетле). Сходное отношение было найдено и для баварского населения, где на 100 обвиненных мужчин при-ходилось в год (от 1862—1863 до 1865—1866 г.г.) 19, 18, 16, 15 женщин (Майр).

Особенный интерес представляет для общей антропологии вопрос об участии возрастов в преступлениях. Вот каким образом формулирует Кетле выведенный им закон: „Наклонность к пре-ступлению возрастает очень быстро по мере приближения к зре-лому возрасту; тут она достигает *maximum*'а и начинает умень-шаться, но медленно, до последнего предела жизни. Этот закон представляет большое постоянство и терпит изменения только по отношению к величине и времени появления *maximum*'а. Во Фран-ции *maximum* для преступников вообще приходится около 24 лет; в Бельгии эта критическая эпоха наступает несколько позже; в Англии и великом герцогстве Баденском ¹⁾ она, напротив, наблю-дается раньше“ ²⁾. Остановимся покамест на этом общем резуль-тате. Первый пункт, на который следует обратить внимание, состоит в том, что ход возраста наибольшей наклонности к преступле-ниям совершенно совпадает с ходом среднего брачного возраста. Оба возраста наступают всего ранее у англичан, затем у фран-цузов, всех же позже у бельгийцев. Это совпадение указывает на то, что возраст наибольшей наклонности к преступлению выпадает как раз на долю того периода, который мы выше назвали дис-гармоническим. У французов он прерывается брачным возрастом, наступающим средним числом в 28,41 года, т.-е. в то время, когда наклонность к преступлению начинает уменьшаться. Вторая поло-вина дисгармонического периода, оканчивающаяся брачным воз-растом, начинается с момента появления общей зрелости, т.-е. примерно с 23 лет, того возраста, который у Кетле (т. II, стр. 354) считается началом критического момента наибольшей наклонности к преступлению. В Англии эта наклонность проявляется всего резче между 20 и 25 годами, при чем последняя цифра прибли-жается к среднему брачному возрасту (26,94 года).

Весьма важно знать, какого рода преступления выпадают по преимуществу на этот дисгармонический период наибольшей пре-ступной наклонности. Мы ответим на это словами Кетле, кото-рые множество раз цитируются во всевозможных сочинениях потому именно, что они всего лучше выражают суть дела:

¹⁾ Теперь республика. *Прим. ред.*

²⁾ *Quetelet. Physique sociale. 2e édition, 1869, т. II, стр. 367.*

„Il (le penchant au vol) s'exerce d'abord à la faveur de la confiance qui règne dans l'intérieur des familles, puis se manifeste au dehors et jusque sur les chemins publiques, où il finit par recourir à la violence, lorsque déjà l'homme a fait le triste essai de la plénitude de ses forces, en se livrant à tous les genres d'homicides. Ce funeste penchant est moins précoce cependant, que celui qui vers l'adolescence naît avec le feu des passions et les désordres qui l'accompagnent et qui pousse l'homme au viol et aux attentats à la pudeur, en commençant à chercher ses victimes parmi les êtres dont la faiblesse oppose le moins de résistance“ (II, 351). [Она (наклонность к воровству) проявляется сначала в атмосфере доверия, царящей в семейном кругу, потом обнаруживается и во вне, переходя на проезжие дороги, где в конце концов приводит к применению насилия, после того как человек уже проделал печальный опыт, изведав полноту своих сил, предаваясь всякого рода человекоубийству. Эта пагубная наклонность все-таки развивается менее преждевременно, чем та, которая зарождаась к юности вместе с пылом страстей и сопровождающей его беспорядочностью жизни толкает людей на изнасилование и на покушения против женского целомудрия, отыскивая свои жертвы среди существ, слабость которых меньше всего способна к сопротивлению.]

Далее идут преступления зрелого возраста, отличающиеся холодной обдуманностью, каковы: отравление и пр.

Мне остается сказать еще несколько слов о сумасшествии, как об одном из крупных явлений, связанных с брачной жизнью и с культурным развитием вообще.

У первобытных народов помешательство составляет явление весьма редкое, и в тех случаях, где оно проявляется, оно принимает большею частью форму слабоумия или идиотизма. Доктор Берчель, проводивший двадцать пять лет между черокезскими индейцами, не видел ни одного случая настоящего сумасшествия. Между индусами душевные болезни встречаются реже, чем в Европе ¹⁾.

Со времени Эскироля, сказавшего, что „les progrès de la civilisation multiplient les fous“ ²⁾, этот вывод сделался общепринятым. Хотя обнаруживаемое статистическими исследованиями численное увеличение душевных болезней в новейшие времена зависит от суммы различных причин, тем не менее общий вывод о связи сумасшествия с культурой признается большинством психиатров ³⁾. В пользу этого говорит, в самом деле, слишком много данных, чтобы самый факт мог быть игнорирован. Не подлежит сомнению, что к числу причин, увеличивающих число душевных болезней, нужно отнести общее усложнение жизненных

1) *Griesinger. Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, 2-te Aufl. 1861, стр. 141. В Северной Америке в 1850 г. на 100.000 человек приходилось сумасшедших белых и свободных темнокожих 150, а рабов только 47 человек. *Oesterlen. Med. Stat.* 523.

2) „Развитие цивилизации увеличивает число сумасшедших“.

3) См. *Griesinger. Ibid.*, стр. 142—143. *Maudsley. Physiologie und Pathologie der Seele. Deutsche Uebers.* 1870, стр. 209, 210.

условий культурных народов; для нас важнее всего указать здесь на одно из этих условий, касающееся брачной жизни.

В результате статистических исследований получилось, что у безбрачных, особенно же мужчин, сумасшествие есть явление несравненно более частое, чем у женщин и замужних. Таким образом, в Вюртембергском королевстве в 1853 г. на 100 сумасшедших:

	Мужского пола.	Женского пола.
Было безбрачных	67,9	61,6
„ брачных	24,3	24,8
„ вдовых.	6,6	12,1
„ разведенных.	1,1	1,4 ¹⁾ .

Сходный результат был получен и для других стран. По расчетам известного французского статистика Легуа, приведенным Рейхом ²⁾, оказывается, что в Баварии в 1858 г. было 81% безбрачных и только 19% брачных сумасшедших; в Ганноверском королевстве, по данным 1856 г., было 78,85% безбрачных, 14,72% брачных, 64,4% вдовых и т. д.

Приведенные факты приобретают тем большее значение, что большая часть сумасшедших выпадает на зрелый возраст, когда относительное число вступивших в брак весьма велико. Так, судя по отчету Фарра ³⁾, наибольшее число душевных болезней приходится на возраст от 30 до 39 лет у мужчин и от 40 до 49 лет у женщин. При таком положении дела невозможно в данном случае искать объяснения в каком-нибудь брачном подборе. Напротив, из приведенных фактов легко видеть, что безбрачие должно служить причиной развития душевных болезней, резкое обнаружение которых выпадает, разумеется, позже момента зарождения недуга. В пользу этого говорят и прямые наблюдения о связи душевных болезней с половой жизнью, неправильности которой отражаются более или менее резко на всем строе душевной жизни человека. Между 144 душевными больными женского пола, находившимися в клинике Эскироля, было не менее 88 случаев, причиной которых предполагалось воздержание. Маудсли (l. c., стр. 211) считает это обстоятельство одной из главных причин помешательства у особ женского пола.

На предыдущих страницах я старался привести известную мне сумму данных, которые могли бы самым наглядным образом обнаружить по крайней мере наиболее выдающиеся результаты дисгармонических периодов человеческой жизни. Нельзя не заметить, что, взятые в целости, эти результаты представляют довольно крупный итог, который должен или, по крайней мере, может оказать существенное влияние на всю судьбу культурной жизни народов. Может быть тут-то и лежит корень того явления,

¹⁾ Oesterlen. Medicinische Statistik, стр. 521.

²⁾ Das eheliche Leben, стр. 510.

³⁾ Quetelet. Phisique sociale, II, стр. 193.

на которое с особенным ударением указывал Дрэпер, и которое заключается в аналогии жизни народов с жизнью отдельных индивидуумов. Как последние, так и первые должны иметь начало, возмужалость и конец. Кетле формулирует ту же мысль следующим образом ¹⁾: „A plusieurs égards la vie des peuples tient à la classe des phénomènes périodiques. Malgré le peu de recherches faites à ce sujet, ou on reconnaît assez bien la durée, on peut établir les différentes phases de la période et en déterminer l'énergie... „L'existence la plus longue de l'homme atteint, au plus, un siècle; pour une ville ou pour un peuple elle ne dépasse guère huit à dix fois cette durée. Les républiques de la Grèce, l'ancienne Rome, Venise et tous les centres principaux de la puissance et de la civilisation n'ont pas dépassé ce terme“ и пр. (Во многих отношениях жизнь народов может быть отнесена к категории явлений периодических. Несмотря на малочисленность исследований по этому вопросу, можно разглядеть достаточно хорошо длительность и установить различные фазы данного периода и определить его энергию... Самая значительная продолжительность жизни человека достигает, в лучшем случае, ста лет; для города или для народа она не превосходит этой цифры больше, чем в восемь или десять раз. Республики Греции, древний Рим, Венеция и все другие главные центры могущества и цивилизации не превысили этого срока.)

Цель настоящей статьи и заключалась, между прочим, в том, чтобы показать, что само развитие составляет источник периодичности с ее концом. Всякое развитие включает в себе критические моменты, и чем дольше оно длится, тем больше таких моментов и тем резче их действие. Всем известно как важно время прорезывания зубов у детей, составляющее именно один из критических моментов ранних степеней нематочного развития. По крайней мере один процент всех смертей обуславливается этой причиной. По расчетам, сделанным для детского населения Лондона, смертность от прорезывания зубов составляет $\frac{1}{38}$ общей смертности до пятилетнего возраста; всего большую роль она играет между первым и вторым годом, так что „развитие коренных зубов и клыков отнимает более чем вдвое жизни, нежели прорезывание резцов“ (Эстерлен, стр. 592).

Относительно смертности детей вообще можно заметить, что она идет рука об руку с развитием. Как то, так и другое представляют наибольшую величину в течение первого года жизни. „Самая большая смертность выпадает на первый год, в том числе на первый месяц, на первую неделю и на первый день после рождения. Разница в смертности первого и последующих 11 месяцев даже больше, чем между первым и следующими за ним годами“ (Эстерлен, 140). Примерно то же известно, напр., относительно процесса роста, который сначала идет очень быстро, а потом постепенно все более и более слабее.

Другое доказательство в пользу того же общего положения видим мы в том, что у животных, развитие которых длится короче,

¹⁾ Ibid., стр. 219—217.

чем у человека, и у которых, следовательно, новорожденные более приближаются к состоянию взрослых, смертность в ранних возрастах значительно меньше. Для примера я возьму овцу, которая, как вообще травоядные, рождается на свет сравнительно в весьма развитом состоянии. На Гогенгейском овцеводном заводе смертность ягнят в течение трех первых месяцев после рождения равнялась 3,6%¹⁾, следовательно, представляла цифру, гораздо более низкую, чем для наших детей. Смертность последних в течение тех же первых трех месяцев составляла во Франции (1853) 45%, в Нидерландах—9,08%, в четырех швейцарских кантонах (Берн, Цюрих, С. Гален и Люцерн, 1867)—12,3%, а в Австрии (1851) она доходила до 15,47%²⁾.

Эти факты, по всей вероятности, составляют частный случай более общего правила, по которому чем длиннее метаморфоза, следовательно, чем дольше тянется развитие и чем больше приходится критических моментов, тем сильнее и смертность развивающихся организмов. В силу этого правила, животные, совершающие длинный и сложный цикл развития, как, напр., большинство паразитов, подвержены огромной смертности в личиночном состоянии, для пополнения которой они рождаются в сравнительно громадном количестве. Так, напр., массу выходящих за один раз личинок солитера можно смело считать сотнями тысяч; в теле одной аскариды насчитали около миллиона зрелых яиц, и т. п.

Из сказанного достаточно выяснилось, что в культурном развитии с его удлинненными дисгармоническими периодами и вытекающими отсюда последствиями можно усмотреть аналогию с физическим развитием ребенка, сопровождаемым так наз. болезнями развития (*Entwickelungskrankheiten*), вроде прорезывания зубов, и влекущих за собою значительную смертность. Отсюда понятно что в жизни многих первобытных народов можно нередко заметить больше гармонии и счастья, чем в нашей,—обстоятельство, на которое указывали многие писатели, по преимуществу Ж.-Ж. Руссо. Раньше последнего оно поразило Бюффона, выразившего свою мысль очень изящно: „Un sauvage absolument sauvage... serait un spectacle curieux pour un philosophe, il pourrait, en observant son sauvage, évaluer au juste la force des appétits de la nature; il y verrait l'âme à découvert, il en distinguerait tous les mouvements naturels, et peut-être y reconnaîtrait-il plus de douceur, de tranquillité et de calme que dans la sienne; peut-être verrait-il clairement que la vertu appartient à l'homme sauvage plus qu'à l'homme civilisé et que le vice n'a pris naissance que dans la société“. (Дикарь абсолютно дикий... представлял бы для философа любопытное зрелище; последний, наблюдая своего дикаря, смог бы правильно оценить силу естественных appetitов; он увидел бы душу, раскрытую до дна, он различил бы в ней все естественные стре-

¹⁾ Составлено по цифрам Шмидта в его *Schafzucht und Wollkunde*, 1852, стр. 146, 147.

²⁾ Составлено по цифрам Banneysa (*Bevölkerungsstatistik*, I, стр. 307); для Швейцарии же по *Geburten, Sterbefälle u. Traungen in der Schweiz in 1867*. Bern. 180.

мления и порывы и, быть может, обнаружил бы в ней больше мягкости, выдержанности и спокойствия, чем в своей собственной; быть может, он увидел бы ясно, что добродетель присуща дикому человеку в большей степени, чем цивилизованному, и что порок зародился только в обществе.)

Мы не станем здесь разбирать подробнее этого с давних пор поставленного на обсуждение вопроса, по поводу которого обеими сторонами было сделано множество преувеличений. Но скажем только, что и до сих пор между путешественниками нередко встречаются поклонники идеи Бюффона и Руссо. Наиболее резко в этом смысле высказывается Уоллес. Да и как быть, в самом деле, ввиду, напр., подобного рода заявлений? Во время пребывания фрегата „Новары“ на острове Кар-Никобар путешественники, расспрашивая туземцев об их быте, между прочим, коснулись вопроса о том, какого рода наказание полагается у них за различные преступления. Туземец отвечал самым наивным образом: „у нас никаких преступлений не совершается: мы все народ хороший; у вас же, должно быть, много злых людей; иначе зачем бы у вас было столько пушек и разного оружия“. Всем известен резкий нравственный контраст, представляемый дикими варварами, покрившими Рим, и ультра-цивилизованными обитателями этого замечательного государства. Пусть читатель прочитает последнюю главу „Истории нравственности в Европе от Августа до Карла Великого“ Лекки, и тогда он уяснит значение возрастов культурного развития и ту роль, которую в нем играла нравственность вообще, а часть ее, связанная с брачной жизнью, в особенности.

ОЧЕРК ВОЗЗРЕНИЙ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ.

Во всей обширной области „искусства“ (эстетики и этики в широком смысле), основное воззрение на человеческую природу всегда играло и играет в высшей степени важную роль. Для того чтобы убедиться в этом, стоит припомнить только некоторые спорные вопросы из области политики, нравственности или искусства. Так, напр., при обсуждении столь живого женского вопроса, он постоянно сводится к вопросу о женской природе и решается так или иначе, смотря по взгляду на нее. Противники женской свободы, как, напр., Огюст Конт, удовлетворяются доказательством положения, что природа женщины ниже мужской; тогда как защитники женщин находят необходимым опровергнуть это положение. Сходные приемы употреблялись и при решении вопроса об освобождении негров, который был сведен на чисто антропологическую почву. В области изящных искусств, вопрос о человеческой природе, составляя часть более общего вопроса об отношении искусства к природе вообще, уже по этому одному занимает одно из самых первостепенных мест.

Жизнь, непосредственно соприкасающаяся с прикладными отраслями науки, т.-е. с искусством в обширном смысле слова, при решении всех своих вопросов обращается к науке, чтобы узнать и принять к сведению результаты, добытые ею. Ввиду этого я решаюсь обратить внимание читателя на антропологическое воззрение на человеческую природу, но прежде, чем излагать это, я считаю, однако же, нужным представить беглый очерк других главнейших воззрений на тот же предмет.

Обращусь, прежде всего, к воззрению, вытекающему из проявлений так называемых первобытных или естественных народов, стоящих, как полагают, обыкновенно ближе всего к природе.

Можно сказать вообще, что нет первобытного народа, который бы в большей или меньшей степени не прибегал к искусству с целью изменить свои природные свойства и который бы, следовательно, смотрел на лучших представителей человеческого рода, как на идеал, к уподоблению которому следовало бы стремиться.

Не удовлетворяясь тем, что дала человеку природа, так называемые первобытные люди употребляют нередко самые изумительные усилия для улучшения своего внешнего вида, так что не остается ни одного мало-мальски доступного органа, который бы

у того или другого народа не был подвержен искусственным изменениям. Особенно большая доля их приходится на части головы. Не говоря о волосах, подлежащих самым разнообразным изменениям формы и окраски, как это отчасти делается и у всех цивилизованных народов, — упомянем о других частях. Зубы подвергаются у многих первобытных народов изменениям как цвета, так и формы. Женщины племени фелата, в центральной Африке, красят себе зубы попеременно в голубой, желтый и красный цвета и оставляют только некоторым, для контраста, их естественный белый цвет. На островах Малайского архипелага с зубов удаляют эмаль и чернят их, чтобы (как они говорят) они не были похожи на белые зубы собак. Некоторые народы выбивают передние резцы, а женщины в одной части Суматры спиливают их до десен. У других народов существует обыкновение придавать зубам заостренную, коническую форму и т. д. На губах делают надрезы, украшают их вкладыванием костей, палочек и пр. В центральной Африке женщины прободают нижнюю губу и вкладывают в нее полированный кристал, который во время разговора совершает очень смешные движения. Нос и уши с давних пор сделались местом для вкладывания серег и других украшений; кроме того, нос у некоторых народов (как, напр., у таитян, малайцев Суматры, готтентотов и пр.) подвергается сплющиванию, а уши (у бетокудов и ленгаусов Южной Америки) вытягиваются до плеч. Различные виды раскрашивания лица, татуирования и образования искусственных бородавок до того распространены у первобытных народов и притом настолько разнообразны, что одно перечисление фактов заняло бы целую главу (об этом собраны более подробные сведения в первой главе „Происхождение цивилизации“ Леббока и в девятнадцатой главе „Происхождение человека“ Дарвина). Обратимся, поэтому, к менее общеизвестному, но в высшей степени интересному явлению, именно к искусственному изменению формы головы. Этот с первого взгляда поразительно странный обычай распространен почти по всему земному шару, что одно уже указывает на его давнее происхождение. В одних случаях голову кладут в тиски, с целью расширить ее в других же случаях, главным образом, имеется в виду удлинить ее и придать ей форму сахарной головы и т. д. По крайней мере на острове Целебесе детям обматывают голову выбитой корой одного дерева, затем обвязывают ее платком и, наконец, втискивают между двух досок. Операция эта тянется от четырех до пяти месяцев, после чего голова уже получает желанную форму ¹⁾. Обычай этот встречается еще у некоторых европейских народов, как, напр., у южных французов, а также у грузин, которые накладывают грудным детям повязку вокруг головы. Но несравненно больше он был распространен в Европе в древние времена, как это показывают находимые в самых различных местностях (в Са-

¹⁾ См. статью *Риделя* в *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, стр. 110. Недавно Берлинское антропологическое общество получило в подарок такой прибор с острова Целебеса.

войе, Швейцарии, Англии, Австрии, Крыму и на Кавказе) искусственно изуродованные черепа, а также сообщения древних писателей (главным образом Гиппократ) о „макроцефалах“, народе с необыкновенно длинной, получаемой искусственным путем, головой.

Не одна голова подвергалась различного рода „уродованиям“ с эстетической целью. Из других частей тела в этом отношении должны быть упомянуты икры, об искусственном изменении которых у американских индейцев писал Гумбольдт, а также — женские груди и ноги. В то время как одни народы стремятся всячески удлинить груди, другие, наоборот, принимают меры к их сплюснению. Этот последний прием употреблялся и некоторыми европейскими народами; полагают даже, что он еще до сих пор в обычае в некоторых местностях Германии (напр. в Брегенцервальде). В Испании в шестнадцатом и семнадцатом столетиях молодым девушкам сдавливали созревающие груди свинцовыми пластинками и достигали этим способом почти полной атрофии молочных желез. Общеизвестный факт искусственного уменьшения ног у китайцев доходит до перемещения целой суммы костей пальцев и ступни, и хотя известия некоторых писателей о неподвижности китайцев с такими ногами и оказались неверными, тем не менее не подлежит сомнению, что искусственное уменьшение не остается без вредных последствий.

Полагают, что человек прибегает к искусственному изменению частей своего тела с целью усилить природные особенности их и тем приблизиться к идеалу красоты данного народа. Таким образом думают (Дарвин), что от природы малые размеры ног китайцев вызвали искусственное уменьшение ноги, что сплюснение носа и удлинение головы практикуются народами, у которых и без того уже нос плоский и голова длинна. Не отвергая этого объяснения для некоторых частных случаев, оно, однакоже, не может быть принято, как общее правило. Против него говорят прямо такие искусственные приемы, как например, татуирование верхней губы у женщин айно с целью изобразить подобие усов. Случай этот особенно замечателен еще тем, что такие татуированные усы обыкновенно окрашиваются в синий цвет ¹⁾. Можно привести еще случай искусственных покрашенных усов у мужчин даяков, лишенных от природы этого украшения ²⁾.

Перечисленные факты, взятые все вместе, указывают на то, что народам на первобытной стадии развития данный природою человеческий образ не представляется идеалом прекрасного. Другие факты свидетельствуют, что от них не ускользнуло и недостаточно полезное устройство нашего тела. Целый ряд искусственных приемов употребляется людьми с целью, по возможности, устранить некоторые природные особенности нашего организма. Сюда можно отнести, например, обрезание, столь распро-

¹⁾ См. Archiv für Anthropologie, 1872. Протоколы Берлинского антропологического общества, стр. 27.

²⁾ Уоллес. Малайский архипелаг.

страненное у многих народов. Обрезание девочек не ограничивается только мусульманскими народами Африки, но встречается также и у западно-африканских негров, у яванских малайцев и даже у перуанских индейцев ¹⁾. Некоторые писатели приписывают этой операции цель чисто практическую. Другой обычай (так наз. инфибуляция, сшивание или сращивание малых губ) также весьма распространен у народов Африки и Азии. К той же категории искусственных изменений можно отнести еще вырезывание одного яичка у готтентотов, а также вытягивание и другие приемы, употребляемые кабрами для закидывания груди за спину для кормления. В высшей степени интересен упоминаемый Гиппократом обычай сарматов прижигания правой груди посредством медных пластинок и правой руки у участвовавших на войне сарматских женщин.

Несмотря на отсутствие определенных философских воззрений у первобытных народов, на основании только многочисленности и распространенности приемов для усовершенствования человека в практическом и эстетическом отношениях можно уже утверждать, что народы эти смотрят на человеческую природу как на нечто несовершенное и способное изменяться под влиянием человеческой воли.

Существенное отличие представляет эллинское воззрение на человеческую природу, воззрение, почти целиком перенесенное и в мирозерцание новейшего мира. Высокое мнение о человеческой природе во всех отношениях составляет одну из самых характерных черт древних греков ²⁾. В то время, как азиатские предшественники их в деле цивилизации представляли своих богов чаще всего в виде фантастических существ со смешанными признаками человека и самых разнообразных животных, греки, „создавшие божества целиком по собственному образу и подобию“, придавали им реальный образ лучших представителей человеческого рода. Значение этого факта во всей греческой жизни и цивилизации не может быть преувеличено. Почитание человеческой природы ограничивалось не одним внутренним содержанием ее, но распространялось и на внешнюю форму. Всем известно, какое важное значение в деле воспитания имели телесные упражнения, каковы: гимнастика, плавание и пр. Стремясь достигнуть наибольшего физического совершенства, идеал греков никогда не переступал, однако же, за пределы данного природою человеческого образа. Поэтому мы у них не встречаем ничего, подобного искусственным операциям дикарей для изменения частей тела. Напротив, все их приемы при ухаживании за телом ограничивались лишь ничтожным отступлением от природных условий. В этом отношении у них на первом плане стояло помажение волос и натирание тела маслом, считавшееся столь важным для гимнастических упражнений. В более древний период (до начала персидских войн) афиняне отпускали косу, но и потом они носили довольно

1) См. статью *Плосса* в *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, стр. 382.

2) „Mensch sein war dem Griechen das Höchste“ (Stahr Torso, стр. 17).

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБОВА

длинные волосы. Бритье бороды считалось постыдным, так как голый подбородок придавал неестественную для мужчины женственность; оно вошло во всеобщее употребление только во времена македонского владычества, но и тогда не соблюдалось философами, находившимися в противоречии с существующими воззрениями ¹⁾).

Греческое поклонение человеческой природе целиком отразилось в пластическом искусстве и обусловило первенство греков в этой области. Поставив задачей искусства точное воспроизведение наиболее совершенного человеческого образа, греческие художники измерили все части тела и с помощью этого столь приблизились к действительности, что современная наука подтвердила все их главные выводы. Скульптура, как искусство, наиболее соответствующее воззрению греков на человеческую природу, сделалось у них национальным. По самой природе своей оно всего более пригодно для изображения целого, гармонически сложенного тела. Вот что говорит по этому поводу Ипполит Тэн ²⁾: „Статуя—большой кусок мрамора или бронзы—обыкновенно стоит на пьедестале одна; ей невозможно сообщить того пылкого жеста или слишком страстного выражения, которые передаются живописью и допускаются в барельефах“... „Кроме того статуя солидна: члены ее и торс вески, тяжелы; можно обойти вокруг нее и измерить глазом всю материальную ее толщу; притом она обыкновенно совсем или почти нага, и потому ваятель должен придать туловищу и членам такое же значение, как и голове, и отнестись с равной любовью как к животной стороне, так и нравственной. Одна лишь греческая цивилизация удовлетворяет этим обоим условиям. На этой ступени и в этой именно форме культуры люди непосредственно наслаждаются телом; душа не подчинила его себе, не отбросила на второй план; оно само по себе сохраняет важное значение. Зритель дает одинаковую цену различным частям его, благородным и неблагородным—и широко дышащей груди, и гибкой, сильной шее, и мышцам, образующим то впадины, то вздутые бугры вокруг хребта, рукам, которым придется метать диск, голениам и ступням, которых упругость подбрасывает всего человека вперед на бегу и при скачке“. Греческая философия ставила чрезвычайно высоко всего человека, и, между прочим, его тело и образ. Демокрит восхвалял древних за то, что они посвятили части человеческого тела богам: голову—Зевсу, глаза—Палладе и т. д. Соответственно идеалу греческого искусства и нравственная философия греков выработала „уважение ко всем задаткам человеческой природы и стремление к гармоническому развитию целого человека“. Воззрение это, выраженное у Платона, сделалось основным принципом старой академии и затем перешло в новую академию, а оттуда в скептическую школу.

¹⁾ См. *Германн*. Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer, I, 1870, стр. 175—177.

²⁾ За неимением под руками подлинника „Чтений об искусстве“ *Тэна*, приходится цитировать по неудачному переводу, изданному в Москве в 1874 году (стр. 388).

Так, напр., по мнению Ксенократа (четвертого столетия), принадлежавшего к старой академии, „счастье заключается в выполнении всех естественных действий и состояний, в обладании свойственной человеку добродетелью и всеми служащими ей способностями“ (Целлер, I. с., 880).

Но столь общий принцип, резко выражающий античное воззрение на человеческую природу, отчасти именно в силу своей общности не мог решать безапелляционно более частных вопросов, по отношению к которым мы, поэтому, и встречаем многочисленные противоречия и разногласия. Так как последние, однакоже, имеют очень важное значение в деле рассматриваемого нами вопроса, то я и обращаюсь к некоторым из них. Взгляд Платона и его ближайшего ученика, Спевзиппа, на наслаждение, как на нечто, не входящее в представление о благе, встретил противника в другом ученике Платона—Аристотеле. По его мнению „наслаждение составляет естественный конец всякого действия, результат, столь же непосредственно связанный с совершенной деятельностью, насколько красота и здоровье связаны с совершенным устройством тела“,—„цель, на которой успокаивается всякое жизненное движение“ (Целлер, I-е издание, т. II, 2, стр. 447).

Воззрение на цель нравственной жизни, как на стремление к сообразованию с природою (метриопатия), перешло, как сказано, и в более поздние школы античной философии, но каждая из них смотрела по-своему на содержание и границы „естественности“ и „естественной жизни“. Так, по учению стоиков, „высшее благо и высшая цель, или счастье, может заключаться только в сообразной с природою жизни. Но таковою может быть для каждого человека только то, что совпадает с ходом и законом мирового целого или с мировым разумом, и всякое сознательное и разумное существо должно стремиться только к тому, что вытекает из познания этого общего закона (Целлер, первое издание, III, 1, стр. 193). Эпикурейская школа, исходя из того же основного принципа жизни, сообразной с природою, доказывала, что „наслаждение составляет естественное благо, то-есть сообразно с природою и есть самодовлетворенное состояние каждого существа“ (Целлер, I. с., стр. 401). Интересен позднейший эклектизм Цицерона и его критика стоических воззрений. Он считает противоречием с их же основным принципом—жизни сообразно с природою—исключение из понятия о благе чувственных наслаждений, „которые также принадлежат нашей природе, которой свойственно и здоровье, и освобождение от страдания, и хорошее расположение духа, и даже чувственное наслаждение“. „Жить сообразно с природою не значит вовсе отречься от нее,—говорит он,—но охранять и развивать ее“ (Целлер, I. с., стр. 589).

При таком преклонении перед природою философия должна была сделаться фаталистической и учить „принимать вещи так, как они сложились“,—спокойно перенося несчастья как неизбежные атрибуты действительности. Таким образом Карнеад выражал не свое единоличное мнение, когда утверждал, что мысль о возможности несчастья должна уже утешать страдание, и когда он

дсказывал, после разрушения Карфагена, что мудрец не должен горевать ни в каком случае, даже при гибели родного города. Еще резче высказывается Марк Аврелий о смерти, которую мы всегда, наступит она раньше или позже, должны встречать со спокойной радостью, довольствуясь одной мыслью об ее естественности.

В конце древних веков, с упадком античной цивилизации, и прежний взгляд на человеческую природу уступил место новому. Противоречие в стоическом взгляде на нравственность с основным воззрением на человеческую природу дошло у одного из позднейших римских стоиков, у Сенеки, знаменитого современника Иисуса Христа, до полного разрыва. Убеждение в нравственной слабости и несовершенстве человека, в вездесущи и всеилии порока привело Сенеку к признанию неразумного и порочного начала в самой человеческой природе. Начало это, по его мнению, лежит в теле, в нашей плоти, которая до того ничтожна, что о ней не стоит и думать; она составляет только оболочку нашей души, кратковременное вместилище ее, в котором она никогда не может чувствовать себя спокойно,—бремя, которое ее давит, тюрьма, к освобождению из которой она стремится. Душа, по мнению Сенеки, должна бороться с телом, через посредство которого она получает страдания и невзгоды, сама же по себе она чиста и неприкосновенна и стоит столь же выше тела, насколько божество выше материи (Целлер, I. с., 633).

Подобный же дуализм (но только в сильнейшей степени) и связанное с ним пренебрежение к телу и возвеличение души характеризуют христианское воззрение на человеческую природу. В четвертом и пятом веках христианской эры это воззрение выказалось с полной силой, и высшим идеалом человеческих стремлений сделалось „подавление всей чувственной стороны нашей природы“. Борьба с плотью выступила на первый план, и восточный аскетизм распространился по всему христианскому миру. „Подавление голода, жажды, сна, отречение от всяких наслаждений, впечатлений зрения, слуха, вкуса, особенно подавление потребности к размножению делалось в глазах верующих назначением человека. Поэтому была предпринята борьба против природы, против всех, даже самых невинных удовольствий, которые они, в силу убеждения в природной испорченности человеческой природы, считали пороком“. Какой полный контраст „с покойным и веселым тоном, характеризующим греческую философию, которая не имела понятия о борьбе против существующей будто бы природной порочности и испорченности человека“ ¹⁾. Дуалистическое воззрение сделалось столь резким, что прозелиты, ревнуя о спасении души, до того загнали тело, что в физическом отношении спустились почти до степени диких животных. Отшельники поселялись в звериных норах, сбрасывали с себя всякую одежду и бродили нагие под покровом отращенных волос. „В Месопотамии и части Сирии образовалась секта под названием пасущихся, которые не

¹⁾ Лекки. „История нравственности в Европе“. Немецкий перевод Иоловича, Т. II, стр. 97.

имели постоянных жилищ, не ели ни хлеба, ни овощей, но скитались по горам и питались травой. Чистота тела считалась загрязнением души, и из святых наибольшим почетом пользовались не те, которые заботились о чистоте тела. Афанасий рассказывает с восторгом, что святой Антоний, отец монашества, никогда в старости не мыл себе ног" (Лекки, I, с., II, 88).

Под влиянием такого крайнего дуализма, все природные человеческие инстинкты извратились до последней возможности. Инстинкты семейные, общественные заглушились до того, что по отношению к родственникам, соотечественникам фанатизированные христиане были хуже, чем равнодушны. Одного, святого прославляли за то, что он был строг и жесток только по отношению к родственникам. Рассказывают, что когда один верующий обратился к аббату Сизесу с просьбой принять его в монастырь, аббат спросил его, есть ли у него кто-либо близкий. „У меня есть сын“, — отвечал христианин. — „Возьми своего сына, — сказал ему на это аббат, — брось его в реку и только тогда ты можешь сделаться монахом“. Отец тотчас же приступил к выполнению требования, которое только в самую последнюю минуту было взято назад аббатом. По отношению к отечеству требовалось столь же полное отречение (Лекки, II, 100, 108, 112).

Неудивительно, что при таком мировоззрении, подавление инстинкта к размножению и безбрачная жизнь, которую Христос и апостол Павел не вменяли верующим, а выставляли только идеалом высшей степени подвижничества, сделалась обязательною для монашества и католического духовенства. Христос сказал ученикам в ответ на замечание их, что при затруднении развода лучше вовсе не жениться: „не все вмещают слово сие, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами, ради царства небесного. Кто может вместить, да вместит“. (Матф., XIX, 11, 12). Как известно, место это было понято различно: одни видели в нем одобрение простой безбрачной жизни, другие же, напротив, усмотрели, в нем указание на физическое осклопление. Оба эти толкования привели к различным формам безбрачия, которое сделалось необходимым условием подвижничества. Апостол Павел не настаивает на нем, но рекомендует верующим, как нечто очень желательное. „Я желал бы, — говорит он, — чтобы все люди были, как я“. „Кто выдает замуж (девицу), хорошо делает, а кто не выдает — делает лучше“ (I Коринф., VII, 8, 8, 39). На основании таких пожеланий, церковь, начиная с четвертого века, стала постепенно вводить безбрачие, которое вошло в полную силу в латинской церкви в начале одиннадцатого столетия (при Григории VII).

Дуалистическое воззрение, дошедшее до извращения стольких человеческих инстинктов, должно было неминуемо отразиться и в христианском искусстве. Скульптура, имевшая такое первенствующее значение в античном мире и столь тесно связанная с основами греческого мирозерцания, стала быстро клониться к упадку. В Восточной Римской империи она продержалась дольше, но в

Италии она почти окончательно заброшена в восьмом столетии. Живопись удержалась, но также подверглась сильному упадку. Все произведения искусства Италии в век Каролингов обнаруживают грубое равнодушие к естественной форме, отсутствие гармонии и чувства изящного. Еще дальше в глубь средних веков итальянское искусство упало еще сильнее. „Об изучении природы и необходимости ближайшего знакомства с человеческим образом никто не думал. Эпоха, в которой на каждом шагу предполагалось участие неземных сил,—говорит Шнаазе,—эпоха, миросозерцание которой зиждилось на резком контрасте небесного с земным, не могла и в искусстве держаться границ физической законности, обычного хода природы“¹⁾. Тесная связь между христианским воззрением на человеческую природу и средневековым искусством не подлежит сомнению, несмотря на разногласие некоторых специалистов. Вот еще отзывы двух сведущих судей. „Враждебное отношение (христианства) к искусству и его тогдашней обстановке,—говорит Куглер²⁾,—повело даже к борьбе против взгляда на искусство вообще. Древние божества производили впечатление высоким наружным достоинством и обаятельной прелестью, которые художники внесли в их изображения; христианство, напротив, хотело действовать на один только дух, помимо всякой внешности, которая так или иначе могла прельщать чувство или затемнять чистоту мысли“. Следующее место заимствовано из цитированных уже выше „Чтений об искусстве“ Тэна: „В средние века,—говорит он,—чрезмерное развитие духовного и внутреннего человека, стремление к неземным созерцаниям, культ скорби, презрение к телу доводят воображение и чувствительность до ясновидения и каких-то серафических восторгов“. „Отсюда в жизни и скульптуре лица безобразные или, по крайней мере, некрасивые, часто вовсе уродливые и безжизненные, почти всегда, худые, чахлые, изможденные и страдальческие“ (стр: 335).

Нельзя не признать, что и в самые тяжелые времена для искусства выдавались отдельные произведения, свидетельствовавшие о присущем европейскому духу чувству изящного, но не подлежит сомнению, что только восстановление сокровищ античной цивилизации произвело коренное улучшение в искусстве. „Наука рисования,—говорит Легран,—терялась с каждым днем и увлекала искусство к неизбежному и полному распадению, когда великие вожди итальянского возрождения обратились к античной древности и нашли в ней искомую тайну ее силы и могущества“. Великими мастерами в искусстве становятся люди ученые, владеющие математикой и измерительными методами, как, напр., Альберти, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело и др. Греческие идеалы искусства, близость к природе, вкус к изящным формам оживают снова.

Рядом с возрождением эллинского духа в искусстве, реформация стала в защиту человеческой природы. Она восстала против католического насилования природных инстинктов и изгнала без-

1) Шнаазе. Geschichte der bildenden Künste, т. III, 577, 584, и IV, 717.

2) Руководство к истории живописи, 1872, стр. 4.

брачие и монашество. В лютеранском мирозерцании мы на каждом шагу встречаемся с античными воззрениями, которые то искусственно вплетаются в догматы христианского вероучения, то сплавляются с ними в нечто более или менее цельное. Таким образом в ученых лютеранских трактатах говорится о „возможно полном развитии всех естественных сил“ человека, как об одном из главнейших назначений человека. В силу этого нравственные правила, стремящиеся к полному освобождению души от тела, оказываются в противоречии с одним из основных законов нашего существования и потому теряют всякое значение. По мнению лютеранских учителей, не только потребность размножения, но и „стремление к собственности, чести, власти и чувственному удовольствию составляют естественные потребности нашего сердца, потребности, которые не могут быть уничтожены, но которые, напротив, должны быть облагорожены и развиты. А так как христианство в своих нравственных предписаниях главным образом имеет в виду полнейшее развитие и образование всех сил и способностей, то оно никоим образом не может желать уничтожения и заглушения столь важных потребностей“ ¹⁾. Нельзя не заметить, что тут христианству приписывается совершенно эллинское основное воззрение.

Еще цельнее перешло последнее в область философии новой, или эллино-христианской цивилизации. В этом отношении особенно замечательно прошлое столетие, философское развитие которого имело, как известно, огромное влияние на все сферы человеческой жизни. В первой половине его в Великобритании выступает Гютчесон, основные воззрения которого на человеческую природу почти целиком сходятся с греческими. „Гютчесон,—говорит Бокль ²⁾,—смело утверждал, что все наши естественные склонности законны и что удовлетворение их равняется с самой высокой добродетелью. В его глазах они были законны, потому что были естественны; тогда как по теологическому учению самая естественность их была причиною порочности. В этом-то и заключается основное различие между практическими взглядами Гютчесона и теми, какие принимались прежде. Подобно всем великим мыслителям XVII и последующих веков, он любил человеческую природу и уважал ее; но не любил и не уважал людей, которые скрывали ее и тем ослабляли ее силу и портили ее красоту. Он чувствовал больше доверия к человечеству, нежели к его правителям. Шотландское духовенство до этого времени поносило всю человеческую природу. По его мнению в нас не заключалось ничего, кроме греха, а потому все наши желания должно было парализовать. Честь и слава Гютчесону,—присовокупляет Бокль,—который впервые публично восстал в Шотландии против этих безнравственных понятий“. Эта последняя фраза имеет для нас важное значение, потому что указывает на то, какой сильный отголосок встретило античное воззрение на человеческую природу у одного

¹⁾ Рейнгардт. System der christlichen Moral, т. IV, 1814, стр. 431, и т. III 1813, 14.

²⁾ История цивилизации, II, 372.

из влиятельнейших представителей новейшей эпохи умственного развития ¹⁾. Если мы вернемся к восемнадцатому столетию и обратимся к воззрениям французских мыслителей, то на каждом шагу увидим более или менее близкое возвращение к эллинскому мирозерцанию. Так, напр., мы узнаем его в следующем знаменитом изречении Жан Жака Руссо, столь наглядно резюмирующем его основные воззрения: „Все прекрасно, выходя из рук Творца вещей; все вырождается в руках человека. Он принуждает почву одной страны питать произведения другой, одно дерево производить плоды другого. Он смешивает и спутывает климаты, элементы, времена года; он уродует свою собаку, лошадь, раба; он все сокрушает и извращает; он любит безобразие, уродов; он ничего не хочет оставить в таком виде, как сделала природа, ни даже человека; ему нужно выдрессировать его, как лошадь, переделать его по-своему, как плодородное дерево“ (Эмиль, I, 1). Нет надобности распространяться здесь о том, какое сильное впечатление и влияние производили в свое время эти убеждения, высказанные притом с таким неподдельным жаром. Всем известно, что они проникли в педагогию, государственную науку и возбудили многочисленные путешествия с целью изучения ближайших к природе первобытных народов.

Французские мыслители из лагеря энциклопедистов, несмотря на столь враждебный Руссо материализм, разделяли с ним основной взгляд на человеческую природу. В ней они искали ключ всей практической философии. Один из весьма видных представителей французского материализма прошлого столетия, барон Гольбах, издал сочинение под заглавием „Всеобщая нравственность, или обязанности человека, основанные на его природе“. Как видно уже из этого основу теории Гольбах полагает в естественных свойствах человека. „Мотивы (предлагаемой нравственности), — говорит он, — чисто человеческие, то-есть основанные единственно на природе человека, какою она представляется нашим глазам“. „Прежде чем иметь религию, человек уже есть человек, и какую бы религию он ни признавал, нравственность должна быть всегда одинакова и именно такова, какую природа предписывает всем людям“.

Через посредство философии прошлого столетия античное воззрение перешло и в нашу нынешнюю эпоху, как это мы видели уже отчасти из вышеприведенной цитаты, в которой Бокль высказывает свои симпатии убеждениям Гютчесона. Некоторые ученые нового времени, быть может, сами того не подозревая, чрезвычайно близко подошли к воззрениям древних философов. Подобно последним, предписывавшим „уважение ко всем задаткам человеческой природы и стремление к гармоническому развитию целого человека“, Вильгельм Гумбольдт устанавливает следующий основной принцип: „Конечная цель человека, — говорит он (цитировано у Милля, „Свобода“, стр. 274), — т.-е. та цель, которая ему предписывается вечными, неизменными велениями разума, ... состоит

¹⁾ Сходные взгляды встречаем мы и у Дж. Льюиса, например, на стр. 296 его „Истории философии“.

в наивозможно гармоническом развитии всех его способностей в одно полное и состоятельное целое". Подобно этому определяет Лекки цель жизни, которая, по его мнению, состоит „в полном развитии всего существующего в положенных природою размерах и отношениях“ (I. с., I, стр. 103). В сущности сходно с этим и одно из новейших определений нравственности, принадлежащее Георгу Зейдлицу, натуралисту и ревностному последователю дарвинизма. „В удовлетворении всех отправлений тела в должной степени и взаимном отношении друг к другу заключается рациональная и нравственная жизнь“ ¹⁾. Определение самого Дарвина отличается от этого только второстепенными пунктами: „Выражение „общее благо“,—говорит он,—может быть определено как обозначение развития возможно большого числа особей в полной силе и здоровья, со всеми способностями, в наиболее совершенной степени развития, возможной при данных условиях“ („Происхождение человека“, немецкий пер. третьего издания, I, 156). Приведенные цитаты считаю достаточными для того, чтобы уяснить как современные воззрения на человеческую природу, так и связь их с принципами античной философии ²⁾.

Из представленного мною очерка можно видеть, что воззрения на человеческую природу вообще распадаются на две большие категории: одна из них обнимает воззрения, по которым природа наша должна служить источником и образцом как для изящного, так и для нравственного искусства; другая же заключает взгляды, которые не останавливаются на природных свойствах человека и которые, наоборот, побуждают его унижать свою природу и изменять ее сообразно с какой-нибудь определенной целью.

Если мы несколько подыдемся над уровнем обеих теорий и, вооружившись результатами современного естествознания, спросим себя: какая же из них более соответствует истинной природе человека? то по рассмотрении дела должны будем притти к заключению, что воззрения второй категории по существу своему естественнее. Как ни парадоксален с первого взгляда этот вывод, но он, мне кажется, может быть доказан.

Что же говорит нам наука о человеческой природе? Она показывает прежде всего, что подчиненный тем же законам, как и остальные живые существа, человек подвержен процессу изменчивости, в силу которого человек произошел из какой-нибудь более низкой животной формы и в силу которого же, сделавшись человеком, он претерпел ряд дальнейших видоизменений. Принятый Боклем принцип постоянства естественных способностей чело-

¹⁾ Die Darwin'sche Theorie, 2 издание, 1875 г., стр. 272, прим. 25.

²⁾ Все эти воззрения представляют собой попытки буржуазных мыслителей найти „вечные“ основы человеческой нравственности, исходя из „неизменных естественных“ свойств человека. Между тем „свои нравственные воззрения люди, сознательно или бессознательно, черпают в последнем счете из практических условий их классового положения, т. е. из экономических отношений, обуславливающих собой производство и обмен продуктов“ (Энгельс). Вот это-то весьма существенное обстоятельство здесь и упускается из виду. *Ст. Кр.*

века не подтверждается современной антропологией. Как ни мало подвинулась еще эта только что зарождающаяся наука, тем не менее, она выработала уже твердое убеждение в существовании изменчивости как в особенностях формы, так и в отправлениях органов человека. Поль Брока показал, что емкость парижских черепов увеличилась с двенадцатого столетия. Зубная система, напротив, представляет случай ослабления развития; так, напр., зубы мудрости очевидно стремятся уничтожиться: нередко они вовсе не прорезываются на одной из обеих челюстей; в случаях же своего появления (по крайней мере у кавказской расы) корни их сливаются, и на коронке нередко недостает одного (четвертого) бугорка. Клыки теряют свою заостренную, коническую форму и во многих случаях уже вполне уподобляются резцам. Сравнительное изучение человеческих рас показывает у них ряд анатомических отличий. Как бы мы ни смотрели на вопрос о происхождении таких расовых признаков, несомненно, однакоже, что они указывают на изменчивость в области человеческого организма. Есть основание думать, что кавказская раса (и вообще так называемые высшие расы) явилась в результате изменения какой-нибудь более низшей расы,—процесса, следы которого сохранились в развитии отдельного индивидуума.

Хотя в настоящее время невозможно определить в точности, какими именно путями совершались форменные изменения, но очевидно, что тут играли существенную роль моменты усиленного или ослабленного употребления данного органа. К первому прибегают для объяснения увеличения емкости парижских черепов, а последний объясняет уменьшение и изменение зубной системы. Те же причины (употребление и неупотребление органов) обусловили слепоту пещерных животных, неподвижность многих паразитов и целый ряд других явлений живой природы.

Еще более глубокие изменения сопровождали переход от животнобразного прародителя к первобытному человеку. Современная теория происхождения человека может быть причислена к числу наиболее прочных научных теорий. Она показывает, что человек получил все свои органы от какого-нибудь более низкого в системе животного, передавшего по наследству, между прочим, и такие части, которые, сделавшись бесполезными, мало-по-малу заглохли, оставив, однакоже, по себе более или менее заметные следы в виде так называемых рудиментарных, или остаточных, органов. Выражаясь образно, можно сказать, что в человеческом теле заключено целое низшее животное существо. У человека есть остаточный хвост, остаточный шерстный покров, рудиментарный кожный мускул. Зубная система со стремящимися к уничтожению зубами мудрости и теряющими первоначальную форму клыками составляет столь же явное наследие от животных, как и части, а может быть и целая ушная раковина, носовые раковины и остаток третьего века. Кишечный канал человека включает в своем червеобразном отростке, всегда бесполезном, а нередко даже вредном, орган, унаследованный в конце концов от какого-нибудь травоядного животного, которому он необходим для затруднительного

переваривания пищи, содержащей клетчатку. Мускульная и половая системы человека чрезвычайно богаты рудиментарными органами.

В то время как некоторые из перечисленных рудиментов окончательно потеряли способность действовать, другие, напротив, могут еще совершать отправление и развиваться по мере упражнения. Так, напр., замечено, что упражнением можно развить зачаточные ушные мышцы, совершенно бесполезные человеку. Некоторые из наших мимических движений составляют также подобный остаток животности в человеке. При сильном гневе у него приподымаются углы рта и обнажаются клыки, т. е. делается жест, столь обыкновенный у животных; но в то время, как у последних он имеет положительное значение и сопровождается затем кусанием, у человека сохранилась только первая половина процесса. Только в некоторых случаях у детей, чаще же всего у сумасшедших, наблюдали вслед за подобным жестом приведение в действие зубов. Приподымание волос дыбом, замечаемое у человека только при самых сильных аффектах, обуславливается напряжением мелких подкожных мышц, которые развиты у животных гораздо больше и которые, обуславливая общее ошетинивание, играют у них весьма важную роль. К категории таких остаточных явлений у человека должно быть отнесено и образование гусиной кожи.

Итак, мы видим, что человек представляется сложным результатом длинного процесса, оставившего по себе нередко очень явственные следы. Процесс этот вообще имеет характер одностороннего усовершенствования интеллектуальной стороны, подавившей ряд других сторон организма. Таким образом человек, сравнительно с ближайшими к нему животными, одарен более емким черепом и обладает несравненно большей степенью умственных способностей, но в то же время он лишен готовых средств к защите, как, напр., шерстного покрова, сильных клыков и пр. Этим объясняется, между прочим, большое число остаточных органов у человека. Являясь в результате одностороннего усовершенствования, человек не столько примыкает к взрослым человекообразным животным с вполне развившейся многосторонней организацией, сколько к их зародышевому или отчасти детскому возрасту, со сравнительно большим черепом и малым лицом и с слабо развитым шерстным покровом.

Рядом с изменчивостью в живой природе действует еще другой могучий фактор—наследственность. Не подлежит сомнению, что он обуславливает не только передачу грубых физических признаков, но и таких черт, как, напр., болезненное расположение, самые болезни, как телесные, так и так называемые душевные и даже свойства характера и склонность к преступлениям и т. д.

Сильно распространенное в прежние времена мнение, будто человеческий организм представляет образец совершенства, выше которого ничего быть не может, не выдерживает более критики. Еще Иоганн Мюллер (в первой половине XIX столетия) показал, что даже в совершеннейшем из наших органов—глазе, поправка аберрации света неполная. В еще более новое время Гельмгольц

указал на другие несовершенства в устройстве глаза. „Точное изучение оптического устройства глаза за последние десять лет,— говорит он,—привело к разочарованию относительно некоторых его отличительных свойств. Природа,—прибавляет он,—как бы нарочно скопила противоречия для того, чтобы устранить все основания теории предсуществующей гармонии между внешним и внутренним миром“. Чем сложнее данная машина, тем труднее правильное сочетание и взаимодействие всех частей ее, и тем легче нарушение общего строя. Это правило применяется и к одной из самых сложных животных машин—к человеку. Будучи существом общительным и притом принадлежа к числу наиболее изменчивых (так называемых полиморфных) видов, человек в высшей степени подвержен влиянию постоянно изменяющихся внешних условий ¹⁾, вследствие чего он всегда находится в процессе применения к ним. Явившись, как было сказано, в результате одностороннего усовершенствования организации своего зоологического прародителя, он внес с собою зачатки органических противоречий, разлада между отправлениями своих отдельных частей. Не представляет ли, в самом деле, явного противоречия тот факт, что орган, развитие которого сопряжено с нарушением общего здоровья и так часто бывает смертельно, оказывается всего менее необходимым в человеческой жизни. Я говорю о зубах, которые могут быть заменены как соответствующим размельчением и приготовлением пищи, так и непосредственно искусственными зубами. Противоречие становится еще более резким ввиду того, что особенно большую опасность при прорезывании представляют клыки, т. е. именно зубы, наименее нужные человеку.

Подобные противоречия не составляют единичного факта. Особенно резко кидается в глаза разлад в аппарате, служащем для размножения. Развиваясь у человека сравнительно очень долго, этот аппарат созревает не одновременно, а последовательно; притом чувство, выражающее эту потребность, появляется в такую раннюю пору, когда существенные органы размножения еще не созрели и когда самый процесс, поэтому, еще невозможен. При дальнейшем развитии созревают и эти органы, но опять в такое время, когда человек еще не достиг полной зрелости и умения воспитывать детей. Отсюда возникает ряд явлений, которые называют ошибочным термином „неестественными“ и которые влекут за собою болезни и другие несчастья, следовательно, идут наперекор цели человеческой жизни, которая, согласно мнению людей, состоит в достижении наивозможно большего общего блага или счастья в самом широком смысле слова.

Я считаю употребительный термин неправильным потому, что явления эти кроются именно в самой природе человека. Вот почему так называемые первобытные народы, наименее изменен-

1) Под внешними условиями тут разумеется не столько влияние климата и почвы, сколько другие, более быстро меняющиеся факторы, как, например, изменения в составе и движении населения, изменения культуры в самом широком смысле, и т. п.

ные культурой и, как принято выражаться, стоящие наиболее близко к природе, не представляют той „естественности“, о которой говорил и мечтал Ж.-Ж. Руссо, а нечто прямо противоположное. В начале настоящего очерка я привел ряд фактов, показывающих, как сильно стараются дикари изменить „естественный“, природный образ человека. В сфере половой жизни они предаются онанизму и другим так называемым „неестественным“ действиям ¹⁾. Нарушение родительского инстинкта у них проявляется на каждом шагу в форме столь распространенного детоубийства. Вытравливание плода у них также употребительно. Все это вытекает из основного разлада в человеческом организме, из разлада между данными природою свойствами и человеческим идеалом счастья.

Итак, резюмируя сказанное о человеческой природе, мы видим, во-первых, что она содержит в себе более или менее явные, или более или менее сохранившиеся, или заглохшие следы животных предков; во-вторых, что человек, подобно прочим существам, в сильной степени подчинен законам наследственности и изменчивости, и, в-третьих, что в его природе замечается и самим человеком чувствуется более или менее резкий разлад между тем, что есть, и тем, к чему он стремится. Таким образом природа наша оказывается изменчивой и дисгармонирующей с нашими стремлениями.

Мы видели как реагировали первобытные народы. Но как же справлялись с затруднениями античные народы и как соглашались они их с общим принципом преклонения перед природою. Вот что говорит один из новейших авторов об истории нравственности—Лекки: „В древности только немногие люди порицали искусственное вытравление плода, и на основании принципа общей пользы многими доказывалось, что препятствие рождению составляет во многих случаях благодеяние. Аристотель не только разрешал в Греции этот обычай, но даже желал, чтобы он был предписан законом в случае, как только население перейдет известный предел. Не было закона, который бы препятствовал этому ни в Греции, ни в римской республике, ни в течение большей половины империи“ (I. с., II, 16). Кроме того, по свидетельству специалистов, в древней Греции была сильно развита „неестественная любовь“ (педерастия), которой, между прочим, был предан (хотя и в меньшей степени, чем большинство) основатель стоицизма Зенон. Философы этой школы „только до тех пор предпочитали жизнь смерти, пока оставались существенные условия для жизни, сообразной с природою“ (Целлер, I. с., III, I, 287). Но, видимо, условия эти оставались плохи, так как стоики очень часто кончали жизнь самоубийством. Сам Зенон лишил себя жизни: сломав себе палец при выходе из школы, он так поразился своей немощью, что, ударив землю ногой, воскликнул: „К чему эти мучения! Земля, я повинуюсь твоему призыву!“,—и вслед затем удавился.

¹⁾ Об этом и вообще о разладе в человеческой природе см. очерки „Воспитание с антропологической точки зрения“ в т. I „Вестника Европы“ за 1871 г. и „Возраст вступления в брак“ в т. I того же журнала за 1874 г. (перепечатаны в настоящ. сборнике).

Из сказанного ясно вытекает, что греческий принцип естественной жизни не прилагался в весьма важных случаях; но, кроме того, он, как было сказано выше, толковался самым различным образом и настолько произвольно, что, придерживаясь его, различные школы совершенно различно понимали правила нравственной жизни.

Христианство действовало против самоубийства, детоубийства и отравления плода, и ему до тех пор удавалось несколько справляться с этими бедами, пока само оно сохраняло первоначальную силу и чистоту. Но зато оно ввело безбрачие и умерщвление плоти, т.-е. обязанности, которые сначала соблюдались строго и отчасти заменяли запрещавшиеся христианством меры; впоследствии же снова появились последние, а безбрачие и умерщвление плоти сохранились только в виде формальности. Сильное распространение в новом мире искусственных мер с целью препятствия рождению есть факт общеизвестный. В Америке существует между докторами большое число специалистов по этой части, а в Европе в них даже и не оказывается особенной надобности, так как самому народу известно достаточное количество соответствующих средств.

Итак, мы видим, что при всевозможных воззрениях на нашу природу, человечество никогда вполне не удовлетворялось ею. Не так легко, следовательно, „жить сообразно с природою“, как это может показаться с первого взгляда. И это, очевидно, не простая случайность. Рассуждая об условиях разномыслия первобытного человека, Дарвин, между прочим, высказывает следующую мысль: „В самую отдаленную эпоху, — говорит он (I. с., I, 149), — прежде чем человек достиг человечности, он руководился более инстинктом и менее рассудком, чем в настоящее время дикари. Наши древние получеловеческие прародители не убивали детей, потому что инстинкты низших животных никогда не бывают так извращены, чтобы привести их к правильному уничтожению потомства“. Т.-е. получеловеческие существа, сделавшись людьми, потеряли прежнюю силу инстинкта и стали заменять его рассудком, при чем инстинктивные действия извратились: инстинкт самосохранения стал нарушаться самоубийством, инстинкты семейные извратились ввиду детоубийства и т. д. Один английский критик заметил по поводу этого, что Дарвин, сам того не сознавая, восстанавливает еврейское предание о грехопадении человека. Во всяком случае, замечательно, что такие извращения природных инстинктов, т.-е. именно так называемые „неестественные действия“, составляют одну из самых характерных особенностей человека. Не указывает ли это на то, что эти действия сами входят в состав нашей природы и потому заслуживают очень серьезного внимания.

Можно утверждать, что вид *Homo sapiens* принадлежит к числу видов, еще не вполне установившихся и не полно приспособленных к условиям существования. Унаследованные им инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сделались шатки, тогда как долженствующий стать на их место разум еще недо-

статочно развился и окреп. Отсюда раздвоение и разлад, со столь ранних пор обратившие на себя внимание человечества. Более чуткие в делах человеческих поэты, кажется, первые сознали его, как это видно, например, из многих мест „Фауста“: „Zwei Seelen fühl ich, ach, in meiner Brust“ (две души, чувствую я, живут в моей груди) и т. д., или из следующих стихов Байрона:

... Все в этом мире
Течет спокойно, ровно, бесконечно;
А мы—его цари и лже-владыки,
Часть божества в смешении с частью праха,
Равно бессильные подняться кверху
Иль вниз упасть,—мы двойственной натурой
Гармонию природы оскорбляем.

(„Манфред“, сцена II.)

Наука только теперь приходит к убеждению в существовании органического разлада в человеческой природе¹⁾, и возможно, что вскоре прикладное знание найдет возможным воспользоваться ее результатами, с целью „искусственным“ путем установить большую гармонию. Теперь нельзя более разделять взглядов, подобных воззрению Гютчесона, что „все наши естественные желания и стремления, даже и низшего разряда, даны нам на благо“ или что все прекрасно в первоначальном естественном своем виде. Нет, наша природа заключает стороны, которые могут и должны быть устранены и видоизменены, и прикладное знание (искусство в широком смысле) должно содействовать этому. Если различные предпринятые до сих пор попытки (вроде приемов дикарей и средневековья), законность которых не подлежит более сомнению, оказались неудачны и подчас смешны, то это не может служить еще доказательством, чтобы и попытки, предпринятые с тою же целью при посредстве науки и искусства, постигла та же участь. Не следует забывать, что и теперь есть сферы, в которых человеческое искусство стало неизмеримо выше природы (музыка).

Отстаиваемое здесь воззрение существенно противоположно эллиническому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный фактор воли на подобающую ей высоту и не подавлять многочисленных и столь дорогих человечеству стремлений и идеалов на основании лишь того, что они не могут быть совмещены с природою человека в данный момент. Вот почему

¹⁾ Мне кажется, что развиваемая здесь теория дисгармонии, высказанная раньше в очерках о воспитании и возрасте вступления в брак, достаточно пояснена. Нечего и говорить, что мне никогда и в голову не приходило доказывать, будто существует дисгармония с законами природы, и будто, поэтому, дисгармонические проявления составляют нечто сверхъестественное. Всякая болезнь составляет также естественный результат законов природы, но тем не менее человек стремится устранить ее. Проф. Бекетов (в журнале „Природа“ кн. I, 1876) не понял истинного смысла теории и несправедливо вооружился против нее. Если сказанное мною и теперь покажется неясным, то я советую читателю прочесть главу „Логика“ Милля о свободе и необходимости.

и при решении частных случаев, как, напр., упомянутых в начале статьи женского и невольнического вопроса, столь желанный выход из создаваемого тягостным положением не может быть задерживаем на основании ссылки на особенности женского организма или на природу так называемых низших рас. Эти „данные природы“ условия сами подлежат изменчивости и могут улучшаться в ответ на соответственные стремления.

Чтобы по возможности устранить возникновение недоразумений, я в заключение останавлиюсь на одном частном примере. Как известно, Дарвин и Уоллес положили в основание своего учения факт, что организмы размножаются в сильнейшей степени, чем сколько их может просуществовать; вообще можно сказать что потребностей больше, чем средств к их удовлетворению. В результате этого основного разлада, по независимо выработанному убеждению обоих ученых, является борьба за существование и подбор наилучше приспособленных особей. Таким образом устанавливается гармония, достигаемая в одном случае приспособлением к новой обстановке, в другом случае уменьшением плодовитости, и т. д. Все это совершается механически, без всякого участия сознания. Только у человека проявляется сознание разлада между размножением и средствами, и он начинает сознательно принимать меры для установления согласия; с этой целью он или старается увеличить свои средства, или же замедляет вступление в брак, или, наконец, искусственным путем уменьшает число рождений. Только те люди одерживают победу в борьбе за существование, которые следуют по одному из этих путей. Беспечные же люди оказываются в числе побежденных. Таким образом в человеческом мире сознание и воля являются факторами процесса подбора, который в мире остальных организмов справляется без них, и основной разлад устраняется при помощи самого человека активнейшего из всех живых существ.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ В ОБШИРНОМ СМЫСЛЕ.

I.

Общие начала учения о борьбе за существование.—Источники и последствия этой борьбы.—Несколько частных примеров.

Прежние авторы обозначали общим термином „борьба за существование“ целый ряд сложных процессов, ведущих к сохранению организмов, процессов, заключающихся в противодействии разрушающему влиянию разнообразных внешних условий. Поэтому они говорили о „борьбе“ растений со стужею, с наводнениями и т. п., равно как и о борьбе за существование в смысле активной борьбы двух животных. В то же время они распространяли этот термин и на сложные явления соперничества между однородными организмами из-за пищи, жилища и пр. Еще в восемнадцатом столетии была замечена зависимость явлений борьбы за существование от чересчур усиленной плодовитости организмов. Франклин уже указал на то, что „воспроизводительная способность растений и животных не имеет границ и сдерживается только тем, что, размножаясь, они отнимают друг у друга пищу“. Мальтус развивает это положение следующим образом: „растения и животные повинуются своему инстинкту, не заботясь о том, какая судьба постигнет их потомство. Недостаток места и пищи уничтожает в обоих царствах то, что выступает за пределы, указанные природой для каждой породы“. Как известно, эти результаты вошли в состав новой теории общего происхождения видов, одним из основных положений которой является именно понятие о всемирной борьбе за существование. Оба основателя современного трансформизма, Дарвин и Уоллес, связали это явление с процессом изменения видов, в чем собственно и заключается их огромная заслуга. Что же касается самого понятия о борьбе за существование, то они восприняли его от прежних авторов, не внося в анализ явления чего-нибудь существенно нового. Дарвин включает в это понятие все те же явления, которые относились к „борьбе“ и его предшественниками, как, напр., противодействие засухе со стороны растения, прозябающего на краю пустыни, попытки растения прорасти из семени, заброшенного в заросшее другими растениями место, или, напр., соперничество омелы с другими ягодными растениями, соперничество из-за перенесения яиц птицами. „Во всех этих разнообразных значениях, перехо-

дящих одно в другое, я ради удобства употребляю общий термин—борьба за существование“,—говорит Дарвин. Относительно главного источника борьбы за существование Дарвин вполне присоединяется к мнению своих предшественников. „Борьба за существование,—говорит он,—наступает неизбежно вследствие сильной степени, с которой стремятся размножиться все организмы“. „Это есть,—продолжает Дарвин,—учение Мальтуса, перенесенное в усиленной степени на все животное и растительное царство“. Изменение, внесенное последователями Дарвина, заключается, главным образом в том, что они выделили из всей суммы явлений борьбы за существование процесс соперничества между наиболее родственными организмами. Некоторые, как, например, Зейдлиц, находят даже вовсе неудобным соединять столь различные по их мнению, явления, как конкуренция и активная борьба или противодействие внешним влияниям, и потому они предлагают вовсе уничтожить термин „борьба за существование“ и хотят заменить его более частным и определенным термином: „конкуренция с себе подобными“. Хотя такое нововведение и оправдывается тем, что с точки зрения изменяемости вида наиболее важным моментом борьбы является именно такая конкуренция, тем не менее не следует упускать из вида, что это явление представляется отнюдь не замкнутым и легко переходит в другие стороны борьбы. Когда, например, две собаки бегут за брошенной им костью, то они находятся в периоде соревнования, так как каждая из них желает обогнать соперницу, но затем они вступают в драку и „пассивная конкуренция с себе подобным“ быстро переходит в активную борьбу двух представителей одного и того же вида. Само собою разумеется, что такой вид борьбы имеет не меньшее значение в деле изменяемости видовых признаков, как и пассивная конкуренция. В то время как последняя (в нашем примере) изоцриет органы движения, активный вид борьбы дает повод к естественному подбору особей, наиболее драчливых и всего чаще побеждающих в драке. Под влиянием такого стимула должны были образоваться так назыв. „солдаты“ между муравьями, т.-е. особи, специально приспособленные к активной борьбе с себе подобными, т.-е. с муравьями того же вида, но обитателями других муравейников. Если, с одной стороны, не научно отделять резкой чертой „пассивную конкуренцию с себе подобными“ от активной борьбы представителей одного и того же вида, то, с другой стороны, неправильно выделять до такой степени момент борьбы между „себе подобными“ из общей сложности явлений борьбы за существование. Прилагая такое узкое определение, мы к тому же встречаемся на каждом шагу с препятствиями. В борьбе между пчелами-работницами и трутнями будем ли мы иметь дело с борьбою „себе подобных“? И те и другие принадлежат к одному виду, но к различным полам. Если смотреть на дело исключительно с точки зрения вопроса об изменяемости видов, то в данном случае следует исключить из разряда явлений борьбы с себе подобными эту распря двух полов, включив в него только соперничество между изгоняющими трут-

ней работницами, с одной стороны, и соревнование в приемах самозащиты между трутнями—с другой. В этом случае оба пола будут являться в качестве разнородных сторон; во многих же других примерах самцы и самки находятся в отношении простых соперников. В случае столь часто встречающейся борьбы между муравьями одного вида, но различных муравейников, мы будем иметь, во-первых, активную борьбу, во-вторых, взаимную конкуренцию между борцами каждого муравейника. С точки зрения изменяемости вида, в данном примере первенствующая роль выпадет не на долю конкуренции между наиболее близкими существами, т.-е. между представителями одного и того же муравейника, а напротив, на долю активной борьбы между муравьями различных муравейников. То же и при соперничестве двух разновидностей одного и того же вида. Положим, напр., что происходит борьба за существование между окрашенной и белой разновидностью какого-нибудь вида, борьба, вызванная преследованием хищников. Белые особи, как наиболее бросающиеся в глаза, будут выловлены и погибнут, цветные же экземпляры, какого бы цвета они ни были, окажутся в данном случае наиболее приспособленными и потому выживут, давая начало новому многочисленному поколению. Здесь, следовательно, на первый план выступает соперничество не между наиболее близкими родичами, т.-е. неделимыми одной и той же расы, а между более отдаленными представителями обеих рас. Это с точки зрения вопроса об изменяемости и происхождении видов. С точки же зрения вопроса о разновидности, главнейшую роль играет, понятно, конкуренция между более или менее темными или более или менее яркими представителями каждой расы. Сказанное нами ведет к тому, чтобы признать, во-первых, что активную борьбу нельзя строго различать от пассивной, а во-вторых, к тому, что разграничение явлений „борьбы за существование“, с специальной точки зрения вопроса об изменяемости вида, может иметь значение только для решения одного этого вопроса и потому не должно быть допускаемо в случае, когда идет речь о явлениях борьбы с общей точки зрения. Ради удобства мы можем и тут сосредоточить круг исследования на известной части этих явлений, но при этом не должны забывать, что всякое подразделение последних будет делом чисто искусственным и потому пригодным лишь в практическом отношении. Если мы настаиваем на принятии термина „борьба“ в обширном смысле, то то же самое должны мы теперь распространить и на понятие „существование“. Нередко к этой категории относят только потребность самосохранения, т.-е. обеспечение пищей и избежание врагов, но этого, разумеется, недостаточно. К этому понятию нужно отнести и другие, менее постоянные потребности, как, напр., половую потребность, инстинкт перелета, семейные потребности и многое другое. С этой точки зрения, так наз. „половая борьба“, т.-е. драка или другая менее воинственная форма соревнования между самцами из-за обладания самкой, должна быть точно так же отнесена к сумме явлений „борьбы за существование“. Нередко такая драка действительно

кончается смертью, т.-е. прекращением „существования“. В одних случаях кто-нибудь из борцов загрызается до-смерти; борющиеся олени иногда так спутываются своими рогами, что не могут разойтись, и в таких случаях оба умирают от голода. То же самое должно быть распространено и на многие другие явления, как, напр., на соперничество из-за удовлетворения честолюбия, различных прихотей и т. п. Как ни ничтожными кажутся эти вещи для существования одних, тем не менее они могут быть очень существенны для тех, кто лишает себя жизни вследствие неудовлетворенного самолюбия, потери части состояния, или кто умирает на дуэли из за дел „чести“. Ввиду того, что „борьба за существование“, как оказывается, захватывает собою огромную сумму явлений, невозможно более ограничиваться признанием за усиленным размножением организмов единственного стимула этой борьбы. „Борьба за существование,—говорит Дарвин,—необходимо вытекает из быстрой прогрессии, в которой стремятся размножиться все органические существа“. И далее: „так как родится более особей, чем сколько их может выжить, то во всяком случае должна происходить борьба за существование либо с особями того же вида, либо с особями другого вида, либо с физическими условиями жизни“. Против этого несколько раз выставляли на вид, что Дарвин слишком изолирует самое явление усиленного размножения и ставит его в основу борьбы и подбора, между тем как оно само подлежит изменению и влиянию того же естественного подбора. Сам Дарвин приводит случаи, где организмы одолевали в борьбе за существование исключительно ради усилившейся их плодовитости, следовательно уже по этому одному на эту способность нельзя смотреть как на неизбежную и неизменную основу всего процесса борьбы. Можно утверждать, что многочисленные примеры особенно сильной плодовитости, как, напр., миллионы яиц и личинок, производимых солитерами и другими паразитами, или огромное число детенышей, рождаемых травяными вшами, и т. п. представляют нам явления сравнительно позднего происхождения, явления, вызванные борьбою за существование и удержанные естественным подбором. На этом основании, для того, чтобы правильнее поставить самый вопрос об источниках борьбы, необходимо несколько шире взглянуть на дело. Размножение, как уже много раз было замечено, есть одна из функций питания. Можно сказать, что излишек питательного материала, за удовлетворением нужд данного существа, идет на образование нового поколения. Отсюда тот антагонизм между индивидуальным развитием и размножением, на который с давних пор обратили внимание натурасты и который послужил основной темой для соображений о размножении как Прудону, так в особенности и Герберту Спенсеру. Связь эта в ее наиболее чистой и ненарушенной вторичными изменениями форме замечается у низших организмов, т.-е. в том мире, где преобладает размножение посредством деления, почкования и других способов так наз. бесполого размножения. Инфузории и монады перед разделением поглощают обильную

пищу и нередко начинают приготовляться к акту размножения, прежде чем у них окончится процесс пищеварения. Голодные гидры перестают производить почки, но после нового принятия пищи они снова начинают размножаться. И при половом размножении можно нередко наблюдать случаи очень явственной зависимости размножения от питания организма. Особенно резкие результаты дает в этом отношении сравнение паразитических животных с ближайшими к ним по организации свободно живущими формами. Так, напр., паразитическое поколение одной глисты, водящейся в легких лягушек и жаб, производит тысячи личинок, тогда как свободно живущее поколение того же червя дает всего три четыре таких же личинки. Правда, первое поколение отличается значительно большими размерами, но это различие далеко не соответствует степеням плодотворности обоих поколений. У так наз. водяных блох (дафний) скудость условий питания вызывает и перемену в способах размножения. Вместо того, чтобы производить живых детенышей, которых сразу образуется обыкновенно по нескольку и образование которых потребляет огромное количество питательного материала, при наступлении неблагоприятных внешних условий дафнии начинают производить по одному или по немногу яиц, на образование которых идет гораздо меньшее количество вещества. Сводя таким образом процесс размножения к обособлению излишка питательного материала, мы естественно приходим к выводу, что в основании первого лежит факт способности организма к принятию большего против необходимого для поддержания жизни количества пищи. Способность эта тоже с особенной ясностью может быть наблюдаема у простейших организмов. Как ни велика известная всем прожорливость домашних животных, но сравнительно она представляется далеко не столь большой, так как у них количество принимаемой пищи находится в зависимости от такого частного и сравнительно с объемом тела небольшого органа, как желудок. Несравненно больше съедают различные насекомые, пауки и другие более мелкие организмы. Шелководам хорошо известно, какие массы тутовых листьев нужны для прокормления жадных червей, большая часть тела которых выполнена длинным желудком. Прожорливость пауков, исследованная подробно английским натуралистом Поллоком, поистине изумительна. Если мы спустимся к еще более низшим организмам, то увидим значительно более поразительную прожорливость. Все тело таких существ, как корненожки или сходные с ними простейшие животные, состоит из однородного живого вещества, которое целиком способно играть роль пищеприемного и пищеварительного органа. Окружая подобные организмы мелкими веществами, мы видим, что громадные количества последних попадают внутрь их тела. Это особенно удобно на таких организмах, как так наз. слизистые грибы, крупное сетковидное и подвижное тело которых в самое короткое время наедается множеством поднесенных ему окрашенных веществ и само принимает цвет последних. В высшей степени интересен следующий случай, виденный впервые проф.

Ценковским. Один из мельчайших микроскопических организмов, описанный им под названием крахмальной монады (*Monas amyli*), прилепляется к крахмальному зерну, имеющему приблизительно от 100 до 125 раз больший объем, чем самая монада; последняя расплывается на поверхности зерна и затем обвивает его целиком в виде тончайшей, едва заметной оболочки. Этим кончается акт пищепринятия, вслед за которым начинается медленное и постепенное претворение крахмального зерна. Обыкновенно процесс этот не успевает дойти до конца, и часть непереваренного зерна отбрасывается, как лишняя, между тем как значительно увеличившееся тело монады распадается на множество зачатков нового поколения. Тут мы воочию видим источник усиленного размножения. Из сказанного ясно следует, что борьба за существование вытекает в конце концов из способности организмов к чрезмерному принятию пищи, излишек которой расходуется на размножение. Чем больше появляется на земле организмов, тем сильнее и постояннее борьба между ними. Разнообразие же организмов само собою вызывает и разнообразные формы борьбы. Таким образом усиленное воспроизведение, или, как выражаются, „стремление к размножению в геометрической прогрессии“, является только частным возбудителем борьбы, а при нынешних сложных условиях органической жизни это явление само в большинстве случаев служит орудием в борьбе за существование. Всякие стремления вообще, какого бы свойства они ни были, естественно ведут к борьбе, как это справедливо было развито Прейером (*Der Kampf um das Dasein*, 1869, стр. 19—21). Стремление получить кратчайшим путем значительное количество пищи побуждает пчел производить набеги и ведет к ожесточенной борьбе между ними. Кровавые битвы составляют обычное занятие муравьев, добывающих рабов, и т. п. Отсюда понятно, что для объяснения всеобщности и распространенности борьбы за существование вовсе нет надобности прибегать к принятию перенаселения всего земного шара и думать, чтобы всегда борьба вызывалась крайностью, нуждою „в куске насущного хлеба“. Можно положительно утверждать, что во многих местах земли (напр. на океанских островах) число живого населения далеко еще не дошло до избытка, что, однакоже, не мешает самым многочисленным и разнообразным проявлениям борьбы. Вообще говоря, в природе проявляется более потребностей, чем средств к их удовлетворению. Все организмы так или иначе действуют с целью достижения этих средств, следовательно, вступают в борьбу, а в силу общего закона, по которому нет двух существ, совершенно тождественных или находящихся при абсолютно одинаковых условиях, предмет борьбы достается одной из борющихся сторон. Таким образом являются победители и побежденные. Первыми будут во всех случаях существа, „наиболее приспособленные“ при данных условиях. Установить какие-нибудь общие правила относительно характера этих наиболее приспособленных победителей, при настоящем состоянии наших сведений, едва ли возможно. Дарвин пытался доказать, что большая сложность орга-

низации, т.-е. большая степень изменчивости организма, составляет капитальные условия, дающее значительный шанс победы. Отсюда он пришел к заключению, что борьба за существование и вытекающий из нее естественный подбор ведут, вообще говоря, к „усовершенствованию организации“. В другом месте я по возможности разобрал вопрос этот и выставил на вид, что победа в борьбе за существование зависит не только от качеств данного организма, но еще от внешних условий, при которых совершается борьба. Таким образом, положение Дарвина о прогрессировании организации должно быть ограничено. То же должно быть сделано и относительно правила, по которому наибольшие отклонения в признаках борющихся сторон выгодны в борьбе за существование. Бесспорно, что в случае, например, сильного спроса на известную пищу и возникшего отсюда соперничества чрезвычайно важно, если какая-нибудь из борющихся сторон окажется способной к принятию нового рода пищи, если, например, хищное животное, в случае недостатка в животной пище, станет принимать растительную. В подобного рода случаях, относимых Дарвином к его закону „расхождения признаков“, борьба временно утихает и получает иное направление. Столь же полезным является приобретение способности к жизни в новой среде в случае перенаселения какой-нибудь местности, например, если при тесноте на суше некоторые особи получают привычку жить в воде. В других же случаях „расхождение признаков“, т.-е. отклонение от нормы, может быть, напротив, губительно в борьбе за существование. Так, например, при соперничестве особей данного вида в деле избежания врагов отклонение в цвете и привычках часто бывает очень вредным; поэтому альбиносы различных животных обыкновенно первыми попадают в жертву хищникам. Те самые особи, которые вследствие приобретения новой привычки, например жизни в новой среде, удачно оканчивают борьбу из-за места, могут оказаться побежденными в борьбе с другими водными обитателями, вследствие незнания с новыми врагами и новыми условиями существования. Только что сказанное должно послужить нам не только для того, чтобы показать относительное значение „расхождения признаков“, но также и для разъяснения самого направления борьбы за существование. В одних случаях последняя ведет к значительному уравниванию переживающих форм, в других же она, напротив, служит к установлению все больших и больших отличий. При борьбе из-за какой-нибудь потребности побежденные особи или вымирают, или же приспособляются к новым условиям существования. Так, например, вышеупомянутые альбиносы при большинстве условий резко кидаются в глаза хищникам и становятся их добычей; на севере же и на высоких горах, т.-е. в местности, богатой снегом, они если и не непременно переживают всех своих соперников, то, по крайней мере, сами не подвергаются такому истреблению и образуют новую породу. В случаях первой категории, т.-е. при истреблении побежденных, оставшиеся победители уравниваются, вследствие присущего всем им общего признака, того именно,

который обусловил их победу. Таким образом из первоначально разношерстной массы соперников переживают только более однообразные. В случаях же второй категории (расхождение признаков), напротив, первоначальные различия соперников становятся еще более резкими, например, когда одна из борющихся сторон поселяется в новой среде, и прежняя масса соперников, живших, положим, на берегу, распадается на сухопутных и водяных обитателей. Уравнивающему влиянию борьбы за существование приписывают, например, тот всем известный факт, что дикие животные и растения несравненно более однообразны, чем соответствующие им культивированные породы. Одно из существенных условий культуры состоит в охранении одомашненных пород от многих сторон борьбы за существование, в устранении необходимости для животных самим добывать себе пищу, защищаться от врагов, зимней стужи и проч. Ввиду этого многие признаки, которые при условиях свободной жизни повели бы к гибели в борьбе, под охраняющим влиянием человека продолжают существовать, обуславливая тем большее разнообразие. Так, например, некоторые белые породы, как, например, белые кролики, и крысы, не выдерживающие конкуренции на свободе, процветают в человеческом хозяйстве. Отсюда понятно, что в случаях одичания многих культивированных пород последние, как говорят, возвращаются к дикой первоначальной породе, т.-е. что из всех одичавших особей победителями в свободной борьбе за существование окажутся именно такие, которые всего менее отклонились под влиянием охранительных условий культуры. Вопрос об отношении борьбы за существование к процессу образования видов в органической природе, как вопрос частный, может быть обойден нами. Я ограничусь здесь только указанием на главнейшие результаты. Сущность дарвинизма состоит, как известно, в установлении причинной связи между обоими моментами, т.-е. между борьбой за существование и образованием определенных групп организмов, связанных общими форменными признаками, т.-е. групп, называемых „видами“. Положение это должно быть признано незыблемым вкладом в науку. Отсюда, однакоже, не следует делать вывода, будто оба названные момента всегда находятся в зависимости. Напротив, можно утверждать, что во многих случаях они бывают разобщены, т.-е. что есть виды, признаки которых фиксировались помимо борьбы за существование, и, с другой стороны, что последняя не необходимо ведет к образованию форменных признаков, составляющих видовые отличия. В виду этого, на изменчивость или постоянство вида вовсе не следует смотреть как на указатель степени и силы борьбы за существование. Есть виды, отличающиеся замечательной живучестью и постоянством, и в то же время они подвержены сильнейшей борьбе; в этих случаях боевые признаки не носят на себе форменного характера и кроются в глубине физико-химической организации. Указать на это я здесь счел нужным для того, чтобы устранить могущее возникнуть недоразумение в случаях ослабления или остановки с обственно видообразовательного процесса.

Главную причину неполноты наших сведений о борьбе за существование следует искать в недостаточности фактической подготовки, без которой немислимо прочное установление общих взглядов на столь многообразное и сложное явление. Как ни распространены всевозможные проявления этой борьбы, тем не менее изучение ее хода сопряжено с величайшими затруднениями. Она совершается во все возрасты и может касаться всевозможных, как открытых, форменных, так и скрытых, составных, признаков организма. Для суждения об ее характере нужно поэтому подробное знакомство со свойствами организма и, кроме того, с особенностями внешних условий борьбы. Даже в случаях особенно интенсивной борьбы это суждение есть дело нелегкое, а иногда и вовсе недоступное. Приводя примеры вытеснения одних форм другими в борьбе за существование, Дарвин в большинстве случаев не указывает на причины победы, но нередко ссылается на то, что они должны быть очень глубоки и скрыты. Мне самому привелось быть свидетелем одного примера чрезвычайно энергичной борьбы. Одно сложноцветное растение мексиканского происхождения (*Eupatorium adenophorum*) принадлежит к числу распространеннейших представителей флоры острова Мадейры. Посеянное впервые в саду бывшего английского консула в конце тридцатых годов, оно скоро перешло отсюда на свободу, заняло скалистые берега рек и другие свободные места, но потом стало вытеснять и другие растения и сделалось полным хозяином во многих частях острова. Уже в 1855 году оно заняло возвышенные места, до двух или трех тысяч футов, и перешло на северную часть острова, где оно сделалось одним из обыкновеннейших растений. Местные жители обратили внимание на это растение и дали ему название „Abundancia“ и „Insa muito“ (т.-е. мошка). Несмотря на такую очевидную силу в борьбе за существование, ни одному натуралисту, наблюдавшему это растение, не удалось определить, почему оно оказывается способным к победе. И я не был в этом отношении счастливее, хотя и направил исследование со специальною целью разрешить этот вопрос. Предположение, что клейкие листья и стебли абундансии составляют надежный оплот против насекомых, которым открыт доступ к другим мадейским растениям, не оправдалось, так как я на многих листьях находил гусениц бабочек и других насекомых.

В растительном мире из числа сухопутных растений, кроме многих низших представителей, особенной живучестью отличаются сорные травы и другие растения, водящиеся поблизости к человеку. Де-Кандоль (*Geogr. Botanique*, стр. 582) считал, что они составляют двадцать пять процентов всей суммы распространеннейших растений. В течение короткого времени некоторые сорные травы, как, например, синяк, коровяк, собачки и др., распространились в Северной Америке, оттеснив туземные растения. Такой факт подал Агасси повод провести следующую параллель. „Эти завезенные в Америку европейские растения (т.-е. названные сорные травы) распространяются и завладевают почвой, за-

нятой прежде туземными растениями, которые клонятся к исчезновению приблизительно так же, как индейская раса отступает перед белым человеком и исчезает ввиду цивилизации, утверждающейся на земле краснокожих". На основании подобных фактов Де-Кандоль предсказывает (1. с., 803 и 807), что со временем наиболее живучие и между ними сорные растения получат еще большее распространение, вследствие чего общий характер флоры сделается более однообразным. Из мира насекомых к числу особенно живучих относятся присоседившиеся к человеку тараканы, потомки одних из древнейших сухопутных животных, свидетелей образования каменноугольных залежей. Из тараканьего семейства около человека водится довольно значительное число видов, иногда вступающих друг с другом в борьбу за существование. На севере победителями являются мелкие виды (прусаки и лапландский прусачок), по всей вероятности вследствие своей способности прятаться от зимней стужи в очень маленькие и скрытые закоулки, а также, может быть, и вследствие большей плодовитости (мелкие животные, вообще говоря, плодовитее крупных). На юге же победителями оказываются более крупные виды, как, например, черный и американский тараканы. Пример этот особенно ясно иллюстрирует упомянутое выше положение, что победа в борьбе зависит как от особенностей борющихся сторон, так и от свойств окружающей обстановки. Одно из животных, отличающихся особенной силой в борьбе за существование, есть бесспорно наша обыкновенная серая крыса, так называемый пасюк. Явившись в Европу в первой, а в Америку в последней трети прошлого столетия, он вытеснил несколько других видов крыс, ранее его приютившихся поблизости к человеку. В Европе и в части Северной Америки пасюк почти всюду вытеснил черную крысу. Последняя несколько меньше ростом, но зато обладает одним признаком, который должен был дать ей некоторый перевес в борьбе за существование, именно черный цвет. Известно, что ночью черные крысы менее кидаются в глаза, чем буровато-серый пасюк, который поэтому в большей степени может быть замечен главным врагом крыс—кошкою. Несмотря на то, пасюк оказался победителем, отчасти вследствие превосходства физической силы и способности лучше приспособляться в воде, отчасти же вследствие большей хитрости и нахальства. В Новой Зеландии он вытеснил туземную крысу, а в Китае и на Формозе он победил более крупную, чем сам, породу (*Mus coninga*). Эту последнюю победу пасюк одержал, по мнению Суанго (зоолога, путешествовавшего в Китай), благодаря своей необыкновенной хитрости. Приведенные здесь частные примеры, так же как, и более общее исследование вопроса о естественном подборе, не дают никакого права утверждать, чтобы возведенное в закон прогрессирование организации находилось в теснейшей и необходимой связи с победами в борьбе за существование. Не случайно то, что приведенные примеры явлений вытеснения одних организмов другими, родственными им, взяты именно из обстановки, окружающей человека. С одной стороны, это зависит от того, что

такие организмы особенно выдаются своей силой в борьбе за существование, с другой же стороны, это является результатом того, что они поневоле обращают на себя внимание человека, и что потому о них собрано большее число и притом отчасти исторических данных, необходимых для решения вопроса. К тому же в этих случаях борьба представляется особенно интенсивной и быстрой вследствие связи ее с таким энергичным деятелем, как человеческая культура, которая вообще очень сильно влияет на ход борьбы за существование во всей органической природе. Но, конечно, нет существа, у которого это явление могло бы быть исследовано с такой полнотой, как у самого человека.

II.

Общие начала борьбы за существование в человеческом мире.—Учение об естественном неравенстве.—Очерк априористических воззрений на ход борьбы за существование между людьми.

Связав свое учение с теорией Мальтуса, Дарвин, естественно, не мог не коснуться вопроса о борьбе за существование в человеческом мире. И здесь он видит существеннейший источник борьбы в значительной плодовитости. При удвоении населения в двадцатипятилетний период, нынешнее население земного шара уже через 463 года размножилось бы в такой степени, что люди должны были бы тесно стоять друг возле друга, не имея возможности ни сесть, ни двинуться с места (Фик). Отсюда следует, что беспрепятственное возрастание населения должно в сравнительно короткий период вести к перенаселению и усиленной борьбе за существование и к установлению различных препятствий с целью задержать размножение и уменьшать число народившихся людей. Вопрос о перенаселении, как в высшей степени сложный, следовало бы подвергнуть здесь обстоятельному исследованию, если бы мы, согласно с Дарвином, видели в усиленном размножении главнейший, если не единственный, источник борьбы за существование. Следует, однако же, указать на то, что понятие о перенаселении в высшей степени условно: состояние, которое для одного народа будет наитягчайшим, для другого, более производительного, окажется совершенно сносным. Многие дикари уничтожают значительную часть своего потомства, чувствуя себя в состоянии перенаселения, между тем как европейцы в тех же местах находят возможным не только свободно размножаться, но еще и принимать большую массу всельников. Понятие о перенаселении имеет в значительной степени субъективный характер и в этом смысле может быть приложено к некоторым явлениям действительности. Стимулы, вызывающие борьбу за существование, сложны и разнообразны во всем органическом мире; но нигде они не доходят до той степени усложнения, как в пределах человеческого рода. Всякие человеческие стремления ведут к борьбе за удовлетворение их, и то, что человек, лишенный таких

стремлений, обыкновенно считается нисходящим на степень животного,—показывает, до чего присущи эти стимулы борьбы истинно человеческому существованию. Стремление к щегольству и роскоши составляет одно из самых ранних и распространенных человеческих стремлений и служит постоянным источником разнообразных явлений борьбы. Чтобы судить о силе его, следует припомнить, до чего распространено татуирование и другие подобные операции, которые всегда причиняют сильную боль, а иногда бывают даже смертельны. Южно-американский индеец в течение двух недель исполняет тяжелую работу для того, чтобы иметь возможность приобрести необходимое для размалевания количество красной краски (Гумбольдт). Желание наряжаться во множестве случаев удовлетворяется в ущерб питанию и общему здоровью организма. Потребность в ответной любви ежегодно стоит многих жертв, как то показывает статистика самоубийств. Ясно, что для объяснения различных явлений борьбы вовсе не необходимо прибегать к принятию усиленной густоты населения и вытекающего отсюда недостатка в жилье и пище. Человек есть существо общественное, а это условие само по себе уже в высшей степени усложняет жизнь, как это отчасти было уже показано выше на примере борьбы в мире пчел и муравьев. В человечестве мы видим борьбу между обществами и между отдельными лицами. К первой категории относится война, как выражение активной борьбы; соперничество народов на всемирном торговом и промышленном рынке, т.-е. борьба, повидимому, более миролюбивого свойства. Другой формой той же борьбы является чисто физиологическая сторона национальной и расовой жизни, т.-е. способность различных человеческих групп переносить известные болезни, климатические и другие стихийные перемены. Общественная борьба имеет длинную скалу степеней и подразделений. Она обнимает борьбу между расами, народами, политическими партиями и вообще между всякими группами, соединенными во имя одного какого-нибудь общего принципа. То же повторяется и при индивидуальной борьбе. Здесь мы также встречаем активную, мускульную борьбу, затем—конкуренцию в самых разнообразных формах и, наконец, соматическую борьбу. Борьба возникает между более или менее однородными лицами, что, конечно, значительно влияет на самый ход ее. Силы, участвующие в борьбе, большею частью, если не всегда, неравны, и потому ведут не к равновесию, а к перевесу одной стороны над другой. Правило это, приложимое вообще к органическому миру, в сильнейшей степени применимо и к человечеству. Обыкновенно, чем сложнее организм, тем более он представляет индивидуальных особенностей. Уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы указать на то, какие отличие между людьми должны быть значительнее, чем между другими животными. Многочисленные измерения людей различных рас показали, что индивидуальные отличия вообще сильнее у высших рас, нежели у низших, у мужчин сильнее, нежели у женщин, у взрослых сильнее, чем у детей. Индивидуальные отклонения замечаются притом не только

на наружных признаках человека, но также и на внутренних органах его. Проф. Зернов исследовал с этою целью сто мозгов, принадлежавших преимущественно взрослым мужчинам, уроженцам средней России, и пришел к заключению, что рисунок борозд и у взрослого человека подвержен множеству индивидуальных изменений (стр. 6). Уклонения эти настолько значительны, что другой ученый, Вейсбах, принял их за выражение племенных отличий. Признаки, более скрытые в глубине организма, подвержены еще большим колебаниям. Гальтон заметил (и я могу подтвердить справедливость этого наблюдения), что близнецы, сходные по виду до неузнаваемости, легко могут быть отличаемы по почерку. Сиамские близнецы, несмотря на свое наружное сходство и неразрывную связь, представляли тем не менее весьма резкие отличия характера. Отличия между большими человеческими группами, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишним распространяться здесь об этом. Влияние культуры на усиление индивидуальных отличий человека так же несомненно, как и в мире домашних животных. Влияние это, по крайней мере отчасти, зависит от той же причины, которая была приведена выше для объяснения сравнительной однородности диких животных. Цивилизованные народы употребляют все усилия для того, чтобы охранять людей от тех влияний, которые непременно погубили бы их при условиях первобытной жизни. Огромная смертность детей первобытных народов представляет нам, быть может, самый крупный пример борьбы за существование в человеческом роде и является актом отбора неделимых. „Есть основание думать,—говорит Дарвин,—что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые бы преждевременно умерли от оспы вследствие слабости сложения“. То же самое и по отношению ко многим другим болезням и болезненным расположениям. Цивилизованные государства не только охраняют жизнь своих слабейших членов, но даже дают им возможность нередко вступать в брак и производить потомство; следовательно, допускают передачу по наследству и фиксирование особенностей своей слабой организации. С целью иллюстрировать это, я приведу хотя и исключительный, но зато весьма характерный случай. В Баварии существует деревня Биллингсгаузен, население которой, состоящее из 356 душ, пользуется значительным материальным довольством; но так как оно исповедует исключительно протестанскую веру среди большого католического населения, то все жители деревни в большей или меньшей степени породнились. Половина из них страдает каталепсией, болезнью, передающейся по наследству, все же население Биллингсгаузена, т.е. со включением и некатаlepтиков „хило, слабо и малоросло“ ¹⁾. Известны даже случаи браков между глухонемыми ²⁾ и слабоумными. По вюртембергскому уложению 1687 года, если желающий вступить в брак достаточно

¹⁾ См. ст. *Фика* в *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1872, т. XVIII, стр. 275.

²⁾ По Майру, на сто глухонемых приходится четыре женатых.

развит, чтобы понимать, „что такое супружеское состояние“, то ему не может быть отказано в венчании. В то время как неестественная борьба за существование при первобытных условиях дает полный простор естественному подбору уничтожать слабых конкурентов и тем выравнивает остающихся членов, цивилизация, поставившая своим идеалом сохранение возможно большего числа людей, несмотря ни на какие их недостатки, наоборот, влияет в противоположном направлении и тем самым обуславливает накопление все большего числа индивидуальных отклонений, т.-е. вообще говоря, усиливает неравенство. Предыдущие замечания могут, мне кажется, послужить к уяснению очень важного вопроса „об естественном неравенстве“, занявшего столь важную роль в экономической науке и потому выдвинутого на самое видное место в известном споре между Трейчке и Шмоллером. В то время как первый пытается свести все явления общественного неравенства к основному естественному различию между людьми. Шмоллер старается всячески умалить значение последнего и взвалить большую часть вины на культурные влияния: „Вы говорите,—обращается он к Трейчке,—исключительно о неравенстве, данным природою. Вы полагаете, что всякий, кто не хочет насилловать историю, должен начать с признания, что природа делает все существа неравными“. „Это то же самое учение,—продолжает он,—которое отрицает единство человеческого рода“. „Но вообще мы можем сказать, что религиозное и философское движение, продолжающееся целые тысячелетия, сделало это учение невозможным, и что новейшее направление научной этнографии, опирающейся на теорию Дарвина о медленном и постепенном преобразовании отдельных племен, возвратилось к учению о единстве человеческого рода и во всяком случае не сомневается в единстве и равенстве человеческого вида относительно мыслительной способности“ (Grundfragen, стр. 21). Здесь Шмоллером смешаны две совершенно различные вещи, что и ведет к значительным недоразумениям. Первое положение, которое он вкладывает в уста Трейчке, т.-е. факт, „что природа делает все существа неравными“, не только не находится ни в малейшем противоречии с воззрениями Дарвина на единство человеческого рода, но, наоборот, составляет один из краеугольных камней всего дарвинизма, сущность которого состоит в „переживании наиболее приспособленных особей в борьбе за существование“, где уже само собою подразумевается, что все особи естественно неравны и что одни из них более, а другие менее приспособлены к данным условиям. Единство же человеческого рода есть теория, по которой все человеческие расы произошли от одного общего корня, хотя сами эти расы и разошлись, т.-е. сделались различными во многих отношениях. Итак, естественное неравенство между отдельными особями, племенами и расами есть общий принцип в организованном мире. Это неравенство может, разумеется, подвергаться различным влияниям и потому колебаться в ту или другую сторону. Мы уже видели, как может культура усиливать природные отличия и вообще обуславливать большую разнород-

ность членов данного общества, но все же в основе этого лежит первобытное, хотя и меньшее неравенство. Следует иметь в виду, что увеличение природного неравенства может являться в результате прямо противоположных стремлений. Чем больше цивилизация заботится о предоставлении всем без различия индивидуумам, включая сюда и умственно неспособных, калек, хронически больных и пр., одинаковых прав к пользованию жизнью и ее благами, тем сильнее влияет она на фиксирование природных, передаваемых путем наследственности, различий. С другой стороны, цивилизация влияет также и на усиление чисто культурного неравенства, идущего часто вразрез с природным, влияет путем предоставления различных прав и привилегий, дающих возможность лицам, от природы слабейшим, одерживать победу над неделимыми, более одаренными. Эти различные моменты неравенства (во-первых, первобытное естественное неравенство, во-вторых, усиленное культурой природное и, наконец, обусловленное культурой вразрез с природным неравенство) спорящими сторонами нередко смешиваются друг с другом и потому ведут к невозможности соглашения. Мне придется еще вернуться к этому предмету, теперь же я затронул его только с целью показать, что естественное неравенство между индивидуумами и группами их вообще присуще человеческому роду и что поэтому при соперничестве как первых, так и последних перевес должен быть на какой-нибудь одной стороне и что в результате должны (по общему правилу) быть победители и побежденные. Теперь, естественно, возникает вопрос, нельзя ли найти какие-нибудь общие признаки, по которым бы можно было отличать победителей от побежденных и, на основании их, предсказывать результат борьбы? Натуралисты, писавшие об этом, высказываются вообще очень ясно и определенно на этот счет, хотя они большею частью решают вопрос в его целостности, не расчленяя предварительно на более частные положения. Вот, например, вывод, к которому пришел известный немецкий физиолог Преер: „Дурное,—говорит он,—то-есть менее способное к жизни, погибает, тогда как лучшее, более способное, то-есть более совершенное,—побеждает и переживает“ (33). По отношению к человеку это положение применяется и развивается им следующим образом: „чем глубже мы станем проникать в последствия соперничества между людьми, тем более благодатными они нам представляются“. „В борьбе за существование, в конце концов, добро и все более совершенное одерживает победу над худшим и менее совершенным, так что она постоянно переходит в борьбу за более прекрасное и благородное существование и постепенно все более приближает нас к совершенству, хотя при существующем порядке природы мы и не можем его вполне достигнуть. Но уже и то имеет немалое значение, если это совершенствование показывает нам, что, поощряя дурное, мы сами вредим себе, что безнравственное в то же время и глупо, и что, в сущности, только нравственные поступки доставляют удовольствие. Таким образом мы приходим к заключению, что оружия, которыми мы ведем борьбу за наше существо-

вание, суть не что иное, как поступки хорошей нравственности, человеколюбия и права" (38). Увлекаясь подобного рода картинами, Прейер восклицает: „разве эта мысль об естественном прогрессе, о никогда непрекращающемся улучшении, облагорожении и совершенствовании не представляет нам нечто несравненно более драгоценное, чем слепое удивление перед гармонией природы, которой в действительности вовсе не существует? Разве другая гармония, равновесие враждебных сил природы, непреложная законов природы, победа лучшего над худшим, не бесконечно возвышеннее, чем погоня за целями там, где никаких целей не существует, где мы принуждены искусственно придумывать их, там, где, напротив, все совершается в силу причины и следствия?" (31). Заменяя, таким образом, один идеализм посредством другого, Прейер не остается без единомышленников и последователей. Другой немецкий натуралист, известный как анатом и антрополог, Эккер, произнес зимою 1871 года, т.-е. во время франко-прусской войны, речь, в которой он проводит, в сущности, те же идеи, как и его предшественник, но только, если возможно, в еще более резкой и определенной форме. „Подобно тому,—говорит он,—как в торговой и промышленной конкуренции истинное превосходство материала и ума всегда одерживает победу, так точно и на более возвышенном поприще, каковы бы ни были отдельные исключения, добро побеждает зло, истина пробивается наружу, и право остается правым. И если законы природы неизменны, то и в человечестве существует естественный подбор, т.-е. накопление благих качеств, приобретенных в борьбе за существование" ¹⁾. Вывод этот Эккер применяет, в частности, и к борьбе рас и народов. К числу подобных же идеалистов-естествоиспытателей должен быть отнесен у нас проф. А. Бекетов, развивший впервые свой взгляд на публичных лекциях (см. Вестн. Европы, 1873, октябрь, особенно главу III) так же, как и его предшественники, Прейер и Эккер. Но не между одними натуралистами, т.-е. учеными, стоящими далеко от человеческих дел и судящими о них большею частью а priori, а и среди представителей науки о человеческой жизни встречаются не менее оптимистические воззрения. На такой точке зрения стоит, например, Шеффле, один из видных современных экономистов. Пытаясь вывести основы нравственности и права из законов борьбы за существование и естественного подбора, он выдвигает следующие афоризмы: „наиболее нравственные общества суть в то же время и сильнейшие“. „Игра естественного подбора является не только орудием общественного совершенствования, но также и судом, единственной эмпирически-познаваемой долей нравственного строя природы, который возвышает более совершенное и уничтожает более низкое" ¹⁾ и т. д. Легко понять, как, идя априористиче-

¹⁾ Речь Эккера напечатана во французском переводе в *Revue scientifique*, 1872. см. стр. 817.

¹⁾ См. статью Шеффле о праве и нравственности с точки зрения социологического расширения теории подбора в *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1878, тетрадь I, стр. 46, и другую статью того же автора в том же обозрении за 1877 г., тетр. IV, особенно стр. 553.

ским путем, можно притти к подобным выводам; но для знакомства с предметом необходима и индуктивная проверка. „Многие писатели,—сказал Макиавелли,—изображали государства и республики такими, какими им никогда не удавалось встречать их в действительности. К чему же служили такие изображения? Между тем, как живут люди, и тем, как должны они жить—расстояние необъятное“. Попробуем, в самом деле, обратиться прежде всего к действительности и почерпнуть из нее сведения для решения вопросов о ходе борьбы за существование между людьми.

III.

Основные положения о конкуренции в человечестве.—Слабая роль нравственного момента в конкуренции вследствие недостаточной определенности нравственного мерила.—Пояснение этого на примере этической школы экономистов.

Конкуренция между людьми есть неизбежное следствие несоответствия между потребностями и средствами к их удовлетворению ¹⁾. Чем больше это несоответствие, чем многочисленнее потребности, и чем большее число людей чувствует их, тем конкуренция должна быть сильнее. Культура, при помощи своих удивительных открытий, доставляет постоянно все новые и новые средства к удовлетворению человеческих потребностей, но в то же время, значительно поднимаемая степень развития, она в еще сильнейшей степени увеличивает число и силу самых потребностей. Отсюда возникает усиленное столкновение интересов и усиленная борьба за несравненно более требовательное существование. С этой точки зрения легко понять, что явление всеобщей конкуренции между членами обширного культурного общества представляется фактом в высшей степени крупным и существенным и до известной степени сходным с неизбежными естественными явлениями (*Naturgemässheit der Concurrenz*, по мнению многих экономистов). Мнение, будто конкуренция не заложена так глубоко в человечестве и составляет нечто, легко устранимое, чрезвычайно шатко. „Известно,—говорит Адольф Вагнер ²⁾,—что современная система свободной конкуренции составляет продукт новейшей истории, и вовсе не видно, почему она в настоящей форме должна представлять окончательный результат исторического развития. Как сложившаяся исторически, в зависимости от категорий пространства и времени, она, напротив, имеет значение только до известной фазы развития и составляет нечто необходимо преходящее“. Мнению этому никоим образом не следует придавать значение возражения против понятия о неизбежности конкуренции, и оно может быть разделяемо разве только по отношению к частностям „современной системы свободной конкуренции“. Но и по мнению самых горячих

¹⁾ Положение это совершенно неверно, так как конкуренция есть неизбежный результат существования капиталистического способа производства, сопровождаемого анархией производства. Только при родовом строе конкуренции внутри общины не было. Конкуренция явление экономическое, а потому и историческое, т.-е. преходящее. *См. Кр.*

²⁾ *Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre*, 1876, т. I, стр. 186.

приверженцев этой системы, последняя не составляет нечто уже сложившееся, а только идеал, к которому следует стремиться. „В вполне организованной системе мирового хозяйства,—говорит Эммингаус,—сила конкуренции была бы непреодолима, постоянна, и действия ее могли бы быть точно определяемы, подобно действиям закона природы“. Насколько силен принцип конкуренции в человечестве, можно видеть отчасти из сказанного в начале этой главы, отчасти же из дальнейшего изложения. Конкуренция в человеческом обществе, как и в мире всяких других общественных животных, есть явление чрезвычайно сложное. Всякое общество складывается из разнородных элементов, которые приходят между собою в столкновение, но, кроме того, мы видим и соперничество однородных членов каждой группы. При торговой конкуренции, например, „совершается, во-первых, борьба покупателей с продавцами: первые хотят приобрести требуемое за возможно низшую плату, вторые же стремятся получить елико возможно большую цену. Во-вторых, покупатели борются с покупателями и, наконец, продавцы с продавцами. Во всякой такой борьбе победу одерживает сильнейшая сторона“ (Эммингаус). Из всех категорий борьбы важнейшую, как и всегда, представляет конкуренция между наиболее однородными членами. Ее-то мы, главным образом, и будем иметь в виду. Конкуренция заставляет напрягать все силы и потому в значительной степени содействует увеличению человеческой деятельности. Это положение может быть принято как общеизвестное, так как оно подтверждается ежедневным наблюдением. Ослабление конкуренции ведет за собою обыкновенно и ослабление энергии. „Но,—как замечает Рошер,—свободная конкуренция освобождает все силы, как добрые, так и злые“. Поэтому она содействует увеличению не только знания, предприимчивости, трудолюбия, общительности и пр., но также и изощряет хитрость, обман и другие стороны умственной природы человека, признаваемые обыкновенно безнравственными. В то время как активная борьба влияет на увеличение различных сторон физической силы, т.е. силу мускулов, гибкость членов и ловкость движений, так мирная конкуренция содействует, главным образом, развитию всех сторон умственной деятельности. Двойственное влияние конкуренции особенно заметно в современном европейском мире, в котором, вследствие вышеупомянутых мотивов, чрезвычайно сильна борьба за существование. С одной стороны, значительное повышение ума, знания и трудолюбия, с другой же—пренебрежение кодексом нравственных правил. Сами приверженцы полной свободы конкуренции признают, что „широкая совесть помогает одерживать победу в конкуренции. Слишком же большая щепетильность оказывается вредной в торговом деле“ (Эммингаус). Герберт Спенсер в довольно большой статье „Торговая нравственность“ (Опыты, т. II) приводит достаточно данных, чтобы судить о влиянии торговой конкуренции на нравственность и, что еще важнее, показывает нам процесс, которым люди, сами по себе не лишние признаваемых за нравственные побуждений, бывают приведены в необходимость совершать поступки, считающиеся

безусловно безнравственными. Герберт Спенсер сообщает целый ряд ухищрений, пускаемых в ход торговцами для достижения своих целей, ухищрений, доходящих до рафинированного симулирования добросовестности и честности. „Еще более утонченную проделку объяснил нам,—говорит Г. Спенсер,—человек, который сам прибегал к ней, когда служил в оптовой торговле, и до того наловчился, что его часто призывали на подмогу, когда покупатели колебались, несмотря на все старания других приказчиков. Прodelка состояла в том, чтобы казаться до крайности простоватым и честным; при первых покупках он доказывал свою честность, обращая внимание покупателя на недостатки продаваемого им товара, а затем, заручившись доверием, спускал дурной товар за высокие цены“ (стр. 48). Разнообразные проделки, более или менее хитрые и по общепринятому кодексу безнравственные, до того распространились в коммерческом мире, что им поневоле должны подчиняться лица, прикосновенные к торговому делу. „Чем большее число лиц поддалось соблазну,—говорит далее Спенсер,—чем шире распространилась проделка, тем труднее бывает устоять остальным. Натиск конкуренции становится все чувствительнее и чувствительнее. Добросовестным людям приходится вести войну неравным оружием: они лишены одной из отраслей барыша, которой обладают их противники, и невольно должны идти по следам остальных“ (56). В высшей степени важно следующее место из той же статьи: „Нам известна история одного торговца сукнами, который хотел во что бы то ни стало дать совестливости право голоса в своей лавке и отказался от всех обманов, принятых в его отрасли“... „То, что конкуренты его сбывали помощью лжи, оставалось у него непроданным, и дело стало столь невыгодным, что он два раза обанкротился. Человек, передавший нам обстоятельства этого дела, уверял нас, что торговец этот нанес гораздо больше вреда ближним через свое банкротство, нежели бы мог нанести обычными торговыми обманами. Вот до какой степени усложняется вопрос, и как трудно определить преступность купца в подобных случаях. Ему почти всегда приходится бороться с двумя крайностями. Если он ведет свое дело с строгой честностью, продает только цельный товар, отпускает только полные меры, то конкуренты, надувая публику, имеют возможность продавать дешевле: лавка его пустеет, а книги весьма скоро показывают, что он будет не в состоянии выполнить свои обязательства и содержать свою семью. Что же ему делать?“ „...следовать примеру конкурентов и пускать в ход надувательства... что кажется более основательным не только ему, но и другим людям. Зачем же он станет разорять и себя, и семейство свое в попытках вести дело иначе, нежели ведут его другие? И он решаете делать так, как делают другие“. Нечего и говорить, что экономисты современной этической школы разделяют вполне эти взгляды о влиянии конкуренции на нравственность. „При свободной конкуренции,—говорит один из наиболее выдающихся представителей этой школы, Адольф Вагнер,—побуждают не только более способные, но слишком часто и более бессовестные элементы, неограниченно эксплуатирующие выгодные

для них экономические условия". „Но и лучшие элементы частью соблазняются успехом других, частью же непосредственно вынуждаются конкуренцией поступать столь же бессовестно. Таким образом, почти неизбежно ухудшается общее мерило промышленной и торговой нравственности" (1. с., 202). Шмоллер, другой представитель той же школы, говорит: „никто из имевших случай ближе ознакомиться с более благородными из круга предпринимателей, не станет отрицать того, что они сами вне себя от всего, что им приходится видеть и что они сами должны проделывать в силу конкуренции" (Grundfragen, 135). Таково общее мнение знающих дело и в то же время научно-развитых людей. Нельзя и ожидать, разумеется, чтобы эта сторона конкуренции могла быть подвергнута точной, статистической разработке, но во всех случаях, когда так или иначе приподнимается завеса коммерческой деятельности, приходится наблюдать поступки, несоответствующие принятому в Европе кодексу нравственности. Несколько уголовных процессов за последние годы значительно послужили к разъяснению этого явления. Особенно интересен в этом отношении процесс крупного железнодорожного деятеля в Австрии, барона Офенгейма,—человека, о котором бывший министр-президент высказывал на суде „величайшую похвалу" и за которым другой бывший министр не подметил „и следа какого-либо грязного поступка". На суде обнаружилось, что разные бесчестные проделки в высшей степени распространились в мире предпринимателей, как это видно, между прочим, и из следующего отрывка из письма самого Офенгейма. „Мы желаем честно, обходительно и прямодушно провести наше предприятие. Если же мы с их стороны (т.-е. со стороны влиятельных и сильных лиц) не встретим подобного же взгляда, то они вынудят нас и с нашей стороны перейти в область мошенничества и обмана, и, быть может, ученики превзойдут тамошних великих учителей". Шмоллер довольно метко, хотя и несколько утрированно, охарактеризовал победителей в современной промышленной борьбе. „Эти люди,—говорит он,—верят только в деньги и биржу; их единственная добродетель есть респектабельность, т.-е. случайные обычаи внешней жизни хорошего общества; успех предприятий есть единственное, что они уважают, а материальные наслаждения—единственное, к чему они стремятся" (157). Этот последний признак выбран не совсем полно и верно, все же остальное очень близко к действительности. Особенно важны для нас следующие замечания Герберта Спенсера: „Люди самых разнообразных занятий и положений, люди по природе крайне добросовестные, негодующие на унижение, которому они вынуждены подчиняться,—все в один голос выражали нам грустное убеждение, что на промышленном поприще нет возможности сохранить строгую честность. Общее мнение всех и каждого из них, что высоко честный человек должен тут погибнуть". „Для жизни в коммерческом мире,—говорит он далее,—необходимо принять его нравственный кодекс, стоять не выше и не ниже его—быть не более и не менее честным, нежели все. Тот, кто падает ниже установившегося градуса, изгоняется;

тот, кто поднимается выше, сбивается на надлежащую высоту или приводится к разорению". Другие слова, сказанные более трехсот лет назад, очевидно, приложимы и к нашему времени. "Человек, — говорит Макиавелли, — желающий в наши дни быть во всех отношениях чистым и честным, должен погибнуть в среде громадного бесчестного большинства. Из этого следует, что всякий желающий удержаться, может и не быть добродетельным, но непременно должен приобрести умение казаться или не казаться таким, смотря по обстоятельствам".

Если бы наша задача исчерпывалась указанием на противоречие, в каком находятся априористические выводы теоретиков учения о борьбе за существование с фактической действительностью, то можно было бы ограничиться вышеприведенными замечаниями. Но так как для решения главных, занимающих нас вопросов этого недостаточно, то следует постараться проникнуть по возможности глубже в причины указанного результата борьбы между людьми. Почему так часто и нередко совершенно неизбежно люди в борьбе с другими людьми прибегают к средствам, которые ими же самими признаются не вполне нравственными? В неоднократно цитированной статье Г. Спенсера мы встречаем соображение, которое значительно поможет нам разрешить этот вопрос. „Сочувствие, — говорит он, — достаточно сильное, чтобы предупредить поступки, немедленно наносящие вред известному лицу, может быть недостаточно сильно, чтобы предупредить поступки, наносящие отдаленный вред лицу неизвестному. Оказывается, факты подтверждают в этом случае вывод, что нравственные преграды к таким поступкам изменяются сообразно ясности, какой достигает понятие о последствиях известного зла. Человек, который ни за что не согласился бы украсть что-нибудь из кармана другого лица, не задумываясь, подделывает различные товары; человек, которому и во сне не приходилось промышлять фальшивой монетой, принимает смело участие в проделках акционерных банков“ (69). Чем сложнее данное общество, чем более перепутаны человеческие отношения, тем и последствия данного поступка становятся все более сложными и теряют свою первоначальную ясность. Вред, причиненный в одном месте, может превратиться в пользу в другом, — и наоборот. Убийство одного лица может спасти жизнь десятка других, которые могли бы пострадать или погибнуть от зловредных действий первого. Подавление одной нации совершается нередко во имя предполагаемой пользы для всего человечества, и, наоборот, интересы человечества, как наиболее отдаленные и неясные, приносятся нередко в жертву интересам более мелких человеческих групп. „Сложность условий человеческой жизни, — говорит Дж. С. Милль, — виновата в том, что нельзя постановить таких правил поведения, которые бы не требовали исключений“ (Утилитаризм, стр. 58). Отсюда, с одной стороны, вытекает вообще шаткость всяких суждений и, следовательно, неясность представления о всех последствиях данного поступка, с

другой же стороны, обширное поле для сделок с совестью и оправдания своего поведения. „Нет ничего обыкновеннее,—говорит Лекки,—как то, что люди, представляющие образец честности в частной жизни, извиняют или даже оправдывают самые возмутительные проявления политической нечестности и насилия“. „Вследствие удивительного нравственного парадокса,—прибавляет он далее,—нередко политические преступления связаны с национальными доблестями“ (I, 135). Чем более распространяется общительность и чем более захватывает она все большие и большие группы людей, тем труднее определить полезность или вред поступков. Как ни трудно (если только возможно) составить себе более или менее ясное понятие об „общем благе“ целого народа или обширного разноплеменного государства, но еще неизмеримо труднее определить общее благо целого человечества, настоящего и будущего, и на основании этого регулировать человеческие поступки. Наоборот, несравненно легче сообразиться с интересами небольших групп, каковы семья или какое-нибудь замкнутое и определенное общество, с ясными, ограниченными целями, как, например, монастырское братство. В случаях столкновения между сложными и неопределенными интересами большого общества или целого человечества и интересами небольшой, но определенной группы, победа должна быть на стороне последней. Мы уже видели это на приведенном Г. Спенсером примере человека, который желает торговать согласно с правилами строгой честности, но уступает, не желая разорять „и себя и семейство свое“. Семейство и всякая другая ограниченная группа, давая обширный простор для деятельности, исполненной самопожертвования и других высоких нравственных побуждений, тем более отнимает силы от действий в пользу общего блага больших групп. Этим и объясняется указанная Лекки непоследовательность многих людей и различие их масштаба нравственности при суждении о поступках „частной жизни“, вращающейся, главным образом, в сфере семьи, и поступках более широкой общественной деятельности. Для того чтобы составить себе правильное суждение о силе семейного чувства, по крайней мере в европейских обществах, следует припомнить борьбу, которую против него должен был выдержать католицизм,—религия с самыми определенными целями и организацией, и вообще учреждение, отличающееся чрезвычайной силой и живучестью. „Едва ли какая-либо мера,—говорит Гольцендорф,—вызвала в среде самой церкви и со стороны духовенства столь упорное противодействие, как запрещение вступления в брак священникам. Во все времена,—прибавляет он,—насильственное вторжение закона в семейную жизнь представлялось одною из труднейших задач“. Экономисты прежней школы, очевидно, имели в виду это неравенство условий борьбы между стремлением к благу семьи и к общему благу обширной социальной группы. Отсюда их основное воззрение на личный интерес (к которому относится не только эгоистический интерес данной личности, но и интересы целой семьи), как на главную пружину экономиче-

ской деятельности. Вот, например, как это выражено у Мальтуса: „Настоящее наше положение требует, чтобы каждый имел в виду главным образом свои собственные потребности“. По отношению к детям, которые имеют несомненное право на заботы и попечение родителей, очевидно, что привязанность, побуждающая последних к исполнению этой священной обязанности, почти равносильна любви их к самим себе. И мы имеем полное право утверждать, что, за исключением немногих редких случаев, последний кусок будет разделен между ними поровну. Вследствие этого благодетельного инстинкта, самые невежественные люди трудятся для общей пользы, чего не было бы, если бы главным побуждением их было благотворение. Чтобы благотворение было великим и непрерывным побуждением для наших поступков и чтобы принцип этот был неизменной основой нашего поведения, для этого необходимо, чтобы мы были вполне знакомы с причинами и их следствиями. „Такое ограниченное существо, как человек, заблудилось бы, если бы руководствовалось исключительно им одним, и вскоре возмутило бы господствующий вокруг него порядок: изобилие уступило бы место нужде, а возделанные плодородные нивы пришли бы в запустение“ (Опыт о законе народонаселения, II, 359). Это положение оправдывается многочисленными примерами вредных последствий поступков, в основании которых лежало самое искреннее желание добра. Известно, как часто благотворительность, вместо облегчения человеческих страданий, ведет к укоренению пороков и зла. Ввиду такого обстоятельства Бокль пришел к столь парадоксальному, с первого взгляда, выводу, что, „ослабляя добродетель, вы сдерживаете зло“, и построил свое известное учение о незначительности влияния нравственности в деле исторического прогресса. Другие представители манчестерской школы держатся того же принципа. „Для споспешествования экономическому благу народа вообще,—говорит Принс Смит,—фритредер видит только один возможный путь, именно свободу каждого отдельного лица по мере сил способствовать своему благу. Каждый понимает споспешествование своему благу лучше, чем другие, лучше, чем все другое“. В этом-то и заключается этическая основа прежней школы. Она зиждется именно на положении, что „общее благо“ само по себе есть вещь слишком туманная и неопределенная, тогда как „частное благо“, наоборот,—понятно и определено. Новая немецкая школа экономистов, называющая себя „этической“ и утверждающая, что „экономическая деятельность подчиняется нравственной“, восстала против этого учения. Но для того, чтобы вести борьбу по возможности равным оружием, ей было бы необходимо войти в прямое и обстоятельное исследование положений как теоретической, так и практической этики и установить какой-нибудь общий руководящий принцип. Еще Ланге, которого можно считать одним из провозвестников этической школы экономистов, выставил следующее требование: „Так как мы достаточно знаем действие эгоизма, а последствий морали, напротив, не знаем, то мы не получим улучшенного народ-

ного хозяйства, прежде чем не будем иметь начал научной теории нравственности, но и этих начал мы иметь не будем без большого прогресса в экономической науке". Успех последней во всяком случае немыслим при такой неопределенности и шаткости этических основ, какая встречается у лучших представителей этических экономистов. Шмоллер, которого неоднократно цитированное сочинение признается „лучшим общеполитическим основанием молодой этической школы национальной экономики“ (А. Вагнер, I. с., 3), и которого воззрения почти целиком разделяются приверженцами этой школы, нигде не ставит прямо вопроса о свойстве нравственного принципа, который бы мог быть положен в основание новой политической экономики. Только мимоходом, полемизируя против пяти основных прав, признаваемых Трейчке, он высказывает, что „краеугольным камнем современной этики вообще может быть признано следующее положение Шлейермахера: ни один человек не должен быть только средством для другого, каждый человек, напротив, хотя он между прочим и исполняет роль для других целей, должен быть в то же время признан имеющим свою собственную цель, признан монадой“ (I. с., 121). Принцип этот настолько неопределен, что не годится даже для той цели, ради которой его приводит Шмоллер. Ни Трейчке, ни кто другой и не утверждает, чтобы личность всецело поглощалась для каких бы то ни было вне ее лежащих целей. Степень же поглощения ее вовсе не определяется вышеозначенным изречением. Поэтому понятно, что Шмоллер и не пользовался им для установления своих теоретических воззрений. При этом он и вообще не затрагивает глубоких слоев вопроса. Высший нравственный принцип, на который он ссылается во время своей аргументации, резюмирован им следующим образом: „Суть заключается и всегда будет заключаться в том, чтобы мы вообще шли вперед в деле экономического развития, чтобы мы больше производили, правильнее распределяли бы производимое, чтобы наше потребление увеличивалось как в деле удовлетворения благороднейших и высших, так равно и низших потребностей, чтобы мы становились более образованными, прилежными, умными и справедливыми людьми“ (стр. 51). Здесь, что ни слово, то ссылка на ходячие в обыденной жизни понятия, подлежащие, однакоже, самым разнообразным, нередко противоречивым определениям. Как философский принцип, это, во всяком случае, не годится, именно вследствие этой неопределенности и доступности разнородному толкованию. Верховный этический принцип, выставляемый Ланге, отличается во всяком случае несравненно большей цельностью и определенностью. „Жизнь, раз произведенная,—говорит он,—должна быть сохраняема“. Это положение Ланге считает принципом всякого цивилизованного человека и потому на нем он думает основать прекращение, или, по крайней мере, ослабление борьбы за существование в человеческом роде. Одно из основных положений этической школы состоит в ограничении свободного соперничества, и с

этой точки зрения она представляет для нас еще и специальный интерес. Но по отношению к этому вопросу, равно как и по отношению к основным нравственным принципам, эта школа не дает нам цельного и ясно определенного взгляда. Главный представитель ее, Шмоллер, очевидно, признает благотворное действие конкуренции, по крайней мере в некоторых случаях и притом в известных пределах. Так, он говорит о хороших последствиях ее при соперничестве развитых представителей крупной торговли (стр. 81). То же вытекает и из следующих его слов: „Увеличивающееся неравенство имущества справедливо, поскольку оно обусловлено различием талантов; но это различие объясняет скорее, почему банкир X заработал в последние годы только один, а банкир Y двадцать миллионов, или почему рабочий А сделался подмастерьем с шестьюстами ежегодного содержания, а рабочий В остался носильщиком с двумя-тремястами талеров“ (109). Тут, следовательно, признается справедливость победы одного соперника над другим. То же заключается и в следующих его словах: „Я всегда готов стоять за преимущества образования, но не за привилегию кошелька или рождения“. Да и самая теория „справедливого распределения“ (*vertheilende Gerechtigkeit*), т.-е. вознаграждения по заслугам, обязывает давать сильнейшему конкуренту более, чем слабейшему. „Чем более уверен человек,—говорит Шмоллер,—что добродетель вознаграждается на этом свете, что прилежание, большая деятельность и большее напряжение пропадут не даром, тем более напрягаются все струны энергии“. Сводя все это, следует прийти к заключению, что Шмоллер признает пользу конкуренции, поскольку она состоит в соперничестве личных и притом признаваемых нравственными качеств, но восстает против нее, когда пускаются в ход безнравственные силы, т.-е. хитрость, обман и проч., или же преимущества, даваемые рождением и состоянием. Правда, он нигде не высказывает категорически этого воззрения и нередко впадает с ним в противоречия. Так, например, он восстает против свободы конкуренции „во всех областях, где богатый конкурирует с бедным, лицо, могущее ждать, с другим, которому необходимо торопиться, умный с глупым, сильный с слабым“ (81). Первые два случая еще могут находиться в согласии с резюмированной выше теорией, но как согласить признание преимуществ таланта и вознаграждение по личным заслугам с этим восставанием против победы умного над глупым и сильного над слабым? Как согласить далее теорию справедливого распределения и конкуренции, основанной на признании преимущества таланта и образования с признаваемым Шмоллером правом наследственной собственности? „Я защищаю наследственное право,—говорит он,—поскольку оно полезно как в экономическом, так и в нравственном отношении“ (65). Отсутствие ясно сформулированного взгляда и противоречивость основных положений Шмоллера делают невозможным признать его замечания о конкуренции вкладом в положительное знание. Постоянные же ссылки его на нрав-

ственные начала („добродетель должна решать“ вопросы о распределении, участие вознагражденной добродетели в напряжении экономической деятельности, признание наследственного права, поскольку оно полезно в нравственном отношении, и т. д.) и подведение к ним основных положений экономической науки оставляют читателя тем менее удовлетворенным, что он тщетно стал бы искать у Шмоллера точной постановки и развития этических принципов. Взгляд, отчасти сходный с тем, который был извлечен нами из различных цитат Шмоллера, но только отличающийся несравненно большей цельностью, определенностью и последовательностью, был высказан еще за десять лет до появления его „Grundfragen“ известным популяризатором и общественным деятелем—Бюхнером. Он считает немыслимым уничтожение борьбы за существование и потому задается только вопросом об уравнивании средств этой борьбы. „Пусть отыщут формулу,—говорит он,—которая бы уничтожила или, по крайней мере, уменьшила до известной степени неравенство социальной борьбы за существование, и общественный, а вместе с тем и рабочий вопросы будут вполне или, по крайней мере, приблизительно решены“. „Такая формула найдена,—продолжает он,—мы не имеем никакого основания ее скрывать, так как она заключает средство удобоприменимое, не нарушающее непосредственно ничьих личных интересов, не противоречащее прямо ныне существующим условиям, к тому же средство, которое при постепенном усилении становится все более действительным, которое значительно облегчает неимущих, не вредя непосредственно имущим, поэтому средство, по возможности сглаживающее общественные неравенства и притом не только не притупляющее, но, напротив, усиливающее стимул к конкуренции, ведущий ко всему великому. Средство это состоит в реформе или медленном, постепенно увеличивающемся, преобразовании наследственного права в пользу общую“¹⁾. Сущность этого воззрения, поскольку оно касается нашего вопроса, совершенно ясна: Бюхнер стоит за соперничество, основанное на природном неравенстве, и, наоборот, восстает против участия в борьбе за существование момента чисто культурного неравенства. Несравненно менее радикально мнение Мауруса. Подобно Бюхнеру, он тоже не считает возможным уничтожение борьбы за существование: „В разрез с социалистическим мнением о необходимости уничтожения всякой конкуренции и устранения капиталистического производства, вообще,—говорит он,—мы вместе с буржуазною экономией считаем конкуренцию экономической необходимостью и думаем, что было бы ошибочно лишить общество выгод этой экономической силы, прямого продукта разделения труда и человеческого эгоизма, и заменить ее другою, еще менее экономической организацией производства“. Неравенство условий борьбы Маурус, подобно многим другим экономистам; сводит в конце концов к естествен-

1) См. цитаты у Ланге „Mills Ansichten“ стр. 105, 106. Статья Бюхнера напечатана в „Deutsches Wochenblatt“ и в подлиннике мне, к сожалению, неизвестна.

ному неравенству. „Стремление к установлению материального равенства между людьми,—говорит он,—всегда останется тщетным, потому что оно потерпит крушение вследствие различия индивидуальной человеческой природы. Об эту скалу разбивались и будут разбиваться все попытки даже самых гениальных систем, основанных на материальном равенстве и общей собственности“ (стр. 11). Ввиду неизбежности конкуренции, Маурус предлагает только меры для устранения некоторых ее вредных последствий и с этою целью проповедует вмешательство закона, который должен определить заработную плату, подвергнуть устройство фабрик государственным ограничениям, руководствуясь при этом правом и благом рабочих, и таким образом оградить их от эгоизма капитала“ (284) и т. д. Совершенно иначе смотрит на дело Адольф Вагнер. „Правда,—говорит он,—что люди уже от природы неравны; личное или индивидуальное неравенство, как у всех представителей одного рода или вида, так равно и у человека, составляет закон природы. Отсюда можно бы было вывести относительно всех других случаев, но именно не относительно человека, необходимость и желание победы неделимых, более одаренных от природы. Я это утверждаю на том основании, что у людей, по крайней мере отчасти, возможно уравнивание этого природного неравенства путем воспитания и культуры и посредством охранения, которое общество может и должно оказать своим слабейшим членам. Естественное неравенство неделимых ведет к требованию, чтобы не все элементы без разбора были предоставлены конкуренции, и чтобы слабые не были отданы ей в жертву. Именно отсюда и должно быть выведено дальнейшее ограничение свободной конкуренции, что в новейшее время и проводится все более и более на практике учреждениями для охраны детей, стариков и т. п.“ (I. с., 200). Приведенные воззрения могут быть сгруппированы в две категории. К первой относятся мнения ученых, признающих борьбу за существование явлением, чрезвычайно глубоко заложенным в природе человека и потому неустранимым, и, ввиду этого, стремящихся уничтожить чисто культурное неравенство и заставить конкуренцию войти в ее естественное русло. Эта точка зрения порицает борьбу, успех которой зависит от какой-нибудь культурной привилегии, например, победу богатого дурака над бедным, но умным соперником, и, напротив, она признает правильным соперничество между людьми, одинаковыми в смысле общественного положения и материальной обстановки, но различными по степени природных способностей. В таком виде воззрение это может быть соглашено со взглядами некоторых представителей манчестерской школы. Один из горячих приверженцев ее и в то же время ожесточенный противник этической школы, которой он предсказывает ближайшее крушение, Дамет, заявляет, „что естественные законы общественной экономии не оправдывают иного неравенства“, как неравенство личного участия. „Разве неравенство, как принцип,—говорит он,—не проявляется всюду в человечестве, равно как и вообще во всем мире? Разве естественные законы общественной экономии могут уничтожить это неравен-

ство? Скажете ли вы, что существует антагонизм между Рафаэлем и обыкновенным живописцем, потому что первый создает великие творения, а второй—только посредственные картины, и потому, что покупатели предпочитают первые последним? Если хотите, это борьба производства, а следовательно, и распределения, борьба между искусными и неискусными, но, по совести, разве вы можете вменять ее естественным законам общественной экономии?" Дарвин также может быть причислен к этой категории. Разбирая вопрос о влиянии культуры на борьбу за существование, он указывает на усиленное накопление богатства и майорат, как на обстоятельства, отклоняющие во вредную сторону естественный ход этого процесса; но он не придает особенного значения первому препятствию, так как число очень богатых людей никогда не бывает особенно большим, и к тому же нередко они по неумению растрачивают все свое состояние. Соглашение между партиями возможно, следовательно, на признании не теперешней формы „свободы конкуренции“, совершающейся на почве привилегий и других моментов чисто культурного неравенства, но такой формы борьбы за существование, которая бы наиболее приближалась к условиям беспрепятственного естественного подбора. При этом, как справедливо замечает Бюхнер, стимул к борьбе не уменьшится, а скорее увеличится, и в сильнейшей степени освободятся все личные силы, как добрые, так и злые“. При этом также возможно достижение той же степени природного равенства, которое вообще получается при беспрепятственном ходе подбора в живой природе, так как в борьбе, основанной на природном неравенстве, победителями останутся лица, „наиболее приспособленные к борьбе“, а соперники, не представляющие этого свойства, будут побеждены. В результате такого процесса борьбы все принимающие в ней участие силы, а между ними и „злые“, должны постепенно все более и более развиваться. На совершенно иной почве стоит воззрение А. Вагнера. Он не хочет беспрепятственной борьбы между людьми, различно одаренными от природы, он восстаёт против закрепления естественного неравенства и, следовательно, стоит за культурное неравенство, как средство для сглаживания природных различий. Он требует, чтобы культура давала слабому от природы средство для выдержания борьбы с более сильным соперником и потому хочет расширения и теперь уже существующих учреждений с целью охранения слабых. Воззрение это непосредственно вытекает из формулированного Ланге нравственного принципа, который Дарвин признает „благороднейшей частью нашей природы“. Став на такую точку зрения, Вагнер приводит к ней, естественно, к системе благотворительности (caritatives System), которая должна ослаблять зло, происходящее вследствие природного неравенства. Но, говоря о применении этой системы, он не может не видеть многочисленных источников злоупотребления. Пробежав некоторые из них, он приходит к следующему заключению. „Правда,—говорит он,—что все эти беды могут быть устранены при правильном применении „каритативной“ системы, особенно если строго держаться принципа осторожного индиви-

дуализирования при допущении к удовлетворению потребностей, допускаемых системой. Но с первого взгляда понятно, и весь опыт подтверждает это, что ошибки в этом отношении не всегда могут быть устранены и с течением времени скорее увеличиваются чем уменьшаются" и т. д. (I. с., 222). Как, собственно, установить „правильное“ применение каритативной системы, мы у Вагнера не находим, равно как не находим у него и устранения возражений, сделанных впервые английскими учеными. Эти возражения Дарвин резюмирует следующим образом: „У дикарей слабые телом и духом скоро устраниваются, и переживающие обыкновенно бывают одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, делаем все возможное, чтобы задержать этот процесс уничтожения: мы строим приюты для слабоумных, калек и больных, мы издаем законы в пользу бедных, и наши врачи употребляют всевозможные усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые, при своем слабом сложении, прежде погибли бы от оспы. Таким образом и слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство крайне неблагоприятно для человеческой расы. Нас поражает, до какой степени быстро недостаток ухода или неправильный уход ведет к вырождению домашней породы; и за исключением случая, касающегося самого человека, едва ли найдется столь невежественный заводчик, чтобы допустить к размножению худших животных“. „Мы бы не могли,—замечает он дальше,—сдерживать нашего сочувствия, следуя голосу рассудка, без уничтожения благороднейших свойств нашей природы... и мы должны безродно переносить несомненно вредные последствия переживания и размножения слабых“. Геккель называет это самое охранение физически слабейших „медицинским подбором“ и; ударяя на его вредные последствия, намекает даже на средства к его устранению. Самым умеренным из возможных средств следует считать запрещение лицам, страдающим хроническими болезнями, вступать в брак. Такая мера во всяком случае наименее расходится с современным нравственным строем, т.-е. с желанием во что бы то ни стало сохранить жизнь, хотя бы и сопряженную с величайшими страданиями. „Но не будет ли самым ужасным ядом, который только можно влить в больного, вменение ему безнадежной любви?“—спрашивает доктор Гартзен, горячий защитник медицинского подбора ¹⁾. Во всяком случае очевидно, что, давая полный простор нашему сочувствию, т.-е. действуя наперекор естественному подбору, мы тем самым ослабляем нашу силу в борьбе за существование, подобно тому, как мы ослабляем ее у животных, охраняемых в нашем домашнем хозяйстве. Если бы даже и удалось

1) См. его статью об отношении теории происхождения видов к нравственности и политике в *Athenaeum*, 1875, стр. 32. О вредном влиянии цивилизации на укоренение непредусмотрительности и беспечности см. *Г. Спенсера*. „Изучение социологии“, II, 556 и след.

включить проявление нашего сочувствия в известные пределы и поставить его в равновесие с условиями борьбы в данную минуту, то при усилении борьбы вследствие ли перенаселения или каких-либо других причин, это равновесие легко могло бы быть нарушено. На выбор представляется два пути. Следуя по одному из них, указываемому „благороднейшими свойствами нашей природы“, мы можем не „сдерживать нашего сочувствия“ и всеми силами перечить естественному подбору, но в таком случае „мы должны безропотно переносить несомненно вредные последствия“ такой системы и без боязни идти к поражению в борьбе за существование. „Следуя голосу рассудка“, т.-е. избирая другой путь и заставляя подавлять и ограничивать наше сочувствие, можно быть гораздо более уверенным в победе, но зато следует мириться с настоящим злом, вытекающим из принижения благороднейшей стороны нашей природы. При этом в больших размерах перед нами возникает тот же вопрос, который, как мы видели, неизбежно рождается и у каждого выступающего на поле промышленной и торговой борьбы: или ограничить требования высокой нравственности и победить, или же действовать сообразно с этими требованиями и остаться побежденным. Выход из этой альтернативы зависит уже от чисто субъективного момента, от той сложной смеси, которая составляет сущность характера. Все сказанное нами до сих пор служит доказательством разлада, существующего между стремлением к победе в борьбе за существование и удовлетворением широких нравственных стремлений. Осознательность и отчетливость интересов отдельного лица или небольшой тесно связанной с ним группы составляют главную причину того, что в практической жизни эти интересы одолевают все другие, т.-е. интересы больших групп, благосостояние которых (т.-е. цель высших нравственных стремлений) представляется задачей, в высшей степени сложной и не поддающейся ни точному научному исследованию, ни решению непосредственного чувства. Вот почему всякая теория, основывающаяся на узких интересах лица и семьи, имеет больше шансов получить практическое применение, чем теория, созидаемая на этических началах, так как они сами по себе еще чрезвычайно непрочны установлены.

IV.

Сложность борьбы за существование между человеческими группами.—Влияние соматических причин.—Роль интеллектуального и нравственного момента.—Отступление с целью показать на примере невозможность объективного решения некоторых крупных вопросов общественной этики.—Проверка полученных выводов на отдельных примерах борьбы за существование малайских народов и в Америке.—Китайцы, как сильнейший народ в борьбе за существование.—Заключение.

У человека, подобно другим общественным животным, соединение в общества оказывает значительное влияние на процесс борьбы за существование. При известных условиях общественной конкуренция между отдельными неделимыми может значительно охлаждать или вовсе прекращаться, но тогда она вся на-

правляется на соревнование между общественными группами. Факт, что человек есть во всяком случае общественное существо, что он во что бы то ни стало должен соединяться в большие, или меньшие общества, выработал в нем некоторую уступчивость, способность до известной степени жертвовать своими личными интересами ради общей пользы. В этом нет ничего, исключительно свойственного человеку, как думает Шеффле. У многих животных общественность развита в несравненно большей степени. Не говоря уже о насекомых, у которых образовались особые органы ради общественных целей, и у которых особь нередко приносится в жертву обществу, существует много низших животных, где особь целиком поглощается обществом и низводится на степень простого органа. В человечестве же нынешнего времени и в идеалах его на будущее особь всегда сохраняет свою индивидуальность и только до известной степени подчиняется обществу. Целый ряд нравственных принципов (между прочим и выше цитированные положения Шлейермахера и Ланге) стоит именно на этой точке зрения. Но в то время, как у всех животных „общественные инстинкты никогда не распространяются на всех особей данного вида“ (Дарвин), у людей существует, по крайней мере, стремление соединить все человечество в одно большое общество. Какое бы направление приняла борьба за существование в случае достижения этой цели, мы пока не знаем. Я думаю, что мы в праве обойти теперь этот вопрос и воздержаться от изложения соображений по поводу него, так как наша главная цель заключается в том, чтобы по возможности изучить некоторые общие стороны совершающейся ныне конкуренции между общественными группами. Что эта конкуренция есть явление, чрезвычайно глубоко заложенное, явствует само собою. По отношению к производительным обществам это высказано Маурусом в следующих словах: „Если бы труд, по предложению Лассалья, ассоциационно организовался в определенные круги и притом по отдельным отраслям, то место конкуренции отдельных фабрик заступила бы конкуренция отдельных ассоциаций. Разве не может случиться, что какая-нибудь ассоциация, вследствие лучших качеств или лучшей группировки рабочей силы, или вследствие других благоприятных обстоятельств, будет производить дешевле, чем другие, и, следовательно, будет иметь возможность доставить на рынок свои продукты по более низким ценам? И разве та ассоциация, которая ведет производство при менее благоприятных условиях, не может в этом случае пострадать, даже погибнуть, оставив своим членам только полнейшее разорение“ (О свободе, 274). Та же мысль была высказана и на последнем конгрессе в Генте членами, доказывавшими, что „известные группы производителей, более благоприятно обставленные, могут вытеснить остальные и создать своего рода монополию“. При изучении борьбы за существование между человеческими обществами, нам, естественно, приходится сосредоточить наше внимание на антропологических и этнических группах, как таких, о которых наука обладает всего большими данными.

Таким образом, мы переходим к вопросу о соперничестве между народами и вытеснении одних из них другими. В своей речи о борьбе за существование в человеческом роде Эккер распространяет свое воззрение и на борьбу между народами. „Как бы ни было велико наше сожаление (относительно слабейших рас),—говорит он,—мы должны тем не менее констатировать закон природы, применяемый с роковой необходимостью, закон, по которому раса высшая с интеллектуальной точки зрения в борьбе за существование побеждает и вытесняет низшую расу“ (I. с., 819). Еще резче высказывается он в заключительных словах: „последняя (франко-прусская) война указывает нам, что история народов также опирается на естественные законы и состоит из ряда безусловных необходимостей, из ряда, *в котором всегда перевешивает нравственный и умственный прогресс*. Таким образом, нельзя не признать существования нравственной системы в судьбе народов“ (822). Я привел здесь эти две цитаты, так как они отчетливо и сжато выражают взгляд, разделяемый многими, высказывавшимися о занимающем нас вопросе. То же самое заключено и в следующих словах Шеффле, новейшего автора по этому вопросу. „Прогрессирующая цивилизация,—говорит он,—дает высшую степень силы как для самосохранения, так и для победы в борьбе с природою и врагами из среды самого человеческого рода“. Дарвин, обстоятельно занявшийся вопросом о борьбе за существование рас и народов, пришел к заключению, что „степень цивилизации есть, повидимому, в высшей степени важный элемент в деле успеха конкурирующих народов“. Относительно же самого содержания этого элемента он высказывает следующее: „Как ни темна задача прогресса цивилизации, тем не менее мы можем заметить, что нация, произведшая в течение долгого времени наибольшее число высоко развитых в умственном отношении, энергичных, храбрых, патриотических и добродетельных людей, вообще должна получить преобладание над менее одаренными нациями“. Еще общее он формулирует эту мысль следующим образом: „Увеличение числа хорошо одаренных людей и прогресс в общем мериле нравственности дают, несомненно, бесконечное преимущество одному племени перед другим“. Отсюда у него вытекает, что „так как во все времена и на всей земле одни племена вытесняли другие, и так как в деле успеха нравственность играла существенную роль, то мерило нравственности всюду имеет стремление к повышению, и число хорошо одаренных людей должно постепенно увеличиваться“. Рядом с такими психическими мотивами Дарвин признает и усиленное влияние чисто соматического момента и потому объясняет вымирание многих первобытных народов главным образом уменьшением плодovitости и усилением детских болезней, вследствие изменения окружающих жизненных условий, даже в тех случаях, когда последние сами по себе нисколько не вредны. Гельвальд, соглашающийся с Дарвином относительно роли соматического момента, не разделяет вполне ни его воззрений, ни взгляда Эккера (против которого он особенно выступает) на участие умственного и нрав-

ственного элементов в деле борьбы. „Вообще,—говорит он,—высшая раса есть действительно та, которая выше и в духовном отношении, но это не составляет неизбежного правила, как думает профессор Эккер“. В подтверждение этого ограничения он ссылается на факт, что индейцы Центральной и Южной Америки побеждают испанских креолов; на то, что в Венгрии немцы легко поглощаются „несомненно низшими мадьярами“ и т. д. „Таким образом,—выводит он,—в борьбе за существование побеждает не всегда высшая в духовном отношении раса, но такая, которая всего лучше приспособлена к этой борьбе, при чем дело решается иногда чисто физиологическими свойствами“. Для того, чтобы, по возможности, решить главные вопросы о борьбе за существование человеческих рас, необходимо строго разделять различные моменты этой борьбы, в большинстве случаев представляющейся чрезвычайно сложною. Можно положительно утверждать, что в победе европейцев над многими первобытными народами весьма важную роль играли и играют чисто соматические явления. Во многих местах замечено, что европейцы чрезвычайно легко заражают дикарей эпидемическими болезнями даже в тех случаях, когда сами они не заболевают. Тут, следовательно, европейцы являются невольными переносителями заразы, подобно тому как это в меньших размерах замечено относительно докторов. В самых различных странах сложилось твердое убеждение, что посещение иностранных кораблей служит источником распространения болезней. Из числа эпидемий особенно важную роль играет оспа, отнимающая у многих нецивилизованных народов огромное число людей. В Америке от нее погибла, по крайней мере, половина всего туземного населения. Столь же губительна она и для народов полинезийской и австралийской рас. На Сандвичевых островах в течение одного 1853 года от нее умерло от пяти до шести тысяч человек. На полинезийский остров Понапе оспа была завезена одним английским матросом и в короткое время унесла три пятых всего населения. Известно, как ужасно она свирепствовала на островах Фиджи несколько лет назад. Вымирание камчадалов в значительной степени объясняется также их смертностью от той же болезни.

Появление оспенной эпидемии нередко возбуждает панический страх среди нецивилизованного населения. Так, например, патагонцы разбегаются, бросая больных, перед которыми они ставят воду и пищу, но, несмотря на это, болезнь следует за ними по пятам. То же много раз было замечено и у калмыков, оставляющих в большинстве случаев больных без всякого присмотра. Некоторые приписывают именно этой мере сильную смертность калмыков от оспы. Но помимо этой причины есть и другие, быть может, еще сильнее влияющие в том же направлении. Во время моего пребывания среди калмыков я много раз слышал уверение, что они несравненно сильнее подвержены заболеванию и смертности от оспы, чем русские при тех же условиях. Ни оспопрививание, к которому они нередко прибегают, ни уход за больными, который обыкновенно выполняется лицами, уже перенесшими

болезнь, не представляют серьезной гарантии. Чтобы дать представление об интенсивности эпидемии, укажу факт, что в одном месте на приволжской окраине степи (в Хашоутовом улусе), в течение одной зимы 1874 года из пятидесяти семейств в живых осталось только одно. Некоторые лица уверяли меня, что в один этот (1874) год вымерло около трети всего калмыцкого населения. Цифру эту следует считать преувеличенной относительно целого населения калмыцкой степи, но она может быть справедлива относительно окраин, где болезнь, вследствие соседства с русскими, свирепствует обыкновенно в сильнейшей степени, чем в глубине степи. Есть основание думать, что самый организм калмыков (и других народов, в такой же степени подверженных оспенной заразе) более чувствителен к восприятию оспенного яда, так как у соседей их, киргизов, ведущих вообще довольно сходный с ними образ жизни, но несравненно более приближающихся к кавказской расе, оспа никогда не производит таких значительных опустошений. При перемене образа жизни, первобытные народы в высшей степени подвержены бугорчатке. От нее преждевременно умирает большинство людей, переходящих от первобытного образа жизни и легко перенимающих европейские нравы, например, у калмыцких князей (нойонов), учащихся и пр. Смертность последних при этих условиях так велика, что из 164 учеников-австралийцев, содержавшихся в заведении Трелькельда, „одного из первых благодетелей австралийской расы“, через четыре года в живых осталось только три. Негры, отличающиеся удивительной нечувствительностью к лихорадочным болезням, чрезвычайно легко заболевают чахоткой. Один негритянский полк из 1.800 человек, переведенный с Антильских островов на Гибралтар, почти вымер от этой болезни в течение всего пятнадцати месяцев. Кроме влияния на смертность, соприкосновение первобытных людей с цивилизованными отражается также, и нередко в значительной степени, и на плодовитости первых. С давних пор и у самых различных первобытных народов была замечена сравнительно незначительная плодовитость. Некоторые авторы объясняют вымирание сандвичан, маорисов, индейцев и многих других „дикарей“ именно бесплодием их женщин. В существовании самого факта не может быть сомнения; достаточного же объяснения для него и до сих пор не найдено. Одни видят в нем просто доказательство предположения, что „низшие“ человеческие расы вообще наименее плодовиты, другие же объясняют его слишком подавленным положением женщин, легкостью их поведения и т. п. Грасиоле провел параллель между бесплодием первобытных женщин и многих животных, содержащихся в неволе. Он это объясняет следующим образом: „Дикарь, страна которого занята европейцами, уже более не чувствует себя дома, и хотя и остается на родной ему земле, но ощущает тоску по родине, он заглушает ее вином, но затем снова впадает в нее; он грустен и обескуражен, и тоскует, как заключенное в неволю животное. Тоски же неволи достаточно для того, чтобы произвести бесплодие у большого числа животных; собаки, постоянно выдержи-

ваемые в клетке, теряют всякое половое влечение. Такая же причина легко может объяснить и бесплодие дикарей Полинезии и Австралии. В новейшее время сходную мысль стал развивать Дарвин, который, как мы видели выше, считает бесплодие одной из главнейших причин вымирания первобытных народов. Он, правда, не объясняет его теми психическими мотивами, к которым прибегает Грасиоле, но ограничивается только подробными указаниями на сходное бесплодие многих животных, которых пытались обратить в домашнее состояние. Причины, влияющие на слабую степень плодовитости при измененных условиях существования, Дарвин считает достаточными и для объяснения слабой комплекции детей, рожденных при таких условиях, а следовательно, их усиленной смертности. Чтобы достаточно оценить влияние указываемых здесь соматических явлений на ход борьбы за существование, необходимо обратить внимание на их участие в деле распространения европейских народов, отличающихся вообще особенной выносливостью и к тому же имеющих под руками обширные, доставляемые культурой средства для охранения от вредных внешних условий. На Мадагаскаре и в Сенегамбии, например, ни один европейский народ не обнаружил способности к акклиматизированию. На Яве и вообще на островах Малайского архипелага, несмотря на все старания голландцев, им не удалось приспособиться к местным условиям. Даже в Алжире, несмотря на ее значительное сходство с южной Европой, большинство европейцев вымирает, и только некоторым, как, например, мальтийцам и испанцам, удастся полное акклиматизирование. При рассуждениях о вытеснении и вымирании народов необходимо, следовательно, иметь в виду на первом плане физиологический момент во всех его разнообразных проявлениях. При его помощи объясняются, во-первых, явления вымирания таких народов, которые с других точек зрения обнаруживают признаки значительной живучести, как, например, маорисов,— народа, отличающегося замечательной способностью к восприятию культуры и приспособляемостью к обстоятельствам. С другой стороны, тот же момент может помочь объяснить нам и нередко парадоксальные явления переживания народов. Беджот обратил внимание на то, что в древние времена дикари не вымирали, несмотря на свои многочисленные сношения с классическими народами. И он, и Дарвин видят в этом доказательство усиленного влияния нынешней степени цивилизации. Между тем как этот факт объясняется проще тем, что дикари, приходившие в столкновение с древними цивилизованными народами, принадлежали большей частью к одной с ними антропологической группе и потому в меньшей степени подвергались болезненным заражениям. Тем же (по крайней мере, отчасти) может быть объяснено и отсутствие явлений вымирания среди народов Кавказа, несмотря на зависимое их положение и местами значительную бедность и вообще дурные, нередко примитивные жизненные условия, между тем как некоторые народы чистокровного монгольского племени, как, например, калмыки, от соприкосновения с теми же русскими,

несомненно вымирают¹⁾. Теперь все пришли к убеждению, что такое сложное и крупное явление, как вымирание народов, зависит не от одной какой-нибудь причины и даже не от одной сложной категории причин (как, например, вышеупомянутый физиологический момент), но от суммы нескольких, нередко весьма разнородных обстоятельств. Как ни велико болезненное расположение многих народов и их способность к бесплодию при изменении внешних условий, но эти явления сами по себе не неизменны. Поэтому народ, не находящийся под влиянием других поводов к вымиранию, может еще оправиться и впоследствии окрепнуть. Таким образом, некоторые первобытные народы, как, например, тонганцы, не вымирают, другие же хотя и продолжают вымирать, но в слабейшей против прежнего степени, что подает повод Герлянду высказывать самые розовые надежды относительно будущности полинезийцев. Европейские народы быстро оправлялись после сильнейших и многочисленных эпидемий. Возможно, что и выносливость негров, малайцев и других народов, с давних пор находившихся в общении с многочисленными другими народами, была приобретена ими не сразу, а постепенно, и притом ценою больших жертв. Итак, помимо физиологической борьбы за существование, между народами ведется и другая, совершающаяся на более сознательной почве. При этом один народ стремится или совершенно вытеснить другой, или же поставить его в большую или меньшую зависимость от себя. Чем более сходны два конкурирующие народа, тем чаще бывает первое; чем менее между ними общего, тем скорее может быть второе. Результат, долженствующий произойти от соперничества между первобытным и культурным народом, удачно выражен в общей форме Мишле в его диссертации „О Гвиане и ее пенитенциарных учреждениях“. „Жизнь цивилизованная и жизнь дикая,—говорит он,—настолько несовместимы друг с другом, что одновременно они не могут существовать на одной почве, и в их борьбе победа не подлежит сомнению. Это—борьба между зрелым человеком и ребенком“. Недалековидность и непрактичность первобытных людей в самом деле носят такой детский характер и составляют явление, настолько рас-

¹⁾ Отсутствие вымирания народов Кавказа я принимаю на основании справок, которые делал во время пребывания моего в кавказском крае. Некоторые народы Кавказа, как мне любезно сообщил г. Воронов, по имеющимся у него числовым данным, напротив, обнаруживают увеличение населения за последние годы. О вымирании калмыков см. в „Известиях Русск. Геогр. Общества“ 1873 г., октябрь. С тех пор мне удалось получить несомненное подтверждение некоторых высказанных там положений. Так, подати в Яндыковском улусе в 1873 г. пришлось с 7 р. 58 к. увеличить до 8 р. 80 к. на кибитку вследствие того, что из общего числа „окладных кибиток“ выбыло 433 кибитки за умерших, старых, больных, бездомных и малолетних“. Совершенно вымерших кибиток в улусе было 148. В 1874 г. это количество вследствие сильной оспенной эпидемии должно было еще значительно сократиться. Такие резкие признаки вымирания мне случилось приметить только в пограничных улусах, где сосредоточены главнейшие причины, как-то: жизнь при наиболее измененных условиях, большее число шансов заразы вследствие ближайшего соседства с русскими, большее распространение пьянства и пр.

пространенное, что на него не могли не обратить внимания в самых различных местностях. Понятно, что это свойство их сделалось обильным поводом для эксплуатации более практическими и ловкими народами. Вот каким образом это делается, судя по словам одного китайского купца, обращенным к миссионеру и путешественнику Гюку: „Разве вы не заметили, что все монголы точно дети? Когда им случится попасть в город, то у них тотчас является желание получить все, что им попадется на глаза. Но обыкновенно у них не бывает денег, и мы являемся им на помощь. Мы им отпускаем товар в долг и поэтому по-справедливости берем с них дороже. Давая товар без денег, нельзя не наложить небольшой процент—от тридцати до сорока на сто. Не правда ли, что это совершенно справедливо? Мало-по-малу проценты накаплиются, и тогда уже идут проценты на проценты. Это, впрочем, делается только с монголами, так как в Китае это запрещено императорским законом. Но мы принуждены беспрестанно рыскать по „стране трав“ и, конечно, можем требовать проценты на проценты. Не правда ли, ведь это совершенно справедливо? Монгольский долг никогда не погашается; он переходит из поколения в поколение. Ежегодно мы отправляемся за процентами, которые выплачиваются баранами, быками, верблюдами, лошадьми и пр. Это несравненно выгоднее, чем деньги. Монгольский скот нам обходится дешево, а на рынке мы его сбываем очень дорого. О, монгольский долг, это отличная вещь. Это истинный золотой источник“. Я выбрал этот случай, как один характерный из множества примеров совершенно подобной же непрактичности некультурных народов. Тем же способом, каким монголы обираются китайцами, совершается и эксплуатация калмыков, башкир и многих других народов русскими, украинцев и поляков—евреями и т. п. Даже такой способный народ, как маорисы, в первое время сношений с англичанами дал себя в обман, подписывая контракты и векселя, смысл которых был совершенно непонятен этим „дикарям“. Таким образом, незнание и непрактичность находятся в числе главнейших причин слабости в борьбе за существование. Вообще, можно сказать, что интеллектуальные свойства народа играют в этом деле первостепенную роль. То, что Поль Брока высказал (во время известных прений в Парижском антропологическом обществе по вопросу о вымирании и совершенствовании рас) по поводу австралийцев, может быть с некоторыми ограничениями признано общим правилом. „Нет никакого отношения,—говорит он,—между добротой, мягкостью, благодарностью, любовью к семейству и другими нравственными качествами, с одной стороны, и предусмотрительностью, порядком, духом изобретательности, настойчивостью, расчетливостью, зависящими от интеллектуальных способностей в тесном смысле, т. е. способностей, делающих одну расу способной к цивилизации, к пониманию выгоды в пожертвовании частью личной свободы для того, чтобы жить в правильно устроенном обществе, в работе с целью пожать плоды ее не тотчас, а через полгода, и, наконец, в подчинении законам для того, чтобы самому пользоваться их

покровительством. Расы, понимающие эти общественные основы, могут цивилизоваться в большей или меньшей степени; одни могут это делать самостоятельно, другие же путем подражания, убеждения или насилия, смотря по свойствам и степени их ума; расы же, не понимающие этих выгод, остаются в диком состоянии. Это, однакоже, вовсе не означает, чтобы они были лишены нравственных качеств и даже умственных способностей; это значит только, что у них вовсе нет или недостаточно некоторых интеллектуальных качеств". Вывод этот, однакоже, не должен вести к отрицанию всякого значения в борьбе за существование вообще всяких нравственных качеств. Некоторые из них, как, например, независимая от расчета известная степень солидарности между членами борющейся стороны, играют нередко очень важную роль в деле победы. Что же касается храбрости, на которую как указывалось выше ссылается Дарвин как на один из существенных моментов победы, то ее значение должно быть отодвинуто вообще на очень задний план. Бесспорно, что в некоторых случаях она оказала немалую услугу, но в целом, развивая в народе особенно воинственный дух, она чаще вела к гибели. Мирная форма борьбы за существование дает вообще несравненно более прочные результаты, чем военный успех. Всем известная храбрость, неразрывно соединенная, как это обыкновенно бывает, с духом независимости, очень сильно повлияла на исчезновение антильских индейцев и на процесс вымирания многих народов. Маорисы, самый воинственный и свободолюбивый из полинезийских народов, восстали против английского господства, выставив девизом, что „лучше умереть всем за отечество, чем жить под чужим владычеством". Конечно, такое решение, несколько раз побуждавшее маорисов к открытию военных действий, повлияло на уменьшение их численности, а следовательно, оказало влияние и на их вымирание ¹⁾. „Народ воинственный и энергичный, не желающий подчиниться национальному рабству на своей родине,—говорит Уоллес по поводу папуасов Ново-Гвинеи,—должен исчезнуть перед белым человеком так же неизбежно, как волк и тигр" (Мал. арх., 619). Нужно думать, что знаменитая храбрость и дух независимости многих народов Кавказа принесли им больше вреда, чем пользы; можно предсказать (если только в подобного рода вопросах можно решаться предсказывать), что эти качества приведут их к окончательной гибели, между тем как более миролюбивые, хотя, вообще говоря, вовсе не более нравственные народы Закавказья (главным образом, армяне), окажутся несравненно долговечнее. Даже народы, достигшие высокой степени цивилизации, как, например, римляне и французы, жестоко заплатили за свою воинственность, качество, теснейшим образом связанное с значительной храбростью. Из нынешних европейских

¹⁾ Маорисы не только теперь не „вымирают", но и доказывают на своем примере возможность для „низших" народов становиться „высшими". Теперь они по культуре и по политическим правам совершенно не отличаются от своих завоевателей—англичан. Это один из тысячи примеров, показывающих, что к вопросам общественным нельзя подходить с одною лишь меркой естествознания. *Ст. Кр.*

народов одни французы обнаруживают некоторые признаки приближающегося упадка и, пожалуй, даже вымирания расы, признаки, бесспорно связанные причинно с их чрезмерной воинственностью. Дарвин ссылается еще на „энергию“ и „добродетель“, как на качества, развитие которых должно споспешествовать в борьбе за существование народов. Что касается первого из этих свойств, то оно получает нравственный характер только тогда, если энергия направляется не на личное благо, а на общественное. Во всех случаях она оказывается важным элементом для победы и живучести, но лишь под условием подчинения ее знанию и расчету. Что же касается добродетели, то роль ее, как условия победы в борьбе за существование народов, крайне сомнительна. Как мы видели в предыдущей главе, сам Дарвин указывает на „несомненный вред“, происходящий для физического состояния расы от развития добродетельных чувств. Если же мы мысленно представим себе еще сильнейшую степень охранения слабых, то легко увидим, какие результаты могут последовать от этого. К тому же следует прибавить, что усиление симпатии, развивая чувствительность, делает людей мало пригодными к участию в борьбе за существование, которая даже в самой высшей своей форме соединена с причинением страдания. Известно, что сочувствие вообще более свойственно женщинам, т.-е. лицам, стоящим в стороне и не принимающим непосредственного участия в народной борьбе за существование. На этот психологический момент обратил внимание Герберт Спенсер, который приходит к следующему заключению: „Близкое знакомство с внешними выражениями бедности и несчастья,—говорит он,—необходимо производит (или скорее поддерживает) пропорциональное ему равнодушие; и это равнодушие есть неизбежный спутник бескровной борьбы между членами каждого отдельного общества, точно так же, как оно есть неизбежный спутник кровавой борьбы между различными обществами“¹⁾. Что в деле столь неравной борьбы между европейцами и первобытными народами со стороны первых были в большинстве случаев проявляемы не только не нравственные, но нередко бесчеловечные чувства, это слишком известно, чтобы нужно было долго останавливаться на этом. Герлянд делает по этому поводу следующее замечание: „Пусть не говорят, что обнаруженные европейцами низости исходили только от отдельных лиц, и что поэтому только они и должны нести за то ответственность: такие поступки совершались приблизительно в одинаковой степени всеми колонистами и, во всяком случае, получали от них высшую степень одобрения“. „Из этих соображений вытекает,—говорит далее тот же автор,—как необычайно медленно совершается нравственное совершенствование человечества, и как мало обуславливается оно умственным развитием“. „Всюду, куда только ни проникнет Оранг-Путти (т.-е. белый человек, или христианин),—

¹⁾ „Основания психологии“, IV, 314. Само собою разумеется, что равнодушие настолько же должно сопутствовать и бескровной борьбе между народами, о которой у нас, главным образом, и идет речь.

говорил один яванец в беседе с голландским офицером, — пропадает верность и доверие, а пьянство, наглость, безнравственность, жадность, лицемерие и насилие идут за ним по пятам, чтобы утвердиться всюду, где он ни остановится“ (Бастиан). Как ни резко такое суждение, но в нем заключена значительная доля правды. „Честность, верность, порядочность, гостеприимство, человечность, чистая религиозность, лучшие нравственные качества встречаются большей частью не на стороне европейцев (т.е. европейских колонистов), но на стороне столь презираемых первобытных народов“, — говорит Герлянд, один из ученейших современных этнографов. Даже в тех случаях, когда правительство и некоторые миссии делали все возможное для улучшения участи подчиненных народов, это им большей частью не удавалось вследствие диаметрально противоположных стремлений колонистов и чиновников, т.е. лиц, находящихся в непосредственных сношениях с „дикарями“. В самых различных частях земного шара, например, существует запрещение ввоза спиртных напитков в места, заселенные различными первобытными народами, очень падкими до них, но нигде это постановление не соблюдается местными купцами-европейцами. Заняв Новую Зеландию, английское правительство в своих попытках поддержать и развить туземное население встретило главное препятствие со стороны „ново-зеландской компании“, т.е. общества, составившегося под руководством богатых и влиятельных англичан и самым бесцеремонным образом эксплуатировавшего тогда еще совершенно неопытных маорисов. Можно бы было привести большое количество аналогичных фактов. Наше правительство, в видах блага калмыцкого народа ¹⁾, задумало целый ряд мер с целью приучить их к земледелию и к более правильному экономическому устройству. Для этого было предположено пересечь всю приволжскую калмыцкую степь проезжими дорогами и устроить по ним поселки. В результате многих дорог не оказалось, все поселки попали целиком в русские руки, и таким образом на окраинах появилось довольно многочисленное русское население, враждебное во всех отношениях калмыкам, которые в конце концов потеряли только значительную часть своей лучшей земли и вообще приблизились к полному разорению. Коснувшись здесь этой стороны вопроса об отношениях между народами слабыми и сильными в борьбе за существование, я не могу не сделать некоторого отступления, не имеющего прямого отношения к обсуждаемому теперь вопросу о роли различных моментов в этой борьбе, но зато могущего иллюстрировать более общее положение, развитое в предыдущей главе. Мнения о деятельности правительств по отношению к опекаемым первобытным народам весьма различны. Их можно вообще разделить на две категории. Одни считают необходимым во что бы то ни стало поддерживать эти народы, делать всевозможные затраты для того, чтобы хотя сколько-нибудь поднять

¹⁾ Заботы царского правительства о „благее“ калмыцкого народа вполне однородны заботам англичан о „просвещении“ своих азиатских подданных. *Ст. Кр.*

и цивилизовать их. Этнографы, наиболее близко знакомые с первобытными народами, вполне придерживаются подобного мнения. Вот, например, как высказывается по этому поводу Герлянд в заключительных строках своего сочинения „О вымирании первобытных народов“. „Пусть сохранится от этих народов то, что еще может быть сохранено. До сих же пор развитие человечества и в этом отношении вполне зависит от натуралистического закона. Борьба за существование, в которой сильнейший тот, кто побеждает, обнаруживается в полнейшей степени. Окрепнувшие расы распространяются с силою и (в отличие от неразумной природы) с удовольствием, без всякой надобности, разрушая побеждаемые ими слабейшие расы. Но человек способен рассуждать и любить, а именно в том и должен сильнейший представитель разумной породы высказывать свою силу, чтобы стараться с любовью возвысить до себя побежденных им собратьев. В таком случае наступило бы владычество духа и нравственного подбора, и все человечество сделало бы большой шаг вперед по тому пути, по которому оно должно следовать, т. е. по пути освобождения духа от грубых оков внешней природы“. Герлянд и вообще та категория мнений, которой он служит выразителем, ссылается в конце концов на благо целого, ради которого необходимо охранять и поддерживать весь человеческий род. Уничтожение же такой большой его части, как первобытные народы, губительно еще и потому, что оно легко ведет к огрубению сильнейших вопреки человеколюбивой цели цивилизации. Мнения другой категории, совершенно противоположного характера, также имеют в виду общее благо. Но с их точки зрения спешествование ему невозможно при помощи стоящих огромной затраты искусственных мер для охранения первобытных народов. Могут ли многие представители последних возвыситься до уровня современной культуры, это еще не доказано и в некоторых случаях весьма сомнительно; между тем, оставляя большую частью очень богато одаренные земли в руках первобытных туземцев и сдерживая наплыв туда европейских колонистов, мы содействуем благу первых в ущерб последним. Простой же расчет показывает, что эти земли в состоянии прокормить несравненно большее число цивилизованных европейцев, чем нередко даже не дошедших до земледельческой ступени первобытных народов. Отсюда вытекает, что искусственное охранение нынешних дикарей может совершиться не иначе, как на счет живущих или будущих европейцев и притом, что это будет охранение меньшинства на счет большинства, а поэтому следует предоставить борьбу за существование ее естественному течению и не тормозить вытеснения первобытных туземцев цивилизованными европейцами. Из числа современных научных писателей такого рода воззрения придерживается, например, Гельвальд, как это видно из следующего его замечания по поводу вымирания негров в Соединенных Штатах: „Констатирование этого фиаско, якобы, человеколюбивой идеи,—говорит он,—ничуть не заключает в себе порицания совершившегося факта и не заставляет желать его отмены, но, напро-

тив, показывает только, что вымирание свободных негров составляет ныне только вопрос времени и дает самый основательный и наиболее благоприятный из всех возможных исходов. Между тем как союз раз навсегда освободится таким образом от заботы „о черных братьях“, культура будет праздновать победу, всегда соединенную с исчезновением иноплеменного элемента“. Научного решения рассматриваемого вопроса не может быть дано ввиду слишком большой сложности и неопределенности входящих в него факторов и неясности определения „общего блага“. Иметь ли в виду общее благо ныне живущих поколений, или следует принимать в расчет и благо будущих? Как взвесить сумму благ материальных и нравственных, сопровождающих вытеснение дикарей европейцами при противовесе нравственного огрубения, неизбежного при этом? Иметь ли опять в виду только огрубение и жестокость поколения, непосредственно участвующего в процессе вытеснения, или же принимать в расчет и возможное смягчение нравов у последующих поколений, которые уже не будут личными свидетелями процесса расовой борьбы? Можно ли принимать в соображение охранение первобытных народов ради интересов науки, которая только теперь начала изучать их серьезно, или же эти интересы следует счесть роскошью и потому пренебречь ими ради непосредственных экономических интересов цивилизованного населения? Подобных вопросов, тормозящих объективный ответ, можно поставить целый длинный ряд. Поэтому при постановлении решения, требуемого искусством государственной политики, остается обширное поле для чисто субъективного выбора, направление которого может быть, по крайней мере отчасти, предсказано. Оно будет во всех случаях окрашено характером большого знакомства с той или другой стороной дела. Этнограф, ближе всего знающий природу и нравы первобытных народов, будет настаивать на их охранении и вообще будет склонен к пристрастию в их пользу. Экономист же, наиболее освоенный с интересами и нуждами колонистов, придавленных в своем густо населенном отечестве тяжкими условиями конкуренции, будет скорее стоять за предоставление свободы поселения и ратовать за вытеснение коснеющих в невежестве дикарей. Миссионер присоединится скорее к мнению этнографа, а практический человек станет на сторону экономиста. Натуралист же, я думаю, вовсе устранился от решения затруднительного вопроса, подобно тому как патолого-анатом или физиолог большого частью отказывается лечить больных. Преобладание того или другого элемента в правительстве может сильно влиять на принимаемые им мероприятия; действительность же подчинится им или обойдет их, смотря по надобности, и борьба за существование прямым или окольным путем доведет дело до преобладания сильнейших над слабыми, и народы, неспособные выдержать натиск конкуренции, погибнут. Возвращаясь снова к вопросу о роли различных моментов в борьбе за существование, я считаю нужным напомнить общее для всей живой природы правило, по которому успех измеряется приспособляемостью к данным условиям борьбы. „Если мы сумеем,—

сказал Маккиавели,—изменять наш образ действий сообразно со временем и обстоятельствами, то счастье нам не изменит“ (107). При этом на первом плане является знание этих обстоятельств и умение применяться к ним и пользоваться ими. Это верно как для случаев борьбы между отдельными особями, так и в деле соперничества между народами и расами. Поэтому можно предположить, что группы, наиболее закаленные внутренней борьбой, окажутся наиболее сильными и при столкновении с другими группами. Если это справедливо, то положения, высказанные выше относительно индивидуального соперничества, должны быть распространены и на явления борьбы между народами и расами.

Возьмем, с целью проверки высказанных положений, несколько отдаленных случаев такой борьбы. Фридрих Мюллер, в своей „Этнографии“, предсказывает, что из борьбы за существование рас победительницами выйдут кавказская, монгольская и негритянская. Он упустил из виду, что существует еще одна раса, отличающаяся вообще большими способностями к переживанию; я имею в виду так называемую малайскую расу (т.-е. малайскую в более ограниченном смысле, следовательно, без полинезийских и микронезийских народов). Уже один предел ее распространения от Малакки и Зондских островов до Формозы и Мадагаскара указывает на эту ее способность. Встретившись с другими племенами, эта раса частью вытеснила их, частью слилась с ними, частью же сама подчинилась, но во всяком случае сохранилась более или менее целною, что само по себе уже очень важно, если принять в соображение, что ей приходилось иметь дело с самыми сильными народами Старого Света. На обширном Малайском архипелаге разлилась эта раса, двигаясь с севера на юг и восток, все более и более оттесняя чернокожую расу, которую Уоллес означает собирательным названием папуанской. Общую характеристику малайской расы, дающую возможность судить о ее силе в борьбе за существование, дает нам Пешель. „Азиатский малаец (под этим названием Пешель разумеет именно то, что у нас обозначено названием малайской расы),—говорит он,—своей замкнутостью и скрытностью, своим рабским чувством по отношению к высшим и строгостью к низшим, своей жестокостью, мстительностью и обидчивостью не производит приятного впечатления, но зато выигрывает своей мягкостью к детям и умением держать себя с достоинством и вежливостью“. Характеристика эта тотчас же вызывает в нас представление о выносливости и применяемости малайской расы, что подтверждается как свидетельством путешественников, так и историческими данными. Малайцы легко подчинились индийской культуре и браманизму, но потом обменяли его на мусульманство. На Яве голландское правительство запретило миссионерам проповедывать христианство, боясь, вероятно, что и оно легко может быть ими принято. Применяющийся и легко подчиняющийся характер особенно резок именно у яванцев, самого многочисленного из малайских народов; это-то свойство и составляет золотой источник, из которого черпают гол-

ландцы ¹⁾. Один французский путешественник был очень поражен при виде рабских отношений, в которых находятся яванцы к европейцам. „Чуть только покажется белый,—говорит граф Бовоар,—как все туземцы присаживаются на корточки в знак уважения и благоговения. На многолюдной дороге, по которой мы ехали с величайшей скоростью, ни один туземец не остался стоять. По мере того, как наши лошади поднимали пыль, яванцы по обеим сторонам дороги падали ниц, как карточные солдатики“. Знаменитая колониальная система голландцев зиждется именно на способности яванцев к рабскому подчинению. Правительство до мелочей опекает их, налагает на них обязательный труд, само определяя за него вознаграждение и монополизируя торговлю добытыми продуктами. Туземное население при этих условиях обнаруживает замечательное возрастание. С трех с половиною миллионов в начале столетия оно в 1865 году дошло до 14.168.416, а в 1874—до 17.882.396 (Бэм и Вагнер), в продолжение двадцати шестилет население почти удвоилось (Уоллес). Малайские народы, столь легко дающие себя эксплуатировать, и сами делают то же, где это им доступно. В сношениях с первобытными даяками острова Борнео малайские купцы выказали себя обманщиками, а малайские начальники—грабителями. Во многих местах они подавили и вытеснили слабейшую в борьбе за существование папуасскую расу. Интересна сравнительная характеристика обеих рас Малайского архипелага, представленная Уоллесом. Я выписываю из нее следующее: „Нравственные черты папуаса настолько же отличаются от малайца, как и физические. Он жив и выразителен в разговоре и в действиях. Ощущения и страсти свои он высказывает восклицаниями, смехом, криком и неистовыми прыжками. Женщины и дети принимают участие во всяком разговоре и, повидимому, мало смущаются при виде иностранца или европейца. Об умственных способностях этого племени судить очень трудно, но я склонен думать, что оно в этом отношении стоит выше малайского, несмотря на то, что до настоящего времени папуасы не сделали еще ни одного шага к цивилизации. Но тут не должно забывать, что малайцы в течение веков подвергались влиянию иммигрирующих индусов, китайцев и арабов, между тем как папуасы подвергались лишь весьма незначительному и частному влиянию малайских торговцев. У папуаса гораздо более жизненной энергии, которая несомненно значительно помогла бы ему на пути к умственному развитию“. „Папуасы более любят искусство, нежели малайцы. Они украшают свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь тщательно сделанными изваяниями,—обычай, весьма редко встречающийся между племенами малайской расы. Страсти и нравственные чувства, напротив того, кажется,

¹⁾ Еще один пример того, как в деле изменения культуры и „природного“ характера главная роль принадлежит общественным условиям. В связи с развитием нефтяной промышленности наблюдается теперь развитие иных черт характера у яванцев; они перестали быть „применяющимися и легко подчиняющимися“, почему черпание золота голландцами начинает встречать организованный отпор. См. отчеты яванских делегатов на съездах Профинтерна.

мало развиты у папуасов. В обращении с детьми они часто бывают жестоки, между тем как малайцы почти всегда мягки и ласковы, едва ли когда вмешиваются в их занятия и забавы, дают им полную свободу, до каких бы лет это ни продолжалось. Но эти крайне мирные отношения между детьми и родителями в значительной степени происходят от нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшие члены никогда не противятся серьезно старшим; между тем как более суровая дисциплина папуасов главным образом есть следствие более значительной силы и энергии ума, рано или поздно ведущей к тому, что слабый восстанет, наконец, против сильного, народ против своих управителей, раб против своего господина, дитя против своих родителей". (Мал. арх., 612).

Изю всего этого видно, что папуасы гораздо более нравятся Уоллесу, чем малайцы, что они более склонны к высшим духовным проявлениям (искусство, любовь к независимости); но несмотря на то, они менее сильны в борьбе за существование и должны уступить малайцам. То же, только в сильнейшей степени, вытекает и из сравнения малайцев с даяками, т.-е. одного из самых сильных в борьбе за существование с чуть ли не слабейшим в этом отношении народом малайской расы. „Я склонен,—говорит Уоллес,—поставить даяков выше малайцев в умственном отношении, тогда как в нравственном они, без всякого сомнения, далеко превосходят их". На основании двадцатилетнего знакомства, Штольц утверждает, что даяки в сношениях между собою отличаются верностью и честностью, и говорит, что в этом отношении они могут быть поставлены в пример всем нациям (Бастиан). Из того, что малайцы кажутся Уоллесу не особенно отличающимися в умственном отношении, еще никоим образом не следует, чтобы умственные способности не играли первостепенной роли в их борьбе за существование с даяками и папуасами, так как, переняв готовые культурные формы от более зрелых народов, малайцы тем самым уже получили в свои руки могущественное орудие борьбы. Притом же очевидно, что, говоря об умственных способностях, Уоллес имеет главным образом в виду те высшие их проявления, которые не имеют непосредственного значения в борьбе. Что же касается практичности, т.-е. свойства, особенно важного в этом отношении, то несомненно, что малайцы с своими коммерческими наклонностями стоят выше как даяков, так и папуасов. Что же касается собственно нравственной стороны, то она в представленном примере не играет выдающейся роли, как орудие победы. Я говорю это в уверенности, что приспособляемость и способность к рабскому подчинению яванцев никем не будут причислены к разряду настоящих нравственных качеств. Сильные в сравнении с первобытными народами, малайцы, однакоже, и сами должны во многих местностях (как, например, на Филиппинских островах) уступить свою роль во всех отношениях сильнейшим китайцам, которые в последнее время стали твердой ногой почти на всей территории, занятой малайской расой. Как пример интенсивной и сложной борьбы за существование может

быть приведена обратившая на себя всеобщее внимание борьба рас в Америке. Населенная первоначально сравнительно однородным племенем, Америка сделалась в короткое время театром великого народного переселения, результаты которого еще далеко не вполне определились. Туземная раса оказалась при этом вообще недостаточно сильной, и хотя в некоторых местах она и удержалась, но зато в других исчезла с удивительной быстротой. Почти с самого начала европейского переселения в Америку, между пришельцами и туземцами возгорелась борьба, местами вследствие того, что последним сделалось тесно от наплыва нового населения, большею же частью вследствие стремления европейцев к преобладанию. Известно, что в общий ход этой борьбы замешались и чисто соматические влияния, как, например, сильные эпидемии, завезенные и распространенные европейцами; но не подлежит сомнению, что роль их была второстепенная (Вайц). На первый план выступило превосходство европейцев в деле подготовки и ведения войны, превосходство, зависевшее, быть может, не столько от силы ума, сколько от характера внешних условий (домашние животные). Нравственный момент, как известно, ни в одном случае не обусловил победы. Говоря вообще, уровень нравственности как победителей испанцев, так и побежденных туземцев, не отличался особенной высотой, но скорее пальму первенства в этом отношении следует отдать последним. Весь характер туземцев, с его храбростью и военной честью, со всеми его доблестями и пороками (характер, диаметрально противоположный тому, который мы видели у яванцев), делал их неспособными к легкому и скорому приспособлению и мешал им переносить чуждое владычество. Многие индейцы предпочитали смерть рабству. Туземцы Антильских островов, с целью недопущения своего потомства до рабского и приниженного состояния, в усиленной степени прибегали к искусственному плодизгнанию, а затем и сами лишали себя жизни. На Кубе распространялась эпидемия самоубийства, и нередко целые семейства и даже населения целых деревень собирались вместе с целью лишиться себя жизни (Пешель). Нечего и говорить, что не отличавшиеся высокой нравственностью в сношениях между собою победители вели себя относительно враждебных им туземцев по правилам, которые не могли бы быть одобрены и с точки зрения нравственных понятий того времени. Это видно по мероприятиям испанского правительства и католических миссионеров, которые стремились, хотя и безуспешно, ввести человеческое обращение с побежденными туземцами. До чего доходила изобретательность европейцев в их стремлении к искоренению индейцев, можно судить, например, по тому, что еще в очень недавнее время португальцы раздавали им одежду, снятую с умерших от оспы, для того, чтобы усилить распространение столь губительной для индейцев эпидемии (Вайц). Неудивительно, что при всех этих условиях вымирание туземцев Америки совершалось с быстротой, не имеющей ничего подобного себе. На Таити окончательно вымерло уже второе поколение по приходе европейцев, вскоре та же судьба постигла и других антиль-

носов. Наиболее цивилизованные и, следовательно, наиболее испытанные во внутренней борьбе индейцы средней и отчасти южной Америки оказались в этом случае более живучими. Они не только не вымерли, но местами даже вытеснили белокожее население, при чем им, главным образом, помогла недостаточная способность последнего к акклиматизированию в тропическом поясе. Что нравственный момент не оказал им сколько-нибудь значительной помощи, видно уже из общераспространенного убеждения, что со времени европейского нашествия нравственность туземцев вообще ухудшилась. „Повсюду,—говорит Вайц об индейцах,—вообще, мы наталкиваемся на признаки быстро увеличившейся деморализации со времени появления белых, под их влиянием; и мы встречаем даже показания, что позднейший характер индейцев не имеет более никакого сходства с прежним“ ¹⁾. Не только в нравственном, но и в культурном отношении уровень цивилизованных индейцев в настоящее время очень невысок, так что, несмотря на то, что они удачно перенесли столь тяжелый кризис борьбы за существование, ничто не предвещает их дальнейшей живучести. Хотя местами (как, например, в Лос-Альтос) они и обнаруживают значительную энергию в промышленной деятельности, но вообще они склонны к лени, невежественны, легко опускаются и даются в руки более предприимчивым людям. Даже сравнительно столь высоко стоящие индейцы, как туземцы Гватемалы, склонные к занятиям ремеслами и промышленностью, находятся в полной зависимости от ладингов (смешанного племени, в руках которого сосредоточены все предприятия и торговля).

Хотя ладины,—говорит Морле,—и выше индейцев в умственном отношении, но их трудолюбие и даже нравственность ниже, чем у индейцев, с которыми ладины не имеют никаких сношений и к которым они относятся с величайшим пренебрежением. Удерживаясь в тропической Америке только вследствие своей большей приспособленности к перенесению местных климатических условий, индейцы, естественно, должны будут уступить натиску другой расы, которая окажется в состоянии соединить физическую выносливость с достаточным уровнем умственного культурного развития. Негры выполнить этой роли, очевидно, не в состоянии. Перевезенные в Америку с начала шестнадцатого столетия, они достаточно обнаружили свою способность уживаться с тяжелыми физическими и нравственными условиями, но в то же время они показали себя неспособными к сколько-нибудь самостоятельной политической жизни и к поддержанию необходимого в борьбе за существование уровня культуры. Замечательно, что доставление их в Америку, сделавшееся вскоре источником больших бедствий, было результатом одной из многих мер, вызванных чисто нравственными мотивами. Лас-Казас, соболезнуя о жалкой судьбе индейцев, предложил для облегчения их участи перевезти взамен их негров,—народ, особенно способный к самой тяжелой работе.

¹⁾ О характере нынешних перуанцев, их лживости и низости, см. у Вайца *Anthropologie d. Naturvölker*, IV, стр. 500.

Но вскоре, когда уже было поздно, он увидел, что от этого положение индейцев нимало не облегчилось, тогда как негры подпали под иго гнетущего рабства, и под конец своей жизни он горько разочаровался, извиняя свое заблуждение невозможностью предугадать насилий и презрения к человеческой жизни, обнаруженных работорговцами. Как ни тяжело рабское положение негров, но оно в конце концов оказалось для них менее пагубным, чем значительная степень самостоятельности и свободы. Это всего лучше доказывается примерами независимых негритянских государств, как, например, республики Гаити. Ограничив елико возможно европейцев, отняв у них права гражданства и владения землею, гаитянские негры приобрели возможно полную степень независимости, но в то же время опустились настолько, что все дела пришли в самое печальное положение. По словам одного члена комиссии, назначенной правительством Северо-Американских Соединенных Штатов для исследования вопроса о присоединении Сан-Доминго, в республике Гаити „не существует мануфактур, и правительство обанкротилось; дороги и мосты разрушены, города переполнены развалинами, мужчины живут трудом своих жен, как в их первоначальном отечестве—Африке“. Известно также, в какое печальное положение пришли освобожденные негры южных штатов. Известие об их вымирании подтверждается многими авторами, и самый факт не может быть подвергнут сомнению. Все сказанное свидетельствует, что будущность чернокожего племени в Новом Свете далеко не обеспечена, тем более, что оно и не может достаточно приспособиться к климатическим условиям многих частей тропической Америки. Так, например, известны данные о вымирании негров на Антильских островах (Буден) ¹⁾. Вероятнее всего предположение, высказанное не раз уже людьми, хорошо знакомыми с делом, что в будущей истории тропической Америки самое выдающееся место будет занято китайцами. Способность этого народа к приспособлению в этой части Нового Света доказывается многочисленными рабочими, ежегодно переселяющимися туда в значительном числе. Число их на Кубе доходило в 1861 году до 35.000. „Китаец как бы создан для того, чтобы тут процветать“,—говорит Рацель, автор самого лучшего сочинения о китайском переселении ²⁾. Общее положение расовой борьбы в Северной Америке слишком известно, чтобы о нем следовало подробно говорить в этом беглом очерке. Европейцы, поселившиеся там, безусловно сильнее испанцев, тогда как туземное население, наоборот, несравненно слабее индейцев испанской Америки. Целая треть его до сих пор не обнаружила никакой способности к оседлой жизни, а так как оно занимает хорошие, плодородные земли, привлекающие белокожих поселенцев, то судьба его уже теперь

¹⁾ Чтобы понять, „кто“ мешает неграм приобщиться к культуре, достаточно прочесть изданную Госиздатом книгу т. Маккея „Негры в Америке“, и тогда мы поймем, „почему негры показали себя неспособными к сколько-нибудь самостоятельной политической жизни“.

См. Кр.

²⁾ *Ratzel. Die chinesische Auswanderung. Breslau 1876, стр. 239.*

может считаться решенною; дикие племена индейцев (их считается более 80.000 человек) должны вскоре совершенно исчезнуть. Какие бы меры ни были принимаемы свыше, но, как уже это бывало сотни раз, слабое в борьбе за существование население не может быть поддержано искусственно против самых неразборчивых, часто жестоких средств, приводимых в действие поселенцами. В начале семидесятых годов вашингтонское правительство, пропитанное самыми гуманными намерениями, дало нескольким квакерам полномочия вступить в сношения с индейскими племенами и предпринять все, что только могло принести им пользу. Но эти миролюбивые люди тотчас же встретили непреодолимое препятствие со стороны поселенцев, которым было выгодно, чтобы поддерживались распри с туземцами, так как это давало им возможность делать поставки для войск и обманывать правительство (Globus, XVIII, 315). Теми или иными способами, во всяком случае, не сообразующимися с правилами даже самой снисходительной нравственности, белое население Соединенных Штатов быстро подвигается на запад, оттесняя и уничтожая неподдающиеся культуре краснокожие племена, и все более и более упрочивает свое положение на материке Нового света. Изумительно быстрое развитие Соединенных Штатов может служить нагляднейшим примером несовпадения успехов практической материальной культуры с преуспеянием высших проявлений человеческого духа. Рядом с неимеющим ничего равного прогрессом прикладного знания, промышленности и торговли Соединенные Штаты представляют сравнительно ничтожное движение в области искусства и теоретической науки. По мнению многих лиц, хорошо знакомых со страной, нравственность американцев стоит также на очень невысоком уровне. Я не стану приводить здесь, конечно, всем известные сенсационные рассказы о частую действительных, частью преувеличенных злоупотреблениях чиновников, печати и пр.¹⁾, но нахожу не лишним указать на следующие, точно констатированные факты, могущие пролить некоторый свет на занимающий нас вопрос. С 1860 по 1870 г.г. общее население Соединенных Штатов увеличилось на 22½%. Рассматривая увеличение по роду занятий, мы видим крайне неравномерное распределение. Успех земледелия выражается при этом 18%, промышленности—28%, торговли и доставки товаров—44%, так называемых свободных профессий, прислуги и поденщиков—5½%. Здесь особенно кидается в глаза чересчур большое увеличение людей, занимающихся торговлей и перевозкой товаров, т.-е. именно делом, нравственная сторона которого (как было показано в предыдущей главе) не отличается особенной высотой. Констатируя усиленный переход молодых американцев в города, официальный отчет статистического бюро в Массачузетсе (за 1871 г.) приписывает его, между прочим, стремлению разбогатеть, во что бы то ни стало (to put money in their pockets by fair means if they can,

¹⁾ Указаниями этого рода переполнены статьи об Америке в журналах *Ausland* и *Globus*.

but at all events to put it there, набить карманы деньгами, если можно—честными средствами, но во всяком случае во что бы то ни стало набить их). При этом следует иметь в виду, что на торговые предприятия бросаются, главнымшим образом, природные янки, считающие себя привилегированными, сравнительно с пришельцами из Европы. „Без являющихся извне рабочих американская почва не могла бы давать те богатые жатвы, которые необходимы для нас“,—говорит один из компетентных судей по части американской жизни ¹⁾. Что касается увеличения свободных профессий, то в этом отношении на первый план выступают (составляющие 23%) юристы и, главным образом, адвокаты, число которых в Соединенных Штатах доходит до 33.000, т.-е. слишком в шесть раз больше, чем в Германии (в последней один адвокат приходится на 8000 душ, а в Соединенных Штатах—на 1180). Как ни высока и прочна культура Соединенных Штатов, и как ни сильны поэтому ее представители—янки, тем не менее и им приходится сталкиваться на западе с элементом, в высшей степени приспособленным к борьбе за существование, и иногда даже уступать ему. Я имею здесь в виду тот же народ, который обнаружил, как было сказано выше, свою силу в борьбе с малайской расой, и которому предсказывают блестящую будущность в тропической Америке. Китайский вопрос занимает в настоящее время не только непосредственно заинтересованные штаты Америки, но о нем серьезно говорят и в Вашингтоне, и даже в Европе. Начавшееся с пятидесятих годов переселение китайских рабочих постепенно увеличивается (за исключением нескольких частных колебаний) до настоящего времени, так что их прибывает ежегодно около двадцати тысяч. Обратное течение значительно слабее, и потому в результате получается остаток более чем в сто тысяч, поселившийся, главным образом, в Калифорнии и преимущественно в Сан-Франциско. Сначала китайцы были приняты очень дружелюбно, как рабочие, незаменимые при постройке Тихо-океанской железной дороги и при других больших предприятиях. Но мало-по-малу они стали обнаруживать способность и не к одной черной работе и обратились к занятиям ремеслами и торговлей и вообще выказали такую силу в борьбе за существование, что переполошили все население западной Америки. Вскоре в Калифорнии образовалась антикитайская партия, настаивавшая и продолжающая настаивать на вмешательстве правительства, с целью ограничения китайской иммиграции и принятия самых строгих мер против китайцев. Послушаем, как формулирует свое оппозиционное мнение эта партия словами одной калифорнийской газеты („San-Francisco Chronicle“ от 17 и 21 марта 1876 г.) ²⁾. „Мы столько раз уже приводили доказательства того, что американский труд не может существовать рядом с кита-

¹⁾ Цитировано у Блока в Vierteljahresschrift für Volkswirtschaft, 1874, III, 176, у этого же автора заимствованы и предыдущие данные.

²⁾ Цитаты эти взяты из книги Рацеля, стр. 236. Главным же образом, при изложении китайского вопроса в Америке я пользовался сочинением Гибсона, „The Chinese in America“. Cincinnati, 1877.

ским, так как китаец живет как свинья, а американец хочет жить по-человечески. Китайский рабочий удовлетворяется ежедневно чашкой риса и двумя чашками чаю, тогда как американцу время от времени нужна говядина и баранина, и ему тяжело оставаться без хлеба и масла. Китаец может спать во всякой дыре, американцу же необходима постель. Китайцу не мешает, если вместе с ним спят еще двенадцать человек, американец же должен иметь такое же помещение для себя одного, или, в крайнем случае, еще для одного только товарища. Китайский рабочий не думает о женитьбе и обзаведении семейством, тогда как американцу чересчур тяжело лишиться этого. По этому поводу и возникает вопрос: следует ли желать дешевой работы, если она может быть получена не иначе, как ценою принижения нашего рабочего до уровня этих животных-язычников?" По поводу известия о прибытии парохода с новой тысячей китайских переселенцев та же газета говорит: "Что означает прибытие этих 1017 монголов? Это означает оттеснение 1017 белых мужчин и женщин от занятия, которым они теперь живут, так как доказано, что белая работа не может конкурировать с китайской", и т. д. Притеснения, вызванные подобного рода мнениями, должны были, естественно, вступить в коллизию с свободолюбивыми принципами законодательства Соединенных Штатов, и потому принятые калифорнийским правительством меры большей частью были отвергнуты в Вашингтоне. К тому же выгоды, доставляемые китайцами в качестве дешевых и хороших рабочих, ремесленников и прислуги, должны были заставить стать на их сторону большинство капиталистов и вообще многих влиятельных людей. В некоторых случаях предприниматели, заменившие китайских рабочих американскими, должны были снова обратиться к ним, так как они лучше выполняли принятые на себя обязательства. В результате, несмотря на все стеснения и антикитайские агитации, китайцам удалось утвердиться на американской почве и забрать в свои руки некоторые ремесла, как, например, башмачное, прачешное и др. Из западных штатов они частью потянулись и в восточные, где при усиленной фабричной деятельности им, быть может, предстоит сыграть немаловажную роль. До сих пор переселенцами из Китая являлись почти исключительно мужчины. В Америке насчитывается всего от пяти до шести тысяч китайцев, из которых значительное большинство—проститутки; в новейшее время, однакоже, у них замечается стремление к правильной семейной жизни; так, один только миссионер Гибсон в течение трех последних лет перевенчал около сорока пар по христианскому обычаю. Это явление бесспорно указывает на процесс усиленного приспособления и укоренения китайцев в Северной Америке, процесс, окончательный результат которого едва ли может быть с точностью предсказан в настоящую минуту. Опасения массового переселения китайцев в Америку высказывались большей частью с практической целью,—побудить правительство к принятию стеснительных мер, и вообще без действительной опасности такого наплыва американцами не были бы во-время приняты надлежащие охранительные меры, к тому же

не следует упускать из виду, что американцы и теперь обнаруживают значительную силу в борьбе за существование; при усилении же ее, хотя бы под влиянием китайской конкуренции, они могут еще более приспособиться. На это указывает, например, их изобретательность в деле придумывания средств, которые, не нарушая основ американской конституции, могли бы, сколь возможно, стеснять китайцев и делать им горькою жизнь в Соединенных Штатах. Так, например, городское управление Сан-Франциско, в виду привычки китайцев к скученной жизни, издало постановление, обязывающее, чтобы на каждого жителя приходилось в квартире не менее пятисот кубических футов пространства. Для надзора за этим оно нарядило ночные обходы, и китайцев, не исполнивших предписания, велело препроводить в тюрьму, где помещение оказалось вдвое теснее. С тою же целью и то же управление издало постановление, известное под названием „предписания о свиных хвостах“, по которому все арестанты мужского пола должны быть острижены почти под гребенку. Сделано это было в виду важного религиозного значения, которое китайцы придают своим косам. Если, с одной стороны, в настоящее время не может быть речь о нашествии китайских масс в Америку, то, с другой стороны, неправы те, которые не придают китайскому переселению в Соединенные Штаты никакого общественного значения. Во-первых, следует иметь в виду, что всякое приращение китайских рабочих препятствует соответствующему наплыву европейцев и, следовательно, удерживает их на прежних местах, увеличивая тем предложение труда на европейских рынках. Во-вторых, усиленная конкуренция с китайцами должна влиять на изменение уклада белых рабочих. Даже умеренные партии стоят в этом вопросе на точке зрения свободы конкуренции. Вот как, например, высказывается по этому поводу „New-York Times“, стоящая вообще в стороне от непосредственных столкновений с китайским вопросом. „Хорошо известно,—говорит эта газета,—что главнейшие возражения против китайского переселения исходят от ирландского населения. Непонятно, однакоже, почему бы следовало запретить Китаю, ближайшему соседу наших западных штатов, облегчать тамошнее отсутствие рабочих рук. Чуть только это переселение перестанет приносить пользу государству, то оно само собою прекратится вследствие недостаточной поддержки“. Еще резче высказывается в том же смысле Рацель. „Оппозиция белого чернорабочего люда против желтого переселения,—говорит он,—до сих пор есть не что иное, как зависть. Она только тогда могла бы иметь некоторое оправдание, если бы оппоненты обязались работать так же дешево и прилежно, как те конкуренты, вытеснение которых они проповедуют столь громкими фразами. Но в таком случае китайское переселение должно бы было прекратиться само собою. Их привлекает именно требование более дешевой работы, чем та, к которой привыкли американцы и европейцы“ (стр. 234). Выход из этого положения может состоять или в искусственном задержании китайской эмиграции что ввиду напора ее, с одной стороны, и

настоящего экономического положения страны, с другой—крайне затруднительно, или же в оказании большего противодействия со стороны самих рабочих, которым так или иначе пришлось бы развить в себе те свойства, благодаря которым китайцы оказались столь сильными в промышленной борьбе. Во всяком случае, сближение западных народов с китайцами, обусловленное отчасти усилением мировой торговли и сношений, отчасти же прекращением китайской замкнутости, должно усилить конкуренцию и, ввиду очевидной силы китайцев, влиять на большее или меньшее окитаизирование белых соперников, т.-е. на развитие в них тех именно сторон, которые и у китайцев образовались под влиянием тяжелых условий борьбы за существование в их собственном отечестве.

Встретившись с народом, обнаружившим особенную силу в борьбе за существование, мы, в интересах изучения этого явления, должны несколько долее остановиться и попытаться ответить на вопрос: чем именно обязаны китайцы тому, что они так успешно ведут конкуренцию с самыми различными народами и при самых разнообразных внешних условиях? Прежде чем приступить к этому, нужно еще несколько обстоятельнее изобразить картину китайской борьбы, так как только тогда мы составим себе надлежащее понятие о степени силы этого замечательного народа. Более четырех тысяч лет назад в северо-западной части нынешней Китайской империи возник небольшой, быть-может, всего из ста семейств состоявший, черноволосый народ „пе-зинг“, начавший с того времени постепенно разрастаться и расширять свои владения, которые через тысячу лет дошли до берегов Южно-Китайского моря. В конце двенадцатого века до Р. Х. Срединное царство занимало еще только четвертую долю своего нынешнего пространства. Внутри империи рядом с китайцами жило еще множество варварских народов, номинально признававших китайскую власть и только мало-по-малу терявших свою самобытность. Китайцы действовали против них не вооруженною силою. Они никогда не были воинственным народом, не отвоевывали земель и не поработали своих противников, а постепенно, так-сказать, всасывали их в себя, побуждали их мирными средствами безвозвратно сживаться с собою. Увеличение китайских владений продолжалось и в более новые времена: так, они в половине тринадцатого века после Р. Х. приобрели самую южную провинцию Юн-нань, а Формозой завладели только в конце семнадцатого столетия. Способ, посредством которого китайцы упрочиваются на этом острове, может дать некоторое понятие и о ходе их мирного завоевательного процесса вообще. Они начали с того, что построились на обращенной к материку части западного берега и отсюда стали понемногу распространяться в другие стороны. Во внутреннюю часть острова они стараются проникать с чрезвычайной осторожностью; вполне же владеют они и теперь только западной половиной острова, где они упрочиваются, главным

образом, при помощи терпения и хитрости; только в случаях, когда условия представляются особенно благоприятными, они по временам оттягивают новый кусок земли у диких туземцев. Так как равнины уже заняты прежними переселенцами, то новые китайские пионеры стараются прежде всего купить себе клочок земли, при чем „действие убеждением есть их любимый прием“. Только в самых исключительных случаях китайцы сами прибегают к насилиям, — они предпочитают нанимать дружественные им племена для защиты от враждебных и нередко женятся на туземных женщинах для того, чтобы они могли выполнять роль мирных посредниц. Таким образом китайцы достигли того, что население их на Формозе дошло до четырех миллионов, и что туземцы стали отодвигаться все глубже и глубже.

Китайцы подпали под власть монголов, и теперь ими управляет манджурская династия, но и Монголия и Манджурия постепенно все более и более китаизируются. Завоевание Китая манджурами тотчас же послужило поводом к переселению китайцев в Манджурию, и в результате получилось быстрое вымирание манджуров и переполнение страны китайцами. В Монголии китайцы значительно подвигаются вперед, постепенно заглаживая плодородными землями, и уже теперь легко предвидеть, что „не в очень отдаленном будущем вся пригодная к возделыванию земля Монголии перейдет в китайские руки“ (Рацель). Далеко перейдя за пределы пресловутой китайской стены и сплывая все более и более всю Небесную империю в одно целое, китайцы, как мы отчасти уже видели выше, легко уходят из своего отечества и вступают в борьбу за существование нередко с совершенно для них новыми народами. Значительная часть Азии с давних пор сделалась таким поприщем китайской деятельности. Западная часть Индо-китайского полуострова в короткое время наводнилась китайцами, так что древние буддийские колонии, Сиам и Камбоджа, вскоре превратились в полукитайские государства. Япония и Малайский архипелаг привлекли к себе также значительное число китайских торговцев, прочно утвердившихся даже в таких местах, как, например, на Яве. Они успели проникнуть и в столь густо населенные места, как, например, Ост-Индия, где они завладели уже некоторыми ремеслами; так, например, в Калькутте около девяноста процентов сапожников — китайцы. На Филиппинских островах они утвердились, несмотря на всевозможные притеснения и преследования со стороны испанцев, и все предсказывает им там блестящую будущность. Известный путешественник Ягор думает, „что они современем как на Филиппинских островах, так и в других странах Великого океана вытеснят все посторонние элементы или же образуют плодовые расы метисов, которым они все-таки передадут свои особенности“ (цит. у Рацеля, 134). Особенно важная роль выпала на долю китайцев в Сингапуре, где девять десятых всех торговых операций находятся в их руках, и где они завладели не только мелкой, но и крупной торговлей и, кроме того, самыми разнообразными ремеслами. Как банкиры и менялы, они не имеют

себе равных. Китайская колония в Сингапуре замечательна еще по тому, что в ней китайцы обнаруживают всего меньшую охоту к возвращению на родину. Многие из них женятся или на приезжающих китайках, или же на малайских женщинах. В 1859 году из пятидесяти тысяч китайских колонистов было уже 3.248 китайок (Рацель, 202). Хотя главное китайское движение в Азии за пределы своей империи и направлено по преимуществу на юг, тем не менее некоторая часть китайцев переселяется и на север, в наши азиатские владения. Так, например, они частью поселились в Амурском крае, где занимаются хлебопашеством, огородничеством (между прочим, разведением жень-шеня) и, разумеется, торговлей. В некоторых местах они утвердились столь прочно, что, по словам полковника Венюкова, „присутствие манджуров и китайцев на левом берегу Амура, близ Благовещенска, вероятно, на долгое время будет задерживать руссификацию в этой местности“. С некоторых пор в Амурском крае появились и китайские рабочие, нанятые в самом Китае; в Забайкальскую же область стали приходить китайские торгаши, расплодившиеся, между прочим, и в Иркутске. Из внеазиатских стран китайское переселение, кроме Америки, совершается в значительной степени еще в Австралию и в меньших размерах в Полинезию. В Австралии они расходятся из трех пунктов: южного (Виктория), восточного (Квинсленд) и северного (Порт-Дарвин). За последние годы особенно усилился наплыв их в золотые россыпи Квинсленда, где из 15.000 рабочих — 14.000 китайцев. Европейские колонисты пришли в ужас от такого быстрого увеличения китайской эмиграции и настояли на принятии стеснительных мер. Местный парламент с этой целью значительно увеличил пошлину на рис, главную пищу китайцев, и, кроме того, увеличил плату за право высаживания на берег для китайских приисковых рабочих и купцов. Последняя мера, впрочем, была отвергнута английским правительством, что вызвало в колониях большое недовольство и формальный протест ¹⁾. Из полинезийских островов, Таити и Сандвичевы острова, главным образом, привлекают к себе китайцев ²⁾. На Таити они появились впервые в 1856 году. Это были приисковые рабочие и различные ремесленники, бежавшие из Австралии вследствие дурного обращения с ними. Получив право высадиться на острове, они скоро уже образовали маленькую китайскую колонию, занявшись, главным образом, мелочной торговлей. Кроме того, были выписаны китайские кули для работ на плантациях, которые у них, по обыкновению, пошли вполне удовлетворительно. О привлечении китайских рабочих в Англию и Германию, как о средстве к прекращению стачек, уже не раз поговаривали предприниматели в Лондоне и Берлине, но, разумеется, вряд ли когда-либо им удастся исполнить это пред-

¹⁾ Ausland, 1877, № 42, p. 839.

²⁾ Кроме того, они появились в Ново-Каледонии на Салиганских островах и в Ново-Зеландии, где число их в 1874 г. составляло 4828 (*Behm und Wagner, Bevölkerung der Erde*, 1846, № 14, p. 53).

положение. Теперь и наука (по крайней мере, в Германии катедер-социалисты) начала восставать против расовой равноправности и против неограниченной свободы иммиграции чуждых европейцам племен. Несравненно вероятнее наплыв в ближайшем будущем китайцев в Африку. В 1875 году была сделана первая попытка добыть китайских рабочих на мыс Доброй Надежды, и Франсис Гальтон высказывает убеждение в необходимости заселения Африки китайцами в самых обширных размерах, так как, по его мнению, только этим путем можно сделать эту большую страну вполне доступной культуре. Один из известнейших новейших путешественников по Китаю, аббат Давид, смотрит чрезвычайно серьезно на силу китайцев в конкуренции. Он считает необходимым для европейцев усиленное распространение знаний между китайцами, так как, вооруженные ими, китайцы сделаются еще более опасными; он думает, что „этому неисчерпаемому муравейнику“ следует предоставить Азию, Малайский архипелаг и Африку, но что, по крайней мере теперь, с тем большей энергией необходимо воспрепятствовать его наплыву в Европу и Америку. Необходимо иметь в виду удивительную способность китайских переселенцев, несмотря на изумительную приспособляемость к новым условиям, сохранять тем не менее свои характерные особенности. Все путешественники в один голос утверждают это и говорят, что китайские кварталы в Сан-Франциско, Мельбурне, Батавии и др. городах представляют совершенно тип городов Небесной империи. Некоторые китайцы начинают в Калифорнии перенимать европейские обычаи, т.-е. меняют одежду и некоторые формы, но в сущности остаются теми же китайцами. Хотя они вообще весьма несклонны допускать никакого поползновения к приобретению чисто научных познаний, тем не менее они с большой охотой и легкостью принимают многие практические сведения и приемы и только благодаря этой способности становятся в короткое время опасными конкурентами для европейских ремесленников. (Несколько характерных примеров этого было приведено Диксоном в его книге о борьбе рас в Америке). Император Юн-Чанг, допуская европейских миссионеров в Китай, объявил, что он это делает не потому, чтобы считал их религию хорошей, а только потому, что они знают астрономию и математику и полезны правительству для исправления календаря. За последние годы китайцы сделали большие успехи в военном отношении, пригласив европейских офицеров для устройства армии и укреплений, которые у них буквально переполнены крупновскими пушками (Globus, 1873, 105).

Переходя теперь к причинам, вследствие которых китайцы так сильны в борьбе за существование, необходимо сказать несколько слов об участии в этом соматического элемента. Хотя в науке еще не существует удовлетворительного материала для суждения о физической приспособляемости китайцев, но, судя по всему, что известно в этом отношении, способность эта у них чрезвычайно высока. Как мы видели выше, они распространились

на огромном пространстве, включающем и суровое в климатическом отношении Забайкалье, и тропические, и экваториальные страны. Относительно физической, т.е. мускульной, силы они оказались не особенно одаренными ¹⁾, но зато они выигрывают вследствие способности к очень продолжительной работе. Во многих местностях, куда переселяются китайцы, была замечена их чрезвычайная „сила крови“, т.е. усиленная наследственная передача их физических и душевных особенностей при скрещивании с другими расами. Дети от китайских отцов с малайскими, манджурскими, испанскими и др. женщинами гораздо более похожи на китайцев, чем на своих матерей (Рацель, стр. 71, 135 и 262). Рядом с такой физической одаренностью, китайцы представляют целый ряд душевных свойств, влияющих на их силу в борьбе. Во-первых, они отличаются, как уже было упомянуто несколько раз, чрезвычайной умеренностью в пище и других потребностях и замечательным трудолюбием. Они работают долго и усидчиво и не брезгают никакой работой, лишь бы она была оплачиваема. В Калифорнии они монополизировали некоторые женские специальности, как, например, мытье белья и уход в доме за детьми. Во-вторых, китайцы в высшей степени уживчивы и потому легче многих других народов переносят притеснения и нарушения прав ²⁾. Эти качества следует бесспорно отнести к числу нравственных, хотя в их ряду трудолюбие, умеренность и выносливость занимают одно из высших мест, так как они (особенно в данном случае) направляются для целей личной жизни. К числу более высоких нравственных качеств должна быть отнесена солидарность китайских переселенцев, вследствие которой они, в случае нужды или несчастья, оказывают друг другу помощь ³⁾. Но, с другой стороны, не следует упускать из виду того, что в борьбе за существование они очень неразборчивы на средства и постоянно прибегают к таким, которые, как в глазах европейской, так и китайской морали, признаются безнравственными. Выше я имел уже случай сослаться на пример опутывания монголов долгами со стороны китайских купцов; подобных примеров можно привести целый ряд. Говоря о противозаконной иммиграции китайцев в Монголию, Рацель, ссылаясь на Вильямсона, говорит: „эти простодушные люди (монголы) не доросли до китайской хитрости“ (стр. 88). И далее: „эта борьба хитрости с наивной, не сознающей самое себя первобытной силой дикаря, может показаться не особенно утешительным зрелищем, но на результаты ее нельзя не смотреть, как на прогресс“ (89). С помощью таких же приемов борются китайцы и в

¹⁾ Измерения ручной силы, произведенные антропологами фрегата „Новары“, показали, что китайцы в этом отношении занимают предпоследнее место. См. *Reise der öst. Fregatte „Novara“, Anthropol.* Theil, 867, 219.

²⁾ Китайцы не раз пытались не „переносить притеснений и нарушения прав“, но „нравственные“ европейцы всегда на это отвечали потоком и разграблением. Вспомним боксерское восстание, китайскую революцию и теперешнюю гражданскую войну и участие китайцев в нашей революции.

³⁾ *Reise der Freg. „Novara“, Volksausgabe, II, 545.*

Манджурии с ее „простодушными и добродушными“ туземцами. „Как всюду, где господствует мир, — говорит Рацель, — так и в Манджурии китайцы находятся в сильной степени процветания, вытесняя прежних обитателей с помощью хитрости и трудолюбия“ (стр. 80). Вот как описывает испанский историк Суньига китайских переселенцев на Филиппинских островах: „На одного, посвящающего себя земледелию, появлялась тысяча всевозможных купцов, торговавших чрезвычайно ловко. Они употребляли фальшивые меры и весы и до неузнаваемости фальсифицировали всевозможные товары, как, например, воск, сахар и др. Они вели себя настоящими ростовщиками, следя внимательно за потребностями народа и спросом на различные товары, которые они удерживали до тех пор, пока им не давали требуемую ими высокую цену“ (цит. у Рацеля, 134). Один из новейших путешественников по островам Тихого океана, граф Пемброк, указывает на эксплуатацию таитян китайцами и замечает по этому поводу следующее: „обе расы представляют резкий контраст, азиатец всегда перехитрит простодушного полинезийца. Само собой разумеется, что качества, оказывающиеся столь пригодными для борьбы китайцев с другими народами, были выработаны и развиты первыми во время их многовековой борьбы у себя дома“. „Невероятная бережливость времени, места и материала, — говорит Ягор, — которая могла развиваться только у такого перенаселенного народа, как китайцы, постоянно с новой силой бросается в глаза путешественнику“. И в самом деле, характер китайца, всю жизнь остающегося в Небесной империи, совершенно такой же, как и у эмигранта. Вот как описывает первого Пешель. „Китаец соединяет в себе все, что нужно, чтобы при условиях беспрепятственного развития привести к быстрому перенаселению; он нежный отец, считающий благословение детьми за величайшую радость ¹⁾, умерен до крайности, образцово бережлив, неутомим как работник, не знает праздника и в торговом деле хитрее грека. Уже дети занимаются коммерческими делами; торгашество и отдача денег под залог — их любимые игры“. По словам знаменитого путешественника Гюка, отзыв которого был много раз подтверждаем различными наблюдателями, китаец совершенно поглощен временными интересами и материалистичен в обычном смысле слова. „Нажива составляет единственную цель, к которой постоянно устремлен его взор. Жгучая жажда к получению прибыли, какой бы то ни было, поглощает все его способности и всю энергию“. Коммерческий дух развит у него в сильнейшей степени. Капитала в несколько копеек уже бывает достаточно для него, чтобы начать какое-нибудь маленькое дело, при чем обыкновенно пускается в ход ловкое плутовство, столь свойственное китайцу. Все это указывает на то, что китайский характер есть прототип практического характера, а это уже достаточно объясняет, почему китайцы оказались столь сильными в борьбе

¹⁾ С первого взгляда это может казаться ошибочным ввиду нередкого детского убийства в Китае.

за существование. Перевес как в индивидуальной, так и в общественной борьбе должен выпадать именно в пользу более практической стороны, так как практичность и есть не что иное, как способность во что бы то ни стало достигнуть желаемого результата. Отсюда понятно, что у китайца умственная сторона должна представляться наиболее выдающейся чертой характера. Дрэпер приписывает прочность Китая тому, что „политическая система его стремится достичь соответствия с тем физиологическим условием, которое руководит всеми социальными усовершенствованиями, — она стремится дать господствующий контроль уму“. Некоторая степень умственного образования, как известно, составляет достояние каждого китайца при столь распространенном элементарном обучении. Нравственный уровень стоит у них бесспорно на более низкой ступени. По меткому выражению известного государственного человека Америки, Сьюарда, „китайская нравственность обращается не к суду совести, а к правилам приличия“. Рацель, не имевший, правда, случая наблюдать китайцев в их отечестве, но добросовестно изучивший литературу о них, жалуется на отсутствие у них идеалов и говорит, что „они лишены того высокого нравственного стремления, которое переходит за пределы соображений минутной пользы и ищет правды ради нее самой“. Китайцы самостоятельно выработали очень развитое нравственное учение, которое во многих отношениях не ниже наших самых возвышенных нравственных взглядов, но которое в то же время заключает и корни практичности, столь свойственной китайскому мирозерцанию. Так, например, во второй из четырех основных книг китайской философии и морали (Тчун-Юнг, или неизменность в середине, — книге, приписываемой внуку и ученику Конфуция — Тесу-ссé) проводится принцип, что человек высшего достоинства „сообразуется с обстоятельствами, чтобы оставаться на середине“¹⁾, и проповедуется, что будут ли всемирные заповеди исполняться по естественному побуждению и без усилий, или же имея в виду извлечь из того личную пользу и выгоду, или же они будут исполняться с трудом и усилиями, но если раз человек выполняет похвальные дела, то результат во всех случаях одинаков. Не следует забывать, разумеется, что между нравственным учением и нравственностью, т.-е. нравственным поведением, еще существует большая разница, которая именно и замечается так часто среди китайцев. По словам Гюка, „если китаец и читает книги нравственного и религиозного содержания, то не иначе, как в виде отдыха и развлечения, с целью препровождения времени“ (I, 174). Религиозный индифферентизм китайцев есть факт общеизвестный и проявляется в их жизни на каждом шагу. Когда испанцы, в видах противодействия китайским эмигрантам на Филиппинских островах, издали постановление, что только христиане могут жениться на туземных женщинах, то китайцы без малейшего труда принимали христианство, но, разумеется, номинально. Ки-

¹⁾ Я цитирую по переводу Потье, в 1853 г. изд. в Париже, стр. 68 и 84.

тайский император Манг-Чинг (начала прошлого столетия) издал комментарии на речи своего отца, в которых он предостерегает от ложных сект и осуждает все разбираемые им религии. Он шутит над непрерывным повторением молитв буддистами и говорит по этому поводу: „Если вы, провинившись, будете тысячи раз кричать перед судьей „ваше превосходительство“, то неужели вы думаете, что он вас за это простит? Ваш бог Фо—презренный, если он осуждает за то, что ему не подносят взятки на алтари и не жгут в честь его бумаг, и пр.“. Наш знаменитый синолог, проф. Васильев, высказывается следующим образом: „На Востоке (т.-е. собственно в Китае) вовсе не имеют того понятия о привязанности к религии, которое мы встречаем на Западе—там люди живут не сердцем, а житейскими нуждами“ ¹⁾. Неудивительно, что при таком исключительно практическом направлении искусство в Китае не могло подняться на высокий уровень развития. Послушаем в этом отношении специалиста по истории искусства. „Вкус китайцев,—говорит Шнаазе,—не имея возвышенного направления, производит, главным образом, работы, отличающиеся внешней искусственностью. В некоторых отраслях художественной техники китайцам принадлежит заслуга, как авторам важных технических изобретений (из которых некоторые сделаны ими в незапамятные времена) и как искуснейшим и до настоящего времени исполнителям; уже в третьем веке до Р. Х. они занимались отливкой металлов, обработкой шелка и различными видами тонких глиняных изделий. Но рядом с этими и другими, возбуждающими удивление техническими искусствами, тем резче выступает недостаток истинно-художественного дарования. В их постройках мы видим принцип декоративной обоейной пестроты, внешним образом примыкающий к свайным постройкам и шатрам первобытных народов; в скульптуре и живописи окостенение их фантазий допускает только тощие копии с натуры или безобразные отклонения от нее. Исследование этого явления, само по себе очень интересное, относится поэтому скорее к этнографии, чем к истории искусства; да и для истории культуры в обширном смысле оно далеко не необходимо, так как, вращаясь, главным образом, в сфере технической и материальной цивилизации, нося на себе характер законченный и эгоистический, оно осталось без заметного духовного влияния на другие народы ²⁾.

¹⁾ О движении магометанства в Китае, в годовичном акте Ленинградского унив. 1867, 24. Проф. Васильев высказывает предположение, что китайцы, сделавшись магометанами, потеряют и свой индифферентизм. Но предположения эти до сих пор не оправдываются. По крайней мере, один из новейших путешественников, аббат Давид, говорит в 1875 г.: „Китайские магометане вовсе не заражены фанатизмом западных мусульман; их религия сводится к небольшому числу догматических положений, к обычаю обрезания и воздержания от свинины. Они читают Коран по-арабски, ничего в нем не понимая“. „Journal de mon troisième voyage dans l'empire chinois I, 136.

[Точно в Европе и в России 70 л. тому назад правящие круги жили сердцем, а не житейскими нуждами. Русское крестьянство помнит, как под видом освобождения оно подверглось ограблению со стороны этих „сердечных“ людей. См. Кр.]

²⁾ Geschichte der bildenden Künste, 1866, I. стр. 60, 61.

Познакомившись в общих чертах с китайским характером, необходимо взглянуть и на внешние условия, при которых он складывался и развивался. Как ни разноречивы показания о величине китайского населения, тем не менее нельзя сомневаться, что оно местами очень густо. Этим объясняется целый ряд явлений китайской жизни, как, например, детоубийство, переселение, множество кули, отдающих себя почти в рабство за возможность заработать кусок хлеба, и т. п.¹⁾ К тому же, факт густого населения крайне вяжется с некоторыми сторонами народного характера, как, например, с крайней бережливостью и умеренностью. Китай может считаться страной с сравнительно равномерным распределением богатств. В нем мы не встречаем сосредоточения крупных капиталов в руках немногих, равно как и особенно крупных промышленных и земледельческих предприятий (Рацель, 49). Земля также распределена сравнительно очень равномерно. Она, как известно, раздроблена на чрезвычайно маленькие участки, составляющие достояние множества мелких собственников. Хотя закон и не ограничивает количества скупаемой земли, тем не менее крупные землевладельцы очень мало, да и те владеют мелкими участками в разных местах, потому что наибольшая часть таких владельцев приобрела земли покупкою у частных лиц (Иакинф, Китай, I, 43). На раздробление земель в Китае имел в значительной степени влияние с давних пор вошедший в употребление обычай делить землю поровну между всеми сыновьями²⁾. Вообще аграрный вопрос в Китае представляется в высшей степени интересным как момент, игравший существенную роль в развитии того практического характера, который оказался столь сильным в борьбе за существование. При династии Чэу (в XII столетии до Р. Х.) была сделана со стороны правительства крупная попытка к равному распределению земель, которые были (еще ранее того) разделены на хорошие, средние и дурные. Первой давали каждому семейству по сто, второй—по двести, третьей—по триста му. „Существенная цель такого раздела земель,—говорит отец Иакинф,—кроме уравниения поземельного налога и земельных повинностей, состояла в том, чтобы не было в государстве ни чрезмерно богатых, ни чрезмерно бедных, т.-е. нищих и бродяг, чтобы жители, привязанные к оседлости законом, без крайней необходимости не могли оставить своего местопребывания и чтобы, работая под непосредственным надзором начальства, не могли предаваться лени и праздности“ (Китай, III, 97, 98). Но эти учреждения стали мало-по-малу расшатываться, так что при следующей династии Тзинь они могли уже быть вовсе устранены, и взамен их впервые возникла в Китае частная собствен-

¹⁾ Автор одной интересной экономической статьи о Китае, д-р Марон, считает мнение о перенаселении Китая чистой выдумкой. Но доводы его не подтверждают этого отрицания. Он говорит, например, об отсутствии в Китае излишка рабочей силы, в то время, как оттуда ежегодно выселяется от 30 до 120 тыс. взрослых работников. См. *Ratzel*, стр. 257.

²⁾ Об этом, равно как о сравнительном равенстве в Китае вообще, см. *Girard*, *France et Chine*, 1869, I, 127—129, 210 и след.

ность. При этом, разумеется, более богатые и влиятельные люди захватили множество лучших земель, тогда как бедняки, лишившись последнего клочка, должны были разбрестись в разные стороны. „Отсюда родилось бродяжничество, праздность, леность, воровство, обманы, разорительные тяжбы о землях, разные пороки в народе, разные беспорядки в управлении, и это зло в короткое время столь умножилось, что самый виновник оного, государь Тзинь-ши-Хоангть, принужден был из бродяг и негодяев составить огромное ополчение и отправить для завоевания нынешней губернии Гиан-дун“ (Иакинф, III, 99). Подати при таких условиях сделались в высшей степени обременительны, и во всех концах государства стали раздаваться жалобы. Многие государственные люди и писатели начали обдумывать меры к устранению зла и с этой целью стали требовать восстановления прежней формы землевладения, т.е. нового, основанного на равноправности, передела земель. Впрочем, нашлись и противники подобного мнения: защищая богатых указаниями на их разнообразные заслуги, один из таких противников старался выдвинуть на первый план положение, что „зло заключается не в существовании общественных или частных полей, а в том, что нет никакой возможности устранить бедность“. Между крайними партиями возвысила свой голос и примирительная, согласившаяся на сохранение частной собственности, но требовавшая ограничения ее расширения определением максимума поземельной собственности и, кроме того, настаивавшая на необходимости принять меры против усиленного раздробления. В этом смысле было дважды сделано представление (в 122 и 20 г. до Р. Х.), и правительство оба раза оказывалось вынужденным уступить общему сопротивлению землевладельцев. Зло тем временем сильно возросло и привело, наконец, к крупному государственному перевороту. Министр последнего императора первой ханьской династии Ванг-Манг, человек в высшей степени решительный и энергичный, велел отравить малолетнего государя, посадил вместо него на престол двухлетнее дитя, но вскоре свергнул его и объявил себя императором в 9 м году нашей эры. Он велел сделать опись имущества богатых, начиная с мандаринов, у которых оказалось несравненно большее состояние, чем можно было ожидать. Он оставил им только пятую долю, а остальные четыре--продал, для того, чтобы вырученные деньги могли быть употреблены на государственные нужды. Кроме того, Ванг-Манг издал следующее постановление: „Вся земельная собственность страны принадлежит императору; ни один подданный не имеет права на землю свыше одного цина (около 6 десятин); продажа земли воспрещается для того, чтобы каждый мог сохранить источник для пропитания; земли, которых после этого закона окажется слишком много, отойдут в казну и будут разделены по деревням, смотря по надобности. Тот, кто усумнится в мудрости этих правил, будет изгнан; того же, кто их нарушит, постигнет смертная казнь“¹⁾. Ванг-Манг не

¹⁾ См. интересную статью *Сахарова* о землевладении в Китае, напечатанную в I томе „Трудов русской миссии в Пекине“.

отступал перед крайностями. Щедрый по отношению к народу, он не щадил жизни людей, не следовавших его политике. Были дни, когда он казнил по несколько сот человек за то, что они не оправдали его узурпаторства. Учреждения, введенные так внезапно и притом в сопровождении таких насилий, оказались недолговечными: через три года после издания своего постановления Ванг-Манг должен был взять его обратно. Для того, чтобы утвердить свою власть и с целью подавления племен, восставших при известии о низложении ханьской династии, он снарядил военные экспедиции, высосавшие множество денег и отразившиеся крайне тяжело на благосостоянии народа. Увеличение налогов и пошлин возбудило всеобщее неудовольствие, выразившееся в восстаниях, которые быстро разрослись и привели к установлению прежней династии. Ванг-Манг был задушен и разрезан на куски; голова его, выставленная на площади, сделалась целью для метания стрел со стороны толпы. При последующих династиях аграрный вопрос сосредоточился исключительно на приискании гарантий к ограничению расширения частной земельной собственности и притом без требования безденежной отдачи излишка. Об уничтожении личного владения уже не было и речи. В 485 году нашей эры „Сяо вынь-ди первый имел некоторый успех в восстановлении уравнивания в северном Китае. Не отнимая земель у владельцев, он постановил земли, оставшиеся без наследников, и земли конфискованные превращать в государственное имущество и раздавать землепашцам в пожизненное владение, и касательно владельческих земель ограничил законом количество, которым каждому можно владеть по его состоянию. С сею целью допустил продажу излишних земель, а покупку излишних против законного количества и продажу казенной земли, в надел данной, безусловно запретил“ (Иакинф, III, 101). Так как главная цель этих постановлений состояла в устранении нищенства, то прежде всех землею наделяли бедных, а потом уже давали и богатым. Но эта мера не пережила своего основателя, и действие ее прекратилось после смерти Сяо-вынь-ди. После того было еще несколько попыток в этом же роде. В первой половине седьмого столетия император Тхай-цзун ввел уложение о наделении крестьян подушными и потомственными землями. „Бедным и отправляющим земские повинности давали землю прежде других. Но в непродолжительном времени тот же государь принужден был уничтожить свой закон“. В 954 году еще государь Ши-цзун пытался ввести уравнительное разделение земель, но землевладельцы сильно воспротивились его установлению. „Таким образом,—замечает отец Иакинф,—в продолжение десяти веков все усилия правительства утвердить ограничивающий закон были тщетны; почему дом Гинь, вступивший на престол империи в 1115 году, произвел только измерение земель и определил поземельный налог по качествам почвы, не входя в разбор, кто владел землями“ (стр. 104). Около полвека до этого последнего постановления совершилось явление, само по себе очень интересное в истории социального движения в Китае. Я имею в виду попытку реформы

со стороны Ванг-Нган-шэ, государственного человека, достигшего почти неограниченной власти, сделавшегося самым приближенным лицом императора Шен-цунга. Умный, образованный, красноречивый Ванг-Нган-шэ умел придать вес каждому своему слову и вербовать партизанов в свой лагерь. Но в то же время он был крайне честолобив и считал все средства законными, когда дело шло об исполнении его намерений; человек гордый и полный чувства собственного достоинства, он относился с уважением только к тем, кто разделял его взгляды ¹⁾. Добившись власти, он восстановил бывшие еще во времена династии Чеу учреждения для контроля над торговыми сделками, для назначения такс в широких размерах и пошлин, которые взимались только с богатых. Деньги, выручаемые из этого источника, шли в сохранную кассу императора, который распределял их между беспомощными стариками, бедными, рабочими, не имевшими работы, и пр. Кроме того, Ванг-Нган-шэ учредил особые инстанции, на которых лежала обязанность распределять семена для засеивания пустошных земель и раздавать эти земли поселянам, с условием, чтобы последние возвращали в виде семян или других продуктов стоимость выданных им ценностей. Для того же, чтобы все земли в государстве приносили доход, смотря по их качеству, чиновники этого учреждения решали, какими именно сортами растений следовало засеивать данную землю и сообразно с этим они выдавали семена, которые должны были быть возвращаемы только по снятии жатвы. Эти реформы вызвали уже некоторое неудовольствие в империи, но оно приняло серьезные размеры, когда Ванг-Нган-шэ изменил форму экзаменов и для объяснения книг (пяти священных книг) велел принять написанные им самим комментарии, а для объяснения знаков—держаться смысла, приданного им в составленном им всеобщем словаре. Против этих нововведений поднялась целая буря со стороны министров, мандаринов и прочих сильных людей, но ничто не могло поколебать доверия со стороны императора и умалить власти, которой пользовался Ванг-Нган-шэ. Последний настойчиво преследовал свои планы реформ и с этой целью удалил многих сановников, а некоторых из них отправил в ссылку; вместо них он выдвинул своих приверженцев, большею частью людей совершенно новых на служебном поприще. Так шло дело до смерти Шен-цунга. После него реакция немедленно восторжествовала; императрица-регентша вполне доверилась одному из самых энергичных и талантливых противников реформ прежнего царствования—знаменитому писателю Ссе-ма-куангу, который в короткое время разрушил неупрочившиеся еще нововведения Ванг-Нган-шэ. Смещенные чиновники снова вернулись на свои места, и дела вошли в свою прежнюю колею ²⁾.

¹⁾ Таким изображает его Амио в *Mémoires concernant les Chinois*, т. X, 1784, стр. 33.

²⁾ В высшей степени интересное изложение этих событий находится у Амио, к которому я и отсылаю читателя. Я не счел уместным останавливаться подробнее на этой странице китайской социальной истории, так как это не соответствовало бы общему характеру статьи.

Вывод, к которому приводит сообщенное в главных чертах исследование о борьбе за существование в человечестве, имеет, особенно с первого взгляда, много общего с известным положением Бокля, что в деле цивилизации решающим и главным моментом является всегда интеллектуальное развитие. В самом деле, подходя к вопросу с двух сторон, мы должны были убедиться, что роль нравственного момента в борьбе за существование несравненно ограниченнее и подчиненнее, нежели умственного. На это прямо указывают и факты человеческой борьбы и соображения о непрочности этических оснований. „Существенные начала нравственности были известны много тысяч лет назад, и ни одной иоты, ни одного параграфа не прибавили к ним все проповеди, поучения и афоризмы, какие только могли произвести теологи-моралисты“ (I, 135). Но разве решение вопроса о том, кто те „другие“, которым нужно делать добро, не составляет подвижного элемента в морали, и точно все равно, будем ли мы распространять добро только на своих соплеменников или же и на чужих людей, на представителей другого народа, другой расы и, наконец, на животных? Следовательно, развитие нравственного чувства есть факт, наблюдаемый как в истории народов, так и в истории отдельных людей. Неверно также, будто в историческом процессе цивилизации незаметно влияние нравственного момента. Если бы Бокль взял пример из области литературы, искусства и чистой науки, то он увидел бы, каким двигателем являлось в них нравственное чувство. С этой стороны ему также были приведены довольно веские возражения. Различие между основным положением Бокля и главным выводом, вытекающих из представленного читателю материала, заключается в том, что ограниченную роль нравственного момента следует признать только как орудия к победе в деле борьбы за существование, которая в крупных формах выражается в виде промышленной конкуренции и соперничества народов, а не во всем процессе цивилизации. Литература и искусство, составляющие столь существенную сторону цивилизации и так тесно связанные с нравственным развитием, отступают на задний план в обыкновенных формах борьбы за существование. Отсюда понятно, что народы, крайне неразвитые с этих точек зрения, могут оказаться несравненно сильнее, чем народы, стоящие гораздо выше их в этом отношении. Мы приходим, таким образом, к необходимости расчленить то сложное целое, которое называется цивилизацией, на две большие группы, следуя в этом отношении Гизо. „В цивилизации,—говорит он,—заключены два главных факта, она существует при двух условиях и обуславливается двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, прогрессом общества и прогрессом человека“ ¹⁾. Первый из этих элементов обнимает собою гражданина и экономическое развитие и вообще то, что называют часто термином „материальная культура“; второй же заключает „развитие жизни индивидуальной, внутренней,

¹⁾ История цивилизации в Англии. Перевод Арсеньева, стр. 16.

развитие самого человека, его способностей, чувств, идей" и выражается в литературе, науке и искусстве. Хотя Гизо и указывает на то, что есть „много государств, где благосостояние растет быстрее и лучше распределяется между гражданами, и где между тем цивилизация находится на низшей степени развития, нежели в других государствах, не так богато наделенных собственно в социальном отношении“, тем не менее он строго держится принципа, что оба составные элемента цивилизации неразрывно связаны между собою. Предполагаемая неразрывность этой связи опровергается приведенными выше фактами, например, сила в борьбе за существование китайцев и малайцев, стоящих невысоко ни в деле нравственности, ни в деле искусства, литературы и науки. Первенствующее положение эллинов в этих высших областях цивилизации не сделало их живучими и не дало им силы пережить неизмеримо ниже стоящих китайцев, так же точно, как неразвитость последних, с этих точек зрения, не помешала им сделаться сильнейшим народом в борьбе за существование, надолго пережить греческую и римскую цивилизации и занять отчасти даже угрожающее положение по отношению к современному европейскому миру. Рацель и другие писатели о китайцах много раз ссылаются на отсутствие у этого народа „идеальных стремлений“, но именно это отсутствие, заменяемое удивительной практичностью, послужило им не во вред, а в пользу на арене борьбы ¹⁾.

¹⁾ Читатель, хотя бы несколько знакомый с колониальной политикой капиталистических государств и экономическими условиями жизни туземцев в колониях, легко заметит в этой главе те ошибки, к которым приводит автора его чисто биологический подход к разрешению вопросов социологического порядка. Ст. Кр.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЪЕЗДА.

Прежде всего позвольте мне высказать вам, многоуважаемые сочлены, свою глубокую благодарность за оказанную мне высокую, хотя и не вполне заслуженную мною честь. Вступая в исполнение своих обязанностей, я считаю своим долгом высказать благодарность—и в этом случае, мне кажется, я могу говорить от имени всех членов—всем тем инстанциям, которые оказали содействие съезду, которые дали нам возможность собраться, снабдили нас материальными средствами, пустили в свой дом, которые повезут нас на своем пароходе и посадят нас на своих лошадей. Как одессит, я, кроме того, считаю своею обязанностью поблагодарить иногородних членов, которые не пожалели времени, чтобы побывать на нашем съезде. Затем я нахожу нужным ориентировать посетившую нас публику, при чем я, однако же, считаю себя в праве говорить лишь исключительно от своего имени.

Первый вопрос, который, я полагаю, задают в настоящую минуту, заключается в том: чем намерен заняться съезд, и что из этого может воспоследовать? Просматривая список членов и предполагаемых занятий, можно притти к общему выводу, что съезд наш преимущественно научный, хотя он и будет заниматься некоторыми чисто прикладными вопросами, например, вопросами из области земской медицины, тем не менее на первом плане стоят дела из сферы так называемой чистой или теоретической, пожалуй, университетской науки. Столь важные, как прикладные отрасли, например, технология и сельское хозяйство, на нашем съезде не имеют секций, и значительное большинство сообщений носит чисто теоретический характер. На ближайшей моей специальности—зоологической секции преобладают вопросы из истории развития, как отрасли зоологии, всего более ведающей общие теоретические стороны этой науки. У ботаников вы не найдете ни одного сообщения, касающегося культуры хлебов или других полезных растений, и т. д. Я особенно выдвигаю чисто теоретическое направление нашего съезда, несколько не боясь возражения, столь часто повторяемого у нас в России, что теоретическая наука представляет для нас непозволительную роскошь, что нам нужно заниматься исключительно прикладными отраслями естествознания, непосредственно ведущими к увеличению материального благосостояния. Отдавая должное прикладной науке, которая успела уже принести столько благ человечеству, но в то же

время помня, что „не от единого хлеба жив будет человек“, и что у него существует непреодолимая потребность сознательного отношения к окружающему и себе, я думаю, что нам пора позаботиться о том, чтобы укрепить знамя теоретического естествознания и, по возможности, устранить многочисленные недоразумения, по поводу него у нас возникшие. Некоторые, быть может, подумают, что, говоря таким образом, я имею возможность утверждать, будто теория уже настолько созрела, что в состоянии удовлетворить многочисленным требованиям, к ней предъявляемым, что она может дать всеобъемлющее готовое мирозерцание. Я знаю, что немногие допускают это, в то время как большинство именно вменяют теории то, что она не в состоянии ответить на основные вопросы, тревожащие человеческий ум. Говоря о прикладной науке, обыкновенно умиляются ее плодотворным результатам; говоря же о теории, ее обвиняют в том, что она, разрушая старые традиции, не заменяет их ничем новым. Отсюда являеся, с одной стороны, упорное противодействие, готовое на все, против науки, ради возврата к традициям, с другой же стороны, разочарование в теории и переход в жизнь практическую. Выход из положения был бы в высшей степени прост, если бы можно было утверждать, что естественн-историческое мирозерцание теперь же или в ближайшем будущем окажется в состоянии ответить на предлагаемый ему с столь давних пор гамлетовский вопрос,—„что благородней для души“, что оно, другими словами, может разрешить основную задачу нравственной, а следовательно, социальной жизни. Чем ближе, однако же, мы подходим к этому вопросу, тем больше оцениваем колоссальные затруднения на пути. В прошлом, отчасти и в нашем столетии, казалось делом доступным определить свойства общего блага, к которому все люди должны бы были стремиться; в особенности поддерживал это убеждение Бокль, напиравший на незыблемость и неизменяемость нравственных основ человечества; но с тех пор оказалось совершенно наоборот, что в различные времена у различных народов, у более мелких социальных групп и даже чуть не у каждого человека существует свое особенное мерило блага, и что задача рациональной этики, в которую входило, само собою разумеется, и благо будущих поколений, оказалась ей не по силам. К тому же теория общего блага неприложима уже потому, что она санкционируется индуктивным путем уже по сведении окончательных итогов данного поступка. Я, быть может, не решился бы настаивать на всех этих соображениях, если бы многочисленные попытки представителей различных школ современных мыслителей, не доказали бы, во-первых, что при современном состоянии естествознания основы этики удовлетворительным образом даны быть не могут и, во-вторых, что неискренность в этих делах лишь увеличивает и без того достаточное количество недоразумений и может вести только к тяжелым последствиям. Я, разумеется, не имею здесь возможности входить в критический разбор этических учений, число которых в силу неутомимого спроса растет чуть не ежедневно,

но останавлиюсь лишь на принципе Г. Спенсера, как представителя эволюционизма, т.-е. той точки зрения, на которой стоит современное учение об организмах. Этот изумительный мыслитель, поставивший, как он сам говорит, главной своей задачей установление рациональных основ этики, печатающий их в незаконченном виде, боясь, чтобы смерть не отняла у него возможности высказать свои взгляды, казалось, лучше чем кто-либо способен к выполнению великой задачи. Его основной принцип дедуктивной этики „полнота жизни“, выведенный будто бы на основании главным образом биологических данных, в сущности не дает искомого критерия и является обновленным перифразом „естественной жизни“, в которой искали ответа мыслители XVII и XVIII веков. В обе эти формулы может быть включено решительно все, что угодно, подобно тому как понятие о благе общем и единичном оказалось эластичным до непригодности. Кроме этого, теперь уже можно признать неверным стремление втиснуть человеческую жизнь в рамки, положенные данной готовой формой, с ее зачаточным обезьяньим образом, и пора уже искать чего-нибудь иного. Полнота жизни в смысле греческого принципа гармонического развития также не может иметь претензии стать этическим принципом, удовлетворяющим потребностям ума, воспитанного на началах последовательного эволюционизма. Об интуитивной, или инстинктивной морали нечего и говорить с тех пор, как мы знаем, что эти интуиции столь различны у различных народов, и что именно человек отличается от прочих животных ослаблением инстинктивной деятельности вообще.

Итак, современное естествознание оказывается не в силах сколько-нибудь установить принципы этики теоретической и прикладной, и ему остается пока лишь более укрепиться в своем скептицизме. Есть времена, когда скрывать подобную точку зрения положительно не следует; это именно времена фанатического убеждения в истинности принципов, разделяемых известными инстанциями. Скептицизм в таких случаях умеряет самоуверенность, вносит осторожность суждений и действий и, наконец, ведет к терпимости. Последние столетия дали нам религиозную терпимость, и до сих пор еще не слышно, чтобы она принесла какой-либо вред. В нашем веке, почти на наших глазах, стала устанавливаться терпимость в области практической медицины. Еще недавно врачей, не пускавших кровь при острых болезнях, призывали на суд, как людей совершивших великий проступок. Фанатическая вера в пользу кровопусканий уже отжила свой век. Скептицизм в области терапии сделал немислимым подобное отношение; он внес, однакоже, не индифферентизм, а терпимость и осторожность, по возможности научную разработку вопросов. Теперь на очереди младшая сестра медицины в области антропологических наук—социология (этика и политика). Она имеет еще меньше незыблемой почвы под ногами, чем медицина, а между тем она еще мнит, будто ее принципы прочно установлены. Посмотрите на нарастающее теперь направление государственной науки—на этическую школу,—развивающуюся в Германии под

эгиною Ад. Вагнера и Бисмарка. Она стремится отдать благо в руки государственной власти во имя принципов рациональной этики, не замечая при этом, что именно эти самые принципы возведены ею на песок.

Мы уже видели примеры практического применения высоких принципов, не достаточно проверенных критикой, и считаем, что прежних опытов достаточно для того, чтобы допустить самый широкий скептицизм. Он должен выработать социологическую терпимость, научить нас прямо смотреть в глаза истине, не отклоняясь от ее последствий, и во всяком случае по возможности изгнать употребление из этической фармакопеи „*medicamenta heroica*“. Пора припомнить сказанное более 2.300 лет назад: „Никто из нас, ни софисты, ни поэты, ни ораторы, ни артисты, ни я, не знает, что такое истина, доброе и прекрасное. Но между нами то различие, что хотя они все ничего этого не знают, тем не менее уверены, что знают „нечто“, между тем, как я, если и не знаю, то, по крайней мере, нимало не сомневаюсь в том“. Таково, по моему мнению, современное положение. *Теоретическая разработка вопросов естествознания* (в самом широком смысле) *одна только может дать правильный метод к познанию истины и вести к установлению законченного мирозерцания или, по крайней мере, по возможности приблизить к нему*. Именно теперь, когда со всех сторон дружные труды в этом направлении могут оказаться весьма ценными. Есть времена, когда передовики, подобно Фаусту, бегут от науки в жизнь; но есть и другие, когда, не найдя в жизни должного удовлетворения, именно в силу того, что называют сложностью жизни, и что опять-таки сводится на неполноту и непрочность этических основ, они возвращаются в науку с поникшей головой, уже не требуя от нее столь многого, как в первый раз. Мне кажется, что такой период уже не за горами; для того же, чтобы блудные сыновья не вернулись в пустой дом, мы должны убрать его и внести в него оживление. Поскольку наши съезды с теоретическими работами, касающимися более или менее непосредственно стремления к установлению рационального мировоззрения, могут помочь этому, настолько мы считаем их делом нужным. В ожидании лучшего будущего, обязанностью своей мы считаем отстаивать интересы теоретического знания у нас, несмотря на все препятствия, с **какой бы стороны они к нам ни приходили.**

О ЦЕЛЕБНЫХ СИЛАХ ОРГАНИЗМА.

Приглашенный почтенным председателем комиссии к прочтению сообщения на общем собрании, я решился сказать несколько слов, мм. гг. и мм. гг., „о целебных силах организма“, полагая, что здесь всего удобнее избирать темы не из области отдельных специальностей, а из отделов знания, где соприкасается несколько отраслей его, и притом из отделов, доступных и непосвященной публике. Само собою разумеется, что изложение подобного рода тем сопряжено с многочисленными затруднениями, вследствие чего я заранее прошу извинения у публики, если мне не удастся придать моему сообщению достаточно общедоступный характер, а у врачей—за то, что я, натуралист, не получивший достаточной медицинской подготовки, решаюсь говорить о предмете их компетенции.

Я начну с факта общеизвестного, что болезни переносятся неодинаково различными людьми, что крепкие субъекты нередко подвержены им сильнее слабых, что в большинстве случаев болезнь проходит сама собою. Самостоятельное заживление ран, сращение сломанной кости известно всякому из обыденной жизни. Очень часто вы слышите, что такой-то выздоровел, благодаря „его сильной натуре“, при чем употребление последнего слова, почти изгнанного из языка, ясно указывает на давность выражаемого понятия. В самом деле, история медицины показывает нам, что с древнейших времен в этой науке установлено было понятие о целебной силе природы, которая предохраняет человека от заболевания и устраняет болезненную причину. Учение это было ясно выражено еще Гиппократом (IV в.), как видно из следующих слов его: „Натуры—болезней врач. Природа сама отыскивает пути без размышления; она достигает нужного без указания и учения“ (Haeser, I, 1875, 148); это положение Гиппократ кладет в основание своей лечебной науки—терапии и поэтому советует врачу как можно более оберегать целебные силы природы. Особенно при острых лихорадочных болезнях он считает главнейшей обязанностью врача поддерживать телесную силу и, по возможности, меньше вмешиваясь в течение болезни, следить за правильным ходом ее и выжидать наступления кризиса. В силу этого он высказал требование, что врач должен *„помогать или, по крайней мере, не вредить“*. Продолжатель Гиппократа—Гален (II в.)—старался определить несколько ближе природу целебной

силы организма. Он считал ее „силой, образующей и питающей тело, регулирующей его отправления и восстанавливающей его в случае болезни. Все это производит целебная сила (фюзис) бессознательно, по законам необходимости, при помощи притягательной, удерживающей, изменяющей и изгоняющей силы. Последняя, главным образом, служит для исцеления, извлечения болезнетворных веществ“ (Haeser, I, 371). Гален, подобно своему великому предшественнику, советует также по возможности воздерживаться от вмешательства и предоставлять полную свободу целебной силе природы.

Это основное положение гиппократовской терапии прошло чрез целый ряд столетий и сохранилось отчасти и до наших дней. В начале новых времен оно нашло горячего приверженца в Парацельсе (XVI в.), который ссылается на полное заживление запущенных ран без всякого участия врача (Haeser, II, 1881, 95). Только в случаях, когда целебная сила природы оказывается явно несостоятельной, врач должен выступить из своего выжидательного положения и вмешаться в дело. Но и тут он должен употреблять средства—с целью вызвать целебную силу природы из дремоты. Еще больше проникся Сиденгам (XVII в.) принципом целебной силы, который он положил в основание своего учения об острых и хронических болезнях и о болезненном сложении. Но, вообразив, что главная причина болезней и помеха успешному влиянию целебной силы заключена в крови и именно в „воспалении ее“, он пришел к выводу о необходимости самых энергичных кровопусканий, противореча в этом большинству других последователей гиппократовской терапии и самому Гиппократу. Не имея возможности распространяться здесь подробнее о целом ряде других поклонников теории целебной силы природы, не могу не остановиться одну минуту на баварском враче Штале (XVII—XVIII в. в.), который эту силу прямо называл „душою“ или „природою“. Признавая за ней неоцененные заслуги в деле исцеления, он допускал, однако же, способность „души“ заблуждаться, обвинял ее нередко в лености и косности и приписывал ей различные неудачные попытки к исцелению, выражающиеся, например, в эпилептических припадках.

Перифразированное на разные лады, гиппократовское учение вело нередко к крайностям и, по обыкновению, вызвало реакцию, выразителем которой явился в прошлом столетии знаменитый шотландский врач Броун. Вообще говоря, хотя принцип целебной силы природы пережил это и последующие противодействия, он был оттиснут на задний план иным характером общего направления медицины. Выросшая на почве практики, явившаяся сначала в виде терапии, врачебная наука вскоре сосредоточилась, главным образом, на болезненных явлениях. Изучение процессов, представляемых больным организмом, а впоследствии основанное на нем искусство определять болезни, а также наука об изменениях больных органов заняли господствующее положение в медицине. Для того, чтобы понять болезнь, сумму ее проявлений старались заключить в одну общую рамку, представить ее как

нечто цельное, единое. Первоначальный дуализм, два начала болезни, болезнетворное и целебное, стал более и более сглаживаться. Долгое время не только гиппократовский принцип терапии, но и учение о причинах болезней оставались без дальнейшей разработки, и только последнее двадцатипятилетие пролило на этот вопрос блестящий свет. Я имею в виду учение о бактериях, уже успевшее составить эпоху в медицине и поэтому слишком известное всякому врачу. Так как оно важно не только само по себе, но является необходимым введением к изучению целебных сил, то я, в интересах лиц непосвященных, должен сказать несколько слов о нем. История этиологии, т. е. науки о причинах болезней, представляет, бесспорно, одну из лучших страниц в летописи завоеваний человеческого ума.

И в наше время существует много народов, убежденных, что болезни являются продуктом злых духов, которые в той или иной форме проникают в тело, из которого могут быть извлечены лишь при посредстве религиозно-магических чародейств. По мнению индейцев Северной Америки, болезнетворные духи облачаются в форму различных зверей, вследствие чего основным правилом их терапии служат средства к изгнанию соответствующего животного. Готтентоты представляют себе злых духов в виде змей, для извлечения которых прибегают к разрезам больных частей тела (Müller, Allg. Ethnogr. S. 90, 253). Во времена, более отдаленные, подобные представления были распространены в несравненно большей степени. Знаменитый защитник христианства, Тертулиан (II—III в. в.), был убежден, что злые духи, под властью сатаны, их князя, производят болезни и другие бедствия. Духи эти, по его мнению, „легки и подвижны, как птицы, и потому знают все, что происходит на земле; они живут в воздухе и потому могут подсмотреть, что делается на небе...“. „Они ложно исцеляют болезни, потому что, овладев телом человека, они производят в нем какую-нибудь болезнь и затем, предписав употреблять какое-нибудь средство, перестают его мучить, а люди думают, что произошло исцеление“. Врачами древности учение о болезнетворных духах было отвергнуто, они искали причину болезней в видимых космических и метеорологических явлениях, предполагая какую-то таинственную связь между ними и болезненными процессами. Даже Гален, один из главных основателей медицины, упорно утверждал, что существуют легкие и тяжелые дни, и что ход болезни существенно зависит от относительного положения луны к добрым и злым планетам. До наших времен еще сохранилось суеверное убеждение в болезнетворном влиянии комет, и я живо припоминаю жуткое чувство, охватившее меня при появлении кометы 1858 г. С звездного неба этиологи спустились в область теллурических и метеорологических явлений и искали причины болезней в вулканических извержениях, землетрясениях, грозах, наконец, в резких переменах температур.

Весьма часто и в прежние времена к числу болезнетворных причин присоединяли различные организмы, живой контагий, который представляли себе в виде микроскопических насекомых,

летающих в воздухе. Но даже значительные успехи в наших сведениях о чужеродных животных человека мало подвинули вперед общий вопрос о живом контакте. Существенный шаг вперед был сделан ботаниками, доказавшими, что болезнь картофеля, злаков и других культурных растений действительно производится грибами. Имея возможность исследовать вопрос с точностью, почти недоступной в области медицины, ботаники раз навсегда установили как факт, что растения, прежде вполне здоровые и сильные, могут заболеть вследствие внедрения в тело и размножения там грибов и других паразитических организмов. Вывод этот был распространен вскоре на низших животных; ботаникам же было доказано, что некоторые болезни шелковичных червей сопровождаются развитием в них грибов, которые являются не вследствие прежде бывшей болезни, а сами производят ее. После того, как это учение было строго установлено в области науки о растениях и насекомых, оно перешло и в сферу настоящей медицины. Прежние находки грибовидных организмов в больных органах стали объяснять с новой точки зрения и, после ряда труднейших и блестящих исследований, было, наконец, доказано, что и многие из человеческих болезней производятся мельчайшими грибами—бактериями или скиофитами. Правда, такую причину допустили лишь относительно так называемых инфекционных болезней, как, например, сибирской язвы, заражения крови и пр., но с каждым годом в область этих болезней стали переносить многие, не считавшиеся прежде инфекционными, как, например, чахотка, эндокардит и пр. Оказалось, таким образом, что летающие в воздухе тертулиановские духи могут быть видимы под микроскопом.

Борьба венца творения с этими представителями низшего органического мира оказалась в высшей степени затруднительной. Точными исследованиями было доказано, что семена бактерий в высшей степени распространены, и что они обладают живучестью, неслыханной для других организмов (например, семена некоторых не умирают в кипятке, если их кипятить менее часу, и безнаказанно проходят чрез серную кислоту и едкое кали). Кроме того, в последнее время становится все более и более вероятным, что бактерии, обыкновенно совершенно безвредные, могут при некоторых условиях перерождаться в крайне болезнетворные. При всех этих условиях не только наука об исцелении болезней, но и о предотвращении их была поставлена в величайшее затруднение. В тех случаях, когда находящиеся в воздухе споры бактерий проникают в организм чрез открытые раны, препятствия доступу их оказывается делом сравнительно легким. Таким образом, теперь, по примеру Листера, удастся во многих случаях предотвратить заражение крови посредством соответственного содержания и перевязки ран. Но как быть в тех случаях, когда бактерии проходят чрез легочную рану или вообще проникают в организм чрез дыхательные пути? Затруднения с этих сторон навели Пастера на мысль воспользоваться явлением, замеченным по отношению к некоторым инфекционным болезням, но до сих пор еще

научно не объясненным. Известно, что лица, перенесшие корь, оспу, брюшной тиф и некоторые другие балезни, получают способность не заражаться ими вторично. На основании этого, подобно предохранению от оспы прививкой более слабой коревой оспы, Пастер ослабляет болезнетворное действие некоторых бактерий и, прививая их организму, защищает его от заболевания более тяжелой натуральной формой. Всему миру известны блестящие исследования этого ученого о предохранительной прививке сибирской язвы и так называемой куриной холеры. Казалось одно время, что предохранительными прививками можно обеспечить чуть ли не от всех инфекционных болезней. Направленные в эту область исследования показали, однако же, что некоторые из таких болезней, как, например, гнилостное заражение крови (мышьяная септицемия), возвратная горячка и др. не утрачивают способности возвращаться по нескольку раз. Подобные результаты должны были заставить ученых искать еще новых путей для борьбы с бактериями.

Указанные выше свойства бактерий не раз уже наводили на мысль, что, по всей вероятности, организм человека и животных обладает какою-то способностью бороться с ними, так как иначе весь род человеческий давно уже должен был бы вымереть. В виду этого пришлось вспомнить о гиппократовском принципе общей терапии с целью уяснить себе характер борьбы с бактериями и воспользоваться целебными силами природы. Вопрос этот прямее всех был поставлен мюнхенской школой, которая, однакоже, нашла факты, касающиеся его, чрезвычайно плохо, подготовленными. Общая терапия настоящего времени почти совсем покинула гиппократовскую фюзис, и вы редко где встретите теперь трактат о ней. В некоторых учебниках, правда, упоминается о ней мимоходом и крайне неохотно. В таких обширных энциклопедиях, как, например, *Nouveau Dictionnaire* или *Eulenburg Realencyclopädie*, уже ничего не говорится о ней. В последней в том месте, где нужно было бы говорить о „Heilkraft“, стоит „Heilgymnastik“. Исключением и здесь является Вирхов, который в 1875 г. резюмировал современное положение вопроса. С точки зрения своей клеточной патологии он полагает, что, вместо прежней единой целебной силы, их существует в организме множество, и что они сидят в тканях. Дальнейшего определения их он дать не может. Представитель мюнхенской школы, Негели, жалуется на недостаток эмпирического материала об этих целебных силах тканей. Он представляет себе, что между бактериями и клетками тканей существует конкуренция из-за жидкой пищи: одержит верх та из борющихся сторон, которая притянет большее количество питательных соков из крови.

Представивши краткий очерк вопроса о целебных силах организма, указавши на важность его разрешения для целей терапии и на недостаточную разработку его в области медицины, попробуем, нельзя ли несколько подвинуть дело, посмотрев на него с точки зрения теории развития. Мне нет надобности долго останавливаться на доказательстве того, что не с человека и

высших животных начались инфекционные болезни. Им, как мы видели, подвержены и растения, и низшие животные, и притом не только домашние, но и дикие. В настоящее время собрано достаточно данных об эпидемиях у корненожек, ракообразных, насекомых и пр. Болезнетворные бактерии заведомо водились еще во времена каменноугольной формации, от которой сохранились пораженные ими корни хвойных деревьев. С тех пор, несмотря на присутствие бактерий и отсутствие карболки и других дезинфекций, успели развиться богатейшие флоры и фауны и появиться человек. Если мы, таким образом, видим, что борьба между организмами и поражающими их бактериями имеет позади себя целую историю, то естественно спросить, не сохранились ли какие-нибудь следы этого длинного процесса. Если сравнительная анатомия показывает нам такое множество приспособлений с целью нападения и защиты от более крупных организмов, то, быть может, она даст нам какие-нибудь сведения и относительно интересующей нас борьбы между микроскопическими паразитами и задеваемыми ими тканями. Каким же образом противодействуют растения и животные нашествию сильных в борьбе и вездесущих бактерий? На этот общий вопрос можно, я думаю, дать следующий ответ: животные обезвреживают бактерий тем, что съедают и переваривают их.

В гниющих веществах, переполненных разнородными бактериями, мы обыкновенно встречаем амев и других простейших животных, которые не только не боятся гнилостного заражения, но процветают, поедая массы бактерий. Удобство этих одноклеточных корненожек и инфузорий заключается в том, что они целиком или почти целиком состоят из вещества, способного есть и переваривать; на какую бы часть тела их ни попала бактерия, она везде будет задержана и съедена. Низшие животные вообще отличаются тем, что весьма значительная часть их организма способна поедать мелкие вещества. Так, например, у полипов, некоторых медуз почти вся сумма внутренних органов, выстланных толстой оболочкой, обладает этой способностью. У некоторых, кроме того, появляются специальные органы, назначенные для поедания тел, могущих послужить причиной возникновения болезней. Так, например, у одних гидрополипов, образующих перистые колонии и оттого называемых плумулариями, находится множество особенных отростков, тщательно поедающих все попадающие на колонию посторонние тела; в случае смерти какого-нибудь члена колонии, эти же органы съедают мертвые клетки трупа, не давая, таким образом, повода к развитию бактерий и устраняя тем гнилостное заражение колонии. Укажу вам еще на один пример. Употребляющееся в последнее время в медицине вливание соленой воды в кровь больных с незапамятных времен составляет одно из свойств организма так называемых мягкотелых животных. Но в то время, когда врач, перед вливанием, непременно должен дезинфицировать воду, мягкотелые, которых я имею в виду, имеют для этой цели в органе, насыщающем воду, особые прожорливые клетки, которые съедают мелкие

вещества, находящиеся в воде (между ними, само собою разумеется, и бактерий), и таким образом предохраняют кровь от заражения.

Учеными, занимавшимися вопросом о заражении бактериями человека и высших животных, уже было обращено внимание на факт, что, несмотря на то, что мы ежедневно проглатываем огромное их количество с питьем и пищей, и несмотря на то, что некоторые из них приспособились к жизни в нашем кишечном канале, тем не менее, мы имеем весьма мало шансов заразиться ими этим путем. Вспомним, что некоторые дикие народы едят пищу, часто сильно загнившую, что гнилой сыр, в котором недостатка в бактериях нет, составляет предмет лакомства, и что, несмотря на это, употребление такой пищи не влечет за собою в большинстве случаев пагубных последствий. Очевидно, что кислый желудочный сок частью убивает бактерий, частью же значительно ослабляет их. Если бы все внутренности человека были одеты пищеварительной оболочкой, как у медуз или полипов, то нужно думать, что борьба с бактериями оказалась бы гораздо менее затруднительной. Органом, через который чаще всего происходит заражение, считаются легкие. Вместе с входящим в них воздухом, вносятся многочисленные споры бактерий, доступ которых в организм легче, чем где-либо в другом месте. Через промежутки между клетками легочных пузырьков бактерии могут входить в тончайшие каналы и отсюда распространяться в ткани и кровь. Известно, что при вдыхании угольной пыли большое количество ее отлагается в стенках легких, так что последние принимают черную окраску; часть же пыли проникает в кровь и откладывается в столь скрытых органах, как печень, селезенка и почка. Если принять во внимание, что в окружающем воздухе находится огромное количество бактерий, между которыми констатированы и несомненно болезнетворные, что чрез наши легкие проходит ежедневно весьма значительное количество воздуха (12.000 куб. см. в час), то станет ясным, что мы ежечасно, чуть не ежеминутно вдыхаем в себя вредные споры. Для устранения их организм наш снабжен множеством клеток, способных поедать и обезвреживать эти споры. Клетки сами во многих отношениях напоминают простейших животных и потому с давних пор называются амебовидными. Они выдвигают отростки, на подобие амеб, и так же, как и последние, способны есть и переваривать твердую пищу. В огромном количестве они живут в крови, известные под именем бесцветных, или белых кровяных телец, а также во всевозможных органах, где их описали под названием клеток соединительной ткани. Проникнут ли бактерии и их споры чрез легочные пузырьки, стенку кишечного канала или пораненное место кожи, везде они рискуют быть захваченными подвижными клетками, способными их уничтожить, т.-е. съесть и переварить, и, разумеется, не всегда выполняющими это.

Мы видим, таким образом, что у человека и вообще у огромного большинства многоклеточных животных, помимо пищеварительного канала, существует еще целая система органов целебного

пищеварения, которая, подобно тому, что мы видели у низших животных, основана на способности некоторых клеток к внутриклеточному пищеварению. У многих животных, как, например, ракообразных, насекомых, система эта исчерпывается бесцветными кровяными телами; у позвоночных же, за немногими исключениями, она представляет дальнейшую ступень прогресса. Можно высказать в виде предположения, в виде дедуктивного вывода, что центральным органом целебной пищеварительной системы является селезенка. С давних пор известно, что орган этот служит главным центром, к которому устремляются бесцветные кровяные тела, обремененные неудобоваримой или трудноваримой пищей. Нынешний итальянский министр народного просвещения, Бачелли, доказал присутствие в селезенке вещества, сильно переваривающего белковые вещества, что еще более подтверждает предположение о пищеварительной роли этого органа. То обстоятельство, что животные могут жить без селезенки, не доказывает бесполезности ее, а указывает еще более на то, что деятельность ее проявляется в экстренных случаях, а именно при инфекционном заражении. Во то время, как физиология отодвинула селезенку на задний план, не имея возможности определить ее назначение, врачи с давних пор заметили, что увеличение ее служит хорошим и иногда очень ранним указанием на существование инфекционной болезни. В увеличенной селезенке было прямо найдено огромное количество бактерий, заключенных в бесцветные кровяные тела. Кроме селезенки, к системе целебных органов позвоночных нужно еще отнести лимфатические железы и костный мозг. Отчасти сходную роль выполняют и некоторые другие железистые органы, как, например, печень и почки. Как селезенка, так и система лимфатических желез не существуют у беспозвоночных; обе они должны быть рассматриваемы, как усовершенствование организации в борьбе с вредными влияниями. Низшие рыбы еще не имеют их; в ряду же позвоночных замечается вообще прогресс в развитии этих органов противодействия.

Поскольку мы говорим о болезнях, причиняемых бактериями, т.-е. микроскопическими твердыми телами, постольку и целебные силы организма являются в виде свойств блуждающих клеток есть и переваривать этих паразитов. Подобно тому, как сложно организованные государства для борьбы с дикими племенами набирают армию из членов, во всех отношениях приближающихся к дикарям (тюркосы, зуавы), так и организм для борьбы с низшими растениями пользуется такими составными частями, которые всего более похожи на низших животных; против бактерий он высылает армию амевиллидных клеток. Не имея возможности распространяться здесь о подробностях устройства и истории развития целебной системы, я укажу лишь на общий результат, что она, вместе с пищеварительной системой в тесном смысле, развилась из одной общей основы. То, что у низших животных, например, губок, составляет общую массу пищеварительных клеток, у других более высших животных распадается на две отдельные группы: на обыкновенные органы пищеварения и на

систему, так сказать, медицинского, или терапевтического (пожалуй, профилактического) пищеварения.

Сводя целебные силы организма к процессам внутриклеточного пищеварения, мы, быть может, получим со временем возможность дать сколько-нибудь более полное объяснение явлениям, добытым чисто эмпирическим путем. Быть может, окажется, что крепкие субъекты, подверженные некоторым инфекционным болезням более, чем слабые, отличаются меньшим развитием селезенки и других органов целебного противодействия. Явление предохранительной прививки, быть может, также сведут к особенностям пищеварительной способности целебных клеток, способности, которая, как мы знаем по опыту, подвержена чрезвычайным, до каприза доходящим индивидуальным колебаниям.

ЗАКОН ЖИЗНИ.

По поводу некоторых произведений гр. Л. Толстого.

1.

Усиленное искание правды в жизни, стремление согласовать поступки с основными теоретическими принципами составляет, как уже давно было замечено, одну из характернейших черт русского духа. На низших ступенях она выражается в своеобразном отношении к религиозному учению, особенно в столь разнообразном и распространенном сектантстве; на высших стадиях она проявляется в виде философских учений, носящих явно практический характер. Хотя обыкновенно эти учения переносятся к нам с Запада более или менее готовыми, однако же, нельзя не заметить своеобразного отношения к ним русских мыслящих людей, выражающегося, главным образом, в стремлении как можно цельнее и быстрее провести теоретические принципы на практике.

Наблюдая русскую крестьянскую жизнь, вам бросается в глаза та важная роль, какую в ней играет толкование св. писания. В этом легко убедиться, слушая разговоры великорусских крестьян, случайно собравшихся где-нибудь без дела, например, на палубе парохода, плывущего по Волге. Беседы на самые разнообразные темы скоро переходят у них в оживленные прения по вопросам религиозного свойства, при чем обнаруживается и богатство познаний по этой части, и тонкая диалектика.

О чем бы ни шел разговор среди учащейся молодежи и вообще в более образованных кружках, он быстрыми скачками переходит от частных вопросов к самым общим и считается пресным и неинтересным, если в нем не затрагивают основные принципы человеческих поступков и их цельное проведение в жизнь. То же отражается в литературе и в науке. Самые выдающиеся беллетристические произведения выставляют передовых деятелей, развивающих свои взгляды на эти темы. Со стороны ценителей громко заявляется требование, чтобы в современном романе, в популярной статье или на публичной лекции было выставлено воззрение автора на основные вопросы: что делать и как согласовать поведение с принципами правды.

Неудивительно, что при таком спросе все мыслящее русское общество отнеслось с особенным интересом к повествованиям

гр. Л. Толстого об искании правды героями его гениальных романов и рассказов. Интерес этот еще более усилился, когда оказалось, что за этими героями скрывается сам автор, и когда последний обстоятельно и откровенно раскрыл перед читателями историю своих собственных попыток разрешить одну из труднейших задач, представляющихся для человеческого ума.

Впечатление и влияние, произведенные проповедями гр. Л. Толстого, оказались тем сильнее, что в учениях его была особенно выдвинута прикладная сторона и прямо сказано, как нужно устроить поведение во всех главных случаях жизни. Искатели правды не только зачитывались гр. Толстым, обсуждали и отстаивали положения его учений, но и проводили последние в жизнь, основывая особые общезнания и братства. Учение доходило в некоторых случаях до того, что молодые ученые бросали науку, жгли приготовленные диссертации и вступали в общины для обновленной жизни в сфере почти исключительно физического труда.

II.

Несмотря на трудность задачи,—ввиду разбросанности, нервного характера изложения и частых противоречий гр. Л. Толстого,—попытаемся найти коренную сущность его воззрений, род ключа, при помощи которого можно бы было раскрыть это сложное построение.

Я только потому и решился заговорить об учениях гр. Л. Толстого, что в основу их положен им чисто рационалистический, естественно-исторический принцип: человек есть животная машина, своеобразно устроенная и пригодная для совершенно определенных действий. Если последние строго соответствуют механизму этой машины, то в результате получается счастье, а вместе с ним чувство довольства и удовлетворения; если же такого соответствия нет и отправление не достаточно отвечает устройству механизма, то получается несчастье, сопровождающееся тягостными ощущениями. Принцип этот возводится на чисто зоологической почве и подкрепляется гр. Л. Толстым примерами из животного мира. „Птица,—говорит он,—так устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это делает, тогда она удовлетворена, счастлива—тогда она птица. Точно так же и человек, когда он ходит, ворочает, поднимает, таскает, работает пальцами, глазами, ушами, языком, мозгом, тогда только он удовлетворен, тогда только он—человек“ (Сочинения, изд. 1887, ч. XII стр. 442). Гр. Л. Толстой много раз повторяет те же основы и прямо заявляет, что „исполнять закон жизни—делать то, что *свойственно* не только человеку, но и животному“ (стр. 436), т. е. животному в смысле сложно-устроенного механизма. Даже в одном из новейших произведений своих—„Крейцеровой сонате“, где гр. Толстой в столь многом отступает от своих прежних воззрений, он не раз меряет разбираемые им поступки тем же масштабом „естественности“.

Гр. Л. Толстой пришел к формулированному им принципу путем продолжительного умственного труда и, раз остановившись на нем, предположил, что открыл новый и притом очень ясно выраженный закон, как это видно, между прочим, из следующего места: „И когда я ясно понял все это, мне стало смешно. Я целым рядом сомнений, исканий, длинным ходом мысли пришел к той необыкновенной истине, что если у человека есть глаза, то затем, чтобы смотреть ими, и уши, чтобы слышать, и ноги, чтобы ходить, и руки и спина, чтобы работать. И что если человек не будет употреблять этих членов на то, на что они предназначены, то ему будет хуже“ (XII, 436).

Найдя этот основной принцип и утвердившись на нем, как на аксиоме, гр. Толстой не трудно было вывести из него ряд руководящих правил практической жизни.

Прежде всего он убедился в естественно-исторической необходимости значительного физического труда, как одного из основных элементов счастья. То, что сказано в библии „как закон человека: в поте лица снеси хлеб“, нашло себе явное подтверждение в определенном им принципе.

Уже одно выведение на первый план физического труда, как естественно-исторически необходимого залога счастья, значительно изменило взгляды и поступки людей из так называемого интеллигентного круга, односторонне увлекшегося умственным трудом. Оно сразу, и притом в значительной степени, уменьшает разделение труда между людьми и тем устраняет одну из главных причин несправедливости и несчастья. Когда люди последуют за гр. Толстым, „тогда только уничтожится то ложное разделение труда, которое существует в нашем обществе, и установится то справедливое разделение труда, которое не нарушает счастья человека“ (XII, 441).

Везде, где только гр. Толстой касается вопроса о труде, он каждый раз возвращается к тому же основному принципу и выводит из него те же практические результаты.

В вопросе о назначении и поведении женщины он следует тем же путем. Из естественно-исторического закона, по которому женщина есть животный механизм, приспособленный к рождению детей, вытекает, что вся ее деятельность должна быть направлена к этой цели. „Женщина,—говорит гр. Толстой,—по *строению своему* призвана, привлечена неизбежно к тому служению, которое одно исключено из области служения мужчин“ (XII, 467). Это основное положение, опирающееся на анатомические данные, повторяется им много раз и развивается в ряд дальнейших выводов. „Идеальная женщина,—по мнению гр. Толстого,—будет та, которая, усвоив высшее миросозерцание того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, *непреодолимо вложенному в нее призванию*,—родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей по усвоенному ей миросозерцанию. Для того же, чтобы усвоить себе высшее миросозерцание, мне кажется, нет надобности посещать курсы, а

нужно только прочесть евангелие и не закрывать глаз, уши и, главное, сердца" (XII, 470).

Хотя при отыскании руководящего правила в сношениях с людьми гр. Л. Толстой более следовал непосредственному чувству, тем не менее, и тут мы видим стремление подвести это правило под основную формулу его рационалистической этики. Так, он считает неподлежащим спору, „что не то что мучить или убивать человека, но мучить собаку или убить курицу и теленка *противно и мучительно природе человека*". (В чем моя вера, стр. 37).

Казалось бы, что, придя к воззрениям, опирающимся на естественно-исторические данные, гр. Л. Толстому следовало бы смотреть на точную науку и ее выводы как на истинное основание учения о человеческих поступках. Поэтому с первого взгляда может показаться очень непоследовательным и странным вполне отрицательное и притом в высшей степени страстное отношение его к современному положительному знанию. Из того, что в своих нападениях гр. Толстой как-будто выгораживает иногда „истинную науку и истинное искусство“, которые „так же необходимы для людей, как пища и питье, и одежда, даже необходимее" (XII, 408), можно, пожалуй, подумать, что негодование его направлено исключительно против цеховой науки и цехового искусства, которые столь часто действительно тормозят преуспевание этих высших отраслей человеческой деятельности. Но ближайшее знакомство с полемикой графа Толстого убеждает в том, что он нападает на самую настоящую науку, которой так долго и так упорно пришлось отстаивать себя в борьбе именно против цеховой науки. Так, например, он раздражается гневом против теории, теперь, наконец, общепризнанной, о постепенном происхождении органических видов путем накопления и укрепления мелких отличий (XII, 382) и презрительно насмехается над учением о клеточке и протоплазме (XII, стр. 398, 399 и т. д.), которое получило в современной науке об организмах первенствующую роль. Третируя, таким образом, самые выдающиеся и наиболее прочно установленные обобщения современной биологии, гр. Толстой не находит достаточно язвительных слов, чтобы выразить свое презрение и к фактическим работам, как, например, к исследованию глистов или насекомых (XII, 399, 414 и пр.). По его мнению, истинная наука может быть признана только в том случае, если она сразу ставит и решает вопрос, „в чем состоит назначение и благо всех людей"; а так как для этого нет никакой надобности (гр. Толстой забывает, что его собственный главный принцип поведения основан именно на сравнении с отправлениями животных) в изучении насекомых, глистов, протоплазмы и пр., то занятия этими предметами он и признает „праздной и вредной забавой" (XII, 411).

Мы не станем приводить здесь подробнее нападений гр. Толстого на науку, так как все они представляют развитие того же основного положения; с аргументацией же автора нам придется еще встретиться неоднократно. Скажем только вообще, что, чувствуя себя на прочной почве „закона жизни“, установленного на

рационалистическом основании, гр. Толстой выработал себе до подробностей кодекс правил поведения, а заметив разлад последних с некоторыми положениями науки и вообще современной культуры, ополчился и стал проповедывать крестовый поход против этих последних.

III

Определив, насколько было возможно, основной характер принципа практической философии гр. Толстого и некоторых извлеченных им из него выводов, попытаемся взглянуть несколько ближе на это учение, применив при этом метод и приемы точного естествознания. В случаях, когда последнее встречается с сложной задачей, оно всегда старается упростить ее решение, проследив исторический ход изучаемого явления.

С тех пор, как возникли попытки возведения начал человеческой нравственности на рационалистическом основании, их постоянно старались вывести из свойств человеческой природы. Так было в древней Греции, где философы проповедывали, что „счастье заключается в выполнении всех естественных действий и состояний“, и где развилось метриопатическое учение о соотношении нравственной жизни с природою человека.

Более тринадцати лет назад я напечатал (Вестн. Европы, 1877, апрель) „Очерк воззрений на человеческую природу“, в котором читатель может найти краткое изложение нравственных учений, основанных на естественной природе человека. Там же было указано на столь распространенное у греков и перешедшее в новые времена воззрение на гармоническое развитие всех естественных человеческих способностей, как на цель истинно нравственного поведения. Рядом с учением о природных свойствах человека, как источниках нравственных обязанностей, возникла и теория о „естественном праве“. Связь эта сознавалась уже давно, как это можно видеть из следующего отрывка, заимствованного Боклем у Гютчисона: „Так как, в сущности, все наши естественные желания и стремления, даже и низшего разряда, даны нам на благо, то справедливо удовлетворять им настолько, чтобы они не мешали более благородным наслаждениям и достаточно им подчинялись; со всеми ими как будто сопряжено естественное понятие о *праве*“ (Бокль, II, прим. 28 к стр. 372).

Писатели новейшего времени и, между прочим, натуралисты, несмотря на обвинение их гр. Толстым в том, что они вовсе не занимаются вопросом о назначении и благе человека, неоднократно пытались решить его и притом в том же духе, как и у древних философов. В своей вышеупомянутой статье я, между прочим, привел воззрения ревностного дарвиниста, естествоиспытателя, Георга Зейдлица, который в 1875 году выставил следующее положение: „В удовлетворении всех отправлений тела в должной степени и взаимном отношении друг к другу заключается рациональная и нравственная жизнь“. От этого общего принципа до основы, развиваемой гр. Л. Толстым, один шаг, и

если из него и нельзя сделать прямого вывода о таком распределении физического и умственного труда, которое предлагает гр. Л. Толстой, то во всяком случае из него ясно вытекает необходимость более или менее равномерного упражнения этих обоих видов отпращиваний.

Хотя гр. Толстой, очевидно, не сообразовался ни с этими взглядами новейших писателей, ни с учениями греческих философов и рационалистов семнадцатого и восемнадцатого веков, доходя до своего решения более самостоятельным путем, тем не менее, связь его основ с этими учениями не может подлежать сомнению. Эта связь еще более доказывается тем, что возражения против последних могут быть с одинаковым правом выдвинуты и против воззрений гр. Толстого. Прежде всего нужно заметить, что все эти основы и теории задевают вопрос лишь с поверхности и к тому же страдают чересчур большой неопределенностью. Так, например, при обсуждении положения Зейдлица бросается в глаза отсутствие признаков той „должной степени“, в которой должны удовлетворяться отправления человеческого тела. А относительно того, что „свойственно“ природе человека, мнения могут до того расходиться, что из этого принципа можно притти к самым противоположным выводам. Так это и было во все времена. Греческие школы, согласные в том, что нужно жит-сообразно с природою человека, были совершенно противоположного мнения о естественности наслаждения. Эпикурейцы считали последнее за естественное благо, то-есть сообразное с природою и удовлетворяющее собою состояние каждого существа, между тем как стоики учили как раз наоборот.

В настоящее время положительное знание настолько подвинулось вперед, что и в вопрос о „жизни, сообразной с природою“, может и должно быть внесено гораздо больше определенности и ясности. Оно уже не может удовлетворяться тем поверхностным порханием мысли, которое казалось достаточным прежде. И гр. Толстой в своей главной аргументации лишь слегка затрагивает основной вопрос. Желая утвердить принцип нравственного поведения на рационалистической почве, он говорит: „Птица так устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это делает, тогда она удовлетворена, счастлива, тогда она—птица“. Это верно лишь с первого, самого беглого взгляда. Не нужно быть зоологом для того, чтобы знать, что можно быть птицей и вовсе не летать. Таковы страусы, казуары, пингвины. Но, скажут, это крайности, так как у этих исключительных птиц крылья недостаточно развиты. Поэтому не мешало бы вспомнить многочисленных представителей куриных птиц, которые, несмотря на присутствие достаточно развитых крыльев, предпочитают пользоваться ногами и летают лишь в исключительных случаях. Особенно поучителен следующий пример. Южно-американская головастая утка, несмотря на присутствие развитых крыльев, пользуется ими только для того, чтобы перелетать над поверхностью воды. Доказательством того, что она утратила способность настоящего полета, служит факт, что в молодости

эта порода уток летает так же хорошо, как и другие представители утиных.

Нередко полное пользование крыльями, доставляя животному некоторое преходящее „удовлетворение“, ведет, однако же, к гибельным для него последствиям, вследствие чего такое животное не может быть „счастливым“. Подобные примеры мы встречаем особенно у насекомых. Ученые были поражены фактом, что между жуками океанических островов очень многие лишены крыльев, несмотря на то, что их материковые родичи снабжены ими вполне. Факт этот объясняется, по теории Дарвина, предположением, что насекомые, летавшие вблизи океана, часто заносились в море и погибали в нем, и что поэтому на океанических островах должны были вымирать жуки, сохранившие способность полета, а выжили, главным образом, такие, которые, по словам Дарвина, „либо от малейшего недостатка в развитии крыльев, либо от *прирожденной лени* подвергались в меньшей мере опасности быть занесенными в море“ („Происх. видов“, русск. перевод, 1873, стр. 108).

Предположим для удобства, что жуки океанических островов могли рассуждать о своих поступках так же, как люди. Если бы между ними находились последователи учения гр. Толстого, то они должны бы были решить, что так как у них есть крылья и они, следовательно, „так устроены, что им необходимо летать“, то „неестественно“ воздерживаться от воздушных странствований и нужно предпринимать их без всякого дальнейшего размышления. В результате большинство этих последователей было бы занесено в море, а более счастливыми оказались бы жуки, находившиеся в оппозиции и решившие, что, несмотря на их природное устройство, им нужно как можно менее пользоваться своими крыльями. Уоллестон, наблюдавший образ жизни насекомых на Мадейре, отметил факт, что тамонские крылатые жуки большей частью скрываются, пока не засветит солнце и не утихнет ветер, т.-е. что они развили в себе особенную осторожность в употреблении крыльев, благодаря которой они и могли удержаться, несмотря на близость океана.

Все это не случайно выхваченные примеры для того, чтобы показать несостоятельность зоологической аргументации гр. Толстого, а лишь иллюстрация самого общего положения, что организм животного не есть нечто прочное, данное раз навсегда, но, напротив, нечто весьма изменчивое и притом изменчивое под влиянием привычек, идущих иногда даже в разрез с анатомическим устройством. Раз же организм изменчив, то и то, что „свойственно“ ему, также непостоянно.

Применим эти выводы к человеку. По мнению гр. Толстого, подобно тому, как птица счастлива только тогда, когда она упражняет все свои органы, „точно так же и человек, когда он ходит, ворочает, поднимает, таскает, работает пальцами, глазами, ушами, языком, мозгом, тогда только он удовлетворен, тогда только он—человек“. Это нужно понимать именно в смысле учения о гармоническом отправлении всех органов, как прочных

основ, составляющих постоянное и неотъемлемое свойство человеческого организма. Посмотрим же, чему учит наука о человеке. Оказывается, что человек, являясь результатом очень длинного и притом одностороннего генетического процесса, имеет целую сумму органов, уже утративших свое значение, и немало таких, которые, хотя и могут совершать свое отправление, но видимо идут к полному упадку. Органы эти вдвойне интересны, так как с одной стороны, они показывают неосновательность преклонения перед данной организацией и черпания из нее основ поведения, а с другой стороны, они являются неопровержимыми доказательствами происхождения человека от других, более низких организмов.

У ребенка, еще не выучившегося ходить, ступня и пальцы ног способны к гораздо более разнообразным движениям, чем взрослого человека; сгибательные движения стопы и хватательные — пальцем ноги — у него совершаются легко. В основе этих движений заложены мускулы, которые могут быть развиты посредством упражнения, как мы и видим это у тех безруких, которые выучиваются писать и рисовать кистью ноги. У некоторых „дикарей“, ноги которых никогда не бывают стеснены обувью, движение ступней и пальцев ног гораздо свободнее. Вообще же стопа взрослого человека, становясь органом поддержания тела в вертикальном положении и передвижения его, постепенно утрачивает разнообразные движения стопы и пальцев, при чем утрачиваются (в более или менее полной степени) и некоторые мускулы.

С точки зрения учения гр. Л. Толстого следует развивать разнообразные движения стопы, так как они составляют природное „свойство“ человеческого организма и поэтому совершенно „естественны“. Обувь же, которая сковывает стопу, мешая движению ее частей, является, таким образом, противоестественным изобретением культуры, которое необходимо устранить (Знаменитые сапоги, о которых так часто говорилось по поводу сапожной деятельности гр. Л. Толстого, должны быть безусловно забракованы, на основании его же собственного учения).

Анатомическое устройство и развитие человеческой ноги ясно указывают на то, что она развилась из конечности, подобной руке, т. е. что предки человека могли ступнею обхватывать различные предметы и двигали пальцами ног приблизительно так же, как многие обезьяны. Эти сложные и разнообразные движения утрачивались постепенно, при чем ступня, все более и более упрощаясь, превратилась в цельный малоподвижный орган. Несмотря на сохранившиеся еще задатки более сложного развития ступни, не представляется ни малейшей надобности развивать ее за исключением единичных случаев, когда, за неимением рук, человек упражняет свою ступню, да и то не ради удовлетворения непосредственной потребности в действии существующим органом, а ради стремления наполнить жизнь сложной механической работой (писать, шить, рисовать).

Не только ступни и нижние конечности вообще, но и весь организм человека переполнен органами, которые хотя и могут

еще действовать, тем не менее клонятся к явному упадку, а также—и притом в еще большей степени—органами уже совершенно заглушенными, так называемыми остаточными, или рудиментарными. Известный анатом Видерсгейм собрал в очень интересном очерке ¹⁾ все данные, относящиеся к этому предмету. Из приложенного им перечня оказывается, что на девять органов, представляющих у человека явные следы прогрессивного развития (головной мозг, мускулы рук и лица, седалищные мышцы, расширение крестца и входа в таз, а также лопаток), приходится двенадцать органов, идущих к упадку, хотя и способных еще совершать свои отправления (упрощение мускулов ноги и ступни, а также пирамидальной мышцы, 11 и 12 пары ребер, обонятельные бугры и носовые раковины, слепая кишка, клыки и пр.) и семьдесят восемь рудиментарных органов, или вовсе недеятельных, или же способных к отпавлению только в очень слабой степени. Органы этой последней категории, представляющие остатки животных предков различных степеней, рассеяны почти по всем органическим системам человека. Тут мы находим остатки и хвоста с его мускулами, и несколько лишних пар ребер, а также ушных и затылочных мышц и нервов, червеобразный отросток слепой кишки, зубы мудрости и придаточные зубы, остатки шерсти и пр. и пр. Одним словом, эти многочисленные органы ясно свидетельствуют, что в человеческом теле заключается остаток целого ряда чисто животных предков, некоторое наследие которых еще и теперь не окончательно угасло и дает себя чувствовать в той или другой форме.

Вот что такое, следовательно, человеческая природа, которую ставят в основу нравственной жизни. Низшее животное сидит в нем еще далеко не заглушенным, а способным, напротив, вырваться наружу. Предоставьте ему только свободно развиваться на том основании, что оно составляет „естественное свойство“ нашего организма, и оно не замедлит вырваться.

Человеческая природа, такая, какую ее раскрывает перед нами наука, не указывает также и на существование особого закона гармонического развития отдельных частей. Рядом с прогрессивным развитием лишь немногих органов совершается регресс в области гораздо большего количества аппаратов. Человек явился в результате одностороннего, а не всестороннего усовершенствования организма и примыкает он не столько к взрослым обезьянам, сколько к неравномерно развитым их зародышам. С точки зрения чисто естественно-исторической, человека можно бы было признать за обезьяньего „урода“, с непомерно развитым мозгом, лицом и кистями рук.

Не обнаруживая следов равномерного развития всех систем органов, человеческая природа не представляет нам и достаточной гармонии с нашими стремлениями и требованиями от нее. Положение это, развитое мною в нескольких статьях ²⁾, всего

¹⁾ Der Bau des Menschen. Freiburg, 1887.

²⁾ Вестн. Европы, 1871, I; 1874, I; 1877, II.

лучше иллюстрируется примерами из области органов размножения, как одной из наиболее сложных органических систем. Различные аппараты, входящие в эту систему, развиваются не рука-об-руку, как это бы следовало с точки зрения человеческих стремлений и интересов. Чувствительная часть аппарата развивается гораздо раньше и сохраняется часто гораздо дольше, чем самые существенные из этой системы органов. Отсюда широкий разлад между отделами механизма, который бы должен был действовать в строгом согласии, и источник многочисленных страданий и так называемых „неестественных“ действий.

Изучение других органов человека также убеждает в том, как далеко их устройство от того идеала, который может формулировать наука. В одной из моих цитированных статей я уже приводил мнение И. Мюллера и Гельмгольца о несовершенстве нашего глаза, при устройстве которого „природа как бы нарочно скопила противоречия для того, чтобы устранить все основания теории предсуществующей гармонии между внешним и внутренним миром“.

Одним из основных источников разлада и дисгармонии является то, что человек, происшедши от животных, живших в одиночку или небольшими стадами, должен был развиваться в существо с самой широкой общественностью. В этом пункте и заключается самое больное место его природы, которая в этом-то направлении и подлежит самой капитальной переделке.

В результате всего этого ряда соображений получается вывод, что зоологический принцип, по которому устройство организма должно служить критерием поведения, не может быть признан за пригодную к руководству основу нравственной жизни. Действуя всей суммой готовых, способных к отправлению органов, мы тем самым санкционируем *консервативный* принцип, не взирая на могущие произойти отсюда невзгоды. Таково, например, летание, в случаях когда развиты крылья, но когда это движение приводит к беде. Развивая же все „естественные, врожденные свойства“, даже такие, которые уже клонятся к упадку, мы можем вызвать *возвратное развитие*, т.-е. вернуться к таким животным свойствам, которые уже были более или менее устранены. Таким образом, человек мог бы вернуться на степень четверукого животного, если бы стал усиленно развивать „естественно свойственные“ ему задатки мышц стопы.

IV.

Для того, чтобы лучше уяснить значение вышеприведенной критики, попытаемся применить ее к частным положениям учения гр. Толстого.

Одно из основных положений этого учения заключается в проповеди физического труда, которому всякий человек должен предаваться в усиленной степени, для того, чтобы, повинаясь единственно разумному и верному „закону жизни“, идти по пути

к истинному счастью. Руки и ноги должны служить для физического труда, т.-е. для того, на что они „даны“, „а не на то, чтобы они атрофировались“ (XII, 450). Следуя этому правилу, гр. Толстой решил, что человек, вполне способный к умственному труду, должен прежде всего собственными руками делать всю работу, необходимую для удовлетворения его физических потребностей. Поэтому „на вопрос, что нужно делать,—явился самый несомненный ответ: прежде всего, что мне самому нужно—мой самовар, моя печка, моя вода, моя одежда,—все, что я могу сам сделать“ (XII, 432). В результате получилось такое распределение времени, что из шестнадцати часов ежедневного бодрствования гр. Толстой стал употреблять восемь на физический труд (4 на ремесло, 4 другие на более грубую работу), четыре—на умственный труд и столько же на общение с людьми. Следствием такого изменения образа жизни, введшего правильное чередование разных родов труда, явилось ощущение неиспытанного до той поры благополучия и довольства, отразившихся, по мнению гр. Толстого, и на качестве произведений его умственного труда.

Если все люди последуют этому примеру и станут жить сообразно с „законом жизни“, то тогда „уничтожится то ложное разделение труда, которое существует в нашем обществе, и установится то справедливое разделение труда, которое не нарушает счастья человека“ (XII, 441). Противоположное мнение людей науки доказывает только, что последние идут по совершенно ложному пути под влиянием желания освободить себя от всякого дела и оправдать неестественное и несправедливое поглощение чужого труда. Наука вообще, такая, какой она большей частью является в наше время, не заслуживает никакого внимания и уважения, так как она, прилепившись к сильным мира сего, идет наперекор здравому смыслу и ищет лишь оправдания тунеядства и праздности.

Хотя многие органы человека и животных „даны“ именно „на то, чтобы они атрофировались“, т.-е., другими словами, что человек и животные унаследовали от своих предков, между прочим, такие органы, которые для их же благополучия должны были или должны будут атрофироваться, и хотя у человека такие атрофические явления и произошли в значительной степени в ногах (как мы видели в предыдущей главе), тем не менее, никто не станет серьезно утверждать, чтобы передние и нижние конечности должны были целиком или в значительной степени атрофироваться. Но от этого до необходимости для людей, способных к умственному труду, упражнять их в течение восьми часов ежедневно—целая пропасть. Многие виды умственной работы сами по себе уже требуют мускульного труда. Таким образом, именно занятие большей частью естественных наук сопряжено часто с значительным упражнением мускулов конечностей, особенно рук. Лабораторная техника со всеми ее усложнениями и усовершенствованиями сама по себе уже обеспечивает ученого от излишнего ослабления мышечной системы. Если на это скажут, что занятия многими науками не представляют подобной гарантии, то

можно возразить, что если уж следует отдавать часть времени на упражнение мускулов, то пусть такие ученые займутся лучше физикой, химией или биологией, так как эти специальности, сопряженные с физическим трудом, будут для них гораздо полезнее, чем умение ставить самовары, тачать сапоги и т. п. занятия.

Отнюдь не сомневаясь в том, что некоторая физическая работа очень желательна, а иногда просто необходима для людей умственного труда, следует, однакоже, признать преувеличенными часто повторяющиеся отзывы о несовместимости серьезного и упорного умственного труда с бездеятельностью мускульной системы. Между большими полушариями головного мозга и мышцами вовсе не существует такой тесной зависимости, чтобы недоразвитие или болезнь одного из этих органов необходимо вызывали соответствующее изменение и в других. Между этими органами нет и подобия такого соотношения, как, например, между половыми органами и волосами на лице, когда недоразвитие первых обязательно влияет на развитие бороды и усов. Между нервной и мускульной системами иногда замечается даже обратное отношение, т. е. усиленное развитие одной рядом со слабостью другой, подобно тому как нередко недоразвитые или вовсе атрофированные органы заменяются в своем отпращивании другими. Это наблюдается именно в мышечной и железистой системах; так, здоровая почка усиленно развивается, принимая на себя роль больного органа.

Поражение органа умственной деятельности, ведущее к полной потере рассудка, нередко совмещается с очень значительным развитием мышечной системы и вообще с цветущим физическим состоянием. И, наоборот, самая интенсивная умственная работа вяжется со слабым здоровьем вообще и болезненностью нервной и мускульной систем в частности. Как известно, самый гениальный из биологов нашего века, Дарвин, отличался почти всю свою жизнь расстроенным здоровьем, и это не помешало ему быть первым по качеству и интенсивности умственного труда. Так как этот аргумент может показаться бессильным именно в глазах гр. Толстого, который считает Дарвина ученым, стоящим ниже всякой критики, то я попробую привести другой пример.

По мнению гр. Толстого, только тот может быть признан настоящим ученым, кто трудится „для пользы народа“ и направляет свою деятельность на „участие в борьбе с природою за свою жизнь и жизнь других людей“. Этим требованиям может вполне удовлетворить самый гениальный из ныне живущих биологов, Пастер. Хотя он в глазах гр. Толстого и грешен тем, что много занимался вопросом о произвольном зарождении (который отнесен у гр. Толстого — XII, стр. 393 — к числу праздных вопросов), но зато он научил, как избавиться от болезни шелковичных червей, разорившей многих французских и итальянских крестьян, нашел способ предохранять домашних животных от сибирской язвы и некоторых других болезней, и, наконец, придумал предохранительное лечение от бешенства, спаситель-

ное по преимуществу для бедных людей вообще (которые больше подвергаются укушениям бешеных животных) и для крестьян, даже русских крестьян в частности. Притом же это лечение, пригодное не только для „тех людей, которые ничего не делают“ и „которые все могут достать себе“ (т. XII, стр. 401), так как оно производится бесплатно, придумано ученым, не принадлежащим к врачебному сословию и нередко находящимся в оппозиции к последнему, что тоже должно увеличить его вес в глазах гр. Толстого. И что же? Пастер произвел большую часть этих гениальных открытий, даже не имея возможности самому выполнять лабораторную работу, так как более двадцати двух лет у него парализована целая половина (левая) тела. Механическая его деятельность вообще сводилась лишь к прогулкам с целью отдохновения и изредка к игре на бильярде. Несмотря на свою физическую немощь, Пастер, однакоже, решил много важнейших вопросов науки теоретической и прикладной и притом решил не одной способностью к гениальной интуиции, а упорным, неутомимым умственным трудом. С ним не случилось того, что рассказывает гр. Л. Толстой о наиболее образованном члене одной знакомой ему общины, — члене, который должен был готовиться днем к вечерним лекциям. „Он делал это с радостью, чувствуя, что он полезен другим и делает дело хорошее. Но он устал от исключительно умственной работы, и здоровье его стало хуже. Члены общины пожалели его и попросили итти работать в поле“ (XII, 444).

Помимо сказанного, многочисленные примеры людей с параличом ног, продолжающих работать мозгом и руками, а также безруких, работающих ногами и достигающих значительного умственного развития, убеждают в том, что учение о необходимости усиленного физического труда для умственной деятельности должно быть ограничено. Сошлюсь для примера на один частный случай, представляющий нам крайнее недоразвитие тела ¹⁾. Несколько лет назад напоказ публики была выставлена старая девица, лет 50—60, имевшая росту не более пол-аршина, при чем голова, нормальных размеров, занимала около половины длины всего тела. На ничтожном, искривленном туловище были прикреплены маленькие руки, из которых правая не могла совершать движений без помощи левой; ноги, в сильной степени атрофированные, оставались в горизонтальном положении и были совершенно неподвижны. Несмотря на поразительное недоразвитие костной и мышечной систем, у описываемого субъекта „все чувства, равно как и умственные способности, память и способность суждения были превосходно развиты“. Необходимо также иметь в виду, что, с другой стороны, и требования серьезного умственного труда не допускают траты значительного количества времени на мышечную работу. Достижение тех, практически столь важных, результатов Пастера и его лаборатории, о которых я только что

¹⁾ См. статью проф. А. Брандта, *Archiv für pathologische Anatomie*, 1886 июль, стр. 540.

упоминал, было мыслимо лишь благодаря упорному и непрерывному труду, продолжавшемуся часто по двенадцати часов в день. Ученые, преследующие какую-нибудь серьезную задачу, в лучшем случае могут совершать небольшую прогулку в виде отдыха и часто не успевают отвечать на все делаемые им запросы. Какая же при этом возможность ограничивать умственный труд четырьмя часами в день, отдавая восемь часов на физический труд и еще четыре часа на общение с людьми? Немыслима, даже с первого взгляда менее трудная комбинация, предлагаемая некоторыми другими реформаторами общественной жизни, которые требуют, чтобы каждый человек „ежедневно посвящал четыре или пять часов на производительный труд“, т.-е. „на производство необходимых принадлежностей жизни, доставку сырого материала и обучение“, тем более, что и сами авторы такого проекта признают, что „при подобных условиях мы, быть может, будем иметь менее Дарвинов, т.-е. менее тех гениев, которые трудами, составляющими плод тридцатилетней работы, производят переворот в науке и создают новые отрасли знания“. Их и теперь чересчур мало, этих гениев, а что же будет, если в самом деле осуществится проектируемая реформа?

Я близко знаю одного русского ученого, который, будучи совсем молодым человеком, в шестидесятих годах (следовательно, задолго до проповедей гр. Л. Толстого), задумал соединить занятия естественными науками с образом жизни, основанным на теории „гармонического отправления частей для блага целого“. С этой целью он стал жить, стараясь по возможности сам удовлетворять своим потребностям, совершенно вроде того, как впоследствии гр. Л. Толстой, когда он решил, что он должен делать все, что ему „самому нужно — мой самовар, моя печка, моя вода, моя одежда“ (XII, 432). Только мой ученый обходился вовсе без самовара и старался, елико возможно, упростить жизненный обиход, лишь в редких случаях чистя платье и сапоги, прибирая комнату и пр. Несмотря на то, что уже вскоре стали сказываться очень чувствительные неудобства от такого „соединения труда“, тем не менее, молодой естествоиспытатель оставался верным принципу и крепился сколько было сил. Но однажды, глубокой осенью, он серьезно захворал и, находясь в беспомощном состоянии, был перевезен друзьями на их квартиру и принят на их доброе попечение. С тех пор он уже не возвращался к „естественному“ и „гармоническому“ образу жизни.

Свой вывод о возможности сократить умственный труд до четырех часов в день гр. Л. Толстой основывает, очевидно, на неверных данных. Так, например, он говорит о „свободных у каждого умственного работника десяти часах в день“ (XII, 454) и утверждает, что „служитель науки, т.-е. служитель и учитель истины, заставляя других людей делать для себя то, что он сам может сделать, половину своего времени проводит в сладкой еде, курении, болтовне, либеральных сплетнях, чтении газет, романов и посещении театров“ (XII, 395). Я нисколько не сомневаюсь в том, что гр. Л. Толстой взял эти примеры из действительной

жизни, так как и мне самому известны подобные случаи (причем „болтовня“ и „сплетни“ носят нередко и совсем не либеральный характер), но я решительно не признаю возможным основывать на них оценку людей, серьезно занимающихся наукой и двигающих ее вперед. Достаточно сколько-нибудь близкого знакомства со многими русскими и западно-европейскими учеными для того, чтобы решительно утверждать, что в подобной праздности они нисколько не повинны, и что их образ жизни отнюдь не мирится с употреблением ежедневно восьми часов в день на мускульный труд и четырех — на общение с людьми. Случаи же, действительно поразительные, на которых гр. Толстой основал свое неправильное заключение, доказывают лишь то, что есть люди, которые совершенно напрасно и несправедливо пристроились к науке, и относительно которых было бы очень желательно, чтобы они даже и четырех часов в день не посвящали умственному труду, а занимались бы исключительно физическим. Беда только в том, что такие люди всегда останутся глухи к проповедям гр. Толстого и что их совесть вообще ничем расшевелить невозможно.

Говоря о необходимости продолжительного физического труда, гр. Л. Толстой часто ссылается на свой собственный пример. Никто не сомневается в том, что гр. Толстой — гениальный беллетрист, который доставил людям неисчислимое благо, но именно его-то пример и не может служить аргументом в пользу его воззрения. Писательство большей частью не требует такого продолжительного и разнообразного труда, как другие виды умственной деятельности и особенно научные занятия. Хотя гр. Толстой и говорит, что он „занимался всю свою жизнь умственным трудом“ (XII, 441), но из его же собственных признаний видно, что он „половину дня прежде проводил в тяжелых усилиях борьбы со скукою“ (XII, 443), и что самые дорогие требования его от жизни, „именно требования тщеславия и рассеяния от скуки, происходили прямо от праздной жизни“ (XII, 435). При таких условиях, разумеется, очень хорошо, что гр. Толстой обратился к усиленному физическому труду, хотя нельзя не пожалеть, что, принимаясь за публицистические и философские трактаты, он не уделил больше четырех часов в день на умственную работу. Чересчур продолжительное упражнение мышечной системы, очевидно, не оставило ему достаточно времени, чтобы ознакомиться со многими научными вопросами, относительно которых он часто высказывает очень резкие и совершенно неверные суждения (например о дарвинизме, о бесполезности исследований, о протоплазме и о мн. др.).

Предлагаемый гр. Толстым проект ограничения разделения труда не может быть принят как по шаткости его естественно-исторической основы (необходимости развивать все свойственные организму части), так равно и по невозможности ограничить требования серьезного умственного труда. Из того, однакоже, что разделение труда между людьми не может быть устранено, еще не следует, чтобы человеческая совесть не возмущалась неспра-

ведливостью черезчур усиленного разделения труда и не искала способов помочь беде. Решение этой задачи, составляющее идеал, к которому стремятся многие люди, будет правильно только под условием, если от него не пострадают самые существенные интересы умственного труда, необходимого для борьбы с природою вообще и с отрицательными сторонами человеческой природы в частности.

V.

Ссылка на свойства женской природы как на доказательство того, что вся деятельность женщины должна исключительно сосредоточиваться около рождения, кормления и воспитания детей, и что поэтому занятия науками для нее представляют нечто неестественное и нежелательное, сделалось до того избитым местом, что ее повторяют везде и всюду, у нас и на западе Европы, ученые и неученые люди. На ту же точку зрения стал и гр. Л. Толстой со свойственной ему страстностью. Я уже приводил некоторые выдержки из его статей, которые целиком посвящены развитию этой темы. Уже в библии сказано, что женщине дан закон рождения детей, всякое отступление от которого неестественно и преступно. Для этой цели нет надобности в занятии науками, которое, под предлогом развития, ведет к „одурению“ и к тому же препятствует рождению детей (XII, 462). „Женщина, проводящая большую часть своей жизни в свойственном исключительно ей труде рождения, кормления и возвращения детей, будет чувствовать, что она делает то, что должно, и будет возбуждать уважение и любовь других людей, потому что исполняет то, *что предназначено ей по природе*“ (468).

Я не знаю, как смотрит теперь на все это гр. Толстой после того как он написал „Крейцерову сонату“ и „Послесловие“ к ней, но я тем охотнее останавливаюсь на приложении метриопатического воззрения к женскому вопросу, что здесь, повидимому, представляется самое серьезное затруднение для взглядов, которые я провожу в своих очерках. Нельзя в самом деле отрицать, что женская природа специально приспособлена к произведению и воспитанию детей, а не к выполнению высших форм умственной работы. Все попытки доказать противное, как, например, в известном трактате Дж. С. Милля о женщинах, обнаруживают лишь с большою силою справедливость этого положения.

Недостаток инициативы — качества, столь существенного для занятия высшими родами человеческой деятельности, как наука и искусство, составляет одну из выдающихся особенностей женского склада. Это видно даже в такой области как музыка, где, несмотря на отличную и продолжительную школу, женщина не могла пойти дальше виртуозности. Вряд ли будет ошибочно предположить, что женщины вообще учатся музыке гораздо больше и дольше, чем мужчины, и, несмотря на это, из них не вышло ни одной хотя бы второстепенной композиторши. Даже

в сферах кулинарного и швейного искусств женщины обнаруживают несравненно менее таланта, чем мужчины. И самый организм их представляет род остановки в развитии, как в этом можно убедиться при сравнении женского и мужского черепов и целого ряда других признаков ¹⁾.

Нельзя согласиться с мнением тех, которые думают, что чисто женская деятельность для поддержания потомства может быть без труда совмещена с серьезным занятием какой-нибудь отраслью науки или искусства; немногие исключения, на которые ссылаются в подобных случаях, не могут быть возведены в общее правило. Примеры же из крестьянской жизни, где женщина согласует произведение часто многочисленного потомства с усиленным физическим трудом, еще менее доказательны, так как тут, во-первых, идет речь о физическом, а не умственном труде, несравненно более прихотливом, а главное, от этого совмещения получается крайне небрежное выращивание и воспитание детей, сопряженное с значительной смертностью последних.

Если, с одной стороны, нельзя не признать, что женская природа, приспособленная более специально для целей размножения, стоит ниже мужской по отношению к высшим проявлениям умственного труда, то, с другой стороны, нельзя не видеть, что уже с довольно давних пор среди женщин назрело серьезное и твердое стремление к самым высшим сферам человеческой деятельности. Это стремление очень многим казалось неестественным, незрелым и смешным, простой погоней за какой-то модой; но непреложные факты показали противное. Разумеется, между многими женщинами, пожелавшими проникнуть в эту новую и трудную для них область, оказалось немало и таких, у которых эти стремления были недостаточно серьезны и прочны, и которые поэтому должны были остановиться или попятиться назад; но нашлись и такие, которые остались верны своему идеалу.

С первого взгляда легко может показаться, что во всем этом заключено какое-то основное противоречие; но при ближайшем рассмотрении дела предположение это падает. Очевидно, что в так называемом женском вопросе обнаруживается сильное внутреннее, как бы инстинктивное стремление опередить природу, перешагнуть узкие рамки, наложенные „естественными свойствами“ женского организма. И в этом нет ничего особенно парадоксального, так как сходные явления совершались и теперь совершаются в животном мире.

Так как высшие животные, т.-е. позвоночные, не представляют нам случаев столь развитой общественности как человек, то нам поневоле придется спуститься в область более низких животных. К счастью, насекомые, являющие нам примеры очень сложной общественной жизни, оказываются высоко одаренными и во многих других отношениях. Среди них наиболее развитые общества наблюдаются у термитов, муравьев и пчел. Хотя последние две группы насекомых и относятся к одному и тому же отряду

¹⁾ См. Очерк „Вступление в брак“, Вестник Европы, 1874, I.

(перепончатокрылых), тем не менее не может подлежать сомнению, что общественность развилась у них вполне независимо друг от друга. О совершенно же самородном происхождении общественных форм термитов не может быть и вопроса, так как эти насекомые принадлежат к другому отряду — прямокрылых. Что же мы наблюдаем у них? Оказывается, что во всех этих наиболее сплоченных и сложных животных обществах, рядом с разделением труда между различными особями, установилось бесплодие значительного количества индивидуумов, и притом гораздо больше среди женских особей. Бесплодные самцы развились только у термитов. Эти бесплодные насекомые выполняют все общественные работы, а некоторые из них играют роль воинов, защищая гнезда от нападения и, в свою очередь, нападая на других животных.

Тот факт, что при столь тесном общественном сплочении обязательно и независимо друг от друга (т.-е. помимо наследственной передачи) развилось бесплодие большинства особей, уже само по себе указывает на крайне важное значение этого явления для благополучия, счастья целой общины.

При рассмотрении вопросов человеческой жизни с естественно-исторической точки зрения обыкновенно встречается то важное неудобство, что у людей мы находим еще незаконченные, часто только начинающиеся явления, тогда как у животных, которых мы берем для сравнения, процессы представляются в их готовой, окончательной форме. Так и в данном случае. В то время как у людей замечаются лишь первые шаги на пути к бесплодию, у общественных насекомых, как у муравьев, пчел и термитов уже вполне установилось такое разделение отправлений, при котором лишь немногие члены общины служат для размножения, огромное же большинство их, негодное для производства потомства (за исключением разве некоторых особенных случаев), выполняет все работы и охраняет безопасность общины. Было бы поэтому очень интересно, если бы можно было подыскать пример более подходящий, т.-е. найти такой случай, который бы позволил нам несколько ближе проникнуть в самый процесс возникновения бесплодия у самок общественных насекомых.

Обратимся с этой целью к одному виду осы, водящемуся во Франции и южной Германии, известному под названием „галльской осы“ (*Polistes gallica*) и превосходно изученному покойным зоологом Зибольдом¹⁾. У этой осы еще не произошло такого глубокого разделения особей, как у пчел, муравьев и термитов. Кроме самцов, у нее встречаются самки, различающиеся между собою по величине: более крупные и более мелкие самки. У этих обеих форм органы размножения развиты вполне, и мелкие самки имеют так же, как и большие, все, что необходимо для оплодотворения и кладки яиц. В этом отношении они отличаются от работниц-пчел, так как у последних аппарат размножения

¹⁾ Beiträge zur Parthenogenesis der Arthropoden. Leipzig, 1871.

недоразвит, и они лишены органов, делающих возможным оплодотворение.

Но между большими и меньшими самками галльской осы уже установились значительные различия в образе жизни и инстинктах. Перезимовывают только большие самки, и они же кладут начало общине. Обыкновенно в начале весны одна такая самка устраивает сама небольшое гнездо из пережеванной древесины, из которой она приготовляет массу в роде папье-маше. Вскоре она кладет в каждую ячейку гнезда по яйцу, из которых выходят беспомощные червеобразные личинки. „Дальнейшее развитие этих личинок, — говорит Зибольд, — совершается медленно, так как самка-царица, принужденная единолично заботиться о целом гнезде, не в состоянии доставить достаточное количество корма для своих голодных личинок“ (стр. 18). В июне из таких недокормленных личинок вылупляется целый маленький рой ос, которые и оказываются вышеупомянутыми мелкими самками. Эти последние тотчас же принимаются за работу, увеличивают гнездо и доставляют новому поколению личинок обильную пищу, вследствие чего „личинки растут быстрее, становятся больше и превращаются, наконец, в более крупных ос, которые размерами не уступают самке-царице“ (21). Благодаря полезной работе мелких самок, гнезда тщательно охраняются от многочисленных ночных врагов (как, например, пауков, ухверток, мокриц и пр.), которые нередко уничтожают всех личинок в то время, когда мелкие самки еще не вылупились, а самка-царица спокойно спит, не заботясь о судьбе своего потомства.

Столь деятельные в работе для обеспечения общего блага колонии мелкие самки оказываются очень бесчувственными в любовном отношении. На ухаживание вылупившихся и созревших в течение лета самцов „мелкие самки не обращают ни малейшего внимания. Они слишком заняты уходом за личинками и обыкновенно прогоняют вон назойливых ухаживателей“ (стр. 41). Эти самки, однакоже, сохраняют способность, в случае нужды, класть неоплодотворенные яйца, из которых могут вылупляться только самцы.

В этом примере мы, таким образом, видим один из первых шагов разделения труда между самками и приобретения бесплодия среди общественных животных. Самка-царица еще выполняет работу, но она уже не может справиться сама с все́м потомством, и целой общине грозит беда, если не являются своевременно мелкие самки, занятые, главным образом, работою для „общего блага“. Природа этих самок устроена так ¹⁾, что они легко могли бы вступать в супружество. С метриопатической точки зрения так бы и следовало. Поклонники созерцания с „природными свойствами“ должны бы были возмутиться и восстать против „неестественного“ поступка мелких самок, отвергающих

¹⁾ Зибольд несколько раз (стр. 17, 20, 56) с особенным ударением настаивает на том, что в анатомическом отношении мелкие самки устроены так же точно, как и крупные, и имеют все устройство, необходимое для брачной жизни.

женихов, предпочитающих оставаться в девственности целую жизнь и посвящать последнюю уходу за чужими детьми. Те же проповедники должны бы были не менее возмутиться и поведением самки-царицы, плодящей множество детей, которых она сама не в состоянии охранить и прокормить, а передает для этого в чужие руки. Если бы обе формы самок послушались голоса таких моралистов и перестали следовать своим стремлениям, то, как легко предвидеть, община бы распалась, и отдельные члены ее пострадали бы. Повиновение же таким инстинктивным побуждениям, несмотря на кажущуюся неестественность, привело к развитой общественной жизни, какую мы видим, например, у пчел.

Вся эта история галльской осы убеждает в том, что *изменения инстинктивные, функциональные могут идти впереди изменений органов и показывать им путь*. Можно предсказать, что если дальнейшее развитие общественности у этой осы пойдет по тому же направлению, то оно приведет к изменению в устройстве органов размножения у мелких самок и к установлению двух резко отличных форм: работниц и цариц, подобно тому, как это встречается у пчел.

Если мы приложим добытые данные к женскому вопросу, то должны будем прежде всего заметить, что природные свойства женского организма, приспособленного к деторождению, не могут служить ни малейшим препятствием к удовлетворению стремления некоторых женщин посвятить себя высшим сферам умственного труда. Для этого даже нет надобности, чтобы у таких женщин было такое же равнодушие к браку, как у девственных галльских ос, хотя и известны многочисленные примеры отращения женщин к брачной жизни. Эти и многие другие, вообще довольно частые в человеческом роде, отклонения половых инстинктов указывают на то, что первый шаг на пути к бесплодию уже сделан. Весьма возможно, что с этого начался процесс обособления в человеческих обществах, сходный с тем, который гораздо далее подвинулся у насекомых, и что современем установится, хотя и не столь резкое, разделение людей на наиболее и наименее плодотворных или даже и вовсе бесплодных. Последние, имея возможность посвятить себя исключительно высшим сферам человеческой деятельности, будут служить обществу главным образом умственным трудом ¹⁾.

Боязнь, что при таком неравномерном распределении размножения люди, высшие в умственном отношении, не оставят прямого потомства, которое бы могло поддерживать и развивать наиболее драгоценные для общества качества, оказывается при ближайшем рассмотрении несостоятельной. Пример насекомых с

¹⁾ Насколько этот вопрос сложен даже с чисто биологической точки зрения, показывает тот факт, что сам же Мечников выше в предисловии говорит, что „гениальность вообще составляет вторичный половой признак“ и находится в связи с ролью сока предстательной железы (простаты). Этим своим утверждением он совершенно уничтожает заявление, что в будущем высшими сферами человеческой деятельности займутся „вовсе бесплодные“. См. Кр.

крайним обособлением бесплодия и разделением труда в общинах доказывает вполне, что недеятельные и неразвитые родители (царица и трутень у пчел) могут производить гораздо более способных и трудолюбивых потомков (пчел-работниц), и что изменения, наблюдаемые у этих бесплодных насекомых, могут повторяться и совершенствоваться в целом ряде поколений. Это может быть объяснено таким образом. Самка производит массу яиц, в которые вложены самые различные задатки; в то время как в одних зародышах вполне развились только одни из этих задатков, у остальных развились совершенно другие. Пчела-царица с слабо развитым мозгом, произведшая работниц с очень совершенной нервной системой, сама могла иметь неразвившиеся впоследствии задатки очень высоко одаренного мозга, Дарвин приводит еще следующий пример. Есть породы озимого левкоя с махровыми, следовательно бесплодными, и простыми, дающими семена, цветами. Последние будут соответствовать царицам у пчел, а махровые цветы—бесплодным работницам. Левкой эти размножаются исключительно семенами, из которых происходят, однакоже, большей частью махровые цветы и только в более редких случаях простые, семяноносные. Здесь махровость передается посредством немахровых, простых цветов. В приложении к человеку это ведет к предположению, что плодовые люди будут передавать по наследству признаки своих высоко одаренных бесплодных родителей. Эти последние, как нужно думать, оказались выдающимися лишь вследствие того, что в них совершилось полное развитие задатков, которые были получены ими непосредственно от их плодовых родителей. Положим, что в какой-нибудь семье есть ясно выдающийся, но бесплодный деятель. Сам он не может передать своих признаков потомству, но сходный талант может обнаружиться у какого-нибудь другого члена семьи, например, у племянника, сестры или брата. Предположения эти, равно как и факты унаследования у общественных насекомых и озимых левкоев, вполне вяжутся с современными представлениями о наследственности, по которым признаки, приобретенные после рождения, никогда не передаются потомству. Последнее же получает лишь задатки, которые могут передаваться из поколения в поколение и развиваться обильно или глхнуть.

Боязнь, что установление частного бесплодия поведет к общему вымиранию, тоже не должна быть признана основательной, так как при процессе дальнейшего обособления, рядом с бесплодием одних индивидуумов, должна или, по крайней мере, может усиливаться плодовитость других, подобно тому как это совершилось в мире общественных насекомых. Уже и теперь мы видим, что в семье, в которой есть несколько детей, не составляет существенного отягощения иметь их еще двоих или троих, между тем как жизнь бездетного супружества сразу изменяется самым коренным образом с той минуты, как в ней рождается ребенок. Необходимо также иметь в виду, что с успехами культуры и главным образом научной медицины смертность вообще, и в детском возрасте в особенности, уже и теперь значительно умень-

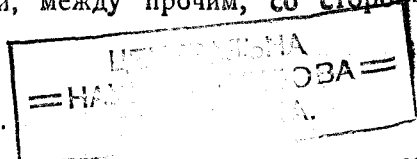
шившаяся, будет современем становиться все меньше и меньше. Возможно даже, что вызванное этим увеличение народонаселения обусловит необходимость позаботиться об уменьшении числа рождений, и тогда подготовленное развитием частное бесплодие обогатит всю свою полезность.

Пример постепенного понижения процента увеличения народонаселения во Франции, о котором теперь, после доклада Ланьо, идет так много толков, ничего не доказывает в нашем вопросе. Во всяком случае тут не может быть и речи о пагубном влиянии женского научного образования, так как оно почти целиком отсутствует у французских женщин. Уже скорее как раз наоборот. Распространение среди них серьезного образования, способного только искоренять вкусы к роскоши и пустым утехам в жизни вообще, может содействовать поддержанию необходимого уровня размножения.

Не забегая далеко вперед, можно и теперь убедиться в пользе посещения высших курсов и вообще участия женщин в высшем умственном труде. Не говоря о тех из них, которые остаются верными своей специальности и идут по раз избранному пути, даже те женщины, которые потом покидают высшие сферы деятельности, сохраняют все-таки вкус к ним и поддерживают его в близких им людям, вместо того чтобы противодействовать развитию и потворствовать стремлениям к пустой и праздной жизни. Хотя, как выше было сказано, женщины в музыкальном отношении стоят значительно ниже мужчин, но сколько пользы принесли они успехам музыки тем, что развивали и поддерживали вкус к ней в детях и вообще близких им! Кому не известен в этом отношении пример матери нашего гениального композитора и виртуоза А. Рубинштейна, игравшей такую роль в развитии музыкального таланта своих детей? То же самое приложимо и к научной области.

Мы получаем в результате этого рассмотрения женского вопроса с биологической точки зрения, что и тут, как во многом другом, самые интересы развития не вяжутся с преклонением пред готовыми и несовершенными формами, данными природным устройством человеческого организма, а, напротив, требуют чуткого и внимательного отношения к проявляемым стремлениям к идеалу, который упорно пробивается наружу, несмотря на всякие оказываемые со всех сторон и, между прочим, со стороны гр. Л. Толстого препятствия.

VI.

При рассмотрении женского вопроса нам пришлось целиком разойтись с воззрением гр. Л. Толстого, который в данном случае последовательно стоит на принципе преклонения пред готовыми формами человеческой природы и во имя его попирает идеал, ясно выразившийся. В вопросе об умственном и мускульном труде мы также были вынуждены возражать графу Толстому;

только тут мы выделили исповедуемый им идеал—проповедь против роскоши и стремление помешать превращению человека в бессмысленную машину—от попытки доказать, что необходимо отодвинуть научную деятельность на задний план и обратиться к усиленному мышечному труду.

Нельзя не сочувствовать гр. Л. Толстому в его проповеди гуманности и мягкого обращения с людьми и животными, но не потому, чтобы мучить и убивать людей и животных было „противно и мучительно природе человека“, а, несмотря на то, что мучить людей и животных очень свойственно человеческой природе. Подобно тому как детеныши хищных животных играют в травлю, а взрослые животные наслаждаются мучением своих жертв, так и дети находят большей частью величайшее удовольствие в мучении и убийстве животных. Столь распространенная страсть к охоте у детей и у взрослых, воинственные наклонности и зверство, обнаруживаемое во всех случаях, когда делается возможным свободное проявление инстинктов, служат явными опровержениями мнения гр. Л. Толстого.

Можно предположить, что наклонности зоологических прародителей человека были очень свирепы, и что эти предки характером своим скорее напоминали гориллу, чем шимпанзе. От них-то должны были унаследоваться те зверские привычки, которые так часто дают себя чувствовать в человеческом мире.

Несмотря на все это, нельзя не желать, чтобы в борьбе со злом, возникающим из дурных сторон человеческой природы, употребляемы были сколь возможно мягкие меры. Разумеется, невозможно согласиться с гр. Л. Толстым, когда он допускает насилие только по „отношению к ребенку и только для избавления его от предстоящего ему тотчас же зла“. (В чем моя вера, стр. 195), так как в действительности должно быть признано несравненно большее число исключений, в которых необходимо прибегнуть к насилию. Но тут различие не принципиальное, а чисто количественное, раз сам гр. Толстой признает, что правило: „не противясь злу насилием“ не может быть применено во всей его последовательности. С другой стороны, нельзя не пожелать распространения его на приемы литературной критики и полемики, так как чересчур запальчивая речь с пеной у рта, клеймение противников позорными эпитетами и приписывание им самых низких побуждений („оглушение“ противников, „одурение“ противниц, „дармоеды“ ученые и художники, жрецы науки и искусства, „самые дрянные обманщики“, и многое другое, чем пересыпаны статьи гр. Л. Толстого) может только повредить делу, заставив, пожалуй, подумать, что такие приемы служат лишь для прикрытия слабости основной аргументации.

В какую сторону мы бы ни обратили внимание во всех этих жизненных вопросах, везде мы видим более или менее резкое раздвоение. С одной стороны, унаследованная от животных предков природа со всеми ее отрицательными сторонами, с другой—

сильное, непреодолимое стремление к идеалу, к лучшему будущему. Это последнее выражается то в форме верований в такое состояние, когда люди предстанут в ином образе, и воцарится справедливость, то в форме мечтаний о золотом веке, который осуществится на земле, то в виде веры в прогресс, и историческую справедливость. Хотя критике удастся разрушить эти иллюзии, тем не менее, в конце концов все же всплывает иногда луч надежды на то, что положение, быть может, еще не так отчаянно. При этом необходимо всегда иметь в виду, что многие вопросы, которые прежде казались неразрешимыми, уступили человеческому уму и энергии, и что, успешно борясь с природою, человеку удалось многое изменить, если не в своей собственной природе, то в природе окружающих его существ.

Процесс, посредством которого совершалось развитие и изменение форм в органическом мире, сводится в конце концов к естественному подбору, т.е. к переживанию существ, наиболее одаренных в борьбе за существование, рядом с вымиранием наименее приспособленных организмов. В результате этого процесса получилось множество органических видов, носящих на себе явные признаки целесообразности в устройстве их тела. Нужно думать, что и человек обязан своим происхождением той же силе естественного подбора, проявившей свое действие на каком-нибудь зоологическом человекообразном прародителе.

Воззрение это, составляющее сущность дарвиновского учения, в течение более чем тридцатилетней борьбы выдержавшего самую тяжелую пробу, в настоящее время составляет краеугольный камень всей биологии, да и не одной только биологии, а и других, соприкасающихся с ней, отраслей знания. Правда, гр. Л. Толстой считает его результатом „праздных играний мысли людей так называемой науки“ (XII, 382) и думает, что от него можно отделаться двумя, тремя шуточками (например вроде приписывания дарвинизму нелепости, будто „из роя пчел может сделаться одно животное“) и возражением, „что никто никогда не видал, как делаются одни организмы из других“ (там же), точно будто наука может ограничиваться только тем, что можно видеть непосредственно глазами! Я не стану здесь останавливаться долее на этой „критике“, так как она не заключает в себе ни одного признака таковой, и считаю себя тем более в праве сделать это, что мною был напечатан целый ряд статей в „Вестнике Европы“ за 1876 год, в которых я старался изложить в популярно-научной форме все значение дарвиновского учения, не скрывая, разумеется, и его недостатков.

В человеческом мире, рядом с развитием сознательности, „естественное“ стало уступать место „искусственному“¹⁾, и естественный подбор стал перерождаться в искусственный. Произошло это потому, что „искусство“ значительно ускорило процесс развития, оказавшись, следовательно, вообще очень полезным.

¹⁾ Термин „искусственный“ подбор надо заменить термином „социальный“, и тогда будет более правильное понимание роли этой „социальной“, или искусственной, среды.

Поясним это последнее положение примером. Перемена климата застала и человека, и животных недостаточно приспособленными к низкой температуре; но в то время как у последних это приспособление могло совершиться лишь с помощью развития обильного волосяного покрова и отложения подкожного жира, у человека оно произошло благодаря искусству одеваться. К счастью, наши предки не остановились перед тем, что, так как природа создала их голыми, то они не должны были прикрываться „нестественной“ одеждой; они последовали своему непосредственному чувству, побуждавшему их согреться, и в результате оказались победителями над природою.

Захватывая все большую и большую область, искусство стало менять и облик организмов, окружавших человека. При этом с очень давних пор выступил на сцену искусственный подбор, посредством которого удалось в относительно короткое время отобрать и упрочить путем наследственности множество драгоценных для человека свойств. В тех случаях, когда такой подбор совершается вполне сознательно, люди, посвятившие себя этой специальности, начинают с того, что намечают прежде всего цель, к которой они должны стремиться. Дарвин, резюмируя данные о подборе голубей, выражается так: „Подбор производится методически в том случае, когда заводчик старается улучшить или изменить породу, согласно предвзятому *идеалу* ¹⁾. Установление последнего не есть дело простой фантазии или прихоти; для того, чтобы наметить идеал, который бы был осуществим, необходимы точное знание природы организма и достаточная доля инициативы. Идеал этот никогда не будет простой копией с действительности, а всегда результатом синтеза последней с человеческим воображением и мышлением. Вот почему даже в такой узкой и определенной области, как искусственный подбор домашних животных, требуется так много данных от намечающего путь „идеалиста“. Многочисленные любители животных и растений устраивают собрания, на которых они, после долгого обсуждения, намечают идеал, к которому должно стремиться, и выражают его в программе, за осуществление которой полагается приз“.

Этот процесс подбора может служить образцом того, как должно сложиться „искусство“ в более высоком и широком смысле слова, т.е. как изящное искусство, так и житейское искусство, или практическая философия. В обоих на первом плане должен быть поставлен идеал как продукт синтеза внутреннего и внешнего мира. Изящное искусство не должно быть реалистическим, в смысле рабского подражания действительности; оно может и должно переходить за пределы последней. Когда любитель-садовод или животновод вызывает созданный им идеал на рисунок, то последний изображает животное или растение не такими, каковы они в действительности, а такими, какими они должны быть впоследствии. Только если он серьезный „идеалист“,

1) Прирученные животные и возделанные растения. Русск. пер., I, стр. 227

то в своем идеале он будет сообразоваться с природою и ее законами, которых нельзя обойти.

То же и в житейском искусстве, или этике. Моралист не должен останавливаться рабски перед готовыми формами, как бы „естественны“ или „свойственны природе“ они ни казались. Он должен стараться перешагнуть через эти границы, чтобы идти по направлению к идеалу, наметченному опять-таки на основании всех данных действительности.

Во всей этой обширной области искусства требуется, следовательно, идеализм, основанный на точном и всестороннем знании. Если бы кому-нибудь вздумалось наметить идеалом приобретение крыльев, согласно представлению о воздушных ангелах и других подобных существах, то такая цель должна была бы быть отвергнута на основании закона, по которому развитие летательной перепонки или настоящих крыльев стесняет движение конечностей, столь важных для человека, и еще на основании того, что ближе к цели можно притти усовершенствованием воздухоплавания. Если же идеалом является, например, изменение некоторых природных свойств, мешающих женщине удовлетворить непреложное стремление в высшие сферы человеческой деятельности, то я не вижу причины, почему бы нельзя было направить искусство к достижению такой цели.

Бесспорно, что переход от естественного подбора к сознательному, искусственному в приложении к человеку должен составить критический и поэтому крайне трудный период в жизни человечества. Он требует, с одной стороны, свободного развития идеальных стремлений для определения того разумного идеала, к которому можно направить деятельность; с другой стороны, он немыслим без значительных успехов положительного знания. Так как оба эти условия касаются самых деликатных и нежных отпрысков человеческой деятельности, которые легко глохнут от слишком грубого прикосновения действительности, то неудивительно, что по временам может явиться сомнение в успешности дальнейшего развития и самый мрачный взгляд на будущность.

Вывод, сделанный более тридцати лет назад Боклем в результате обзора пути, пройденного человечеством, подтверждается с каждым днем все более и более. Самые прочные успехи, добытые людьми, это именно те, которые совершены при помощи положительного знания. Самые серьезные надежды, которые можно лелеять, должны быть возложены на дальнейшие успехи в той же области. Отсюда ясно, что непосредственной нашей целью должно быть все то, что может в наибольшей степени содействовать этим успехам.

Против науки и развивающейся под ее влиянием культуры уже не раз раздавались самые страстные протесты. Остановить ее движение они, однако же, были не в силах. Не менее талантливая, чем полемика гр. Л. Толстого, проповедь Ж.-Ж. Руссо, действовавшая притом в такое время, когда знание еще пусто

далеко меньшие корни, и та не была в состоянии хоть сколько-нибудь заметно затормозить успехи его. Нужно надеяться, что и новая проповедь автора статьи „О назначении науки и искусства“ не окажет большого влияния.

Правда, у нас существуют, повидимому, какие-то особенные условия, благоприятствующие всему, что враждебно науке и культуре. Замечательно, что при той склонности к исканию идеала, о которой было упомянуто в начале этой статьи, у нас в то же время пользуются особенной симпатией учения, идущие против науки. Стремление в народ, возвращение к физической работе, „упрощение жизни“ и пр.,—все это только различные формы, в которые облеклась потребность разорвать связь с серьезным научным трудом. Не объясняется ли это явление до некоторой степени примером из жизни той общины, о которой говорит гр. Л. Толстой и наиболее образованный член которой, после приготовления к вечерним работам, „устал от исключительно умственной работы“ (XII, 444)? Быть может, наши мозги, лишь с недавнего времени направленные на умственный труд, просто не выдерживают того упорного и постоянного напряжения, которое необходимо для серьезного занятия наукою, и инстинктивно влекут нас назад. Некоторую аналогию этому явлению представляют примеры из жизни более первобытных людей, которые, несмотря на обширные природные дарования и на легкость, с какой они усваивают европейскую культуру и науку, по истечении известного времени разрывают со всем этим и успокаиваются только тогда, когда возвращаются к своему прежнему образу жизни. Если это предположение справедливо, то беде можно помочь правильной организацией обучения и постепенным приучением к упорной мозговой работе. В таком случае можно надеяться, что неутомимый научный труд, соединенный с непреодолимым стремлением к идеалу, не замедлит принести обильные плоды.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О СТАРЧЕСКОЙ АТРОФИИ.

1.

В то время, когда естественный подбор еще не был открыт, биологов всего более занимал вопрос о гармонии в природе. Казалось непонятным, каким образом, не прибегая к таинственным силам, объяснить замечаемое на каждом шагу удивительное приспособление органов к их отправлениям. Но когда Дарвин и Валлас показали, что в природе происходит как постоянный подбор существ, приспособленных к жизни, так и истребление организмов, менее пригодных к борьбе за существование, поставленный вопрос разрешился столь неожиданно, как и просто.

После этого можно было обратиться к изучению явлений дисгармоний, окружающих нас. В своем превосходном сочинении об оплодотворении растений через посредство насекомых Герман Мюллер ¹⁾, рядом со множеством удивительных приспособлений, установленных естественным подбором, описывает примеры совершенно противоположного характера. В особенности интересен его рассказ о бедственных приключениях с божьими коровками, пробирающимися в цветы с целью получить мед из нектарников и не достигающими цели.

Жизнь человека переполнена подобными проявлениями дисгармоний. Длинный период развития, предшествующий взрослому возрасту, представляет нам немало таких примеров. Таким образом, различные отделы функции размножения, вместо того, чтобы созреть одновременно, развиваются по частям, отделенным более или менее длинными промежутками. Столь преждевременное развитие полового чувства, появляющегося в то время, когда нормальное отправление органов размножения безусловно немыслимо, ведет часто к очень печальным последствиям. Даже созревание половых продуктов начинается в таком возрасте, когда общая зрелость организма еще недостаточна для правильной половой жизни.

Потеря функции размножения совершается также скачками, обнаруживая не менее очевидную дисгармонию. Половая чувствительность, сохраняясь гораздо долее, чем некоторые другие сто-

¹⁾ Die Befruchtung der Blumen durch Insecten. 1873, стр. 167.

роны полового отправления, влечет за собою невзгоды, быть может, столь же важные, как и слишком преждевременное ее развитие. Бесплодная любовь стариков представляет нам еще новое доказательство отсутствия гармонии в исчезновении половой функции.

Но здесь мы подходим к биологическому явлению, представляющему самый поразительный пример дисгармонии в человеческой жизни. Я имею в виду отсутствие инстинкта старости и естественной смерти.

Выполнение многих физиологических отправлений влечет за собой ощущение пресыщения и некоторой усталости. После дневного труда инстинктивно ощущается потребность отдыха и сна. Было бы столь же естественно, если бы после взрослого возраста мы испытывали инстинктивное желание состариться, а после более или менее продолжительной старости мы бы спокойно ждали естественной смерти.

В действительности же мы видим прямо противоположное этому. Только в исключительных случаях люди стремятся умереть, и никто в мире не желает состариться. Тут, очевидно, кроется противоречие со всей совокупностью естественных явлений. Эта предохранительная дисгармония тем более заслуживает нашего внимания, что она играла и продолжает играть огромную роль в жизни человека.

Страх смерти должен был с незапамятных времен озабочивать людей. Ему следует, очевидно, приписать представление о будущей жизни и бессмертии. Эта мысль легла основанием многообразным верованиям, прошедшим через всю человеческую историю.

В своем знаменитом трактате о старости Цицерон ¹⁾ при помощи всевозможных соображений старается доказать преимущество старости и смерти. Но он тем не менее приходит к понятию о бессмертии души, как к крайнему доводу. „Природа,—говорит он,—не сделала пребывание на земле вечным, а обратила его лишь во временное пристанище“. И, убаюканный этой гипотезой, он прибавляет следующие знаменательные слова: „Если я ошибаюсь, веруя в бессмертие души, то эта иллюзия мне приятна, и я не хочу, чтобы у меня отняли ее, пока я жив“.

Со времени Цицерона прошло около двух тысяч лет, и человечество все еще находится приблизительно на той же точке зрения. Один из самых знаменитых современных писателей, граф Л. Толстой, во многих сочинениях развивает ту мысль, что смерть страшна лишь для тех, кто не имеет веры. Он дает яркую картину этого страха смерти у неверующих в загробную жизнь и описывает состояние душевного спокойствия умирающих после того, как они уверовали.

В своей исповеди Толстой описывает свое душевное состояние в то время, когда он пришел к выводу, что жизнь не имеет смысла, так как ежеминутно мы можем быть застигнуты смертью,

¹⁾ Полное собрание сочинений с французским переводом Pierrot и Pommier. О старости, т. XVIII.

после чего от нас „ничего не останется, кроме смрада и червей“. Все его попытки выйти из этого затруднения иначе, как при помощи религии с ее верованием в бессмертие, привели его только к отрицанию основ нашей цивилизации. Отсюда вытекла столь резкая ненависть против науки, не способной ни решить задачи жизни и смерти, ни внести хотя какое-либо утешение в его твердую душу.

А между тем наука, как и религия, имеет один из своих глубочайших источников в боязни смерти, которая легла в основу медицины, а через ее посредство—и всех биологических наук вообще. Интересно, поэтому, попытаться свести итоги, полученные наукою в исследовании задачи естественной смерти и ведущей к ней старости.

2.

Смерть кажется нам чем-то до такой степени естественным и неизбежным, что на нее с давних пор смотрели как на свойство, присущее всем организмам. Но когда биологи стали ближе изучать этот вопрос, они тщетно пытались найти какие-либо доказательства этого положения, принятого всеми, как догмат. В своей речи о продолжительности жизни Вейсман ¹⁾ развил ту идею, что одноклеточные растения и животные бессмертны. Так как эти существа размножаются посредством часто повторяющегося деления, то легко представить себе, что они могут жить бесконечно, с тем, что в течение всего их существования ни разу не встретится случай естественной смерти. По мнению Вейсмана, эта последняя могла развиться лишь у многоклеточных организмов вследствие обособления клеток на элементы, служащие для размножения, и на соматические. Притом же он смотрит на естественную смерть как на приспособление, полезное для вида, т.-е. „как на известного рода уступку внешним условиям существования, а не как на нечто неизбежное, имеющее своим основанием самую сущность жизни“. Преследуя эту мысль, Вейсман приходит к заключению, что „истинную причину смерти следует искать не в устарении соматических клеток, а скорее в предельности их способности к воспроизведению“.

Если часто повторяющееся деление одноклеточных организмов, вместе со следующим за ним восстановлением отошедших частей, обеспечивает им бесконечную жизнь и предохраняет их от смерти, то не видно основания, почему нельзя бы было приложить тот же вывод и к многоклеточным существам, часто делящимся, таковы некоторые полипы, микростомы и пр. Некоторые Metazoa могут, поэтому, быть столь же бессмертны, как Protozoa и другие одноклеточные организмы.

По мнению Вейсмана, естественной смерти высших существ предшествует обыкновенно уменьшение воспроизводительной способности соматических клеток, в чем, следовательно, и должна бы заключаться существенная основа старости.

¹⁾ Ueber die Dauer des Lebens. Jena, 1882, стр. 27.

Но прежде чем подойти к вопросу о внутренних явлениях старческого увядания, нам необходимо сделать обзор общих изменений, наблюдаемых в старости. Так как очень преклонный возраст всегда сопровождается уменьшением веса, то на старость принято смотреть просто как на атрофию ¹⁾. И в самом деле, атрофические явления преобладают в старости. Вот почему для того, чтобы составить себе надлежащее понятие о последней, необходимо бросить предварительно беглый взгляд на атрофию в организованном мире вообще.

В некоторых случаях атрофия состоит в уменьшении объема клеток, составляющих данный орган, при чем они не исчезают. Чаще клеточки атрофируются целиком, при чем наблюдаются два случая. Иногда клетки исчезают в соках организма или же они перевариваются внутри фагоцитов. Внеклеточное растворение тканей и клеток часто принималось как факт, хотя в пользу его никогда еще не было приведено ни одного истинного доказательства. Такие случаи однако же действительно существуют. Они очень редки и наблюдаются при исключительных условиях. Их можно легче констатировать при резорбировании некоторых клеток, т.-е. при явлении, сходном с атрофией. Так, если мы введем в лимфатический мешок лягушки немного крови морской свинки, то мы убедимся в быстром внеклеточном растворении красных шариков в лимфатической жидкости.

Подобное же явление может быть, на основании открытия Борде ²⁾, наблюдаемо у различных животных, которым по несколько раз впрыскивалась кровь других видов. При впрыскивании крови какого-либо позвоночного в брюшную полость морских свинок, красные шарики не перевариваются в плазме брюшной лимфы. Но если подобную операцию повторить несколько раз, то в результате получается плазма, растворяющая красные шарики, по крайней мере отчасти. Это растворение происходит несомненно вне клеток, а между тем во время первых впрыскиваний крови шарики исчезают только внутри лейкоцитов.

Я мог в этом убедиться с большой точностью, изучая резорбирование эритроцитов гуся в брюшной полости морских свинок. По истечении некоторого времени красные шарики захватываются одноядерными лейкоцитами и вполне перевариваются внутри них. После второго и третьего впрыскивания это захватывание, равно как и переваривание, совершается еще быстрее. Если после того таким образом подготовленным свинкам впрыснуть еще гусяной крови, то эритроциты обесцвечиваются в брюшной жидкости, но периферический слой их протоплазмы и ядра перевариваются исключительно лишь внутри макрофагов.

Подобно рассасыванию, и атрофия клеток чаще всего происходит внутри фагоцитов. После того как этот факт был констатирован при превращении иглокожих ³⁾, он был вскоре распро-

¹⁾ Смотри, напр., главу о старческой атрофии в „Основах патологии“ Подвысоцкого. Изд. 3-е, 1899.

²⁾ Annales de l'Institut Pasteur, 1898, стр. 688.

³⁾ Мечников. Arbeiten d. zool. Institut. Wien, 1883, т. X.

странен на лягушек ¹⁾ и мух ²⁾). В одних случаях атрофические клетки пожираются лейкоцитами, в других они захватываются особенного рода фагоцитами, как, например, мускульной саркоплазмой при атрофии поперечно-полосатых мышечных волокон.

Очень часто отвергали вовсе или же значительно уменьшали эту роль фагоцитов при атрофии клеток во время метаморфозы. Так, Нетцель ³⁾ и еще очень недавно Короваев ⁴⁾ описали превращение некоторых насекомых помимо участия фагоцитов. Не вдаваясь здесь в подробную критику этих работ, сошлюсь на то, что достаточно сличить их текст с приложенными рисунками (что касается специальной статьи Короваева) для того, чтобы убедиться в несомненном существовании фагоцитарных явлений, просмотренных автором.

Метаморфозы беспозвоночных, равно как и амфибий, преизобилуют фактами, доказывающими преобладающую роль фагоцитов при атрофии.

Тот же закон проявляется и в частичной атрофии рудиментарных органов. Как пример, я могу сослаться на атрофию хрусталика слепого протея каринтийских пещер, обусловленную проникновением фагоцитов внутрь органа.

То же правило приложимо и к физиологическим атрофиям. Так, например, Helme ⁵⁾ доказал, что при послеродовой атрофии матки фагоциты поглощают много клеточных элементов. Очень часто в этих атрофиях главную роль приписывают недостаточному притоку крови к атрофирующимся частям. Так, некоторые ученые предполагают, что причиной атрофии хвоста головастика является меньший приток крови. Это предположение однако же совершенно ошибочно. Источники атрофии тканей во время превращения гораздо глубже и заключаются в особенностях деятельности клеток. Как доказательство, сошлюсь на факт, что у многих беспозвоночных (иглокожие насекомые), у которых личиночные органы погружены в кровь и у которых сосудов вовсе не существует, тем не менее происходит как и у головастиков, атрофия одних и гиперплазия других клеток.

Ввиду столь широкого распространения атрофии через посредство фагоцитоза, не будет ничуть удивительно встретить тот же процесс и при патологических атрофиях. Известно уже немало примеров этого явления. Патологический фагоцитоз был исследован в особенности по отношению к поперечнополосатым мускульным волокнам. Обильное размножение мускульных ядер, давно уже замеченное при атрофии этих элементов, должно быть признано за одно из проявлений фагоцитарной деятельности. Оно тесно связано с гипертрофией саркоплазмы, играющей главную роль в атрофии сократительного вещества мускулов ⁶⁾. Подобный

¹⁾ Мечников. *Biolog. Centralblatt* 1883, т. III и *Ann. de l'Inst. Pasteur*, 1892.

²⁾ Ковалевский. *Zeitschr. f. wiss. Zool.* 1887.

³⁾ *Virchow's Archiv.* Т. 151, 1897.

⁴⁾ *Zeitschrift f. wiss. Zool.* 1898. Т. LXIV.

⁵⁾ *Transactions of the R. Society of Edinburgh.* 1889.

⁶⁾ Судакевич. *Annales de l'Institut Pasteur.* 1892, стр. 13.

же процесс был с давних пор установлен Ранвье ¹⁾ по отношению к атрофии нервных волокон. Он был подтвержден впоследствии несколькими другими учеными ²⁾.

Разрушение нервных клеток лейкоцитами при патологических процессах было наблюдаемо с очень давних пор ³⁾. В более недавнее время был поставлен вопрос, во всех ли случаях атрофия нервных клеток происходит подобным образом. В этом отношении следует упомянуть попытки с целью показать фагоцитарную роль клеточек невроглии, и в высшей степени вероятно, что эти элементы должно признать за нервные фагоциты, подобно тому, как саркоплазма служит фагоцитом мускульного волокна.

В то время, как при острых инфекциях главнейшая роль выполняется, за редкими исключениями, многоядерными лейкоцитами, при атрофии тканей она выполняется макрофагами. С этой точки зрения атрофия тесно примыкает к хроническому воспалению и к медленным инфекциям, как туберкулез и другие гранулемы. Макрофаги бывают различного происхождения. Ими могут быть или одноядерные лейкоциты, или эндотелиальные и соединительнотканые клетки, а также элементы невроглии и саркоплазма.

При рассасывании красных шариков, описанном выше, равно как и при разрушении других тканей, введенных в организм, фагоцитоз выполняется всегда одноядерными клетками. Когда в брюшинном экссудате находится вместе много полиморфноядерных лейкоцитов и макрофагов, то можно быть уверенным, что многие из числа последних окажутся заключающими полинуклеаров. Противоположный же случай не наблюдается никогда, что лишний раз доказывает, что только макрофаги служат органами рассасывания и атрофии животных клеток.

Обыкновенно думают, что фагоциты разрушают как ослабевшие клетки, так и ткани и органы, сделавшиеся бесполезными для организма. Выраженное в таком виде предположение это носит телеологический характер и может дать повод к очень важным недоразумениям. Есть много ослабевших клеток и ненужных органов, не становящихся добычею фагоцитов; с другой стороны, существует много элементов, очень важных для организма, и которые тем не менее пожираются ими. Настоящие рудиментарные органы, несомненно, не приносят никакой пользы организму, несмотря на что, однако же, они противостоят фагоцитозу. Рудиментарные глаза рыб (*Tiphlychtis subterraneus*), живущих в Мамутовом гроте Кентукки, или глаза протеев каринтийских пещер, не выполняют никакой роли в полной тьме, среди которой живут эти животные. Некоторые части их глаз претерпевают даже фагоцитарную атрофию, и тем не менее остается еще целый рудиментарный орган, нетронутый фагоцитами. То же правило применимо и к таким органам, как молочная железа самцов, половые

¹⁾ Leçons sur le système nerveux. 1878.

²⁾ Büneker. Beiträge z. pathol. Anatomie. 1891. T. X, стр. 321

³⁾ Л. Понов. Virchow's Archiv, 1875, т. 63, 421.

органы насекомых работниц, остающихся бесплодными, за весьма редкими исключениями. С другой же стороны, при голодании и в болезнях наблюдается часто несомненное ослабление некоторых клеточных элементов, сопровождающееся уменьшением объема, при чем эти клетки не поедаются фагоцитами.

Из всей совокупности этих фактов вытекает, что клетки, с целью противодействия макрофагам, должны обладать каким-то веществом, отталкивающим этих фагоцитов. В то время как элементам ткани так легко обеспечить себя против многоядерных лейкоцитов, им нужны совершенно особенные средства для того, чтобы избежать прожорливости макрофагов. Так как эти клетки поглощают нерастворимые неорганические вещества, как, например, угольный порошок, то ясно, что они не нуждаются в привлечении хемотактическими веществами. Поэтому в том, что они избегают здоровые элементы ткани, нужно видеть результат выделения этими элементами вещества, действующего отрицательно хемотактически. Если мы встречаем рядом со многими личиночными органами, поглощаемыми фагоцитами, другие, находящиеся тут же (как, например, имагинальные пластинки личинок иглокожих и насекомых), но избегающие фагоцитоза, то как причину, почему эти органы противостоят фагоцитам, следует признать существование предохранительного выделения. А так как, с другой стороны, мы так часто встречаем в тесной близи друг с другом клетки, поедаемые макрофагами и другие, избегающие их, то отсюда следует заключить, что предохранительное вещество непосредственно облегает выделявшую его клетку, не распространяясь на расстоянии. В этом отношении существует большое сходство с тем, что замечается у микробов, слизистая оболочка которых заключает вещество, отгоняющее фагоцитов.

На основании сказанного нужно думать, что было бы достаточно, чтобы, несмотря на ее полнейшую необходимость для организма, клетка потеряла способность выделять предохранительное вещество, чтобы она тотчас же была съедена фагоцитом. И это, по всей вероятности, случается во многих атрофических болезнях нервной системы и других важнейших органов.

Нельзя отрицать того, что между обыкновенной функцией данного организма и его способностью выделять предохранительное вещество должно существовать известное соотношение. Так, например, сокращение мускулов, раздражение глаза светом, должны возбуждать предохранительные выделения. Но было бы совершенно ошибочно думать, что между обеими функциями существует постоянное и необходимое отношение, так как клетки могут выделять предохранительное вещество, не выполняя своего обычного отправления. Существуют даже случаи, где разъединение обеих функций чрезвычайно резко. Так, эмбриональные органы во время их деятельного развития или в период застоя (как, например, имагинальные пластинки личинок) еще не выполняют своей обычной роли, что им не мешает однако же противостоять против тесно окружающих их многочисленных фагоцитов.

При атрофии физиологической, равно как и при патологиче-

ской, между клетками происходит непрерывная борьба, состоящая из нападения макрофагов, с одной стороны, и из самозащиты клеток при помощи выделения — с другой.

3.

Применимо ли общее правило для атрофий к старческому увяданию? Мы постараемся ответить на этот вопрос, опираясь на работы, накопившиеся в литературе по этому предмету.

Вот каким образом Самуэль резюмирует внутренний процесс одряхления в „Реальной Энциклопедии медицины“ Эйленбурга ¹⁾: „Старческое вырождение не зависит ни от пищепринятия, ни от питания, но является исключительным следствием типического расположения тканей и должно быть поэтому признано неизбежным явлением“.

Если мы бросим беглый взгляд на старческое вырождение, то увидим, что оно состоит из атрофии различных тканей, с частичным отложением жира и извести. „Эта клеточная атрофия, несмотря на всю ее обширность, не распространяется однако же на все клетки. Новые кровяные шарики переходят постоянно в кровь, и потери крови постоянно восполняются. Эпителий воспроизводится непрерывно; ранения кожи, соединительной ткани, а часто даже и костей заживают нормально и притом в обычные сроки; кости растут“. Во всем этом не видно того общего и прогрессивного уменьшения воспроизводительной способности клеток, какое предполагает теория Вейсмана.

Старческая атрофия тканей, несмотря на ее распространение, однако же не становится всеобщей. С давних пор уже было замечено, что соединительная ткань стариков представляет очень замечательное исключение из этого правила. В своих лекциях о болезнях стариков Шарко ²⁾ высказывается об этом вопросе следующим образом: „В чем же заключается этот процесс атрофии, распространяющейся на совокупность органов и тканей. Прежде всего здесь совершается процесс простой атрофии: клеточные элементы паренхимы и, быть может, также нервные клетки прогрессивно уменьшаются в объеме, не обнаруживая никакого существенного изменения в строении; это в особенности замечательно, по исследованиям Отто Вебера, относительно мускулов стариков, элементы которых бледны, малы и все почти одинаковых размеров, противоположно тому, что наблюдается у взрослых. Однако же соединительнотканная основа не принимает в соответствующей степени участия в этом процессе медленного разрушения; она, наоборот, становится преобладающей во внутренних органах, что было очень хорошо установлено доктором Бастьен по отношению к печени и большей части брюшных органов“.

Почти двадцать лет спустя Деманж ³⁾ приходит приблизительно

¹⁾ Статья „Marasmus“ в Eulenburg's Realencyclopaedie d. ges. Heilkunde. T. XII, 1887, стр. 540.

²⁾ Leçons sur les maladies des vieillards. Paris. 1868. Стр. 8 и 9.

³⁾ Etude clinique et anatomo-pathologique sur la vieillesse. Paris, 1886.

к тем же выводам: „... всего чаще соединительная ткань претерпевает настоящее раздражение, ведущее хотя и не к полному воспалению, но к размножению клеток и к последовательному склерозу. Этот склероз, смотря по обстоятельствам, развивается в виде островков или тяжей, начинаясь то с периферии органа, то с его глубины и заглушая в его отпрысках элементы органа, подвергающиеся вследствие этого атрофии и перерождению. Таким образом клеточный элемент мало-по-малу исчезает, соединительнотканная основа становится на его место и в некоторых случаях, как, например, в предстательной железе, она, вследствие усиленной гиперплазии, обуславливает увеличение органа сравнительно с его нормальными размерами. Впрочем, гораздо чаще последствием является общая или частичная атрофия“ (стр. 9).

Таким образом постоянно получается та же картина атрофии благодородных и специфических элементов тканей и их замена гипертрофированной соединительной тканью. Но каким образом объяснить механизм этих клеточных изменений? По мнению Деманжа их истинная причина заключается в первичном изменении артерий. Претерпевая склероз, они теряют способность достаточно питать органы, которые вследствие этого неизбежно атрофируются.

Весь процесс однакоже не так прост, как предполагает эта теория, и нам легко убедиться в том, что старческие изменения тканей должны зависеть от глубоко заложенных отклонений клеток. Для того чтобы доказать это, следует обратиться прежде всего к явлениям дегенерации, начинающимся задолго до склерозирования сосудов. Из всех органов яичники могут дать нам наиболее подходящие факты. Атрофия яичек начинается очень рано и продолжается в течение всей жизни, т.-е. совершается в такое время, когда не может быть и речи о нарушении питания вследствие артериосклероза. И тем не менее эта атрофия представляет совершенно тот же характер у молодых женщин, что и у старых и у старых самок вообще. Везде процесс сводится к развитию соединительной ткани, обуславливающей полное исчезновение яичек. Отрошкевич ¹⁾ напечатал в 1896 году диссертацию, в которой он резюмирует современное учение о старческом перерождении яичников. Яичниковые фолликулы замещаются волокнистой тканью и уже через четыре года после прекращения менструаций их не остается вовсе. Яичники сморщиваются и обнаруживают значительное уменьшение объема, т.-е. настоящую атрофию. Превращению фолликулов в фиброзные массы предшествует жировое перерождение яичек и клеток membranae granulosaе, вместо которых появляется сначала молодая, наполненная круглыми клетками соединительная ткань.

Хотя эта атрофия яичников была часто наблюдаема и описана, тем не менее внутренние процессы, составляющие ее сущность, еще недостаточно выяснены. Более известна атрофия яичников у низших позвоночных, начиная с птиц, при чем относительно нее

¹⁾ К вопросу о старческих изменениях. Диссертация. Спб. 1896.

мнения ученых согласуются вполне. Вот каким образом резюмирует этот вопрос Henneguе в очень интересном исследовании на эту тему ¹⁾: "... у птиц, рептилий, амфибий, рыб, фагоциты очень рано внедряются в желток, присоединяя свое участие к дроблению для размельчения желтка, который затем переваривается и всасывается. Эпителий фолликул, усиленно питающийся, гипертрофируется и доставляет новых фагоцитов, дополняющих и заканчивающих работу первых иммигрировавших клеток. В то же время замечается утолщение оболочки фолликула и образование сосудов, проникающих в *membrana granulosa* и могущих даже врасти в желток". Мы видим здесь пример, в котором атрофия, очевидно, зависит не от недостатка сосудов, а где она, напротив, усиливается вследствие их врастания в атрофическую ткань. "Фагоциты, *membrana granulosa*, переполненные питательным материалом, превращаются в соединительнотканые клетки, а фолликул обращается в конце концов в массу фиброзной ткани".

Результаты исследователей по отношению к атрофии у женщин и у млекопитающих вообще гораздо менее согласны и точны. Henneguе (стр. 34) думает: "... что у млекопитающих блуждающие клетки выступают лишь в последней стадии атрофии яйца и часто даже вовсе не проникают в его глубину. Если некоторые клетки *membrana granulosa* и проникают в яичниковые яйца млекопитающих, это внедрение совершается только в конечных стадиях перерождения; при этом они, по всей вероятности, играют роль фагоцитов и ускоряют исчезновение желтка. При перерождении, сопровождающемся раздроблением, клетки *membrana granulosa* в конце концов также внедряются между частями желтка и превращаются в фагоцитов" (стр. 32).

Судя по этому, атрофия яйца у млекопитающих существенно отличается от того же процесса у всех остальных позвоночных. Но нет сомнения в том, что последнее слово в этом вопросе еще далеко не сказано. На основании рисунков, приложенных к работе Ianosik'a ²⁾, следует заключить, что фагоцитарные явления при атрофии у млекопитающих наступают по крайней мере столь же рано, как и у других позвоночных. Henneguе упоминает с самого начала этого перерождения образование вокруг яйца пласмодия, что ясно указывает на развитие гигантских фагоцитов в этом месте. Ianosik изображает также (табл. 9, фиг. 3, 6, 7) протоплазматические массы с ядрами вокруг яичка и притом начиная с первых стадий атрофии.

В предыдущем мы видим пример атрофии, совершающейся одинаковым образом в молодости и в старости и притом в такое время, когда состояние сосудистой системы обеспечивает нормальное питание тканей. Гораздо справедливее отнести ее на счет внутренней борьбы между клеточными элементами, т.-е. между яичниковыми яйцами, с одной, и клетками *membrana granulosa*, с

¹⁾ Journal d'Anatomie et de Physiologie, 1894 Стр. 1.

²⁾ Archiv f. mikr. Anatomie. T. 48, 1897, стр. 169. Табл. IX.

другой стороны. Яичко, потерявшее способность самозащиты, претерпевает нападение со стороны окружающих клеток, которые его поглощают, сами превращаясь на месте в соединительную ткань.

Придаточные женские половые органы тоже претерпевают в старости атрофию, примыкающую к общему типу. Schnapper ¹⁾, описавший недавно старческое перерождение фаллопиевых труб, пришел к тому выводу, что все три слоя до такой степени прорастают соединительной тканью, что границы между ними становятся незаметны. Слизистая оболочка представляет сильное развитие молодой соединительной ткани, пускающей отростки, соединяющие соседние складки. Мускульный слой тоже пропитывается соединительной тканью, развивающейся в виде островков, разделяющих кольцеобразные мышцы на несколько частей.

Семенные железы атрофируются в старости гораздо менее, чем яичники, и перерождение притом распространяется лишь на некоторые отделы железы. Эпителиальный покров семенных канальцев претерпевает различное перерождение (пигментное, гиалиновое и пр.), но вокруг этих атрофированных частей всегда наблюдается новообразованная соединительная ткань. М. Павлов ²⁾ настаивает на том факте, что соединительная ткань при этом богата клетками различной формы, частью расположенными в виде длинных тяжей.

Но рядом с этими атрофированными отделами, проявляющими общий тип замещений специфической ткани соединительной, наблюдаются и другие, не отличающиеся заметным образом от нормального состояния. У старика 71 года Павлов нашел даже довольно значительное количество эпителиальных клеток в процессе митотического размножения и, кроме того, много зрелых семенных тел. Впрочем, уже с давних пор известно, что старики способны производить сперматозоиды, даже иногда в большом количестве. У старика 94 лет Павлов наблюдал, рядом с более или менее атрофированными канальцами, другие, находившиеся в деятельном состоянии и заключающие довольно много семенных тел.

Из других отделов мужских половых органов было исследовано в особенности старческое перерождение мужского члена, о котором г. Шурыгин ³⁾ напечатал недавно довольно подробную монографию. Всюду, в сосудах, нервах, кавернозных пространствах, он наблюдал то же преобладающее явление, т.-е. развитие соединительной ткани на счет других элементов. Половые тельца с их нервными окончаниями претерпевают подобную же атрофию. Часто Шурыгин видел внутри этих телец много клеток различной формы и величины; между ними он мог отличить остатки пластинок и лейкоцитов. „Судя по тому,—говорит Шуры-

1) Centralblatt für Gynäkologie, 1898. № 44, стр. 1201.

2) О патолого-анатомических изменениях семенных желез в старческом возрасте. Диссертация. Спб. 1894.

3) О патолого-анатомических изменениях в тельце virili в старческом возрасте. Диссертация. Спб. 1897.

гин,—что в нормальных генитальных тельцах не приходилось ни разу встречать такого обилия эндотелиальных клеток, образующих пластинки капсул, можно высказать предположение, что эта масса клеток в некоторых случаях могла произойти путем пролиферации, а может быть, и путем эмиграции“ (стр. 43).

Явления склероза в старческой печени и почках достаточно общеизвестны и примыкают всегда к тому же типу развития соединительной ткани на счет железистых эпителиев (см. у Demange'a l.c.). В нервной системе наблюдается подобная же атрофия; только здесь невроглия заглушает более благородные клетки. Факт усиленного развития невроглии у стариков был найден Golgi и позже подтвержден Weigert'ом. Шурыгин упоминает также о развитии невроглии в поясничном утолщении спинного мозга (l. c., стр. 46).

Недавно Pignat ¹⁾ описал участие лейкоцитов в старческой атрофии мозга. „Когда нервная клетка, состарившись,—говорит он,—оказывается менее стойкой, она легко становится жертвою лейкоцитов, которые ее поглощают, размельчают и растворяют без остатка. Лейкоциты и соединительнотканые клетки играют, таким образом, важную роль в процессе физиологической смерти нервной ткани“.

Так как морщины кожи составляют один из самых резких и нередко один из самых ранних признаков старости, то было обращено большое внимание на их микроскопическое строение, равно как и на строение старческой кожи вообще. Но, это следует особенно отметить, результаты этих исследований еще далеко не ясны. Все согласны в том, что наиболее постоянный признак старческой кожи состоит из особого изменения эластических волокон поверхностного слоя cutis. Эти волокна утолщаются, скрепляются между собою и часто претерпевают коллоидальное перерождение. Эластическая ткань глубоких слоев кожи представляет, наоборот, нормальное строение. Соединительная ткань обнаруживает некоторые признаки атрофии: она становится тоньше, нежели в молодости, в ней часто встречаются скопления круглых и удлинённых клеток. В то время как некоторые ученые, с Unna ²⁾ во главе, смотрят на это наводнение клетками, как на особенный процесс старческой кожи, другие наблюдатели, как, напр., Орбант ³⁾, утверждают противное. Во всяком случае, ни роль этих клеток, ни происхождение видоизменений поверхностных эластических волокон еще недостаточно выяснены. Эпидермис и другие части кожи (гладкие мышечные волокна, потовые и семенные железы и пр.) не представляют особенных изменений в старости.

Изменения эластических волокон, сходные с подобными же в коже, были наблюдаемы также в легких у стариков, особенно в легочной ткани старых астматиков ⁴⁾.

¹⁾ Comptes rendus de la Soc. de Biologie, 1898. Стр. 242.

²⁾ Цитировано у Орбанта, стр. 36.

³⁾ К вопросу о старческих изменениях кожи. Диссертация. Спб. 1896.

⁴⁾ Булатов. К вопросу об изменениях эластич. волок. легких в старческом возрасте. Дисс. Спб. 1897.

Во всех органах, старческие изменения которых мы рассмотрели, наблюдается также и перерождение сосудов. Некоторые авторы настаивают особенно на преобладающей роли артериосклероза в старческой дегенерации. Demange особенно горячо поддерживает это мнение. По его мнению: „...прогрессивный хронический эндопериартериит наблюдается постоянно при старческих повреждениях; он составляет, повидимому, естественный способ ослабления органов и замедления отправлений; он же обуславливает атрофию органов и атероматозное перерождение сосудов; он составляет главного деятеля старости“ (стр. 23).

Этиология артериосклероза еще далеко не вполне выяснена, но его стремятся все более и более приписать влиянию, оказываемому на сосуды со стороны вредных деятелей, попадающих в кровь. После того, как Porchet и Desoubry ¹⁾ доказали легко проникновение микробов в кровь у нормальных животных, сделалось очевидным, что сосуды должны постоянно противостоять их действию. С другой стороны, в последнее время убедились, что даже в болезнях, носящих местный характер, патогенные микробы гораздо чаще проникают в кровь, чем это думали ранее. Кроме того, помимо микробов, сосуды подвергаются постоянно влиянию ядов различного происхождения.

Совершенно естественно, что при таких условиях в сосудах постоянно происходит острое или хроническое воспаление, начинающееся в *intima* и распространяющееся на другие слои артерии. А отсюда—перерождение и атрофия, ведущие к уменьшению просвета артерий, и ослабленное питание органов. Было бы однако же несправедливо, как это делает Demange, слишком преувеличивать это влияние. Не разделяя мнения некоторых ученых, безусловно его отвергающих, можно вполне согласиться с Klebs'ом ²⁾, „что очень значительное уменьшение кровяного притока может не вести за собою никаких атрофических явлений. Все зависит здесь,—прибавляет он,—от деятельности тканей, которые, подобно растениям, могут добывать достаточное количество питательного материала из бедной им почвы“.

При старческом изменении сосудов, равно как и при перерождении других органов, дело кончается всегда значительным разрастанием соединительной ткани.

В виду этого преобладания в старости элементов мезобластического происхождения можно было бы предположить, что производящие их органы не должны подвергаться перерождению. Хотя и по этому вопросу наши настоящие сведения еще очень неполны, тем не менее, на основании показания некоторых авторов, нужно думать, что это предположение несправедливо.

Старческая селезенка, как это подтверждает Pilliet ³⁾, обнаруживает несомненную атрофию, распространяющуюся особенно на мальпигиевы тела, но в меньшей степени обнимающую и мякоть.

¹⁾ Comptes rendus de la Société de Biologie 1895. Стр. 344.

²⁾ Allgemeine Pathologie, Iena 1889, стр. 285.

³⁾ Archives de médecine expérimentale, 1893, т. V, стр. 520.

Он различает две разновидности селезенки у стариков: рыхлую, с расширенной мякотью, и плотную, окруженную утолщенной капсулой. Эти различия сами по себе уже достаточны, чтобы доказать, что перерождение селезенки у стариков должно зависеть еще от других причин, кроме старости.

Лимфатические железы также претерпевают более или менее резко выраженную атрофию в старости. По исследованию Захарова ¹⁾, старческое перерождение лимфатических желез состоит иногда в превращении в жировую и соединительную ткани. Но несмотря на несомненную атрофию этих органов, производство лимфоцитов в железах продолжается даже в самой глубокой старости, хотя в меньшей степени, чем в молодости.

Нужно думать однако же, что это производство лимфатических клеток довольно значительно для того, чтобы их хватало на инфильтрацию большого количества тканей, атрофирующихся в старости. Будущие исследования должны будут выяснить кажущееся противоречие между сильным развитием соединительной ткани, следующей за нашествием лимфоцитов, и атрофией органов, производящих бесцветные тельца.

4.

Из всего предыдущего вытекает лишь один несомненный вывод, а именно недостаточность современных знаний о процессе старческой атрофии. В самом деле, удивительно, до какой степени мало добыто точных сведений, относящихся к столь важному отделу биологии. Можно почти согласиться с Brunetier'ом в его упреках науке за то, что она пренебрегает вопросом о том: „куда мы клонимся?“. Только вместо того, чтобы признать, что наука не занимается решением этой задачи потому, что она к тому не способна, следует лишь отметить, что, несмотря на свою компетентность в этом деле, наука не дала себе достаточно труда для разъяснения этого столь важного вопроса. Мы думаем, что она может значительно его подвинуть, занявшись систематически его изучением. В настоящее же время, так как невозможно притти к окончательным выводам, позволительно, по крайней мере, высказать несколько гипотетических взглядов, могущих послужить для первоначального ориентирования в столь существенном и в то же время в столь сложном вопросе.

Факты, изложенные в предыдущей главе, не говорят в пользу теории старческого истощения способности клеток к размножению. Во-первых, потому, что мы на каждом шагу наблюдаем размножение соединительной ткани, а во-вторых, потому, что мы встречаем иногда даже ненужную роскошь воспроизведения семенных клеток у стариков. Но более всего говорит против указанной теории истощения факт частого развития, даже в самой глубокой старости, различных новообразований.

Теория артериосклероза, как главной причины старческой атро-

1) Об изменениях лимфатических желез в старческом возрасте. Диссерт. Спб., 1894.

фии, также не может быть признана, потому что эта атрофия гораздо более всеобща, чем перерождение сосудов. Мы уже указывали на появление атрофии яичниковых яиц задолго до первого появления артериосклероза и ссылались на явления атрофии, усилившиеся вследствие вставания новых сосудов. К этому следует еще прибавить раннюю атрофию некоторых органов, как, например, грудной железы.

Более правдоподобно предположение, что старческая атрофия является следствием внутренних клеточных процессов, своего рода борьбой между элементами тканей, все более и более усиливающейся с возрастом. Мы видели—и это главнейшее явление старости,—что здесь происходит атрофия всевозможного рода клеток, замещаемых гипертрофированной соединительной тканью. В этой борьбе макрофаги, т.-е. грануляционные клетки, превращающиеся в соединительную ткань, одерживают победу над более благородными элементами нашего организма. Глубоко заложенная сторона этой победы еще далеко недостаточно выяснена, но некоторые примеры, рассмотренные в предыдущей главе, указывают на то, что тут дело заключается в фагоцитозе. Возможно предсказать, что с успехами науки процесс фагоцитного воздействия в этой борьбе будет еще резче обнаружен. В этом отношении вопрос о старческом вырождении сильно напоминает состояние наших сведений о превращении животных в период до вмешательства теории фагоцитов.

Существенная основа борьбы за существование между клетками заключается в их неравенстве. Все вредные влияния, действующие на организм, очень различным образом отражаются на различных тканевых элементах. Из всех клеток наибольшей чувствительностью отличаются яичниковые яйца. Во-первых, они наименее разборчивы в выборе поглощаемых веществ. После впрыскивания тетанического токсина в тело курицы легко убедиться в том, что в то время как значительное большинство клеток не поглощает эту опасную жидкость, яичниковые яйца, напротив, всасывают ее в большом количестве. Этой жадностью их и объясняется столь легкая атрофия яичниковых яиц. По Henle в яичнике восемнадцатилетней женщины заключается 36.000 яичек, из коих едва $\frac{1}{200}$ оказывается в состоянии уйти за пределы этого органа. Все остальные претерпевают процесс атрофии, т.-е., просто говоря поедаются, фагоцитами еще во время пребывания в яичнике. Легко представить себе это громадное распространение атрофии яйцевых клеток, совершающейся главным образом в период жизни, когда не может быть и речи об артериосклерозе, обусловливающим недостаточное питание. Значительная чувствительность яичниковых яиц доказывается еще легкостью, с которой малейшее изменение внешних условий влечет за собою бесплодие. Известно, что животные, содержащиеся в неволе, несмотря на хорошее питание, очень часто оказываются неспособными к размножению. Mingozzini¹⁾ нашел, что у таких

1) Ricerche fatte nel Laborat. di Anat. normale di R. Univ. di Roma. 1893 т. III.

животных переродившиеся фолликулы более многочисленны, чем у животных, живущих на свободе и исследованных в те же времена года.

После яичек наибольшей чувствительностью к ядам отличаются нервные клетки. Roux и Voggel ¹⁾ доказали, что для того, чтобы убить данное животное, ему достаточно впрыснуть в головной мозг гораздо менее яда, чем при введении его под кожу или в любое место тела. Безредка ²⁾ применил эти результаты к исследованию соединения мышьяка, при чем он нашел, что впрыснутый в головной мозг этот яд гораздо действительнее, чем при введении его в брюшную полость или прямо в кровь. Он показал также, что фагоциты отличаются большой нечувствительностью к мышьяку, и могут даже, поглощая его, предохранить организм от смертельного отравления.

Мы видим в результате, что в организме, рядом с клетками, очень чувствительными к ядам, существуют другие, отличающиеся большой выносливостью. В числе последних на первом ряду находятся именно фагоциты, борющиеся в организме и нападающие при старческом вырождении на различного рода благородные элементы, вместо которых они образуют соединительную ткань.

Если мы представим себе огромное количество ядов, проходящих через организм в течение долгой жизни, направляясь частью из кишечного канала, где они выделяются бесчисленными микробами, частью являясь из других источников, то мы легко поймем, что более чувствительные клетки будут гораздо сильнее задеты ими, чем безразличные фагоциты. Таким образом, равновесие, устанавливающееся между последними и другими клетками, будет по необходимости нарушено. Благородные клетки ослабеют раньше всех, тогда как фагоциты выдержат гораздо дольше. В результате получится победа фагоцитов, которые поглотят и заглушат своих противников. Так как при рассасывании тканей участвуют почти исключительно макрофаги, то эти клетки одержат победу и превратятся, согласно основному свойству их природы, в соединительную ткань.

Старческое вырождение сведется, таким образом, прежде всего к некоторого рода макрофагиту, обусловливающему исчезновение благородных элементов, неспособных к достаточной самозащите.

Нет надобности долго разбирать вопрос, могут ли фагоциты поглощать клетки в живом состоянии. Еще в первой моей работе о фагоцитозе, напечатанной в 1883 г., было показано, что поглощенные клетки часто носят на себе все признаки жизни. Это было специально констатировано по отношению к ядро-содержащим красным кровяным шарикам и семенным телам. Многочисленные исследования, окончательно доказавшие, что микробы и другие паразиты (кокцидии, грегарины, нематоды), вполне живые, могут быть поглощаемы фагоцитами, служат новым подтверждением этого правила.

¹⁾ Annales de l'Inst. Pasteur. 1898, т. XII.

²⁾ Ibid. 1899. Январь.

Иной вопрос, должны ли живые клетки, прежде чем быть захвачены фагоцитами, претерпеть значительное ослабление. На основании всего вышесказанного, очень вероятно, что различные клетки становятся добычей фагоцитов, лишь только они лишаются предохранительного вещества. Может также случиться, что иногда фагоциты, усиленные или возбужденные какой-либо причиной, нападут на клетки совершенно нормальные. Но, по отношению к старческой атрофии, главным образом интересующей нас здесь, следует признать, что прежде всего наступает ослабление клеток, а затем уже происходит их поглощение и задушение фагоцитами.

Если последующие наблюдения и опыты подтвердят гипотезы, здесь высказанные, то следует ли остановиться в виду такого заключения? Не было ли бы возможно в таком случае попытаться применить научные выводы с целью вмешательства в борьбу между клетками нашего организма? Нельзя ли бы было, помощью искусственных мер, усилить одну из борющихся сторон и ослабить другую, как это мы так часто делаем в борьбе организма с микробами и ядами?

Не подлежит сомнению, что органотерапия уже дала благоприятные результаты, в смысле усиления организма. Следует изучить при помощи экспериментальной методы на старых животных влияние различных веществ, добытых из органов, на внутреннюю борьбу между клетками. Быть может, между этими веществами существуют такие, которые усиливают защиту благородных клеток в их борьбе против фагоцитов?

Так как лучше всего защищаются ткани очень молодые (помним только пример имагинальных пластинок), то следовало бы искать предохранительные вещества в эмбриональных органах. В пользу этого говорит еще и то, что на основании многочисленных исследований Féré¹⁾ эти органы, будучи введены в тело взрослых животных, долго противостоят рассасыванию и даже могут до некоторой степени развиваться дальше.

Но если, с одной стороны, план защиты благородных клеток, какой можно придумать в настоящее время, еще весьма мало определен, то, с другой стороны, вмешательство с целью ослабить прожорливость фагоцитов может быть основано на более положительных данных. Как я уже сказал во второй главе, теперь известен способ разрушить красные кровяные шарики при помощи кровяной сыворотки животных, получивших несколько впрыскиваний крови других видов. Так, напр., кровяная сыворотка морских свинок, которым была впрыскиваема кровь гуся, разрушает красные тельца последнего и извлекает из них весь гемоглобин, хотя она и не в состоянии вполне растворить их. То, что приложимо к красным кровяным тельцам, должно быть равным образом применимо и к другим клеткам. Легко поэтому предсказать возможность приготовления кровяных сывороток против

1) Archives d'anatomie microscopique. 1897. T. стр. 193.

самых разнообразных элементов и, между прочим, против макрофагов, этих разрушителей благородных клеток в старости. Подобно тому, как уже теперь можно с успехом бороться против нескольких болезней, обусловливаемых микробами, посредством кровяной сыворотки, приготовленной при помощи этих паразитов, так со временем, нужно надеяться, будут бороться и против атрофических и гипертрофических болезней посредством сывороток, приготовленных при помощи соответствующих клеток. Здесь не мешает припомнить, что макрофаги лишь в редких случаях играют важную роль в защите организма против микробов. Эта задача почти всегда выполняется так называемыми многоядерными лейкоцитами, т.-е. фагоцитами, обнаруживающими естественное отвращение к клеткам организма.

Если бы можно было восстановить равновесие между клетками, то в таком случае удалось бы остановить или по крайней мере ослабить старческую атрофию. Старость сделалась бы тогда более сносной и инстинкт естественной смерти, почти всегда отсутствующий при нынешних условиях, мог бы свободно развиваться. В таком случае боязнь состариться потеряла бы большую часть своей остроты, а страх естественной смерти значительно ослабел бы. Последствия этого страха, намеченные выше, с в рою в бессмертие души и с отрицанием науки, которое почти неизбежно вытекает из нее, совершенно бы сгладилось.

Заканчивая этот очерк, мы должны вернуться к мысли, высканной в его начале. Мы указали на дисгармонию в природе как на источник многих бедствий. Жертва этой дисгармонии, божья коровка, в своих попытках питаться цветочным медом может рассчитывать лишь на естественный подбор. Накапливая в продолжение неизмеримого периода времени мельчайшие полезные отклонения, естественный подбор может в конце концов приспособить организацию жучка для намеченной цели. Но у человека есть и другие средства, кроме естественного подбора, и, поощренный тем, что человеческое искусство уже значительно превзошло природу в гармонии звуков, он может попытаться применить знания для установления гармонии отправления, которой его не сумела одарить природа.

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

ФЛОРА НАШЕГО ТЕЛА.

(Лекция, прочитанная в Манчестерском литературном и философском обществе в апреле 1901 года).

Извещая меня о присужденной мне медали имени Уайльда, ваш председатель выразил желание, чтобы я прочел вам лекцию. Пользуюсь этим случаем для словесного выражения благодарности за оказанную мне честь. Я бы желал доказать вам заслуженность этого высокого отличия сообщением какого-нибудь нового и интересного факта. Боюсь не успеть в этом, но по крайней мере надеюсь доказать вам искренность моей признательности.

Письмо вашего уважаемого председателя застало меня за разработкой программы новых исследований. Как вам известно, ученые обыкновенно поглощены своими занятиями подобно навязчивым идеям; им трудно говорить о чем-нибудь другом, кроме того, что занимает их в данную минуту. Поэтому, вместо окончательных результатов, я решил представить вам просто канву, программу новых исследований, уже начатых в моей лаборатории Пастеровского института.

Я буду говорить вам о микробах человеческого организма с целью доказать, что обе великие биологические теории XIX века освещают, подобно маякам, трудные и сложные исследования и задачи, разрешение которых выпало на долю начинающегося столетия.

Первая из этих теорий—эволюционная—о происхождении видов—принадлежит вашему знаменитому соотечественнику Дарвину; вторая—о микробах, ферментах и болезнях—Пастеру.

Вскоре после изобретения микроскопа—более 200 лет тому назад—были впервые открыты мелкие существа, водящиеся в человеческом организме. Левенгук выражает свое удивление, констатируя, что полость рта и кишечник человека переполнены микроскопическими организмами, из которых многие очень подвижны и представляются в виде крошечных „инфузорий“.

Открытие это было подтверждено множество раз в течение двух последующих столетий.

Тем не менее вы будете удивлены неполностью сведений относительно флоры нашего тела.

„Инфузории“ Левенгука, или микробы, как обозначают их теперь, большею частью суть низшие, микроскопические растения. Они водятся в громадном количестве на поверхности и внутри нашего тела.

При рождении человек не заключает в себе микробов ни на поверхности, ни внутри организма. Иногда, при выхождении из утробы матери, слизистая оболочка век новорожденного заражается маленькой бациллой, очень сходной с дифтеритной. Это бывает и при полном здоровьи матери и ребенка.

Так как этот микроб приблизительно безвреден, то его отнесли к группе ложно-дифтеритных бацилл. Он первый появляется в человеческом организме¹⁾.

Тотчас после рождения поверхность кожи и слизистых оболочек населяется микробами. Через несколько дней они уже многочисленны и разнообразны.

Они засеваются из воздуха и воды, которую обмывают ребенка. Летом флора развивается скорее, чем зимою, и иногда уже через 4 часа после рождения кишечное содержимое—мекониум—заключает несколько видов микробов.

Чаще всего наблюдали появление кишечной флоры между 16 и 17 часами после рождения.

Я не хочу утомлять вас подробным описанием всех микробов, населяющих здоровый организм. Кроме того, невозможно строго установить виды микробов, так как специфические признаки их очень непостоянны и трудно определимы. Если можно так выразиться, мы имеем в бактериологии почти всегда дело с „дурными видами“.

Микробная флора нормального человеческого тела состоит главным образом из бактерий. Низшие грибы, как дрожжи или бластомицеты, составляют в ней значительное меньшинство.

Наша кожа населена главным образом микрококками, т. е. круглыми микробами. Между несколькими видами или разновидностями их особенно замечателен один, благодаря оранжевой окраске, которую он принимает в культурах на различных средах. Этот микрококк, называемый золотистым стафилококком, менее распространен на здоровой человеческой коже, чем две бесцветные разновидности. Тем не менее он довольно часто встречается, так же как и разные его родичи, во многих других областях человеческого тела.

Четковидные микробы встречаются реже стафилококков.

Палочкообразные формы менее распространены на нормальной коже, чем круглые. Из них я упомяну одну очень мелкую форму—микробациллу себореи и своеобразную бактерию, описанную известным немецким дерматологом Уна, под именем бутылкообразной бациллы (*Flaschenbacillus*). Эти микробы постоянно встре-

¹⁾ V. Hallé. Recherches sur la bactériologie du canal génital de la femme. Paris, 1898, p. 22, Note 3.

Раннее развитие псевдо-дифтеритной палочки на конъюнктиве новорожденного было наблюдаемо д-ром Мораксом, сообщившим мне этот факт.

чаются у основания волос на так легко отделяющихся чешуйках кожи. Но главное местопребывание микробов кожи есть корень волос. Он составляет род футляра, глубоко сидящего в коже и служащего для образования волоса. Канал этого футляра представляет очень удобные условия для развития в нем бактерий. И действительно, он большею частью наполнен глубокими и прочно сидящими скоплениями стафилококков.

Богаче кожной представляется флора слизистых оболочек благодаря тому, что их поверхность всегда влажна и заключает питательные для микробов вещества.

На слизистую оболочку глаза очень легко попадают микробы с пылью из воздуха или заносятся при трении глаз пальцами; но большинство этих микробов постоянно смывается слезой.

Флора слизистых оболочек, так же как и кожная, содержит больше кокков, чем бацилл. Некоторые авторы отмечают присутствие золотистых и бесцветных стафилококков, как и на коже, и ложно-дифтеритную бациллу.

Между микробами слизистой оболочки носа часто наблюдали стафилококка, стрептококка и некоторые бациллы. Несомненно, что микробы попадают также в дыхательные пути, даже в самые глубокие области их. Но только очень трудно составить себе точное понятие о флоре трахеи, бронх и легких у здорового человека. Присутствие же микробов в этих органах на трупе не доказательно для живого и нормального организма, так как они могли проникнуть из соседних органов уже после смерти. Во всяком случае у здорового человека флора глубоких дыхательных путей не должна быть обильной.

Она всего богаче в пищеварительных органах. Берлинский доктор Миллер соединил большое количество наблюдений, в которых он описывает более тридцати видов, населяющих полость рта человека. Между ними есть и такие, которые встречаются на человеческой коже. Но, с другой стороны, вокруг зубов водятся совершенно характерные для полости рта бактериальные формы, которые не встречаются нигде, кроме как в ней. Это *лентотрикс* и *спирохеты*. В полости рта водятся, по крайней мере, столько же бацилл, как и кокков. Между вторыми очень часто встречаются золотистые и бесцветные стафилококки, стрептококки и пневмококки.

Некоторые представители ротовой флоры спускаются в глубокие части пищеварительных путей и встречаются в желудке и в кишках.

Содержимое желудка имеет кислую реакцию, следовательно, представляет совершенно исключительные условия для развития микробов. Так, многие бактерии не выносят кислой среды, в то время как некоторые дрожжи и близкие им грибы выносят ее гораздо лучше. И тем не менее, несмотря на эти неблагоприятные условия, желудочная бактериальная флора еще довольно богата.

Койон (Coyon), изучавший только те желудочные микробы, которые культивируются при доступе воздуха, упоминает 30 раз-

личных видов. Большинство из них не встречается в других частях пищеварительных путей.

В содержимом человеческого желудка уже давно найдены совершенно характерные микробы. Они представляются в виде кокков, соединенных большими массами и названных *сарцинами*. Последние так же типичны для желудочной флоры, как спирохеты для полости рта. Но человеческий желудок, помимо сарцин, включает мало других кокков; в нем преобладают, напротив, бациллы и дрожжи.

Это преобладание бацилл еще резче во флоре тонких кишек. Главным источником наших сведений о ней служат исследования г. Макфадизен, Ненского и г-жи Зибер. Им удалось в течение нескольких месяцев наблюдать кишечное содержимое, выделявшееся через фистулу. Последняя получилась вследствие оперирования ущемленной грыжи. Вышеупомянутые исследователи изолировали из выделяемой жидкости тонких кишек 14 видов микробов. Между ними было мало дрожжей и плесеней; чаще встречались круглые формы, между прочим два вида стрептококков; но громадное большинство флоры тонких кишек составляли различные бациллы. Наиболее постоянными были колибациллы, обыкновенные в кишечнике человека и множества животных, и бациллы, вызывающие скисание молока. Названные выше авторы констатировали изменение флоры тонких кишек с изменениями пищи, которую давали их больному. Так, мясной режим, с одной стороны, и вегетарианский, с другой, вызывали развитие различных бактериальных форм. Но даже и при постоянном режиме наблюдались значительные вариации в видах микробов.

Из тонких кишек микробы переходят в толстые, где к ним присоединяется много новых форм. Из всех частей человеческого тела толстые кишки, бесспорно, включают наибольшее количество микробов. О них существует уже целая литература, из которой видно, что толстые кишки содержат приблизительно 45 видов микробов.

Между ними дрожжи встречаются реже, чем в желудке и даже чем в тонких кишках. Главным же образом встречаются бактерии, и между ними всего больше бацилл. Толстые кишки содержат много таких же микробов, как ротовая полость, желудок и тонкие кишки.

Многие формы, свойственные одним толстым кишкам, не культивируются вне организма, чем и объясняются значительные пробелы наших сведений в этой области.

Толстые кишки начинают населяться почти тотчас после рождения. Уже в первый день, т.-е. прежде чем ребенок успел принять какую бы то ни было пищу, мекониум, или содержимое толстых кишек, представляет довольно разнообразную микробную флору.

Рядом с несколькими круглыми формами—микрококками—встречаются удлинённые; между ними большинство колибацилл, о которых уже говорилось, что они встречаются в тонких кишках.

Кормление материнским молоком вскоре изменяет флору толстых кишек. Она становится более однородной и включает преимущественно, иногда исключительно, мелкий и тонкий вид бацилл. Последний с трудом культивируется вне организма и только без доступа воздуха.

Тиссье, открывший этот вид, назвал его *bacillus bifidus*.

Эта бацилла, хотя в меньшем количестве, встречается также у детей, вскормленных коровьим молоком. Флора их толстых кишек гораздо разнообразнее. В ней вновь встречаются колибациллы, стрептококки, стафилококки, бациллы кислого молока, сарцины и целый ряд других бактерий. Хотя преобладающее место занимают палочкообразные формы, но круглые и спиральные также изобилуют.

Итак, как вы видите, флора толстых кишек уже довольно богата у детей, вскормленных исключительно коровьим стерилизованным или сырым молоком. Но после прекращения молочного режима, когда пища становится более разнообразной, флора толстых кишек делается еще гораздо обильнее. Таковой она остается и у взрослого человека. По данным, собранным Виньялом и Зукдорфом, можно вычислить, что количество микробов, отбрасываемых в день человеком, равняется от 30 до 50 миллиардов. Многие из них не могли быть культивированными вне организма и потому мало известны. При современном положении науки невозможно определить число видов микробов, составляющих флору нормального человеческого организма. Можно только приблизительно установить от 60 до 70 видов. Как вы видели, они очень неравномерно распределены в организме. Их всего меньше на коже и всего больше в толстых кишках.

Что можно сказать об этой, столь разнообразной флоре?

Человек не один заселен таким множеством низших растений.

Кожа и полости многих животных заключают более или менее богатую флору. Некоторые беспозвоночные покрыты гораздо более богатою растительностью, чем человеческая кожа. Таков один вид крабов (*Maya squinado*), очень распространенный на южных и западных берегах Англии и называемый в общежитии морским пауком. Его панцырь, покрытый шипами, большую часть весь обрастает длинными водорослями, торчащими во все стороны. Полезность этой флоры для краба очевидна и неоспорима: водоросли его скрывают на поросшем дне как от врагов, так и от тех животных, которых он сам преследует для своего питания.

Флора человеческой кожи не выполняет никакой подобной роли, и польза от нее не может быть обнаружена.

Наоборот, флора полости рта до известной степени полезна человеку. Всем известно, что поражения слизистой оболочки рта заживают гораздо быстрее кожных. Слюна, смачивая пораненную поверхность, приводит ее в соприкосновение с микробами и их растворимыми продуктами. Это значительно стимулирует реакцию организма: выделения микробов привлекают большое количество белых кровяных шариков—лейкоцитов, которые очищают рану,

освобождают ее от микробов и омертвевших частей, содействуя таким образом окончательному заживлению.

Подобная роль микробов гораздо менее существенна в более глубоких частях кишечника, так как поранения слизистых оболочек в них гораздо более редки.

Но очень вероятно, что кислоты, выделяемые многими бактериями в тонких кишках, полезны тем, что мешают развитию некоторых других микробов, могущих вредить нормальному пищеварению. Это задерживающее влияние одних микробов относительно других обнаруживается даже в борьбе организма с очень опасными бактериями. Таким образом часто наблюдали, что некоторые люди могут безнаказанно поглотить большое количество холерных вибрионов, которые у других вызывают настоящую азиатскую холеру. Мы имеем данные предположить, что первые обязаны своим иммунитетом присутствию кишечных микробов, мешающих патогенному действию холерного вибриона. В пользу этой гипотезы говорят следующие опыты с маленькими кроликами. Пока они питаются исключительно молоком матери и пока поэтому их кишечная флора еще однообразна, поглощение вибрионов вызывает у них смертельную холеру. Но с той поры, когда они начинают питаться растительной пищей и когда их флора становится гораздо разнообразнее, поглощение даже больших количеств холерных вибрионов не вызывает более никакого заболевания.

Биншток предполагает, что некоторые микробы нашей нормальной кишечной флоры, а именно колибациллы и бациллы кислого молока, мешают развитию гнилостных микробов. Он основывается на том факте, что сырое молоко, заключающее оба эти вида, не загнивает.

Хотя эта задерживающая роль кишечных микробов не могла быть наглядно доказана, тем не менее она очень вероятна.

Но, кроме того, предполагают другого рода полезное действие нашей кишечной флоры.

По поводу одного сообщения Дюкло в Академии наук, Пастер высказал гипотезу, что микробы кишечного канала играют существенную роль в пищеварении. Он предполагал даже, что без их содействия усвоение пищи организмом было бы невозможно.

Вследствие больших практических затруднений, только в последние годы принялись за выполнение опытов для разрешения этой задачи.

Нюталь и Тирфелдер пробовали воспитать молодых морских свинок при полном отсутствии микробов. То же сделал Шотелиус по отношению к цыпленку.

Первым двум исследователям удалось 13 дней наблюдать морских свинок, вынутых из утробы матери путем кесарского сечения.

В течение всего этого времени свинки находились в пространстве, вполне лишенном микробов, и их кормили стерилизованным молоком и сухарями.

Морские свинки хорошо выносили этот режим, увеличивались

в весе (хотя меньше, чем сверстники их, воспитанные при нормальных условиях) и при вскрытии оказались совершенно лишенными микробов.

Ввиду этого Нюталь и Тирфелдер выводят, что молодое млекопитающее может жить и усваивать пищу без всякого содействия микробов, исключительно благодаря собственным пищеварительным сокам.

Шотелиус пришел к диаметрально противоположному результату. Цыплята, которых он выводил в специально приспособленном помещении, лишенном микробов, питаемые стерилизованной пищей, были под наблюдением в течение 17 дней. Но вместо того, чтобы увеличиваться в весе, как их контрольные при нормальных условиях, они до такой степени похудели и ослабели, что пришлось прекратить опыт и вскрыть их. Оказалось, что они совершенно свободны от микробов. Шотелиус приписывает печальное состояние цыплят отсутствию микробов в их кишечнике, вследствие чего организм был предоставлен исключительно собственным пищеварительным средствам.

Как вы видите, результаты вышеупомянутых опытов так противоречивы, что невозможно сделать из них определенного вывода. Поэтому необходимо продолжать эти опыты с целью выяснить указанное противоречие. Впрочем, сам Шотелиус смотрит на свою попытку только как на первый шаг к разрешению задачи. Относительно его опытов можно возразить, что он вводил слишком много антисептических веществ в свой аппарат для выведения цыплят и что это могло вредить нормальному развитию последних. Таким образом он сначала дважды промывал снесенные яйца довольно сильным раствором сулемы (5 на 1000). Это могло уже само по себе уменьшить жизнеспособность и сопротивляемость зародыша.

Помимо своих вышеупомянутых наблюдений, в пользу безусловной необходимости содействия микробов при пищеварении животных, Шотелиус приводит соображения общего характера, основанные на дарвиновской теории.

По его мнению, „не существует животного, кишечник которого постоянно не заключал бы громадного количества бактерий“. Поэтому ему кажется невероятным, чтобы естественный подбор давно не устранил эту флору, если бы она не выполняла какой-нибудь полезной роли.

Во-первых, невозможно отстоять положения, будто все животные в нормальном состоянии обладают кишечной флорой. Напротив, кишечный канал значительного числа видов вовсе или почти вовсе не заключает микробов. Примером может служить кишечник скорпиона: он всегда совершенно стерилен. Мне могут возразить, что это объясняется тем, что скорпион питается кровью мелких животных, а последняя переваривается очень легко и большей частью не заключает микробов. Скорпион поэтому—как бы свободно живущий паразит.

Можно, однако, легко привести примеры животных, вполне лишенных кишечной флоры и которые в то же время питаются очень неудобоваримыми веществами. Таких примеров много между

личинками насекомых. Рядом с шелковичными червями и с личинкой майского жука, у которых кишечный канал содержит много бактерий, мы можем привести личинок различных видов моли; кишечный канал их большей частью не заключает вовсе микробов, несмотря на то, что они живут среди пыльных тканей и скошенного зерна, где достаточно и пыли, и микробов. Иногда в кишечнике этих личинок встречаются редкие отдельные бактерии, которые, очевидно, не могут играть в нем существенной роли. В приведенных примерах (подобных которым можно было бы указать сколько угодно) пищеварительные соки насекомых могут самостоятельно переваривать не только столь неудобоваримые вещества, как шерсть и зерна, но также и самих микробов. Личинка восковой моли, паразитирующая в пчелиных ульях, обладает такой сильной пищеварительной способностью, что может переваривать самых неудобоваримых микробов, как, например, туберкулезного бацилла. Мы даже пытаемся утилизировать эту способность в борьбе с чахоткою.

Между кишечными паразитами встречаются аскариды, живущие в среде, переполненной микробами. И если сравнить флору кишечного канала этого червя с флорой кишечника лошади, в которой он паразитирует, то мы будем поражены разницей в богатстве их. В то время как кишечный канал аскариды заключает всего несколько отдельных микробов, кишечник лошади буквально кишит ими.

Итак, нет сомнения, что животный организм может вполне обходиться без содействия микробов для переваривания необходимой ему пищи.

Но так как животные представляют такое громадное разнообразие во всех отношениях, то невозможно применить к человеку результаты, полученные относительно скорпиона, насекомых и паразитических червей. С этой точки зрения мы скорее можем сравнивать с человеком морскую свинку, которая, по исследованиям Нютала и Тирфелдера, тотчас после рождения уже способна обходиться одними своими пищеварительными соками, чем молодого цыпленка.

Если даже принять без критики выводы Шотелиуса, то и то следует признать только, что птицы в раннем возрасте не могут обходиться без микробов для переваривания пищи, обратно тому, что мы видим относительно некоторых млекопитающих.

Исследование кишечных пищеварительных ферментов человека и млекопитающих показывает, что ферменты эти очень действительны и способны переваривать большинство питательных веществ. В прежние времена в опытах над перевариванием посредством пищеварительных соков, добытых от животного, не имели в виду вмешательства микробов.

Но с тех пор, как установили их роль в ферментациях, стали прибавлять антисептики к питательным веществам, подвергаемым действию пищеварительных соков. И, однако, несмотря на устранение микробов, пищеварение совершалось очень хорошо под одним влиянием ферментов пищеварительных соков.

Ферменты кишечника животных легко переваривают белковые вещества, углеводы и жиры. До сих пор не найдено пищеварительного фермента для одной клетчатки. Дюкло заключает из этого, что если вмешательство микробов действительно полезно в пищеварении, то особенно это должно относиться к травоядным животным. Для человека же оно не должно играть никакой существенной роли.

Ненский уже давно утверждает, что микробы человеческого кишечника далеко не необходимы для нормального пищеварения. В сотрудничестве с Макфадизен и г-жей Зибер, он изучал кишечную флору женщины, оперированной вследствие ущемления грыжи, и пытался точными исследованиями определить роль микробов в пищеварении. Этим исследователям удалось констатировать, что белковые вещества переваривались одними пищеварительными ферментами, без всякого видимого содействия довольно многочисленных микробов, которых удалось изолировать. Так, эти последние не были в состоянии разлагать белковые вещества, но энергично действовали на углеводы. Однако продукты их деятельности, а именно алкоголь и молочная и уксусная кислоты, оказались бесполезными при питании человека. Много данных, следовательно, приводят к тому общему результату, что человеческая кишечная флора вовсе не необходима для нормального питания.

Постараемся теперь установить, не могут ли микробы человеческого тела быть вредными для здоровья.

Мы видели уже, что человеческая кожа и каналы корней волос заключают довольно обильную бактериальную флору. В ней особенно преобладают круглые формы, как стафилококк и стрептококк. Эти микробы, несомненно, при всяком удобном случае размножаются в громадном количестве.

Когда сила сопротивления организма ослабевает вследствие какой-нибудь причины, микробы кожи размножаются и выделяют свои болезнетворные продукты в ткани и кровь. У хирургов и акушеров, принужденных постоянно мыть руки антисептиками, часто появляются сыпи, в которых развиваются многочисленные микробы. Благодаря дезинфекции, последние, конечно, проникают не извне, но из самой кожи, оборонительные клетки которой пострадали от антисептических веществ гораздо больше, чем самые микробы.

У людей, страдающих сахарною болезнью или дурным общим состоянием здоровья, часто развиваются чирьи и прыщи, иногда очень опасные. Но они не обязаны своим происхождением внешней инфекции, как при сибирской язве, например. Наоборот, в этих случаях, вследствие ослабления оборонительных клеток, стафилококки нормальной кожи усиленно размножаются и этим вызывают появление прыщей и чирьев. Часто последние длятся и повторяются очень долго, еще более ослабляя этим организм больного.

Не одни желтые и бесцветные стафилококки нормальной кожи могут стать очень вредными; другие микробы кожи способны также вызывать более или менее серьезные заболевания.

Таким образом антисептические вещества, проглоченные или употребляемые для полоскания горла, могут также вызвать усиленную деятельность микробов полости рта, в результате чего появляются язвы на слизистых оболочках.

Но особенно значительно вредное влияние микробов желудка и кишек. Уже давно установилось убеждение, что многие человеческие болезни — кишечного происхождения, но в доказательство этого не имелось достаточно точных данных. Хорошо знали, например, что прободение кишек вызывает очень серьезные последствия, приводящие чаще всего к смертельному исходу. Только позднее узнали, что при этом микробы кишечной флоры распространяются на брюшину и вызывают в ней сильное воспаление. При этом в брюшине часто находят колибацилл, или золотистый стафилококк; в иных случаях несколько видов кишечных бактерий производят совместно свое болезнетворное действие.

Но даже и без прободения кишек микробы могут проникать из кишек в брюшную полость, как, например, в случаях ущемления грыжи или заворота кишек.

У некоторых животных (собаки, лошади) констатировали довольно постоянное проникновение микробов нормальной кишечной флоры в кровь (Порше и Дезубри). Вероятно то же происходит и у человека, но пока процесс этого проникновения недостаточно известен.

Болезнетворное действие микробов человеческой флоры не ограничивается одним прямым проникновением их в кровь и органы. Микробы производят растворимые вещества, которые могут всасываться стенками кишек и проникать в кровообращение. Некоторые же из бактериальных выделений очень вредны для здоровья.

Факт проникновения микробных продуктов в кровь несомненен. Уже довольно давно нашли в моче человека и животных целый ряд веществ, как предполагали, микробного происхождения. Таковы производные фенола, крезола, индола, скатола, пирокатехина и т. п. Бауманн, долго занимавшийся этим вопросом, привел много аргументов, основанных на опытах, в пользу этой гипотезы. Эвальд подтвердил ее очень убедительными фактами другого рода. Ему удалось наблюдать особу, которой пришлось сделать кишечную фистулу вследствие ущемления грыжи. В течение всего времени, пока толстые кишки бездействовали, кишечные соки и моча не заключали ни фенола, ни индола. Но как только фистула была закрыта и сообщение с толстыми кишками возобновлено, фенол и индикан вновь появились в выделениях.

Ненский также подтверждает это положение, и вышеизложенный случай фистулы тонких кишек представил новое доказательство в его пользу. Кроме того, он установил, что сернистый водород и меркаптан — также продукты микробной флоры толстых кишек.

Интересные вышеприведенные опыты Нюталя и Тирфелдера заключают также серьезные данные по этому вопросу. Их морские свинки, воспитанные без участия микробов, не выделяли ни индола, ни скатола, ни одного из аналогичных им веществ (фенол,

крезол, пирокатехин). Это ясно доказывает микробное происхождение последних.

Итак, микробы нашей кишечной флоры действительно выделяют целый ряд веществ, проникающих в кровь и устранимых оттуда через выделительные органы. Некоторые из этих веществ имеют более или менее токсические, ядовитые свойства, как жирные кислоты, фенол, аммиачные соединения и т. д. Иногда даже наблюдались птомаины, вредное действие которых несомненно. Весьма вероятно, что многие из токсических продуктов нашей кишечной флоры еще неизвестны, и между ними большинство токсинов в строгом смысле слова.

Несмотря на недостаточность наших сведений, мы все же можем утверждать с большою уверенностью, что яды микробов наших кишек играют значительную роль в многочисленных и разнообразных болезнях.

Уже более 15 лет как Бушар высказал свою теорию самоотравления: главную роль в последнем играет отравление продуктами кишечной флоры. Вместе с некоторыми своими учениками он собрал ряд убедительных аргументов в пользу своих воззрений. Вопрос о самоотравлении организма приобрел право гражданства за эти последние годы, и клиницисты им много занимаются. Так, в 1898 году вопрос этот разбирался на конгрессе внутренней медицины в Висбадене, в котором принимало участие большинство компетентных немецких ученых. Несмотря на весьма строгую критику, которой была подвержена теория кишечного самоотравления, все должны были признать ее реальность и большое значение. Один из докладчиков—Мюллер, обнаруживавший наибольшую сдержанность и скептицизм по отношению этого вопроса—пришел тем не менее к тому заключению, что „в целом ряде болезней трудно отвергать их причинную связь с аномальным разложением, происходящим в кишках“. Он приводит такие болезненные состояния, как головные боли, усталость, неврастению и т. д. Даже в известных формах эпилепсии он приписывает значительную роль токсическим продуктам кишечного происхождения. Другой докладчик, Бригер, им же приписывает диспептическую одышку и некоторые кожные болезни, как зуд, токсическую сыпь, прыщи и т. д.

Дерматологи давно признали, что в известных кожных болезнях лечение должно быть скорее направлено на кишечник, чем на местное поражение.

Исследование ядов, выработанных кишечными микробами, дает им драгоценные указания. Таким образом, когда больной себореей или прыщами выделяет усиленное количество индикана, его подвергают соответствующему режиму и стараются насколько возможно освободить его кишки от их микробной флоры.

Несомненно, что при прыщах стафилококки нормальной кожной флоры усиленно развиваются и производят болезнетворное действие под влиянием ядов, выделенных кишечными микробами. Яды последних отравляют оборонительные клетки организма и этим самым способствуют усилению микробов кожи.

Мы видим здесь пример того, как отдаленные друг от друга микробы, одни—в коже, другие—в кишках, соединенными силами вредят человеческому организму. Все более и более несомненной становится роль ядов кишечной флоры в такой важной и распространенной болезни, как неврастения. Доктора Рабон и Гюшар с большим успехом отстаивали это мнение в недавно состоявшемся заседании Парижского терапевтического общества. Значение кишечного самоотравления не может быть отвергнуто даже в иных психических болезнях, хотя еще далеко не пришли к соглашению относительно причинной или вторичной роли бактериальных ядов.

Яды кишечной флоры занимают также видное место в атрофических болезнях различных благородных органов, как мозга, сердца, почек и печени.

Таким образом удалось вызвать у животных настоящий цирроз печени под влиянием масляной и уксусной кислот,—постоянных продуктов наших кишечных микробов.

Даже склероз артерий, играющий такую важную роль в сокращении нашей жизни, можно поставить на счет кишечной флоры. Точным образом известно, что инфекционные болезни микробного происхождения, как инфлуэнца, перемежающаяся лихорадка, дифтерит, тиф и другие, могут вызвать артериосклероз. Между хроническими инфекционными болезнями есть одна—сифилис,—которая чаще всего вызывает это изменение артерий. И, однако, существует еще большое число случаев склероза сосудов, которых нельзя объяснить ни одной из вышеупомянутых причин. Яды кишечных микробов, вызывающие склероз почек и печени, должны быть в состоянии вызвать также склероз других органов и, между прочим, артерий. Пока еще трудно подтвердить это прямыми наблюдениями; но мы имеем уже факты в пользу этого мнения. Так, в Аргентинской республике существует болезнь телят, сопровождаемая острым воспалением кишек. Линьер, изучивший эту болезнь с большою добросовестностью и умением, установил, что причиной ее служит очень маленькая кокко-бацилла, которую он назвал *Pasteurella bovina*. Этот микроб развивается преимущественно в кишках телят и вызывает у них довольно часто смертельный энтерит. Однако большинство телят ($\frac{4}{5}$) выздоравливает. Только через более или менее долгий срок—через месяц и даже годы—быки страшно ослабевают и умирают от своеобразной болезни, названной туземцами „энтеке“. При вскрытии наблюдается очень сильный склероз крупных артерий и обизвествление легочной ткани. Этим окончательным поражениям предшествует хроническое воспаление артерий. Последнее может быть вызвано искусственно впрыскиванием микроба телячьей холеры. Нокар, всемирно известный бактериолог и ветеринар, вполне подтверждает это важное открытие Линьера.

В этом примере инфекционного артериосклероза мы имеем дело с патогенным микробом, которого до сих пор не находили в кишках нормальных телят. Поэтому он не может служить аргументом в пользу того, что хронический артериосклероз чело-

века вызван нормальной флорой его кишечника. Этот пример имеет для нас интерес только как первый случай хронического артериосклероза микробного происхождения, доказанного экспериментальным путем.

Что же касается вопроса о нормальной и патологической микробной флоре, он гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Мы уже приводили несколько примеров бактерий, нормально живущих на поверхности или внутри человеческого тела, которые, при известных условиях, могут стать патогенными.

Мы также упоминали о том, что, по всей вероятности, некоторые патогенные бактерии могут проникнуть и жить в кишечнике человека, не вызывая болезни, когда их действие уничтожается влиянием соседней нормальной флоры кишек. Так, во время холерных эпидемий множество раз находили холерную запятую в содержимом нормальных кишек здоровых людей. Эти примеры послужили нам даже указанием полезного действия известных представителей нашей флоры. Но только рядом с этими благотворными микробами с еще большею вероятностью приходится допустить существование других кишечных микробов, безвредных самих по себе, но облегчающих злое действие патогенных бактерий. Таким образом тот же холерный вибрион в известных случаях вместо того, чтобы быть подавленным, наоборот, поощряется в своем развитии присутствием дрожжей или сарцин нормальной флоры нашего пищеварительного канала. Это вспомогательное действие микробов удалось даже обнаружить экспериментально на молоденьких кроликах. Таким образом холерные вибрионы, слишком слабые, чтобы вызвать самостоятельно болезнь у этих животных, вызывали у них смертельную холеру, если к ним присоединяли торул или сарцин, изолированных из человеческого желудка.

Несмотря на всю неполноту наших сведений, надо, однако, признать, что флора нашего тела включает микробы, могущие во всякую данную минуту стать ядовитыми, или такие, которые вредны содействием развитию случайных патогенных бактерий и выделением более или менее опасных ядов.

На вышеупомянутом конгрессе в Висбадене Мюллер высказал мысль, что наше тело должно бы быть уже достаточно иммунизированным как против своей микробной флоры, так и против ее ядов. Этим он объясняет то, что действие их так часто оказывается безвредным для нашего здоровья. Но более подробное исследование этого вопроса приводит к совершенно обратному выводу.

Человеческий организм всегда остается очень чувствительным к пиогенному стафилококку, который, однако, один из самых обыкновенных видов нашей флоры. Под влиянием благоприятствующих агентов эти бактерии вызывают прыщи, фурункулы, чирьи и еще более серьезные нагноения. Фурункулы могут очень долго рецидивировать, и пиемия тогда легко становится хронической.

Человек, следовательно, не вакцинирован против стафило-

кокка; между тем искусственное предохранение животных против него оказывается возможным.

Применение предохранительных прививок, установленное Пастером и его сотрудниками Ру и Шанберлан, достаточно показывает, к каким сложным и утонченным методам приходится прибегать, чтобы достигнуть положительных результатов. Надо приготовить вирусы, ослабленные до определенной степени, приспособить их к известным животным видам или расам и прививать их при известных условиях. Все это не может легко быть достигнуто исключительно естественным путем. Вот почему наш организм не иммунизирован ни против стафилококка, ни против многих других микробов нашей флоры (*streptococcus*, коли-бацилла и т. д.).

Не рассчитывая на эту самопроизвольную вакцинацию, медицина очень тщательно старается устранять зловредное влияние микробов нашей флоры. С этой целью она широко применяет дезинфекцию кожи, чтобы помешать проникновению микробов в организм. В хирургии стараются дезинфицировать кожу как больного, так и оператора. Офтальмологи пытаются дезинфицировать соединительную оболочку, пробуют дезинфицировать ротовую полость и даже желудок и кишки.

В начале применения дезинфекции на нее возлагали большие надежды. Но чем больше и глубже изучали этот вопрос, тем более убеждались, что уничтожение столь многочисленных микробов нашей флоры весьма трудно, если не невозможно. Даже кожа наших рук, вполне доступная влиянию антисептических веществ, представляет необыкновенные затруднения. Поверхностные микробы устранимы без большого затруднения; но те, которые держатся в луковичных каналах волосков, напротив, очень недоступны. За эти последние годы хирурги много занимались вопросом дезинфекции кожи и большей частью пришли к тому результату, что она не может быть вполне достигнута.

Еще гораздо затруднительнее дезинфекция слизистых оболочек, которые сами гораздо чувствительнее к вредному действию антисептических веществ, чем кожа и микробы. Многие врачи признали бесполезность кишечной антисептики и более или менее отказались употреблять ее.

Мюллер резюмирует мнение большинства своих собратьев, когда говорит, что „антисептика кишек часто не только бесполезна, но даже вредна: своими ядовитыми свойствами она уменьшает благодетельную реакцию живых клеток“.

Штерн, в Бреславле, много изучал этот вопрос, применяя к нему бактериологические методы. Между другими отрицательными результатами он нашел, что сильные дозы β -нафтола, считающегося лучшим антисептическим веществом для кишек, не уменьшают числа их микробов даже после 12-дневного употребления. Он выражает надежду, что, может быть, впоследствии найдут более действительное средство.

Отказываясь более или менее от применения антисептики, все больше и больше прибегают к устранению микробов нашего тела механическим путем. Так, ограничиваются усиленным мытьем рук

жидкостями, не вредящими жизненности клеток кожи; промывают конъюнктиву и другие слизистые оболочки безвредными жидкостями, как, например, физиологическим раствором поваренной соли или просто кипяченой водой. Хотя относительной, но лучшей дезинфекцией кишек признают средства, вызывающие частое и обильное очищение их. Достигают также известного результата изменением пищи, например, назначением молочной диеты, которая, по Жильберу и Доминичи, уменьшает число кишечных микробов.

Столь многочисленные попытки уменьшить флору нашего тела достаточно доказывают ту опасность, которую представляют многие ее представители. Если возможно признать полезность некоторых из них, то еще достовернее вредное влияние большинства их на наше здоровье.

Но как согласить это с приведенным выше мнением, что если бы наша флора была действительно опасна, то она давно была бы устранена одним действием естественного подбора.

Этот подбор есть не что иное, как переживание организмов, приспособленных к условиям их существования, и исчезновение неприспособленных; поэтому он должен был бы обнаруживаться относительно человека и высших животных точно так же, как мы видим это относительно других живых существ и растений. И действительно, мы наблюдаем исчезание не только свойств, вредных для жизни, но даже и просто органов, ставших бесполезными. Мы видим, например, атрофию глаз у подземных и пещерных животных, как у крота, рыб, ракообразных, червей и других, живущих в темноте.

Чтобы еще больше подчеркнуть всю парадоксальность сохранения флоры нашего тела, большая часть которой не только бесполезна, но, несомненно, вредна, я хочу обратить ваше внимание на следующий факт. Большинство органов человеческого тела, заключающих эту флору, сами также бесполезны или вредны для нашего здоровья и жизни.

Вы помните, что каналцы волосяных луковиц служат местопребыванием микробов, между которыми—стафилококки, могущие вызывать различные более или менее серьезные заболевания. Итак, эти волосяные луковицы суть вполне бесполезные органы; они не что иное, как остатки луковиц шерсти, покрывавшей кожу наших предков—животных. Им они были очень полезны, защищая их кожу от холода; для человека же они совершенно лишние.

Точно так же и в наиболее богатой микробами части тела, в кишках, мы находим бесполезные отделы. Условия человеческого питания, особенно у цивилизованных народов, совершенно иные, чем у животных. Но, даже еще не дошедши до этой степени развития, у человека начинают исчезать известные части кишечного канала. Таким образом червеобразный отросток слепой кишки есть остаток гораздо более развитого органа у наших предков—животных. Уже у человекообразных обезьян мы встречаем это обратное развитие слепой кишки в виде придатка, очень сходного с человеческим.

Даже желудок, который кажется таким необходимым органом для пищеварения и нормальной жизни, в сущности, служит только крупным вместилищем пищи, без которого можно обойтись. Сначала его вырезывали у собаки, а когда увидели, что она хорошо выносит эту операцию, то стали применять последнюю к человеку в случаях рака желудка. Полная резекция желудка была впервые сделана в 1897 г. в Цюрихе Шлаттером. Благоприятный результат этой операции поощрил других хирургов, и теперь уже 4 человека живут без желудка и этим доказывают бесполезность его. Вместе с желудком была, понятно, удалена и его флора, что нисколько не повлияло на оперированных.

Из всех частей нашего кишечного канала только тонкие кишки действительно необходимы для жизни. И то еще они преувеличенно развиты у человека, который может питаться очень удобоваримой пищей. Вместо $5\frac{1}{2}$ — $6\frac{1}{2}$ метров они свободно могли бы иметь всего треть этой длины.

На последнем хирургическом конгрессе известный швейцарский хирург Ру объявил, что человек может отлично существовать с $1\frac{1}{2}$ метром тонких кишек. Кукула приводит случай, где он вырезал $\frac{2}{3}$ их с большим успехом для больного. Он прибавляет, что толстые кишки могут быть совсем удалены. И действительно, с тех пор, как кишечная хирургия так сильно усовершенствовалась за эти последние годы, получают поразительные результаты с удалением толстых кишек.

Так, Кёрте вместе с частью тонких кишек удалил почти целиком толстые кишки, оставив одну конечную часть их. Больной, перенесший 8 последовательных операций, тем не менее вполне выздоровел.

Визингер вырезал другому больному приблизительно $\frac{2}{3}$ изъязвленных толстых кишек. Слепая и восходящая толстая кишка были пришиты к прямой, в то время как поперечная и нисходящая были отделены и выведены с правой стороны живота. Я бы мог привести еще и другие примеры успешных хирургических операций в доказательство бесполезности толстых кишек у человека.

Несмотря на боязнь злоупотреблять вашим терпением, я должен еще упомянуть о факте, который лучше всяких хирургических операций подтверждает защищаемое мною положение. Дело идет о старой женщине, которая 37 лет имеет кишечную фистулу, сквозь которую выделяется ее испражнения.

Фистула открылась самопроизвольно вследствие нарыва с правой стороны живота. Это не помешало женщине выйти замуж, иметь троих детей и зарабатывать во всю свою жизнь тяжелым трудом.

Через 35 лет после образования фистулы, эта женщина подверглась медицинскому осмотру и ей предложили сделать операцию, чтобы восстановить нормальное выделение кишек. Она согласилась. Но при вскрытии живота оказалось, что все толстые кишки атрофированы, начиная со слепой кишки и до самого их конца. Отверстие фистулы находилось над слепой кишкой и вело

непосредственно в тонкие кишки. При этих условиях было невозможно закрыть фистулу, так что хирургу (Цихомскому) пришлось защитить живот и предоставить женщину своей судьбе. Последняя быстро выздоровела и продолжала жить как и до операции. Следовательно, вот случай, где полное отсутствие толстых кишек не помешало жить даже при очень тяжелых условиях существования.

Из всего этого следует, что мы обладаем очень крупным и развитым органом—толстыми кишками, которые, будучи бесполезными, в то же время дают приют очень обильной и разнообразной флоре микробов, способных вредить нам своими ядами.

Ввиду этого факта мы вправе поставить вопрос: что такое толстые кишки? Каково их происхождение и смысл? Волосяные луковицы, дающие приют микробам кожи, также бесполезные органы. Но их история гораздо проще: они—несомненные остатки шерсти, защищавшей наших предков от холода. Толстые же кишки представляются далеко не „остатком“, а, напротив, сильно развитым органом. Но, несмотря на это, их тоже приходится причислить к одному из бесполезных наследств наших зоологических предков.

Для последних, без сомнения, они представляли какую-нибудь выгоду.

Мы знаем из сравнительной анатомии, что из всех позвоночных одни млекопитающие обладают толстыми кишками в строгом смысле слова. Их нет ни у птиц, ни у рептилий, ни у других низших позвоночных. У некоторых рыб встречаются придатки кишек и у многих птиц—слепые кишки, но органы эти не соответствуют толстым кишкам млекопитающих и человека.

Последние—большую частью наземные животные, которые добывают свою животную или растительную пищу на поверхности земли.

Для травоядных слепая и толстая кишки могут быть полезными при переваривании неудобоваримых веществ, которыми они питаются, точно так же, как многочисленные микробы этих кишек могут способствовать перевариванию клетчатки.

С другой стороны, по всей вероятности, толстые кишки играли роль резервуара для остатков пищеварения.

Частое освобождение кишек должно было быть неудобным для млекопитающих, принужденных очень быстро бегать, будь это для избежания врага или для догонки добычи. При этом развитые толстые кишки представляли большое удобство. И в самом деле, мы видим, что слепая и толстые кишки всего более развиты у наиболее быстро бегающих животных, как заяц и лошадь. Замечательно, что между птицами у бегающих, как у страуса и казуара, также развились довольно длинные толстые кишки и что их слепые придатки самые крупные из всего класса птиц.

Итак, у позвоночных развитие толстых кишек вызвано требованиями борьбы за существование.

В свою очередь, развитие этого органа, служащего резервуаром экскрементов, вызвало появление богатой микробной флоры.

Для большинства млекопитающих преимущества этого приобретения должны были покрыть неудобства, связанные с ним. Продолжительность жизни млекопитающих короче, чем у птиц или низших позвоночных вообще. Любители хорошо знают, что из всех маленьких животных, которых можно держать в комнатах, как мыши, птички, черепахи и золотые рыбки, мыши всего менее долговечны. Они живут не более 3—4 лет. Маленькие птички, как канарейки, средним числом, живут 16 лет, а при благоприятных условиях могут достичь 20 лет и более. Такова же приблизительно продолжительность жизни золотых рыбок, а черепахи живут и того дольше. Из всей этой коллекции мелких животных одна лишь мышь имеет настоящие толстые кишки. Это правило подтверждается и вообще, хотя встречаются исключения, как слон, живущий иногда до 120-ти лет. Крупные млекопитающие, как, например, лошадь, редко живут более 20 лет. Они почти никогда не переживают 30, и такие примеры, как шотландский пони, достигший 42 лет, или гальский пони — 60 лет, совершенно исключительны. Маленькие или средней величины млекопитающие живут еще меньше, в то время как между птицами часто встречается большая продолжительность жизни. Даже между средними и мелкими птицами есть такие, которые доживают до 60 и 100 лет. Примером могут служить попугай, филин и ворона. Между рептилиями долговечность еще больше, и существуют черепахи, живущие более 250 лет.

Итак, можно принять, что вообще позвоночные без толстых кишек и, следовательно, с бедной кишечной флорой живут дольше, чем млекопитающие, с их сильно развитыми толстыми кишками и обильной кишечной флорой.

Мы почти склонны вывести общее правило, что чем кишки длиннее, тем жизнь короче. Конечно, существуют некоторые исключения, но большинство примеров подтверждает это правило.

Так, между птицами живут всего дольше вовсе не самые крупные, как страус и казуар. Ривьер, занимающийся разведением страусов в Алжире, любезно сообщил мне, что последние живут лет 35. В парижском „Jardin des Plantes“ указывают на австралийского казуара Ежей, прожившего здесь 23 года. Но долговечность этих животных не бывает так велика, как у попугаев, лебедей и других, гораздо менее крупных птиц. И мы видим, что страусы и казуары отличаются сильным развитием слепой и толстых кишек, в то время как долговечные птицы большей частью совсем лишены этих органов или имеют только мало развитые слепые отростки.

Незначительное количество микробов в кишках птиц поражает нас при сравнении с громадным числом их у млекопитающих и человека. Это объясняется тем, что у птиц отсутствие толстых кишек мешает скоплению экскрементов, в которых разводятся мириады бактерий. Поэтому птицы принуждены очень часто опорожнять свои кишки, а это, как было выше сказано, лучшее средство кишечной антисептики.

Птицы пришли естественным и бессознательным путем к ре-

зультату, выраженному на висбаденском конгрессе по внутренней медицине.

Человеку не нужны толстые кишки ни для переваривания клетчатки, ни для продолжительного удержания остатков пищеварения, и потому они не предоставляют ему никакой выгоды. Наоборот, он претерпевает одни неудобства от этого органа. Так, человек подвержен вредному влиянию постоянных выделений многочисленных микробов, ютящихся в его толстых кишках.

Рядом с ядами, способствующими вредному действию кожной флоры, существует много других, отравляющих постепенно наиболее существенные и благородные элементы нашего организма. А это приводит к преждевременному состариванию наших тканей и органов. Кроме того, надо считаться с многочисленными болезнями толстых кишек и их придатков. Таковы: воспаление червеобразного отростка, колиты, дизентерия и особенно рак, так часто гнездящийся в толстых кишках.

Легко понять, что орган, ставший бесполезным, способствует укорочению нашей жизни. А между тем инстинкт человека красноречиво говорит ему, что жизнь недостаточна длинна, что она прерывается, не достигнув своего естественного конца. Уже давно поэты и философы чувствовали какое-то противоречие в нашей природе и это привело их к очень пессимистическому взгляду на жизнь. Великий поэт Байрон выразил эту мысль в своем „Манфреде“:

„Все в этом мире
Течет спокойно, ровно, бесконечно:
А мы, его цари и лжевладыки,
Часть божества, в смешении с частью праха,
Равно бессильные подняться кверху
Иль вниз упасть, мы двойственной натурой
Гармонию природы оскорбляем“.

Но отчего же естественный подбор не устранил это отсутствие гармонии между нашими инстинктами и мешающими их осуществлению недостатками нашего организма? Неужели естественный подбор, приведший к стольким чудесным приспособлениям в животном и растительном мирах, оказывается бессильным в применении к человеку? Часто сравнивают организмы, относительно которых естественный подбор сказал уже почти свое последнее слово, с человеческим, находящимся еще вполне под его действием.

Когда мы подумаем, что $1\frac{1}{4}$ новорожденных не достигает 2-го года, что на 100 человек 57 умирают раньше 50 лет, что только 67 из 1000 людей достигают 90-летнего возраста, который не есть еще крайний предел жизни нормального человека, то становится совершенно ясным, что естественный подбор устраняет слишком большое число жертв.

Хотя он действует постоянно на человека, но результаты его достигаются только через длинный срок. Достаточно бросить

беглый взгляд на его действие в животном мире, чтобы составить себе понятие о его медленности.

Известно, что слепые придатки кишек птиц—такие же бесполезные органы, как наши толстые кишки. Они совершенно исчезли у некоторых видов; у других они являются в виде маленьких рудиментов, неспособных ни служить для пищеварения, ни быть резервуарами для остатков его. У некоторых птиц, однако, еще встречаются более или менее развитые слепые придатки.

Помимо своей медленности, естественный подбор претерпевает отклонения еще вследствие вмешательства человеческих искусственных мер. Так, например, червеобразный отросток вреден для нас. Естественный подбор должен приводить к переживанию тех, у кого этот отросток наиболее атрофирован, и к вымиранию тех, у кого он велик, так как у этих последних легко может происходить инфекция его канала вследствие проникновения в него паразитов или посторонних тел. Но сюда вмешивается медицинское искусство. Оно вылечивает воспаление червеобразного отростка или удаляет последний хирургическим путем. И вот потомство излеченного имеет все шансы унаследовать такой же развитой и неправильный червеобразный отросток.

Совершенно ясно, что человек не может предоставить свою судьбу естественному подбору. Как для разведения домашних животных или для культуры растений он изобрел искусственный подбор, точно так же для собственного вида он должен искусственными мерами восстановить гармонию между своими инстинктами и свойствами своего организма. В вопросе, интересующем нас здесь относительно флоры нашего тела, человеческое искусство имеет очень обширное поле действия.

Так как от микробных ядов кишечной флоры главным образом страдают наши благородные элементы, то мы должны стремиться усилить сопротивление последних. В этом отношении очень полезными могут быть специфические вещества, способные увеличить деятельность большинства клеток наших органов.

В течение последних трех лет установлено рядом исследований, что легко приготовить известные яды, большие дозы которых разрушают различные элементы организма. Те же самые яды, или цитотоксины, примененные в малых дозах, наоборот, возбуждают специфические клетки. Удалось уже добыть яды для красных и белых кровяных шариков, для клеток селезенки, печени и нервной системы. Каждый из этих ядов может служить для возбуждения деятельности соответствующих элементов.

Но можно бороться не только против ослабления благородных клеток, необходимых для нашей нормальной жизни, но также против самых микробов нашей флоры. Антисептика вообще, и кишечная в частности, не дали удовлетворительных результатов. Тем не менее не следует бросать этот путь. Должно искать специфические антисептические вещества, которые, может быть, будут в состоянии уничтожать микробов.

Мы видели выше, что личинки моли переваривают бактерии;

пищеварительные ферменты этих личинок могли бы быть употребляемы против вредных микробов нашей флоры.

Я предполагал одно время, что насекомые, питающиеся гниющими веществами, как личинки мухи, навозные жуки, должны выделять в своем кишечнике большое количество бактерицидных ферментов. Но должен признаться, что до сих пор попытки мои найти их не увенчались успехом. Впрочем, это нисколько не мешает продолжать исследования в этом направлении.

Существуют также бактерицидные ферменты, добываемые из серума животных, иммунизированных против определенных бактерий. Таким образом готовят одни серумы, разрушающие холерных микробов, другие—тифозных бацилл, и т. д.

Не все представители нашей флоры еще достаточно известны, но мы уже находимся по дороге к разрешению этого вопроса. Тогда можно будет готовить бактерицидные серумы против всех вредных микробов, населяющих наше тело.

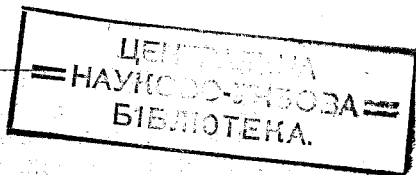
Можно также добывать серумы против известных микробных ядов—против токсина.

Итак, искусство человеческое может широко применять микробиологические методы, чтобы достичь результата, к которому не привел один естественный подбор. Надо надеяться, что эти методы достигнут цели и что не придется прибегать к хирургическому вмешательству.

Все знают, до какой степени необыкновенны успехи хирургии, с тех пор, как Листер, вдохновленный пастеровскими открытиями, вполне преобразил это искусство. Кому могло притти в голову еще несколько лет тому назад, что можно удалить желудок и большую часть толстых и часть тонких кишек? Хирургия еще не сказала своего последнего слова, и именно кишечная хирургия должна быть еще значительно усовершенствована. Так, следовало бы перед операцией впрыскивать в брюшину стерильные жидкости, которые вызывали бы целую армию оборонительных клеток, готовых к борьбе.

Можно будет также употреблять микробицидные и антитоксические серумы, как предохранительные меры против микробов, на случай их внедрения в оперированный организм.

Своими страданиями мы оплачиваем выгоды, которыми пользовались наши предки от присутствия толстых кишек с их богатой флорой. Эта флора—главная причина кратковременности нашей жизни, пресекающейся слишком рано. Сознание человеческое дошло до полного выяснения этого разлада. Наука должна энергично приняться за устранение его. Она, конечно, достигнет этого, и надо надеяться, что только что начавшееся столетие будет свидетелем разрешения этой задачи.

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И МЕДИЦИНА.

Предлагаемая читателю статья есть перевод публичной лекции, прочитанной в конце минувшего октября в Штутгарте, в пользу общества Красного Креста, для устройства больниц в немецких колониях. Она заключает в себе сжатое содержание воззрений, изложенных в двух книгах: „Этюды о природе человека“ и „Этюды оптимизма“, и потому обращается главным образом к читателям, незнакомым с этими сочинениями. В то же время в статью эту внесен ответ на некоторые возражения, сделанные автору с различных сторон.

Выбранное заглавие: „Миросозерцание и медицина“ требует некоторого пояснения. В статье идет речь о миросозерцании по отношению к человеку и человеческой жизни, совершенно обходя вопрос о мироздании с физической точки зрения. Ввиду этого, быть может, следовало бы обозначить статью и речь названием: „Миросозерцание и биология“; но автор предпочел заменить последнее слово словом „медицина“, ввиду того, что с его точки зрения человек, в таком виде, в каком он появился на земле, есть существо ненормальное, больное, подлежащее ведению медицины.

Нечего и говорить, что предлагаемый очерк, несмотря на то, что в его содержание входит немало гипотетического, целиком зиждется на научной почве, вне всякого вмешательства какой бы то ни было метафизики. Нам кажется, что он может отчасти послужить ответом на новые нападения против науки, о которых много писали в последнее время в русских газетах.

Всем известно, что русские мыслители считают человеческую природу вполне совершенной.

„Эмиль“ Ж.-Ж. Руссо начинается следующими словами: „Все хорошо, выходя из рук творца; все испорчено руками человека“.

В настоящее время можно отстаивать как-раз обратное: природа дурно создала человека; только своими руками может он усовершенствовать себя.

Чтобы доказать это, прежде всего необходимо отдать себе отчет в происхождении человеческой природы.

В настоящее время можно считать прочно установленным животное происхождение человека от какой-нибудь породы обезьян,

Вывод этот, высказанный пятьдесят лет тому назад, постепенно пробивал себе все более и более широкую дорогу, несмотря на сильнейшее противодействие.

Очень многозначительным в этом отношении является недавнее празднество в честь Дарвина, имевшее место в Кэмбридже.

Когда Дарвин обнародовал свое учение о происхождении видов—учение, из которого вытекало, что человек произошел от животного существа,—против этого отовсюду поднялись многочисленные голоса.

Кэмбриджский университет, в котором Дарвин был некоторое время студентом, высказался очень отрицательно относительно дарвиновской теории.

В течение десятков лет держалось такое враждебное дарвинизму направление—и только в последнее время наступила перемена.

Несколько месяцев тому назад Кэмбриджский университет призвал ученых со всего мира для чествования Дарвина по поводу столетия со времени его рождения и пятидесятилетия со времени появления его главного труда. Юбилей этот удался самым торжественным образом.

В июне 1909 года собрались в Кэмбридже лучшие научные силы из всех главнейших стран.

Дарвиновская теория происхождения организмов вообще и человеческого в частности была провозглашена прочно установленной.

Отношение Кэмбриджского университета в этом случае имеет большое значение. Но еще важнее все накопившиеся за последние полвека научные открытия, служащие новым доказательством животного происхождения человека.

Во времена Дарвина и его ближайших последователей почти еще ничего не было известно относительно зародышевого развития человекообразных обезьян. С тех пор в этом направлении собраны некоторые драгоценные наблюдения. Они доказывают, что зародыши человекообразных обезьян, а именно гориллы и гиббона, представляют величайшее сходство с человеческим зародышем.

Исследования существенных свойств кровяной жидкости, принятые в последнее время врачами, вполне установили, что человеческая кровь представляет во всех отношениях величайшее сходство с кровью человекообразных обезьян.

Исходя из совершенно другой точки зрения, научная медицина представила новые и очень веские доказательства в пользу животного происхождения рода человеческого.

Пытаясь отыскать средства против разных болезней, нашли, что некоторые заболевания, считавшиеся свойственными исключительно человеку, могут быть привиты и человекообразным, но не другим обезьянам.

Сюда относится, например, сыпной тиф, уносивший в прежние времена много жертв в Германии; в России же он очень распространен и по сие время.

Шарлю Николю, французскому бактериологу в Тунисе, недавно удалось перенести сыпной тиф на шимпанзе, в то время как низшие обезьяны оказались невосприимчивыми к нему. Только переход через шимпанзе дал возможность привить и им сыпной тиф.

То же самое удалось мне недавно доказать и относительно так называемой детской холеры — одной из наиболее распространенных заразных болезней. Обыкновенные обезьяны, даже в детском возрасте, вовсе не восприимчивы к этой болезни; молодых же шимпанзе очень легко заразить ею.

Все эти факты совершенно ясно говорят в пользу настоящего кровного родства между человеком и человекообразными обезьянами.

Но для некоторых ученых эти аргументы кажутся недостаточно убедительными. Они требуют прямых доказательств существования переходных форм между человеком и человекообразными обезьянами. Такие формы отыскать не легко: их скелеты зарыты глубоко в земле, и многие из них, по всей вероятности, находятся в отдаленных странах, в которых едва только начинают искать остатки давно исчезнувших существ.

Подобный пример представляют нам находки проф. Дюбуа на острове Яве некоторых костей переходных форм между человеком и человекообразными обезьянами.

Но и в Европе открыто несколько ископаемых костей, проливающих значительный свет на вопрос переходных форм между человеком и обезьяной.

Уже около сорока лет, как найден знаменитый неандертальский череп, очень схожий с обезьяньим.

Позднее нашли подобный же череп в Спи, в Бельгии.

Некоторые антропологи признали эти черепа за человеческие, но очень сильно приближающиеся к обезьяньим. Однако черепа *Neandertahl'*я и Спи были плохо сохранены, так что при оценке их природы приходилось быть очень осторожным.

Тем интереснее было открытие, впервые сделанное в южной Франции, сравнительно очень хорошо сохранившегося костного остова, найденного погребенным глубоко в гроте около деревни „*Chapelle aux Saints*“.

Кости эти были отправлены в Париж, восстановлены и подробно описаны проф. Булем. Мы имеем здесь дело со старческим скелетом, представляющим несомненное сходство с обезьяной. Череп его вполне соответствует неандертальскому и Спи. Но так как он сохранился гораздо лучше, то и дает несравненно более указаний относительно природы доисторического человека, которому принадлежит.

Достаточно бросить сравнительный взгляд на современный человеческий череп, на череп человекообразной обезьяны и на восстановленный череп из *Chapelle aux Saints*, чтобы тотчас убедиться в том, что последний занимает промежуточное место между двумя первыми.

Нельзя, однако, не признать, что между обоими человеческими

черепами гораздо более сходства, нежели между черепом из Chapelle aux Saints и черепом шимпанзе. Последний значительно более вытянут вперед и представляет гораздо резче животный характер: челюсти его гораздо более выдаются и снабжены сильными зубами. У ископаемого человека южной Франции обе челюсти все же шире и сильнее, нежели у современных людей. Особенно отличается своей величиной нижняя челюсть. Она поразительно сходна в черепе из Chapelle aux Saints с нижней челюстью черепа, найденного близ Гейдельберга и точно описанного Шётензаком.

В общем открытия эти дают право принять, что в доисторические времена в Европе жили люди, составлявшие соединительное звено между современным человеком и ныне живущими человекообразными обезьянами. Некоторые ученые думают, что этот ископаемый человек принадлежит не только к особенной расе, но скорее даже составляет особый вид, который можно обозначить именем *Homo primigenius*.

В то время, как с основания теории происхождения человека от обезьяны общая совокупность найденных фактов говорит в пользу этой теории,—за этот длинный пятидесятилетний период не было сделано ни одного открытия, противоречащего ей.

Поэтому на человека следует смотреть, как на действительно усовершенствованную обезьяну со значительно развившимся черепом и менее развитой лицевой частью.

Для того, чтобы большая голова могла пройти сквозь тазовые кости, человеческий таз должен был стать шире и вообще сильнее развиваться.

К тому же ему пришлось служить опорой для ног при вертикальном положении тела человека.

Эти особенности человеческого организма неизбежно имели большое влияние на всю судьбу человеческую.

Сильное развитие головы и таза привело ко многим неудобствам.

Главные между ними — затруднение деторождения и возможность при этом вывиха бедра у ребенка.

В то время, как у женщины выходение плода требует от $\frac{1}{2}$ часа до $1\frac{1}{4}$ ¹⁾, — у кобылы оно совершается от 4 до 6 и в крайности до 15 минут ²⁾.

Стоит сравнить скорость и легкость деторождения у морской свинки и у женщины, чтобы убедиться в превосходстве первой. И несмотря на это, морская свинка появляется на свет в гораздо более развитом состоянии, чем новорожденное дитя. Последнее рождается несчастным, плачущим и беспомощным. Морская свинка, наоборот, сразу начинает бегать и производит во всех отношениях жизнерадостное впечатление. И в самом деле, новорожденная свинка почти способна вести самостоятельный образ жизни и питаться растительной пищей.

¹⁾ Vernier. Obstétrique journalière, Paris, 1900, p. 174

²⁾ Saint-Cyr. Traité d'obstétrique vétérinaire, Paris, 1893, p. 334.

При этих условиях действительно очень трудно признать человеческую природу совершенной.

После появления человека на свет начинается для него длинный период развития, сопряженный со столькими невзгодами.

Новорожденные животные отличаются от взрослых несравненно меньше, нежели новорожденное дитя — от взрослого человека. Различия эти относятся столько же к телосложению и вообще всему организму, как и к умственным способностям.

Когда молодые животные инстинктивно подражают родителям своим, то это вскоре приводит к достижению целесообразной деятельности.

Так выучивается щенок охотиться за дичью.

Совершенно иное дело у человека, особенно у цивилизованного.

Разница между мальчиком и его отцом несравненно более резкая, чем у млекопитающих. Инстинктивная подражательность, служащая таким отличным воспитательным средством у животных, часто приводит ребенка к очень печальным последствиям. Представим себе только мальчика, желающего подражать своему отцу с ружьем на охоте!

Сколько труда стоит матерям уберечь своих детей от всяких опасных инструментов — ножей, ножниц и т. д.!

Трудность воспитать детей зависит главным образом от чисто органических условий их физического развития.

Период половой зрелости молодых людей наступает задолго до того, как они готовы к супружеской жизни. Всем известно, сколько затруднений приходится преодолевать вследствие этого и какие опасные последствия может повлечь за собой преждевременное половое развитие.

После слишком длинного периода до достижения полной зрелости, для человека наступает значительно преждевременная старость.

Пятидесятилетний человек может только в исключительных случаях получить новую должность. Во многих странах в 60 лет служащие обязаны подавать в отставку.

В Дании всякий пятидесятилетний нуждающийся человек имеет уже право на государственную пенсию. В Австралии на пенсию имеют право в 60 лет. Во Франции главные врачи в больницах или профессора университета в 65 лет считаются уже неспособными выполнять свою должность, если они не члены медицинской академии или академии наук. Генералы французской армии обязаны выходить в отставку в 60—65 лет.

Преждевременно состарившись и сделавшись бесполезным, человек ощущает тем не менее величайшую потребность жить и непреодолимый страх перед угрожающей смертью.

Этот страх смерти — один из главных признаков, отличающих человека от животных, даже наиболее развитых. Все животные инстинктивно избегают смерти, но не сознают этого.

Ребенок, избегающий ее подобным же образом, также не имеет никакого представления о неизбежности смерти. Сознание

этого приобретается только позднее, благодаря необыкновенному умственному развитию человека.

Некоторые ученые стремятся доказать, что смерть есть совершенно естественное явление, несколько не страшное само по себе. Еще недавно датский хирург, профессор Блох, подробно изложил эту мысль в двухтомной монографии о смерти. Он приводит в ней большое число примеров, долженствующих доказать, что многие люди безбоязненно встречают смерть.

Но этому можно противопоставить гораздо большее число примеров того, что человек сильнее всего боится смерти.

Чувство это совершенно инстинктивно присуще человеческой природе и всегда составляло одну из величайших забот человека. Поэтому-то разрешение вопроса о смерти и стало одной из главных задач философии.

Нужно иметь в виду, что человек, как существо животного происхождения, принес уже с собой на свет много отрицательных сторон,—а благодаря своему значительному умственному развитию приобрел и сознание неизбежной смерти.

При таких условиях нечего удивляться тому, что многие мыслители могли утверждать, будто животные гораздо счастливее человека, и поэтому нельзя считать счастье целью человеческой деятельности.

Это мнение многочисленных философов всех времен недавно вновь было высказано знаменитым французским математиком Пуанкаре.

Возможно ли, действительно, смотреть на человека, как на нечто совершенное?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть его несколько глубже.

Человек унаследовал от своих животных предков целый ряд вредных для него свойств.

Так как здесь нам нельзя касаться многих из них, то ограничимся беглым взглядом на человеческие пищеварительные органы. Хотя я и предполагаю, что некоторые из моих читателей уже знакомы с ранее высказанными мною воззрениями, тем не менее я не могу обойти этого вопроса ввиду его выдающегося значения.

Человеческий кишечный канал вполне сходен с кишечником человекообразных обезьян. Но в то время как последние питаются сырой пищей, гораздо выше развитый в умственном отношении человек prepares ее с помощью более или менее усовершенствованного поваренного искусства.

Кроме того, он употребляет вместо дико растущих растений и мяса диких животных, искусственно выращенные фрукты и овощи и мясо домашних животных; такая пища гораздо более удобоварима.

Вследствие всего этого человек мог бы в значительной степени обходиться без столь сильно развитых у обезьян кишек.

И действительно, хирургам хорошо известно, что можно совершенно без вреда для человека вырезать большой кусок его слишком длинных тонких кишек.

В то время как часть наших тонких кишек оказывается лишней, толстые кишки целиком не только бесполезны, но даже вредны для человеческого организма. Они были приобретены нашими предками, млекопитающими, ввиду переваривания растительной пищи, а также как резервуар для неудобоваримых пищевых остатков. Для человеческого организма все это сделалось лишним. Переваривание пищи у него происходит в совершенно достаточной степени уже в тонких кишках; резервуара для непереваренных пищевых остатков ему вовсе не нужно. Поэтому толстые кишки стали для человека не только ненужным балластом, но еще и источником вреда.

Это положение, уже несколько раз высказанное мною, подверглось строгой критике с разных сторон. Тем не менее я более чем когда-нибудь уверен в его справедливости.

Три отдела толстых кишек, пересекающих всю брюшную полость человека, часто так видоизменяют свое положение, что очень затрудняют этим правильный выход своего содержимого.

В некоторых случаях расширение толстых кишек вызывает болезненные явления, представляющие картину так называемой гиршпрунговской болезни. Случается также, что конец толстых кишек слишком удлинён и изгибается в виде петли. При этих условиях содержимое толстых кишек чересчур долго застаивается в них, вызывая множество разных вредных последствий для организма. Врачи часто лечат такие страдания, как нервные, но большею частью безуспешно.

Д-р Лэн, необыкновенно искусный и отважный английский хирург, решился в этих случаях прибегать к операции, вместо продолжительного и нецелесообразного внутреннего лечения. Он удаляет или загнутый отдел, или все, или почти все толстые кишки. При этом он соединяет нижний край тонких кишек с прямой кишкой.

Такая операция, естественно, очень опасна и в настоящее время даёт еще много смертных случаев. Д-р Лэн сделал уже более 50 подобных операций и в начале минувшего года подробно описал 39 случаев.

Он потерял девять больных, что составляет 23%, т.-е. значительную смертность; зато вмешательство его оказало большую пользу остальным 30 пациентам.

Я видел трех оперированных Лэном уже несколько лет тому назад и мог убедиться в том, что здоровье двух из них совершенно удовлетворительно.

Больные эти, которые в течение многих лет страдали невыносимо, после операции точно ожили и стали снова работоспособными.

Система д-ра Лэна, конечно, встретила сильную оппозицию. Противники его, ссылаясь на высокую смертность, осуждают весь метод.

Между тем, следует иметь в виду, что операционная техника может быть усовершенствована, при чем понизится и смертность.

Впрочем, в хирургии уже несколько лет как введено полное

или частичное удаление толстых кишек, или же такое исключение их, при котором они более не могут функционировать.

Факты, собранные д-ром Лэном и другими хирургами, вполне подтверждают мнение, что человек может обходиться без своих толстых кишек, и, следовательно, орган этот бесполезен.

Помимо того, что содержимое толстых кишек часто слишком долго застаивается в них, вызывая этим разные болезни—между прочим, такую ужасную, как рак толстых кишек,—помимо этого, толстые кишки вредны еще вследствие большого скопления в них множества болезнетворных бактерий.

Хотя против этого мнения сделано было много возражений, тем не менее я считаю его вполне обоснованным.

Мы питаем в своих пищеварительных органах, а именно в толстых кишках, чрезвычайно богатую флору микроскопических организмов, представляющих для нас постоянную опасность.

Всем известно, что тотчас после смерти начинается трупное разложение. Оно возникает из кишек и постепенно распространяется на все тело.

Явление это производится бактериями, которые нормально всегда присущи кишечнику каждого человека. В живом организме они не в состоянии возбудить сильного разложения, потому что различные влияния мешают этому. Но всякое болезнетворное явление может вызвать их угрожающую деятельность. Достаточно ущемления грыжи, внедрения одного отдела кишки в другой или иной какой-нибудь причины для того, чтобы произошло воспаление кишек, зависящее именно от деятельности постоянных жильцов их, гнилостных бактерий.

Могут возразить, что при нормальных условиях эти же гнилостные микробы присутствуют совершенно спокойно в наших толстых кишках, не причиняя этим никакого вреда.

Конечно, не подлежит сомнению, что при нормальных условиях кишечное гниение далеко не достигает той степени, как при ущемленной грыже или в трупе. Тем не менее содержимое наших толстых кишек постоянно гниет; это можно вывести уже из того, что почки наши ежедневно выделяют несомненные продукты гниения. Между ними находятся ядовитые вещества, из которых мы упомянем здесь для краткости одни фенолы, т. е. карболовую кислоту или сходные с ней вещества.

Человек ежедневно выделяет через почки около 15 миллиграммов фенолов, что составляет приблизительно половину их количества, образующегося в толстых кишках.

В течение года человеческий организм выделяет приблизительно одиннадцать граммов фенолов. Вещества эти очень ядовиты и отличаются свойством отравлять не только в острой, но и в хронической форме. Смертельная для человека доза фенола очень различна; однако часто маленькая доза, около полуграмма, уже достаточна для того, чтобы вызвать серьезные явления острого отравления.

С тех пор, как карболовая кислота введена в медицинскую практику, наблюдали большое количество причиняемых ею не-

счастливых случаев. Повязки, пропитанные этим веществом, часто оказывались вредными. Утверждают даже, что некоторые хирурги, употреблявшие слишком большое количество карболовой кислоты во время операций, сами хронически отравлялись и проявляли признаки маразма. Некоторые даже умирали от последствий этого. Такие наблюдения вызвали значительное уменьшение применения карболовой кислоты в хирургии.

Организм защищается от фенолов тем, что связывает их серой, делая их менее ядовитыми.

Но даже и эти сернокислые фенолы не безобидны, так как хотя постоянно выделяются, но постоянно и возобновляются, следовательно, почти всю жизнь вращаются в человеческой крови.

Вполне доказано, что фенолы производятся не самими организмами, но микробами, живущими в кишечнике, преимущественно в толстых кишках.

Некоторые исследователи думали, что наши органы могут сами производить фенолы; но с этим нельзя согласиться.

Помимо многих научных доказательств, я сошлюсь только на один новый факт, недавно констатированный в моей лаборатории.

Большие индийские летучие мыши (*Pteropus*) живут, как птицы, в том отношении, что совершают длинные полеты. Тело их приспособлено к летающему образу жизни, и поэтому они должны весить как можно меньше.

Их толстые кишки очень слабо развиты и никогда не нагружены пищевыми остатками, выбрасываемыми необыкновенно часто. При таких условиях у этих летучих мышей, так сказать, вовсе нет бактериальной флоры в кишечнике: число микроорганизмов в нем поразительно ничтожно. В связи с этим у них не образуется фенолов; их выделения не включают никаких следов последних.

Это наблюдение доказывает, что толстые кишки—лишний орган, далее, что кишечная флора бесполезна, и особенно, что феноловые яды производятся бактериями, а не животным организмом.

Разобранные здесь данные послужат, между прочим, и для того, чтобы ответить на некоторые сделанные мне возражения.

Известный боннский патолог, проф. Рибберт, недавно сильно напал на мою теорию старости.

Он считает неправдоподобным мое мнение о том, что в этом явлении значительную роль играют ядовитые вещества кишечных бактерий.

Рибберт думает, что совершенно неосновательно признавать, будто „нормальный кишечный канал всасывает яды из нормального содержимого, т.е. из содержимого, вполне соответствующего условиям существования данного вида“.

Между тем вполне доказано как то, что кишечные бактерии постоянно выделяют фенолы, так и то, что стенки кишек нормально всасывают их.

Неосновательно, наоборот, признавать гармонию между содержимым кишечника и здоровьем человека. В этом содержимом

находят у многих людей, именно у живущих негигиенично, множество внутренностных червей, способных вызывать опасные болезни. Существо дела не меняется от того, что это находится в связи с образом жизни человека. Вывод этот должен быть распространен и на вредных кишечных бактерий.

Более чистоплотный образ жизни может устранить паразитов. Применение гигиенических мер должно устранить из кишек бактерии, выделяющие в них яды.

Высказанное Риббертом мнение, будто человеческий организм вообще вполне приспособлен к условиям своей жизни — несомнительно.

Мы уже видели, что со дня рождения человек страдает от разных несовершенств своей природы. Главную причину человеческих горестей составляет то обстоятельство, что развитие его требует очень длинного периода времени, в то время как жизнь его слишком коротка вследствие хронического отравления.

Животная сторона человека, т.-е. организация, приспособленная для животных отправления, находится в постоянном противоречии с чисто человеческой стороной, т.-е. с его высоким духовным развитием и требованиями.

Наследие, полученное от животных, мешает человеку достигнуть своей жизненной цели.

Поэты, одаренные тонким чутьем, давно подметили, что человек страстно стремится к особенной цели; но они не могли точно определить, в чем она заключается.

Это неопределенное стремление можно сравнить с неясными порывами молодой девушки, которая чувствует себя несчастной, но не в состоянии отдать себе отчет в причине этого чувства. Она становится нервной, неровной, грустит, чувствует себя не по себе. Она часто вздыхает и плачет без всякой видимой причины. Иногда у нее развивается склонность к одиночеству и религиозным мечтаниям или к преувеличенным выражениям любви и дружбы. Общая картина этих чувств, поразительно изображенная некоторыми писателями, есть не что иное, как предвестник половой зрелости.

Период этот иногда очень продолжителен и бывает сопряжен со многими невзгодами. У животных он далеко не так длинен и серьезен. К счастью, у человека, в значительном большинстве случаев, он проходит и ведет к правильному супружеству и материнству. Тогда женщина чувствует себя уравновешенной и дает себе ясный отчет, в чем собственно заключается цель ее жизни.

Когда Анна Каренина Толстого, несчастная в супружестве, думала о своем сыне, то она успокаивалась мыслью, что у нее есть цель жизни.

К несчастью, много женщин не достигают этой цели; тогда они часто становятся несчастными, мрачными и считают свою жизнь разбитой.

Подобно тому, как молодая девушка не имеет представления о той цели, к которой она так страстно стремится, так и люди не сознают цели, к которой стремятся, и не знают, в чем она

заключается. Однако же потребность отдать себе в этом отчет чувствуется очень глубоко и вызвала на свет множество философских и религиозных теорий. При этом главным образом речь идет о том, что жизнь наша слишком коротка и что вследствие этого цель нашего существования не может быть достигнута. Главную задачу религиозных и философских учений составляет вопрос о смерти. Первые утверждают, что земная жизнь продолжается и после смерти, и что поэтому человек должен постоянно готовиться к будущей жизни. Философы, не признающие бессмертия, доказывают, что человек составляет частицу метафизического целого, и что его жизненная задача заключается, поэтому, в деятельности, направленной в виду этого целого. Это не раз уже высказанное воззрение было вновь развито в последние годы выдающимся врачом и мыслителем, Павлом Мёбиусом, к несчастью преждевременно умершим.

Хотя Мёбиус признает, что „главная цель человека — его бытие“, тем не менее он не думает, что мы существуем на свете для своего удовольствия. „Для чего же другого?“ — спрашивает он себя. И приходит к тому заключению, что „посредством нашей жизни преследуются известные цели“ и что „наша жизнь может служить средством для высших целей“. Мёбиус думает, что утешительно иметь возможность сказать себе: „мы служим для чего-то высшего, хотя и не знаем, каким образом... Если мы включены в крупное целое, то мы имеем право надеяться“.

Такое заключение требует признания факторов, стоящих над человеком и регулирующих нашу жизнь совершенно неведомым нам путем. Это приводит нас, следовательно, к метафизике, с которой наука не может иметь ничего общего.

Но обстоит ли дело действительно так безнадежно, что нельзя постигнуть смысл человеческой жизни без признания каких-то сил, недоступных нашему разуму? Подойдя ближе к этому вопросу, мы видим, что искание особенной цели жизни представляется различным в разные возрасты. Мы уже видели пример матери, воспитывающей ребенка, которая находит именно в этом цель своего существования. Затем люди, особенно жившие долго, не задаются более вопросом, к чему живет человек на свете. Причина этого заключается в полном развитии чувства жизни, т. е. инстинктивного стремления жить, с которым одновременно связан сильнейший страх смерти. В основе этого лежит нечто чисто физиологическое.

Наши чувства развиваются медленно, так как вообще наша психическая жизнь требует продолжительного времени для полного своего развития. Так, например, эстетическое чувство развивается сравнительно поздно. Дети не испытывают удовольствия от вида красивой природы. Я поясню это характерным примером. Один мой приятель родился в отдаленном городе, где и провел свое детство. Уже взрослым посетил он свою родину. Он помнил в точности местоположение кондитерской и других лавок, где покупались вкусные вещи, но не имел никакого представления о красоте страны, в которой провел свое детство.

Так как чувство жизни состоит из целого ряда других чувств, куда относится и чувство красоты, то понятно, что для развития его требуется длинный период времени.

Одна давно тяжело больная старушка высказала мне свое желание пожить еще некоторое время следующими словами: „Ах, когда бы дожить мне еще до одной весны, чтобы полюбоваться деревьями в цвету! Вы не можете себе представить, какое удовольствие я испытываю при виде солнечного сияния!“.

Еще другим примером можно пояснить медленность развития наших чувств.

С самого раннего детства проявляют мальчики склонность к борьбе. Признак этот был выработан у человека как средство для овладения женщиной. А между тем мальчики не только не сознают этой цели, но, напротив, обнаруживают величайшее презрение к женскому полу. С возрастом это отношение меняется, и вскоре юноша начинает ощущать совершенно особенное уважение к женщине.

Между чувствами, поразительно изменяющимися с возрастом, можно назвать чувство времени.

Всякому известно, как необыкновенно различно воспринимается время в детстве и в позднейшем возрасте.

В то время как для ребенка или юноши год кажется очень длинным периодом, старики считают его очень коротким.

При этих условиях легко понять, что чувство жизни и тесно связанный с ним страх смерти развиваются медленно и ощущаются значительно сильнее в старости, чем в молодости.

Вследствие развития чувства жизни, пожилой человек менее озабочен целью ее, так как он сознает, что жизнь уже сама по себе является в значительной степени этой целью.

Но так как любовь к жизни не утолена даже и в преклонные годы, то человек ощущает чувство неудовлетворенности, и мысль о предстоящей смерти особенно пугает его.

Так как в старости быстро уходящая жизнь кажется слишком краткой, то задача о конце ее выступает на первый план.

С незапамятных времен старалось человечество найти ответ на этот вопрос.

Большинство людей думало, и многие думают еще и теперь, что смерть не есть настоящий конец жизни и что после смерти наступает другая, вечная жизнь.

Вера в бессмертие одной души или души и тела укоренилась очень глубоко. Часто утверждают, что вера эта способна вполне победить чувство страха смерти, наилучшим образом разрешая поставленную задачу. Но это можно признать только в ограниченном числе случаев.

Высокообразованные люди, несмотря на глубочайшую веру, тем не менее ощущают сильнейший страх перед смертью. Относительно этого я могу прибавить еще один новый пример ко многим уже известным.

Дело касается одного старого, очень интеллигентного священника, искренняя вера и нравственная чистота которого стоят вне

всякого сомнения. Происходя из богатой и аристократической семьи, он, еще в юности, посвятил себя богословию. Раздав все свое состояние бедным, он поступил в монастырь и пробыл в нем до своей недавней кончины. Близко знавшие его люди единогласно утверждают, что сношения с ним имели на них необыкновенно возвышающее влияние. В 74 года он тяжело заболел. Несмотря на то, что он ежедневно исповедывался, страх смерти очевидно сильно преследовал его. Он надеялся, что врачи вылечат его и с напряжением ждал их мнения. Понятно, что последние должны были скрывать правду. В его присутствии надо было избегать говорить как о смерти вообще, так и о кончине его знакомых.

Такой сильный страх смерти не представляет ничего удивительного, так как вера в будущую жизнь прививается воспитанием, в то время как страх смерти вполне инстинктивен. По той же причине легко предвидеть, что и философские системы, с их признанием некоего физического целого, которому должна быть подчинена и принесена в жертву человеческая жизнь, не могут иметь большого успеха.

Поэтому не остается ничего другого как обратиться к науке с вопросом: не может ли она выяснить великую задачу жизни человеческой? Она не в состоянии окончательно разрешить эту задачу. Но она может указать пути, идя по которым в будущем можно будет найти успокоительный ответ.

Жизнь человека слишком коротка для полного достижения жизненной цели, именно вследствие того, что его психическое развитие требует слишком длинного периода времени.

Краткость же его жизни находится в зависимости от его животного происхождения.

Органы и устройство их, необходимые для животного, стали ненужными для несравненно более высоко развитого в умственном отношении человека. Наука должна по возможности устранить это зло, что может быть достигнуто систематическим выполнением правил гигиены.

Таким образом можно будет продлить жизнь до наступления настоящей, естественной смерти.

С этой целью особенно полезно устранять бактериальные яды, проникающие из кишек, хронически отравляющие организм и тем сокращающие жизнь.

Весьма вероятно, что естественная смерть также сводится к отравлению—только не чуждыми организму бактериями, а самими элементами нашего тела.

Как известно, некоторые органы вырабатывают очень ядовитые вещества, например, адреналин, выделяемый надпочечными железами. Одна десятая миллиграмма его достаточна, чтобы убить человека.

У человека существует железа, свойственная одному мужскому полу, которая также выделяет ядовитый сок.

Надо заметить, что последний служит для возбуждения особых приятных ощущений.

Некоторые данные позволяют предполагать, что естественная смерть также сопровождается приятными ощущениями.

В этом вероятно играют роль именно яды, вызывающие их.

В природе встречается много подобных ядов, но наиболее известные из них—не животного, а растительного происхождения.

Таков яд мака—опиум и его производные и гашиш. Затем продукты микроскопических растений—дрожжей: именно спирт. Веселящее влияние его привело к одному из величайших бедствий человечества.

Мысль, что естественная смерть должна сопровождаться необыкновенно приятными ощущениями, хотя и гипотетична, тем не менее не лишена некоторого основания. Описано несколько примеров случайной смерти, связанной с необыкновенно приятными ощущениями. Такие примеры представляют люди тонувшие или пораженные молнией, люди, которые были близки от смерти, но спаслись.

Существуют еще и другие факты, указывающие на связь между смертью и радостными чувствами.

Известно, что очень большая радость может вызвать смерть.

В разные времена приводят достоверные рассказы о подобных случаях.

Не знаю, можно ли отнести к этой категории смерть папы Льва X, умершего, будто бы, от радости при вести о покорении Милана.

В новейшей медицинской литературе приводится пример одной дамы, ожидавшей свою дочь на вокзале. Там узнает она, что произошло столкновение поездов и что несколько человек погибло. Увидя свою дочь невредимой, она от волнения падает в обморок и умирает через 12 часов.

Гораздо обстоятельнее отчет недавно умершего в Париже д-ра Фере относительно одного его пациента, который хотя и не умер от радости, но очень серьезно заболел от нее. Получив крайне радостную для него весть, он стал быстро ходить по комнате и впал в странное состояние опьянения. Он вдруг стал дрожать всем телом и упал, затем уснул и спал без просыпа в течение 19-ти часов и оправился только через пять дней. Здесь мы имеем дело с болезнью, которая могла бы быть смертельной. Ее сходство с бредом алкоголиков (о котором в данном случае не могло быть и речи) так поразительно, что приходится допустить здесь род отравления. Только яд происходит не от дрожжей, а от самого человеческого организма.

По нашей гипотезе, человек обладает неопределенным предчувствием естественной смерти, к которой он страстно стремится, как к настоящей жизненной цели. Достигается же последняя только в исключительных случаях, встречая препятствие в краткости жизни. Вместо того, чтобы рациональным образом жизни подготавливать радостное чувство естественной смерти, человек в своем несчастии ищет опьянения растительными ядами—спиртом, табаком, опиумом и т. п.

Точная наука еще не в состоянии доказать эту гипотезу, она

не может обещать человеку вечную жизнь как в виде бессмертия души, так и тела.

С другой стороны, наука не может утешать человека признанием того, что он составляет одно с метафизическим целым, хотя бы уже потому, что метафизика стоит вне нашего понимания. Поэтому нас нисколько не трогает сознание того, что мы составляем как бы частицу неизвестного целого.

Если наука не имеет еще уверенности в том, что идеально-нормальный цикл развития человека неизбежно должен привести к ощущению величайшей радости и к развитию страстного желания естественной смерти, то она может, по крайней мере, обещать, что нормальное развитие человека должно привести к счастливой старости.

Постепенно развивающееся чувство жизни будет при этом удовлетворено, так что в глубокой старости наступит известного рода пресыщение, которое, помимо веры, уничтожит страх смерти.

Для достижения этой цели наука уже собрала множество данных. Она знает, что можно предохранить себя от большинства инфекционных болезней и отравлений.

Она также не беспомощна относительно вреда, постоянно истекающего от кишечника и грозящего нормальному циклу нашей жизни.

Многое уже достигнуто на этом пути, но еще больше усовершенствований предстоит впереди.

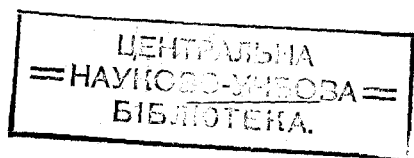
Экспериментальная медицина в настоящее время так развита, что следует возлагать величайшие надежды на ее успехи.

В общем, нельзя отрицать, что природа наша, вследствие своего животного происхождения, включает много несовершенств.

Однако человек, благодаря своей высокой культуре, в состоянии подготовить себе счастливое существование и бесстрашный конец.

Итак, я могу заключить, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее из рук творца, далеко не во всех отношениях совершенно и что оно также далеко не портится в руках человеческих.

Напротив, человек при помощи науки в состоянии исправлять несовершенства своей природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	2
Предисловие ко 2-му изданию.	4
Вступление.	17
Воспитание с антропологической точки зрения.	37
Возраст вступления в брак.	59
Вступительное слово председателя съезда.	187
О целебных силах организма.	191
Закон жизни.	200
Современное состояние вопроса о старческой атрофии.	227
Флора нашего тела	245
Миросозерцание и медицина.	266